

ISSN 2410-0765

Научный журнал

**ИЗ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ**

Academic Journal

**FROM HISTORY AND CULTURE OF PEOPLES
OF THE MIDDLE VOLGA REGION**

2018. №8. Т.1.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Институт истории
им. Ш. Марджани Академии
наук Республики Татарстан

Свидетельство о регистрации
СМИ ПИ № ФС77–64142
от 25 декабря 2015 г. выдано
Роскомнадзором

Выходит 2 раз в год

Адрес редакции:

420111, г. Казань, ул. Батурина, 7
Тел./факс (843) 292 84 82
(приемная), 292 19 15

FOUNDER:

Sh. Marjani Institute of History
of Tatarstan Academy
of Sciences

Certificate of registration of
the Mass Media ПИ № ФС77–64142
received from Roskomnadzor
on December 25, 2015

Published two a year

Editorial Office Address:

420111, Kazan, Baturin Str., 7
Tel./Fax (843) 292 84 82
(reception), 292 19 15

E-mail: istkazan@mail.ru

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
The Research Annual is included in the Russian Science Citation Index Database.
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=52839

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ», 2018

© Отдел новой истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018

© «Из истории и культуры народов Среднего Поволжья», 2018

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: **Загидуллин Ильдус Котдусович**, д.и.н., заведующий отделом новой истории, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Научный редактор выпуска: **Ахтямова Алсу Вазиховна**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Ответственный секретарь выпуска, редактор татарских текстов: **Файзрахманов Ильшат Завдатович**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Редактор английских текстов: **Арсланова Алсу Айратовна**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Рафаиль Хакимов, д.и.н., директор, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, вице-президент АН РТ, академик АН РТ, председатель редакционной коллегии (Казань, Российская Федерация)

Ананий Иванов, д.и.н., заведующий кафедрой отечественной истории, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола, Российская Федерация)

Вадим Трепавлов, д.и.н., руководитель Центра истории народов России и межнациональных отношений, Институт российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Галина Никитина, д.и.н., ведущий научный сотрудник отдела исторических исследований, Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН (Ижевск, Российская Федерация)

Гаяз Самигулов, к.и.н., старший научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университета (Челябинск, Российская Федерация)

Геннадий Николаев, к.и.н., зам. директора по науке, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (Чебоксары, Российская Федерация)

Иштван Вашари (István Vásáry), Dr.Sci. (история), профессор, Университет им. Этвеша Лоранда – Eötvös Loránd University (Будапешт, Венгрия)

Михаэль Кемпер (Michael Kemper), Dr.Sci. (история), профессор, Университет Амстердама – University of Amsterdam (Амстердам, Голландия)

Олег Марискин, д.и.н., профессор, Саранский государственный университет им. Н.П. Огарева (Саранск, Российская Федерация)

Петр Кабытов, д.и.н., заведующий кафедрой российской истории социально-гуманитарного института, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева (Самара, Российская Федерация)

Пол Верт (Paul W. Werth), Ph.D. (история), профессор, декан исторического факультета, Университет Невады – University of Nevada, Las Vegas (UNLV) (Лас Вегас, США)

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Общественные институты

Загидуллин И.К. Р.Фахретдин о роли религиозно-культурных институтов в общественном развитии татар-мусульман (проект 1905 г.).....	5
Имашева М.М. Астраханская Татарская управа и ее судьи (1800–1879 гг.).....	28
Ахтямова А.В. Вопросы школьного образования татар-мусульман на Первом Всероссийском съезде по народному образованию 1913–1914 гг.	40

История общественной мысли

Закиров А.А. Практико-ориентированный рационализм Г.Буби (1871–1922).....	49
Заһидуллина Д.Ф. Г.Исхакыйның әдәби ижаты: милләтне үстерү-үзгәртү юлын эзләү	57
Гильмутдинов Д.Р. Газета «Тормыш» (1913–1918) как артефакт дореволюционного социального сознания российских мусульман.....	67

Личность в микро- и макроистории

Пилипчук Я.В. Был ли Ягайло союзником Мамай?	82
Масагутов Р.Ф. Родословная Рамеевых XVIII в.	93
Вильданова Р.К. Закир Кадыри в истории татарского народа начала XX в.....	102

Социально-экономическая история

Кореева Н.А. «Обязуюсь находиться у него в услужении в должности приказчика»: оформление трудовых отношений между купцами и приказчиками в первой половине XIX в. (по материалам Казанской губернии)	115
Роднов М.И. Казань и уфимское дворянство (XIX – начало XX в.)	134

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА «Социально-экономическая история татар Нового времени» (г.Казань, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 6 июня 2018 г.)	141
---	-----

Публикация источника

Мустафина Д.А. Отражение агрессивного социального поведения крестьян Свяжского Успенье-Богородицкого монастыря в грамоте 1684 г.	159
--	-----

Новые книги, рецензии

Загидуллин И.К. Рецензия на книгу: Логинов А.В. Евразия и ислам. Евразийский вектор: мусульманская религиозная и общественно-политическая мысль о цивилизационном единстве России-Евразии. М.: Большая Российская энциклопедия, 2017. 343 с.	186
Загидуллин И.К. Рецензия на книгу: 100-летие образования Татарской АССР. Сборник документов и материалов: в 3 т. Авт.-сост. З.С. Миннуллин. Казань: Заман, 2017. Т. 1. 520 с.	193

Память

Хузин Ф.Ш. Основатель казанской школы археологии (к 130-летию со дня рождения Н.Ф. Калинина)	200
Синицын О.В. Он родился историком и учителем: к 95-летию со дня рождения Николая Петровича Мунькова (1923–2002)	211

Научная жизнь

Аминов Р.Р. Международная научно-практическая конференция «Девятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен»	219
Аминов Р.Р. Межрегиональная научно-практическая конференция «История села – история России. Роль ислама в сохранении духовности татарского народа»	223
Егоров Д.В. Всероссийская научная конференция с международным участием «Проблемы просвещения, истории и культуры сквозь призму этнического многообразия России (к 170-летию со дня рождения чувашского просветителя И.Я. Яковлева)»	226
Хайрутдинов А.Г. Международная конференция «Болгарские чтения: Богословское наследие мусульманских народов России»	231
Загидуллин И.К. Научный семинар «Новые источники по истории татар Нового времени»	237
Список сокращений.....	239

СТАТЬИ

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ

УДК 94(47)

И.К. Загидуллин

Р.Фахретдин о роли религиозно-культурных институтов в общественном развитии татар-мусульман (проект 1905 г.)

Публикация посвящена анализу проекта казья Р. Фахретдина по реформированию управления духовными делами мусульман, вынесенного на обсуждение состоявшегося в г.Уфе 10–15 апреля 1905 г. совещания улемов. Его проект стал основой для составления итогового документа курултая. Рассматриваются основные положения разделов проекта устава Оренбургского магометанского духовного собрания. В статье подчеркиваются новые идеи автора по модернизации мусульманского сообщества, в которой важная роль отводилась обновляемой системе управления и реформированию исламских институтов, в том числе образовательных учреждений.

Ключевые слова: Уфимский курултай 1905 г., Ризаэтдин Фахретдин, проект устава ОМДС, реформа управления духовными делами мусульман, модернизация.

10–15 апреля 1905 г. в г.Уфе, в Оренбургском магометанском духовном собрании (ОМДС), с дозволения премьер-министра С.Ю. Витте состоялось совещание улемов, на котором был разработан проект нового устава религиозного управления. На курултае был озвучен проект Р.Фахретдина, служившего с 1891 г. казыем. Именно его текст был взят в основу для составления итогового документа курултая. Это было закономерно, потому что за время службы Р.Фахретдин стал ведущим заседателем ОМДС, как последняя инстанция, проверял исходящие письма религиозного управления и первым их подписывал, специализировался на разработке предписаний, правил и нормативных актов, имеющих отношение к должностным обязанностям приходского духовенства, вакуфам, составил сборник действовавших в предыдущие десятилетия циркуляров ОМДС (Загидуллин, 2009, с.146–153; Байбулатова, 2013, с.42–54).

Согласно М.Бигиеву, готовясь к курултаю, Р.Фахретдин разработал четыре варианта проекта (Жарулла, 1917, б. 74). В действительности по указанию муфтия М.Султанова свой первый проект он составил в год вступления на должность казья. Поскольку на рубеже столетий в стенах ОМДС этот вопрос неоднократно поднимался, все вновь прибывшие казьи не только представляли муфти свою проект, но и постоянно обсуждали эту тему (Габэши, 2015, б.133).

Проект Р.Фахретдина рассматривали в своих трудах А.Ю.Хабутдинов (Хабутдинов, 2010, с.163–174) и Л.Ф.Байбулатова (Байбулатова, 2015, с. 35–40), в данной статье этот документ впервые подвергается комплексному анализу.

В книге М.Бигиева «Исляхат эсаслары» проект Р.Фахретдина представлен в целом из 111 пунктов. Концептуально текст состоит из двух частей. Пункты первой части под названием «Читателям» (Укучыларга), которая выполняет функцию «пояснительной записки», чтобы не перепутать с последующим материалом, автор обозначил цифрами арабского алфавита (Жарулла, 1917, б. 53–59). Как известно, нормативный, правовой, документ не предполагает обращения к читателям. Согласно М.Бигиеву, после совещания казый обновил текст, внесенный на обсуждение, с учетом озвученных участниками курултая некоторых замечаний. Именно этот вариант опубликовал М.Бигиев.

Как справедливо отмечает Л.Ф. Байбулатова, «Ризаэтдин Фахретдин составил этот проект в результате своих наблюдений за жизнью народа и его нравственностью, то есть таким образом своим проектом реформирования Духовного собрания он хотел напомнить, что настоящее состояние ОМДС, его деятельность, статус не обеспечивают того образа жизни российских мусульман, какого требует того религия, то есть из жизни мусульман пропадает духовность, религиозность, что является причиной возникновения смуты и разобщения. Для положительных изменений в мусульманском обществе он предлагает изменить и структуру ОМДС, и его правила, основанные на законе и основах шариата» (Байбулатова, 2015, с.37).

Предварительные замечания казый к основному тексту. Первая часть документа, где автор выражает свое отношение к духовному состоянию мусульманского сообщества, религиозному управлению и исламским институтам, была составлена под впечатлением обсуждения проекта на курултае и развернувшихся дискуссий по отдельным его положениям. Она представляет собой уникальный источник, позволяющий реконструировать отношение Р.Фахретдина к ключевым вопросам общественного развития мусульманского сообщества округа ОМДС периода модернизации. Строго придерживаясь темы нашего исследования, рассмотрим, прежде всего, те положения, имеющие отношение к самому проекту.

Главным лейтмотивом своей законотворческой деятельности Р.Фахретдин назвал стремление воспользоваться предоставленной историей благоприятным моментом для реализации реформы во благо народа (Жарулла, 1917, б. 59). Успех в обновлении социокультурной жизни мусульманского сообщества Р.Фахретдин прежде всего связывает с реформой управления духовными делами единоверцев, в реализации которой главную ответственность возлагает на мусульман. Одновременно констатирует необходимость взаимодействия с российским правительством, без договоренности с которым невозможно юридически закрепить в уставе

ОМДС идеи реформы, и без материальной поддержки которого трудно их претворить в жизнь. Однако основную проблему в реформировании Р.Фахретдин видел не в людях, а в отсутствии «правильного пути» (тугры юл). При его отсутствии даже самый талантливый и правильный человек собьется с верного пути, писал казый. (Там же, б. 54). По мнению Л.Ф. Байбулатовой, под «правильным путем» Р.Фахретдин подразумевал необходимость возвращения к «чистому» исламу, исламу эпохи пророка Мухаммада (*Байбулатова, 2015, с.37*).

Еще одним обязательным условием успешности будущих реформ автор считает необходимость пересмотреть книги по фикху, по которым в Собрании решаются судебные дела, а также реформировать вопросы шариата, уточняя, что лишь малая часть улемов понимает эту истину, потому мало людей, способных на великие дела. Казый убежден, что наведение порядка в Духовном собрании и его обновление не дадут ожидаемого результата без реформы правовой системы мусульман (*Жарулла, 1917, б.53*).

Путь достижения религиозных, национальных и общественных прав для единоверцев автор определил как путь «золотой середины», выбрав нечто срединное между двумя правилами: «Если много спросишь, дадут немного» и «Если просишь много, можешь растерять то, что имеешь» (Там же, б.54). Иначе говоря, Р.Фахретдин стремился разработать положения, соответствующие положению дел у мусульман и одновременно учитывающие внутривосточный курс правительства. Скажем, несмотря на то, что казый не решил для себя, какой механизм определения кандидатов на должности муфтия и казыев является оптимальным, высказался в пользу пожизненного их выбора. Пожизненный срок установил, опасаясь сложностей в организации и финансировании систематических выборных кампаний, самое главное, – опасаясь угрозы склок и борьбы между собой групп мусульман и претендентов на эту высокую должность. Оригинальностью по сравнению с господствовавшим общественным мнением выделяется его взгляд на критерии избрания кандидата на должность муфтия. По этому поводу он, прежде всего, уточняет, что в современных условиях муфтий призван быть посредником между властью и мусульманским обществом (миллэт), будучи легитимным представителем народа. Понимая, что в современной жизни трудно найти кандидата, одинаково хорошо знающего и исламское учение, и светские науки, он отдает предпочтение кандидату со светским образованием, хорошо знающему российские законы и делопроизводство (Там же, б.54–55).

Фахретдин счел необходимым уточнить еще один принципиальный вопрос, а именно – причины расширения территории округа ОМДС. В революционном 1905 году Р.Фахретдин считал эту реформу вполне реализуемой (Там же, б. 55). Пояснения казья дают исчерпывающий ответ о причинах такой инициативы. В случае присоединения 4,1 млн казахов (данные 1897 г.) – самой крупной тюркской группы населения на территории Российской империи – с учетом нынешней численности мусульман округа

ОМДС (около 4,8 млн чел.) (Россия..., 2002, с.89) произошло бы почти двукратное увеличение численности единоверцев, открывавшее новые перспективы и возможности на пути консолидации тюркских народов Российской империи. В этой связи еще одной важной причиной выгодности объединения была названа возможность улучшения экономического положения религиозного управления¹ вследствие присоединения многочисленного казахского миллета (*Жарулла*, 1917, б. 58). После укрупнения округа Р.Фахретдин рассчитывал получать от казны на управление духовными делами 1 млн руб. в год, что позволило бы, по его мнению, покрыть все расходы религиозных управлений. Казый считал, что в случае согласия казахов войти в состав округа с непременным условием предоставления им право выдвигать своих кандидатов на должность муфтия, этот акт стал бы взаимовыгодным мероприятием для обеих сторон. От такого объединения больше всех выгоды получим мы, не сдержавшись, откровенничал Р.Фахретдин (Там же, б. 55). Важно отметить, что с момента учреждения Духовного собрания в 1789 г. и до 1868 г. казахи входили в его округ. По сути, предложение Р.Фахретдина означало возвращение к прежней модели сотрудничества с мусульманами-кочевниками в новых общественно-политических условиях и призвано решать уже более широкие задачи консолидации.

Еще более принципиальным новшеством следует назвать введение института «Махкеме-шаргия-ахуния» – Суда (правления) окружных ахунов, вместо рекомендованного муфтием М.Султановым института медресиса, согласно положению «Об управлении Закавказского Мусульманского духовенства Суннитского учения» от 5 апреля 1872 г. Поясняя суть института среднего звена управления духовными делами мусульман, Р.Фахретдин признавался, что первоначально (вслед за муфтием М.Султановым. – *И.З.*) склонялся к модели медресисов, действовавших в каждой губернии. Главной причиной отказа от него казый указал опасность усиления центробежных сил – появления движения разделения территории округа ОМДС по отдельным губерниям и областям. По его мнению, каждый округ ахунского правления должен был объединять в среднем по 100 приходов. Р.Фахретдин опасался, что институт медресисов вызовет непременные возражения мулл своей новизной. Как известно, институт ахуна и ранее существовал в округе ОМДС и продолжал успешно функционировать в ряде отдаленных от Уфы областях империи, однако не был зафиксирован на законодательном уровне, поэтому руководством ОМДС не удалось его закрепить официально. Теперь же учреждение института ахунства в новом обличье с четкой регламентацией его компетенции превращало его в председателя правления окружного управления со

---

¹ Позволит существенно увеличить ассигнования правительства на содержание религиозного управления (до 1 млн руб.), решив все его финансовые проблемы (*Жарулла*, 1917, б.57–58).

своим аппаратом. Наконец, немаловажной, а может быть одной из главных, мотивацией послужили произведенные Р.Фахретдином расчеты об объемах содержания обоих институтов. Согласно его подсчетам, в среднем для губернского медресе требовалось в 4 раза больше средств, чем на расходы управления ахуна (без учета расходов на мектебе)².

Казый пояснял еще одно свое нововведение, имевшее системный характер. По его убеждению, проведение экзамена у кандидатов на духовные должности должно стать прямой обязанностью преподавателей учебных заведений (мударрисов и мугаллимов); система, сложившаяся у культурных наций (мәдәни милләтләр), теперь должна была восторжествовать и у мусульман (Там же, б.56). При этом автор не имел в виду систему назначения христианских священнослужителей, а писал, подразумевая передовые европейские народы. Именно порочной системой экзаменов в стенах ОМДС³ Фахретдин объясняет получение самыми плохими и нелицеприятными личностями духовных званий и высоких должностей по «внешним данным», тогда как подготовленные для служения в приходе кандидаты из числа ученых, высоконравственных и честных лиц, оставались на стороне. Желая подчеркнуть системный характер этого пагубного явления, автор вспоминает 1885–1886 гг., когда в ОМДС царил порядок и казьями служили «совершенные личности»⁴. Несмотря на проведение испытаний самыми достойными учеными-экзаменаторами, и в эти годы самые малограмотные кандидаты получали духовные звания мухтасиба и мударриса. Поэтому если даже казьи будут избираться, а сохранится прежняя система испытаний, то Собрание станет местом продажности, с горечью отмечал Фахретдин (Там же, б. 56–57).

Концептуальными и прорывными являются идеи Р.Фахретдина о перспективах развития ОМДС. Сосредоточение и курирование в религиозном

---

² По подсчетам Фахретдина, учреждение института окружных ахунов (в среднем по 100 приходов и с минимальным составом членов) обойдется несколько раз дешевле, чем содержание медресе: первые – в среднем 10900 руб. в год, а вторые – в 27100 руб. (Там же, б. 55).

³ После нахождения 15–20 лет в медресе, пишет казый, на экзамен для часового унижения соискатели приезжают в город Уфа из дальних окраин, из Семипалатинска, Алтая. Такое испытание вредно и для религиозного управления, и для шакирдов, и для имамов. Из-за экзаменов, на которые тратится немало драгоценного времени казыев, в ОМДС вынуждены переносить рассмотрение вопросов, связанных с семейно-брачными отношениями и родословными делами. За один час экзамена невозможно выявить характер, нравственные качества, уровень знаний, отношение кандидата к будущим служебным обязанностям, определить его коммуникативные и организаторские способности (Там же, б. 56).

⁴ В этот период исполняющим обязанности муфтия был мулла казанской Усмановской мечети Мухамадей Салихов, казьями – Залялетдин Тазетдинович Максютгов и имам д. Кулаево Царевококшайского уезда Казанской губернии Мухаметшакир Сайфуллин (Загидуллин, 2014, с.174).

управлении вопросов, имеющих отношение к трем различным сферам, – мусульманскому праву, учебно-образовательным проблемам и религиозно-обрядовым вопросам – Фахретдин объявлял вредным для национальной культуры. Он считал целесообразным создание новых центров, которые курировали бы вопросы мусульманского права и проблемы образования. Самое главное – эти направления административной практики должны были курироваться профильными центральными управлениями – Министерством юстиции и МНП. Соответственно, остальные вопросы по-прежнему контролировало МВД. Такую модель государственно-церковных отношений, когда они интегрированы в систему государственных учреждений, Р.Фахретдин считал прогрессивным шагом (Там же, б. 56–57). Поскольку эти три направления административной деятельности подчинялись трем различным ведомствам, получалось, что отделения по мусульманскому праву и по образованию мусульман являлись автономными от ОМДС! В условиях России не имелось возможности создавать еще какой-либо общемиллетский институт, кроме ОМДС. Поэтому, думается, все три учреждения, расположенные в здании ОМДС, оренбургский муфтий как глава всех мусульман призван был курировать и отстаивать перед правительством. Это сюжет в проекте Р.Фахретдина не прописан.

Как констатирует автор, при составлении данного проекта объединение всех трех направлений деятельности под одной крышей первоначально представлялось ему непосильной задачей, позже выход был найден в распределении курирования этих вопросов в двух отделениях ОМДС (Там же, б. 56–57). Забегая вперед, отметим, что оба отделения создавались в составе трех членов как коллегиальные, свои решения оформляли журнальными постановлениями, в одном из них председательствовал сам муфтий, на другом – наиб, его заместитель (п.20).

Итак, в ближайшей перспективе тюркско-татарское население Р.Фахретдин хотел видеть передовым миллетом в системе национально-культурной автономии, где функционировали три автономные общемиллетские центра, курирующие: 1) религиозные духовные дела; 2) школы и их учебно-образовательную и воспитательную деятельность и 3) мусульманское право (решение вопросов семейно-брачной жизни, раздела наследства и имущества мусульман по фикху). Получалось, что и мусульманское право, и многоступенчатая автономная этноконфессиональная школа должны были занять свою достойную нишу в правовом и образовательном пространстве Российской империи.

В начале XX в. вследствие естественного прироста населения норматив прихода в 200 наличных душ мужского пола в крупных населенных пунктах прекратил выполнять функцию регулятора численности махаллей. Из-за сложившейся традиции, с одной стороны, и активности лиц, ищущих новые духовные должности и эксплуатирующих религиозную искренность простого народа, с другой стороны, в больших селениях обычным явлением становилось функционирование 5 и более мечетей,

при которых служило 15 и более духовных лиц. Содержание их в условиях усиления земельного голода и ухудшения экономического благосостояния крестьянских дворов становилось тяжелым бременем на местных жителей. Наметилась негативная тенденция к активному самовоспроизводству религиозными институтами самих себя, что не всегда учитывало реальные духовные потребности и экономические возможности прихожан, доходы которых являлись главным источником их существования. Увеличение численности мечетей и духовенства в крупных населенных пунктах было искусственно наращиваемым явлением и резко контрастировало с усиливающимися секуляризационными тенденциями в российском обществе и наметившимся падением авторитета религиозных институтов в повседневной жизни населения. В крупных населенных пунктах Р.Фахретдин считал целесообразным постройку одной большой мечети и необходимого количества школ для подрастающего поколения. Другим негативным явлением казый считал постройку мечетей в маленьких и экономически слабых татарских и башкирских деревнях, избрание в эти бедные приходы случайных, малограмотных или меркантильных личностей («кого-либо») духовными лицами и склоки между ними. Вышеназванными принципами казый определял внутреннюю логику составления положений раздела своего проекта о приходах (Там же, б. 57).

Признавая, безусловно, необходимым владение членами ОМДС русской грамотой, без чего было невозможно выполнять обязанности казья, тем не менее, в своем проекте казый не прописал обязательность знания кандидатами на должности членов собрания русской грамоты, вновь избрав «золотую середину», заявлял о добровольности изучения кандидатами русской грамоты (Там же, б. 58).

Фахретдин также не включил в проект какие-либо положения о деятельности мектебе и медресе, предположив, что это следует сделать после внимательного изучения состояния дел после передачи конфессиональных школ в ведение ОМДС с тем, чтобы разработанные законоположения соответствовали народным нуждам (Там же, б. 58). Казый предполагал казенное содержание для восьми тысяч учителей школ, каждому по 240 руб. в год (Там же, б. 76). В контексте намеченной реформы считал необходимым обновление книг по фикху, по которым выносятся суждения при рассмотрении судебных вопросов, иначе даже выборность казиев ничего не изменит к лучшему, подчеркивал автор (Там же, б. 58).

Основной текст проекта. Текст проекта Р.Фахретдина состоит из десяти разделов с 93 пунктами. В начале второй части документа – во «Введении» – автор определил, главным образом, компетенцию религиозного управления, перечисляя аспекты религиозно-духовной жизни мусульман округа. К традиционным направлениям Р.Фахретдин добавил дела, имеющие отношение к вакуфам, учащимся и учащим в религиозных учебных заведениях, конфессиональные мектебе и медресе и т.д. Далее следует уточнение каждого направления. Причем каждый пункт «Введе-

ния» выступает в качестве своеобразного кода для понимания текста последующих разделов проекта: в каждом из пунктов заложены концептуальные основы реформирования исламских институтов. Скажем, п.2 (Там же, б. 59), перечисляя улемов и духовные должности, сообщает о вводимой новой иерархии среди них: высшее духовенство (казьи, муфтий, наиб – помощник муфтия, преподаватели высшего религиозного учебного заведения медресе-галия); среднее звено (хатиб, ахун, преподаватели медресе-рушти, т.е. среднего учебного заведения); низшее звено (муадзин, мугаллим (учитель начальной школы) и имам). Главным водоразделом между ними выступает уровень школы, которую окончил соискатель: для имамов – начальная школа, для среднего звена – среднее медресе, для высшего – высшее медресе. Как видно, испытание кандидатов на духовные звания сосредоточивалось в стенах учебных заведений и означало привязку их программ к подготовке религиозных деятелей и формирование в перспективе четкой мотивации шакирдов.

Р.Фахретдин включил в список высшего духовенства наряду с муфтием и члена ОМДС из числа приходского духовенства только мударрисов медресе-галия (читай: ректоров и ведущих преподавателей высшей школы). Именно они были поставлены на недостижимую высоту к остальному духовенству, в том числе ахунам, которые по действующему законодательству являлись высшим духовенством.

Из этого положения логично вытекало деление профессиональных школ на три уровня (п.3): начальная (ибтидаи) школа – мектебе, среднее учебное заведение (рушти) и высшее – медресе-галия (Там же, б. 59).

За нововведением скрывались несколько тайных помыслов казьи. Медресе-галия становилось самым авторитетным учебным заведением, впредь амбициозные и стремящиеся к знаниям шакирды, осознав, что именно знания и ученость будут определять социальное положение и статус духовного лица в мусульманском сообществе, стремились бы обучаться в высших учебных заведениях и искать должность преподавателя вместо вакантного места муллы в богатом приходе. Второй задачей представлялось создание подлинной трехступенчатой системы религиозного образования в округе, прежде всего организация нескольких медресе-галия, определив их критерии и обеспечив им учебно-методическое сопровождение. Казый считал, что невероятно высокий статус медресе-галия и его материальные возможности позволят устроить на должностном уровне его учебно-материальную базу и привлечь к преподаванию лучших улемов-мударрисов миллета.

Трехуровневая система, не имея прямого отношения к первым двум нововведениям, по другим (управленческим) критериям как бы опосредованно распространялась и на территориальные административно-судебные учреждения: высший суд (мэхкэмэи исламия) располагался в ОМДС, средний суд – в управлении ахуна, низший суд – в приходском управлении (п.4) (Там же, б. 59).

Объявлялось о включении в административно-религиозное подчинение ОмДС всех казахов, входивших в состав Российской империи (п.5), а также о существовании в религиозном управлении двух отделений, занимающихся вопросами образования (и школами) и остальными религиозно-духовными делами (п.6) (Там же, б. 60).

В *первом разделе* проекта под названием «*Курируемые духовными судами дела*» комплексный подход автора позволил представить в подробностях весь перечень вопросов, имевших отношение к религиозному правлению в начале XX в. Детальное перечисление вопросов свидетельствует о серьезной предварительной работе казья. Впервые в историографии так подробно и системно были изложены пределы компетенции ОмДС как головного религиозного института. Исходя из трехуровневой системы религиозных институтов (управления, суды, духовенство), в нем речь шла в целом о религиозных делах мусульман. Вслед за Р.Фахретдином перечислим предметы ведения различного уровня религиозных управлений: 1) бракоразводные дела, 2) жалобы о взаимных оскорблениях между супругами (лиган), на импотенцию супруга, болезни супругов в контексте семейно-брачных отношений; 3) прошения женщин о разводе по какой-то причине; 4) дела о супружеской неверности; 5) дела о разделе наследства, 6) завещания, 7) претензии мусульман на часть имущества, 8) жалобы на нарушение прав по завещаниям, 9) дела, имеющие отношение к конфессиональным мектебе и медресе, учебно-методическим пособиям для организации учебного процесса, вопросам нравственности, гигиены и воспитания шакирдов, мугаллимов и мударрисов, 10) молитвенные дома и мечети, 11) вакуфы, 12) забота о кладбищах, 13) открытие новых махаллей (приходов) и их закрытие, 14) разработка правил использования милостыни, подношений, пожертвований (важиб садакалары), 15) решение вопросов воспитания детей бедноты и не имеющих попечителей сирот, в частности, девочек, 16) назначение и увольнение духовных лиц, 17) выдача по запросам духовных лиц паспортов и справок, 18) обязанности и отчетность духовенства, 19) разрешение претензий духовенства друг на друга, 20) контроль над заполнением метрических книг, составление разъяснений и инструкций по этому поводу, 21) открытие касс взаимопомощи с целью организации социальной защиты оставшихся сиротами детей духовенства, вдов и самих духовных лиц, 22) вынесение правовых суждений (фетвы) по запросам, связанным с шариатом, 23) курирование печатания Корана и хафтияка, 24) контроль над богослужением, религиозными потребностями и рисунками на религиозные темы (Там же, б. 60–61).

Автор прописал также компетенцию судебных учреждений каждого уровня. Согласно *второму разделу* проекта под названием «*Махаллинские суды*», имамы рассматривали обращения прихожан по вопросам бракосочетания, развода, раздела наследства, претензий на родство, наследство и завещания; жалобы прихожан друг на друга, дела по метрическим запи-

сям, религиозным рисункам, духовным запросам. Если же один из жалобщиков был духовным лицом, или же судящий имел отношение к выносимому решению, такие прошения сразу передавались в ОМДС. В случае отсутствия апелляции на постановление имама в течение 40 дней со дня вынесения приговора, поступившие позже жалобы не принимались во внимание (пп.7–10) (Там же, б. 61).

Среднее звено судов курировало религиозные и учебно-образовательные вопросы на территории ахунского округа. Ахун рассматривал из числа вышеперечисленных дела под номерами 2, 3, 9–12, 15, 18, 20–22, решая вопросы, не входящие в компетенцию приходских судов и предоставляя по ним информацию в ОМДС. Апелляции на решение ахуна также принимались в течение 40 дней после вынесения приговора (пп.11–13). Эти вопросы были прописаны в *третьем разделе* под названием «*Суды среднего звена (ахуны)*» (Там же, б. 61–62). По Фахретдину, учреждались около 400 ахунских округов, каждый председатель правления ахунского округа получал годовое жалование в сумме 300 руб. (Там же, б. 76).

Наиболее подробно, в 32 подпунктах, в *четвертом разделе* проекта под названием «*Духовный суд*» (*Махкамәи исламия*) были прописаны полномочия ОМДС как головного судебного и апелляционного института мусульманского сообщества. По Р.Фахретдину, права ОМДС и его сотрудников приравнивались к полномочиям губернских правлений и его чиновников, делопроизводственная документация и переписка с другими учреждениями велись соответственно по подобию (п.14). В штат ОМДС входили: муфтий, наиб, который временно исполнял обязанности муфтия в случае его отсутствия (п.22), пять казыев, два переводчика, архивариус, секретари и переписчики (п.15). Согласно составленной Р.Фахретдином смете расходов, муфтий получал годовое казенное содержание в размере 2500 руб., наиб – 1800 руб., пять казыев и два секретаря – по 1200 руб., два переводчика и архитектор – по 600 руб. и т.д. (Там же, б. 76).

Муфтий, будучи председателем собрания и религиозной главой мусульман, доводил до сведения министров, Комитета министров, Государственного совета, даже императора информацию и просьбы о религиозных и национальных нуждах единоверцев (п.16), по другим вопросам переписывался с судебными и правительственными учреждениями, выдвигал выдающихся духовных лиц к государственным наградам, осуществлял контроль и организовывал ревизию школ, мечетей, деятельность ахунов (п.17). В стенах Собрания муфтий лично принимал решения по просьбам вдов на новый никах в случае отсутствия документов о смерти бывшего супруга, на бракосочетание молодых в случае их несовершеннолетия (младше не более на шесть месяцев) или обращения одной из сторон или попечителей (п.18) (Там же, б. 62).

По Фахретдину, помимо общего присутствия, Собрание делилось на три отделения, каждое из которых организовывало свою деятельность в рамках столов, специализировавшихся по конкретным темам и вопросам

(п.19). Так, в архивном отделе заседали казый, архивариус и секретарь, решения которого не фиксировались журнальным постановлением. В остальных двух отделениях под председательством муфтия или наиба все важные решения принимались коллегиально и каждый раз оформлялись в журнальные постановления. Легитимными считались только решения, принятые на заседании отделений с участием не менее 3, в общей комиссии – не менее 6 человек, включая муфтия и наиба, его заместителя (п.20). В случае недостатка членов и с целью повышения компетентности и авторитета комиссии по конкретным делам могли быть приглашаемые на заседания ахуны и имамы г.Уфы, и решения принимались открытым голосованием (п.21) (Там же, б. 62–63).

Лицо, не согласное с решением ОМДС, было обязано не позднее 2 месяцев со дня вынесения постановления обратиться с апелляцией в ОМДС или Сенат. Собрание, в свою очередь, предоставляло в Сенат свое постановление не позднее 15 дней. В других случаях решения Собрания не подвергались повторному рассмотрению (п.23). Помимо судебной практики по всем вопросам, ОМДС признавалось подотчетным МВД, куда предоставляло все необходимые отчеты и сведения о расходах (п.24). ОМДС рассматривало жалобы населения на приходское духовенство и ахунов (п.25), в его исключительной компетенции находились вопросы о разводе женщин, мужа которых признавались умалишенными, или пропавшими без вести, или сосланными в каторгу, или рекрутированными в армию (п.26), а также по фактам супружеской неверности. Факты о неправильных браках по шариату (см. п.74), сожительства Собрание передавало на рассмотрение светских судов (п.27) (Там же, б. 63–64).

Собрание и духовные лица не вмешивались в дела мусульман светского характера, однако по правонарушениям духовенства ОМДС выражало свою позицию (п.28). В частности, предусматривались следующие меры наказания провинившихся: предупреждение, выговор, увещевание в Собрании, временное отстранение от исполнения обязанностей, лишение права занимать духовную должность (п.29).

Были подробно прописаны правила делопроизводства: принимались письма и прошения на «тюрки» и русском языках, метрические книги составлялись на «тюрки», решения на заседаниях, а также отношения, адресованные духовенству, оформлялись на «тюрки», однако другие исходящие документы, а также выписки из метрических книг и свидетельства о получении духовного звания составлялись на русском языке (п.30) (Там же, б. 64).

Собрание выступало представителем мусульманского сообщества перед правительственными и общественными институтами. В частности, рекомендовало учителей основ ислама и мусульманской нравственности в

учебные заведения⁵, духовных лиц для исполнения религиозных потребностей у военнослужащих-мусульман в войсковых частях⁶, у заключенных-мусульман в тюрьмах, у больных в лечебных учреждениях. Новым моментом следует признать социализацию приходского духовенства: выдвижение одного муллы из каждого 10 тыс. мусульман в качестве гласного уездного и губернского управлений (видимо, здесь речь идет о гласных уездных и губернских земских собраний. – *И.З.*) (Там же, б. 65).

Важнейшим направлением деятельности ОМДС был контроль над духовенством, мектебами и медресе, учебными пособиями, образовательными программами, нравственностью учащихся, а также создание условий для открытия новых учебных заведений (п.32). Были четко прописаны попечительско-контролирующие функции Собраний по отношению к приходским институтам: определение на духовные должности, наказание провинившихся духовных лиц (п.33), контроль за ремонтом ветхих культовых зданий и утверждение планов и фасадов мечетей, исходя из численности прихожан (п.34). Привлекают внимание проекты в социальной сфере, которые не ограничиваются только семьями мулл. Это – учреждение и содействие увеличению капиталов благотворительных обществ и касс взаимопомощи, средства которых предназначались на воспитание и обучение сирот, не имеющих попечителя, материальной поддержки вдов, престарелых, больных и т.д. (п.35), распределение гущера, заката, пожертвований на религиозные нужды, садаку на общественные нужды, на развитие и распространение исламского образования и т.д. (п.36); управление вакуфами (п.37), контроль над правильным и качественным изданием религиозной литературы (Коран, хафтияк, книги хадисов и тафсиров), подготовка к печати книг, устранив допущенные типографиями ошибок (п.38); изготовление и распространение в необходимом количестве и обеспечение сохранности метрических книг, контроль над правильным и четким заполнением их имамами (п.39) с привлечением для этого при необходимости губернских и областных правлений и полиции (п.40) (Там же, б. 65–66).

С целью организации эффективного управления многочисленными религиозными институтами планировалась организация всеобъемлющего статистического учета и контроля: составление ведомостей обо всех богослужебных зданиях, духовных лицах и школах, учителях и преподавателях, вакуфах, специальное фиксирование сведений о назначении и удалении от духовной должности, о мерах наказания и времени смерти духов-

---

⁵ При согласии учебного начальства (будучи членами педагогического коллектива, эти учителя получали жалованье).

⁶ Собрание намеривалось добиться введения в мирное время в каждом военном округе штатов военного ахуна, имама и муадзина, в военное время – по одному временному военному мулле и военному муадзину в каждом корпусе, а также в военно-морском флоте (п.47) (Там же, б. 67).

ных лиц (п.41), при этом предполагалось доводить до полиции свои постановления и жалобы на духовных лиц для принятия соответствующих мер (п.42). Этой же цели была подчинена публикация постановлений и циркуляров Собрания в ведомственном периодическом издании, содержащем официальный и неофициальный отделы (п.44). Для ознакомления основами ислама составлялся сборник «Законы шариата» (Шэригать – канун), адресованный муллам и судебным инстанциям мусульман (п.45). До начала проведения экзаменов в учебных заведениях на основании установленных правил⁷ планировалось проводить испытания во временных экзаменационных пунктах, а именно: в Казани, Астрахани и Петропавловске (п.43) (Там же, б. 66).

В пятом разделе под названием «Места службы духовенства» регламентировались правила избрания духовных лиц. Вводился возрастной ценз для занятия духовных должностей каждого из управленческих звеньев: приходском управлении – с 23 года, ахунского управления – 26 лет и высшего – с 30 лет. Повышались требования для кандидатов на духовные должности среднего уровня: помимо традиционного (российское подданство, выписка из метрической книги о рождении, медицинская справка об отсутствии болезней, не совместимых с занятием общественной должности, справки о не привлечении ранее к суду, об отсутствии фактов разбазаривания средства и банкротства), появились новые: свидетельство медресе об успеваемости, справки устаза-преподавателя о нравственных качествах и правильности верования соискателя и справка ОМДС об отсутствии фактов лишения ранее духовного звания или временном освобождении от духовной должности (п.46). Был конкретизирован образовательный ценз для духовных лиц: муадзин при сельской мечети заканчивал начальную школу, муадзин при городской мечети – первые три класса медресе-руштия, имамы – все классы медресе-руштия, казьи – весь курс медресе-галия (п.48). При выполнении 46 и 48 пунктов, наличия общественного приговора об избрании и назначении ежемесячного жалования и согласия губернатора, Собрание утверждало кандидата в должности (п.49) (Там же, б. 67).

Пристального внимания заслуживает рекомендованный Р.Фахретдином порядок выборов должностных лиц высшего и среднего звеньев управления исламскими институтами. Ахун избирался местными духовными лицами из числа хатибов (п.50). Выборы на должности муфтия, наиба и казья в проходили в зале ОМДС под председательством сотрудников религиозного управления, которые сами не принимали участие в тайном голосовании (п.50). В выборах казьев принимали участие один из членов от каждого ахунского правления и лица, окончившие медресе-галия (поэтому имеющие право претендовать на эту должность лица)

---

⁷ Соискатель, признанный усвоившим курс мектебе, удостоивался звания имама, среднего медресе – звания хатиба, высшего медресе – мударриса.

(п.54). Получалось, что избрание казыев духовенством осуществлялось довольно узким кругом лиц. Выборы проходили в присутствии начальника Уфимской губернии в определенное муфтием время, сведения о претендентах, набравших большинство голосов, муфтий представлял в МВД, которое и утверждало в их должности (п.52).

В случае с выборами муфтия и наиба получившие большинство при тайном голосовании три кандидата от имени действующего муфтия представлялись на рассмотрение в МВД, император двух из них утверждал муфтием и наибом (п.53). Креугольным камнем избирательной системы, предложенной Р.Фахретдином, является принцип выборов духовной главы мусульман региональными общественными деятелями и социально активными лицами, способствующими социальному развитию местных религиозных общин, с одновременным отстранением от процесса выборов многотысячного отряда духовенства. Такая радикальная постановка вопроса позволяла Фахретдину изолировать от выборов сторонников идеи избрания муфтия исключительно из числа духовенства. Рассмотрим состав выборщиков согласно точке зрения Р.Фахретдина. Прежде всего, к выборам допускали лишь ограниченную группу городского духовенства (мударрисы медресе-галия и ахуны). Все остальные выборщики – гражданские чиновники и военные не ниже 7 ступени Табеля о рангах, земские начальники, предводители дворянства, почетные мировые судьи; председатели и члены губернских и уездных земских управ, гласные волостных правлений, губернских и уездных земских собраний, а также председатели и почетные члены благотворительных обществ. Избирательный ценз для купцов и предпринимателей определялся размерами их пожертвований на общественные нужды: лица, пожертвовавшие в пользу благотворительных обществ не менее 1000 руб., на нужды медресе – не менее 3000 руб., или меценат, открывший за свой счет приют для детей-сирот. Из поселений к выборам допускался один из членов местного муталлиата (п.55) (Там же, б. 68–69).

В *шестой главе* под названием «*Поощрения и наказания духовенства*» (Там же, б. 69–70) Р.Фахретдин изложил способы повышения статуса духовенства. Прежде всего, все служащие духовные лица освобождались от государственных налогов, от судебного преследования со стороны волостных судей и земских начальников, повинностей, возлагаемых на непривилегированные сословия, а также от воинской повинности (п.56). После 10-летней беспорочной службы духовенство высшей (казыи, муфтий, наиб, преподаватели медресе-галия) и средней (хатибы, ахуны, преподаватели медресе-рушти) ступеней претендовало на звание личного почетного гражданина, после 20-летней службы – на звание потомственного почетного гражданина. Звания личного почетного гражданина приходские духовные лица третьей ступени (имам, муадзины, учителя начальных школ) удостоивались после 20-летней беспорочной службы (п.58). Здесь Р.Фахретдин воспользовался законом от 9 июля 1892 г., со-

гласно которому награждение званием личного почетного гражданина могло быть испрашиваемо лицами всех сословий за оказанную ими полезную деятельность, продолжавшуюся не менее 10 лет. Звание потомственного почетного гражданина испрашивалось лицам, состоявшим не менее 10 лет в звании личного почетного гражданина (ПСЗ-3, т.12, №8845). За правонарушения в религиозной сфере духовных лиц наказывало Собрание (п.59), оно же представляло к наградам (п.61) (Там же, б. 69). Командировочные расходы по служебным делам муфтию выплачивались в сумме из расчета четырех, а казиям – трех лошадей (п.60).

В *седьмом разделе* под названием «*Молитвенные дома, мечети*» (Там же, б. 70) впервые на законодательном уровне в округе ОМДС казый вводит институт молитвенного дома и прописывает порядок его учреждения, выделяя особенности. Его предложения носят по-настоящему революционный характер и относятся, главным образом, к небольшой группе поселений, которые в силу малочисленности жителей не могли зарегистрировать самостоятельный приход. По Р.Фахретдину, молитвенный дом учреждался в поселениях, где проживало не менее 60 душ м.п. При нем находился имам, который получал метрическую книгу ОМДС, что было равнозначно статусу зарегистрированного прихода. Главными условиями его появления в малонаселенных селениях становились институт духовенства и численность местных жителей (п.64). Следует отметить, что практика учреждения молитвенных домов ранее сложилась во вновь учрежденных экономически слабых городских приходах, которые для общественных намазов арендовали или покупали жилые помещения. В сельской же местности традиционно обязательным считалось строительство мечети. Р.Фахретдин же не только вводил в малонаселенных селениях практику постройки молитвенного здания, построенного без соблюдения установленных правительственных и догматических требований к мечети (общественный приговор, план и фасад, направление михраба к Кыйбле, технические требования строительного отделения губернского правления) (п.65), но и уменьшал необходимую численность для регистрации мусульманского прихода до 60 наличных душ мужского пола.

Мечеть Р. Фахретдин объявлял вакуфом, находящимся под защитой государства и переданном на попечение местному мусульманскому обществу, в его представлении оформление документов на здание и само здание освобождалось от налогов (по российскому законодательству, поскольку эти общественные здания не приносили доход, они также освобождались от земельного налога и налога за недвижимость. – *И.3.*).

Еще одной новой идеей Р.Фахретдина является учреждение в приходах, где существовала мечеть, института мутаваллиев, которые избирались местным обществом, и информация о них доводилась до ОМДС (п.67). В компетенцию мутаваллиев входило: обеспечение жизнедеятельности мечети, учебных заведений, управление вакуфами, при их наличии. Они

могли получать жалование и обязаны были отчитываться о своей деятельности перед религиозным управлением (п.68).

Восьмой раздел проекта под названием «*Приходское общество, духовенство и функции махалли*» является логическим продолжением седьмого раздела. Здесь оговаривалось, что ремонтом ветхих, возведением новых культурных зданий, утверждение планов и фасадов мечетей, а также вопросами поиска средств на строительство мечети или школы занимаются мутаваллии (пп. 69, 70). По Фахретдину, повышались требования к регистрации нового прихода. Если ранее общество гарантировало строительство мечети и содержание при ней духовенства, то теперь оно обязывалось построить и содержать: мечеть, при ней школу, жилой дом для духовного лица и обеспечивать существование приходского духовенства. (Они не распространялись лишь на дисперсно расселенных в степи казахов. – *И.З.*) (п.71). Итак, новыми требованиями являлись: обязательность начальной школы и жилого дома для хатиба. При мечети рекомендовалось избирать имама и муадзина, в случае отсутствия вакуфного дома избрание хатиба запрещалось (п.72) (Там же, б. 71), следовательно, такая мечеть могла быть только пятывременной, а не соборной.

Приходское духовенство рассматривало широкий круг вопросов семейно-брачных отношений и религиозно-духовных дел, прописанных Р.Фахретдиным в п.7 его проекта (п.73). С учетом имеющегося большого количества нарушений со стороны духовенства, часто становившихся причиной жалоб, которые приходилось рассматривать ОМДС, автор счел необходимым перечислить все случаи, когда муллы обязаны запрещать бракосочетание (п.74)⁸.

В девятом разделе проекта, с учетом административной практики религиозного управления в области имущественных отношений, на которое автор накладывает исламские традиции управления вакуфами на российское правовое поле и регламентирует правила их существования в округе ОМДС. Автор перечисляет основные виды недвижимости (земля, вода, денежные средства, жилищное имущество) (п.75), которые по воле жертвователя передавались на нужды школ, мечетей, духовенства, сирот, шакирдов и сосредотачивались при ОМДС. Религиозное управление подробно фиксировало все вакуфы в специальной тетради, обеспечивало сохранность актов дарения, контролировало соблюдение воли дарителя, одновременно отчетность мутаваллиев, руководивших вакуфами, и само ежегодно отчитывалось перед МВД (п.76). В случае исчезновения объекта выделения доходов с вакуфов или в других случаях, Собрание выставляло

---

⁸ Это – никахи, противоречащие Корану и шариату, в случае несовершеннолетия (для казахов возрастной ценз был ниже: юноши – с 16 лет, девушки – с 15 лет) или отсутствия согласия одного из брачующихся, или в случае принуждения одного из сторон, или отсутствия документов, подтверждающих их личность, или при болезни, несовместимых с семейной жизнью, и т.д. (Там же, б. 72).

эту недвижимость в установленном российском законодательством порядке на торги, формируя от вырученных средств вакуфный фонд, строго фиксируя сведения об арендаторах, поступающих доходах и т.д. (п.77) (Там же, б. 72–73).

Вакуфная недвижимость и доходы, получаемые с нее, должны были быть освобождены от налогообложения, что противоречило действующему российскому законодательству. В приходах вакуфами управляли мутавалии, которые отчитывались о приходе и расходах перед ОМДС (п.79), а лица, обвиненные в злоупотреблении вакуфным имуществом, привлекались к судебной ответственности (п.78) (Там же).

В *десятом разделе* проекта под названием «*Мектебе, медресе. Учебные заведения*», состоящем из 14 пунктов (Там же, б. 73–74), в зависимости от состава учредителей, начальные школы делятся на три категории: официальные (рэсми), учрежденные ОМДС, «народные школы» и «частные школы, содержащиеся частными лицами, или благотворительными обществами, или руководством промышленных предприятий. Образовательная деятельность всех мусульманских школ, независимо от статуса учредителей, находилась под учебно-методическим контролем Духовного собрания (п.80, 83, 85). Приходские духовные лица без дозволения Собрания не могли вмешиваться в дела махаллинской школы (п.86). Согласно трехуровневой системе религиозного образования в начальной, средней и высшей школе могли преподавать лица, окончившие соответствующий уровень учебного заведения (пп.87, 88). Собрание определяло учителей во все эти образовательные учреждения, кроме «народных» и «частных» школ (п.91). Все мугаллимы, имеющие соответствующие свидетельства допускались в «народные» и «частные» школы (п.84). Для всех уровней школ со временем планировалось издать правила внутреннего распорядка и единые учебные программы (п.93), означавшие формирование единой трехуровневой религиозной системы образования со всеми необходимыми инструментами учебно-методического обеспечения (п.93).

При ОМДС формировались специальные суммы для учебных заведений, которые складывались из следующих источников: в некотором объеме (азмы-күпме) казенные деньги, садака единоверцев, вакуфы и суммы по завещаниям, предназначенные для школ (п. 81, 82). В случае отсутствия у местного населения материальных возможностей на содержание «официального» образовательного учреждения, Собрание могло выделять из этих сумм необходимые средства, но оказывать аналогичную помощь «народным» и частным школам не имело права (п.89).

Выводы. 1. Главным достоинством проекта Р.Фахретдина является личностный подход, позволивший автору в деталях прописать важнейшие, на его взгляд, моменты с тем, чтобы не повторять выявленные им в период казыйской административной практики ошибок, вызванных отсутствием четких правил. Особенно тщательно Фахретдин прописал сюжеты, из-за которых он, будучи заседателем ОМДС, неоднократно становился залож-

ником возникающих нелицеприятных ситуаций и пришел к убеждению, что только через четкую правовую регламентацию можно качественно улучшить, точнее, не позволять нарушать законы и не затягивать принятие решений и религиозными управлениями, и духовными лицами. К таким моментам, которые должны быть прописаны в специальных инструкциях, судя по подробному описанию автора, следует отнести: 1) перечень случаев бракосочетания, когда происходит нарушение норм шариата, 2) регламентация внутреннего распорядка работы отделений собрания, 3) требования к кандидатам на духовные звания, 4) регламентация выборов муфтия; 5) подробное описание механизма управления вакуфами с учетом накопленного опыта автора в ОМДС; 6) подробное описание различных аспектов жизни и деятельности приходского духовенства и махаллинского управления, как главной ячейки автономии мусульман. Лишь в случае с учебными заведениями он воздержался от каких-либо попыток определить принципы управления школами, что, на наш взгляд, было обусловлено сложностью и не проработанностью вопроса и отсутствием у самого казья четкого видения путей обновления учебных заведений.

2. Документ пронизан культурно-просветительскими идеями. Признаваемую российским правовым полем систему исламских институтов автор использует для становления и развития конфессиональной и национально-конфессиональной систем образования, обозначив краеугольным камнем развития культуры народа мусульманский приход и адаптировав его к вызовам модернизации общества. Если традиционная модель зарегистрированного прихода состояла из общества прихожан, мечети и духовенства, то теперь его структура дополнялась: 1) *обязательной джадидской начальной школой*, 2) *учителем (мугаллимом) махаллинской начальной школы*; 4) *мутаваллиатом* в составе наиболее уважаемых, социально-активных и честных прихожан, 5) *вакуфным домом* для хатиба. (С учетом доминирования в приходах соборных мечетей, такие вакуфные дома становились повсеместным явлением. – И.З.).

Р.Фахретдин создал модернистскую модель религиозной общины (махалли) с независимыми друг от друга, но взаимосвязанными по своему роду деятельности и служению единой общественной идее институтами: приходское духовенство, мугаллим джадидской (светской) этноконфессиональной начальной школы и избранный обществом мутаваллиат. Вводимые Фахретдином институты мутаваллиата и мугаллима создавали качественно новую модель взаимоотношений в приходе, которую правомерно назвать «триумвиратом». При сохранении за имамом статуса лидера религиозной общины, его союзниками (при конфликтной ситуации – оппонентами) становились мугаллим и члены мутаваллиата. В перспективе, после реорганизации ОМДС и выведения из его состава центров по образованию и шариату, они подчинялись бы этим трем общемиллетским институтам. Таким представлялся Р.Фахретдину вектор развития мусульманского прихода и мусульманской культуры в традиционной общине в бли-

жайшей перспективе. В начале XX в. в округе ОМДС большинство мечетей были соборными со штатом из трех духовных лиц (хатиб, имам и муаззин), в значительной части поселений существовали уже по два прихода и тенденция укрупнения поселений по мере естественного прироста населения в аграрной стране была очевидной. В этой связи установка Р.Фахретдина на сокращение раздела действующих приходов и при этом открытие новых школ должны были кардинально обновить структуру исламских институтов в средних и крупных поселениях по схеме «одна (две) мечеть(и) – два и более школ». Однако такой сценарий был возможен лишь в случае сосредоточения вопросов учреждения приходов, школ и постройки мечетей в компетенции ОМДС.

3. Новая модель мусульманского прихода была ориентирована на создание широкой сети школ, разрешая учреждать их в неограниченном количестве, и предполагала полный охват учащихся мальчиков начальным образованием. Результатом рекомендуемой системы должна была стать обязательность начального образования для каждого мусульманина, в этом плане проект казья был ответом на активно обсуждаемом в русском сообществе вопрос о введении всеобщего образования. С учетом существования мектебов во многих приходах в округе ОМДС речь шла: об открытии их повсеместно, обзаведении учебным зданием и обновлении программ обучения. Появление института учителя начальной джадидской школы означало выведение школы из дома или приусадебного жилого помещения муллы и постройку для него специального учебного здания. (При этом оставался открытым вопрос: кто будет обучать девочек: жена муллы или мугаллима). Появление постоянного педагога призвано было способствовать улучшению и в целом учебного процесса, и исполнению муллой своих религиозных обязанностей.

4. Членами махаллинского попечительства избирались уважаемые и состоятельные лица, которые имели возможность повлиять на прихожан и при необходимости взять под свой контроль финансовые потоки, которые до этого времени шли в карман мулле – использовать садаку на общественные нужды – на содержание школы и мечети. Должна была трансформироваться модель содержания исламских институтов. По шариату строитель зданий богослужебного или учебного здания и его дети призваны заботиться о них и в будущем. Однако в большинстве сельских религиозных общинах в силу отсутствия помещиков и потенциальных меценатов, средства на строительство, ремонт и содержание мечети собирались у членов поземельной общины, при острой необходимости на эти цели отпускаясь часть налога, предназначенного на «мирские» нужды, или сдавалась в аренду земельный участок. Рекомендуемая модель была призвана усилить общественную ответственность прихожан за материальное обеспечение мечети и школы, что ранее являлась головной болью только муллы.

5. Будучи приверженцем либеральных ценностей, еще до начала Всероссийских съездов мусульман Р.Фахретдин предлагает качественно обновить религиозно-культурную автономию мусульман округа ОМДС в направлении превращения ее в национально-культурную автономию, выделяя в нем три координирующих центра: 1) общемиллетский религиозный центр (ОМДС), контролирующий духовенство, религиозно-обрядовую жизнь и исполнение религиозных ритуалов в приходах, правильность акады мусульман; 2) общемиллетский центр по народному образованию и просвещению, ответственный на реформу и развитие системы светского и конфессионального образования; 3) общемиллетский центр, ответственный за реформу мусульманской правовой системы. Они призваны были завершить начатые в стенах Духовного собрания реформы по своим профильным направлениям деятельности.

6. В административно-правовом пространстве Российской империи все рельефнее проявлялись грани религиозно-культурной автономии мусульман: 1) с параллельным официальному законодательству автономным шариатским судопроизводством в сфере семейно-брачных и имущественных отношений и исламскими традициями в повседневной жизни и нравственном воспитании, 2) монопольного применения татарского языка на огромном пространстве (с распространением его на казахский миллет, как подведомственной ОМДС группы мусульман) в сфере культуры, образования, шариатской судебной практики и религии, 3) самодостаточной и завершенной, трехступенчатой, системой религиозной образования, и тотальным охватом детей младшего школьного возраста, 4) автономной системой финансирования культурно-религиозных институтов, сочетающейся с частным финансированием от государства, 5) головным и подотчетным МВД, МНП и Министерству юстиции административным институтом – ОМДС, которому российское правительство делегировало ряд полномочий с тем, чтобы оно автономно в рамках предоставленных прав решало культурные, просветительско-образовательные, религиозно-обрядовые, судебные, благотворительные вопросы мусульман, 5) муфтия – как духовной главы и легитимного представителя мусульман перед российским правительством.

В этой связи ахунские округа, объединявшие примерно по 100 приходов (или 50–60 селений), становились важнейшей ячейкой не только религиозно-культурной, но и выстраиваемой национально-культурной автономии. Именно правление ахунского округа претворяло в жизнь предписания и установки будущих трех общемиллетских центров курирующих: школьное дело; религиозные институты и духовно-обрядовую жизнь; семейно-брачные и имущественные отношения мусульман. Оно нацеливалось и на рост дисциплины у мулл, и на конструктивное взаимодействие с духовенством, мугаллимами и мутаваллиями. Именно поэтому в правлениях ахунских округов заключался огромный потенциал не только в качестве контролирующего инструмента в формировании вертикальных взаи-

моотношений, но и в плане укрепления горизонтальных взаимосвязей между руководителями приходов и учителями начальных школ. В этой связи следует особо подчеркнуть его оперативное реагирование на нестандартные ситуации, возникающие в приходах. Благодаря тому, что кардинально менялся механизм и, самое важное, существенно сокращались сроки рассмотрения жалоб (ранее они сначала поступали в ОМДС, которое назначало конкретного духовного лица для рассмотрения дела на месте и после его расследования принимало решение. – *И.З.*), устанавливалась прямая связь с обиженными мусульманами; оперативная реакция правления ахунского округа призвана была лишать на корню злоупотребления, связанные с долговременным рассмотрением жалоб.

Если принять во внимание, что и члены правления ахунского округа, и большинство местных имамов и мугаллимов будут придерживаться джадидистских идей, то есть думать, прежде всего, об общественных интересах, и с учетом того, что в их руках будут сосредоточены все религиозно-культурные институты (при отсутствии других социальных учреждений, за исключением органов крестьянского самоуправления), произошла бы не только идеологическая мобилизация духовенства, но и консолидация всех слоев населения. Причем ОМДС приобретало в лице правления ахунского округа действенный инструмент проведения реформы в сфере школьного образования и доведения своих предписаний по обновлению религиозной и общественной жизни в поселениях и их реализации. Постоянное взаимодействие приходского духовенства в рамках ахунского округа (если он совпадал с территорией одной или нескольких волостей, то на него наслаивалась волостная система крестьянского самоуправления) создавала качественную новую национально-культурную среду жизнедеятельности.

7. Определяя ОМДС выборным головным центром религиозно-культурной автономии мусульман Волго-Уральского региона и Сибири, Р.Фахретдин позиционировал его как находящееся под правительственным контролем и облаченным доверием императора бюрократическое учреждение, регулирующее духовные, образовательные потребности мусульман и курирующее применение фикха в отдельных областях жизни, а муфтия – в качестве легитимного (избранного мусульманами и утвержденного государем) представителя религиозной общины округа, призванного лоббировать интересы миллета.

8. Выстраивая казыем трехступенчатая система религиозного образования завершалась несколькими высшими учебными заведениями с определенными привилегиями для его преподавателей и выпускников. Иначе говоря, Фахретдин задался целью создания полнокровной, самодостаточной и завершенной системы религиозного исламского образования в округе ОМДС. Помимо объективных причин, связанных с существующими проблемами качества образования, она косвенно являлась реакцией на действия властей, начавших с середины 1890-х гг. принимать меры по не

допущению имамов, обучавшихся в зарубежных мусульманских учебных заведениях, к педагогической деятельности.

9. Проект Р.Фахретдина был ориентирован на расширение правового положения исламских институтов. Хотя автор предусмотрительно избегает каких-либо сравнений и сопоставлений их статуса с институтами РПЦ, по сути, он выстраивает свою концепцию с учетом существующей иерархии признаваемых в империи конфессий, среди которых первую позицию занимала государственная религия, в том числе предлагает легализовать вакуфы, которые, как и имущество РПЦ, должны быть освобождены от налогов. Во-вторых, с учетом сословной страты российского общества стремится вписать духовных лиц в состав неподатных групп населения.

10. В целом следует отметить, с одной стороны, целостность и прозорливость концепции Р. Фахретдина по выстраиванию новой модели исламских институтов в округе ОМДС, с другой – наивность автора, полагавшегося, что российское правительство в ответ за политическую лояльность мусульманского сообщества, возьмется за частичное финансирование и поддержит реформу управления духовными делами мусульман. Важно также отметить, что заявленные в проекте идеи мыслителя были развиты в последующих его трудах, посвященных проблемам общественного развития мусульман в составе Российского государства.

Источники и литература

1. *Байбулатова Л.Ф.* История Оренбургского магометанского духовного собрания в личной и делопроизводственной переписке муфтиев (по своду «Асар» Р.Фахретдина) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья 2013. №3. С.42–54.

2. *Байбулатова Л.Ф.* Проект реформы Оренбургского магометанского духовного собрания в начале XX века // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. №4–1. С. 35–40.

3. *Габэши Х.* Тәржемәи хәләмнән, гыйльми һәм ижтимагый хезмәтләремнән беркадәресе // Фәнни Татарстан. 2015. №2. Б.139–145; №3. Б.118–149.

4. *Жарулла* Муса. Исляхат эсаclarы. Пг.: М.-А. Максутов типографиясе, 1917. 289 б.

5. *Загидуллин И.К.* Деятельность Р. Фахреддина в Оренбургском магометанском духовном собрании (1891–1906 гг.) // Научный Татарстан. 2009. № 2. С. 146–158.

6. *Загидуллин И.К.* Татарское национальное движение в 1860–1905 гг. Монография. Казань: Татар. книжное издательство, 2014. 423 с.

7. ПСЗ-3. Т.12. №8845.

8. *Россия в начале XX века* / под ред. академика А.Н.Яковлева. М., 2002.

9. *Хабутдинов А.Ю.* Оренбургское магометанское духовное собрание: планы реформ в начале XX века // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в конце XVIII – начале XX вв.: материалы одноименного семинара, посвященного 220-летию учреждения религиозного управления мусульман внутренней России и Сибири (Казань, 18 декабря 2009 г.). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2010. С.163-174.

И.К. Загидуллин

**Р. Фәхретдин татар-мөселманнарының ижтимагый үсешендә
дини-мәдәни институтларның роле турында (1905 ел проекты)**

Мәкалә казый Р. Фәхретдин эзерләгән мөселманнарның дини эшләрә белән идарә итүне реформалау проектын анализлауга багышланган. Бу проект 1905 елның 10–15 апрель көннәрендә Уфа шәһәрәндә үткәрелгән улемнар киңәшмәсендә тикшерүгә чыгарылган. Аның проекты корылтайның ахыргы документын төзүгә нигез була. Мәкаләдә Фәхретдиннең мөселман берләшмәсен модернизацияләү турында яңа идеяләре ассызыклана.

Ачыкч сүзләр: 1905 елгы Уфа корылтае, Ризаэтдин Фәхретдин, ОМДС устави проекты, мөселманнарның дини эшләрә белән идарә итү реформасы, модернизация.

I.K. Zagidullin

**R. Fakhretdin on the role of religious and cultural institutions
in the social development of Muslim Tatars (project of 1905)**

The publication is devoted to the analysis of the project of kaziy R. Fakhretdin on reforming of the management of spiritual affairs of muslims, submitted for discussion of the meeting of ulems which has taken place in Ufa on April 10–15, 1905. His project became the basis for drawing up the final document of the kurultai. The main provisions of sections of the project of the charter of the Orenburg mohammedan spiritual meeting are considered. The article highlights the author's new ideas on the modernization of the muslim community, in which the important role was assigned to the updated system of governance and reforming of Islamic institutions, including educational ones.

Keywords: the Ufa kurultai of 1905, Rizaetdin Fakhretdin, project of the charter of OMDS, the reform of management of spiritual affairs of muslims, modernization.

Загидуллин Ильдус Котдусович – доктор исторических наук, заведующий отделом новой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Казань); e-mail: zagik63@mail.ru

Загидуллин Илдус Котдус улы – тарих фәннәре докторы, ТР ФА Ш.Мәржани исемәндәге Тарих институты яңа тарих бүлегенә мөдире (Казан шәһәре).

Zagidullin Idus Kotdusovich – Doctor of History, Head of the Department of modern history; the Institute of History of the Academy of Sciences after Sh. Marjani of the Republic of Tatarstan (Kazan).

Астраханская Татарская управа и ее судьи (1800–1879 гг.)

В статье представлен анализ архивных источников о порядке выборов и деятельности судей Астраханской Татарской управы в 1800–1879 гг. Орган был создан в качестве сословного торгового суда для Астраханского городского общества татар Трех дворов по именному указу императора Павла I. Управа состояла из трех судей, избиравшихся ежегодно на собрании всего общества. От каждого из татарских дворов – Гилянского, Бухарского и Агрыжанского – избирался один судья. Они утверждались губернатором, а затем приносили присягу на Коране. Судопроизводство осуществлялось исключительно по коммерческим делам. Суду подлежали дела по вексельным обязательствам в случае, если обе стороны относились к обществу татар Трех дворов. Также судьи осуществляли взаимодействие с исполнительными органами власти губернии от лица всего общества. В ГААО документы по истории Астраханской Татарской управы отложились в отдельном фонде с тем же названием. Это дела об избрании судей, переписка с властями, делопроизводственные документы, судебное производство. Комплекс этих материалов позволит исследователю составить целостную и объективную картину истории АТУ и ее судебного корпуса.

Ключевые слова: Астраханская Татарская управа, судья, общество татар Трех дворов, сословный торговый суд, вексель, выборы, присяга.

Губернская реформа 1775 г. Екатерины II в числе прочих задач предполагала регламентацию сословного строя в государстве, разделение административных и судебных функций между различными органами власти. В ходе реализации реформы города были выделены в самостоятельные административные единицы, вводились многочисленные судебные учреждения, рассматривавшие дела как по сословной принадлежности (Верхний земский суд, Губернский магистрат, Верхняя и нижняя расправы), так и по категориям дел (палаты уголовного и гражданского суда, Совестный и Словесный суды).

В 1785 г. положения губернской реформы, касавшиеся сословной регламентации городского населения, были развиты в «Жалованной грамоте городам». Грамота установила основы для деления городского общества на «настоящих городских обывателей», купцов трех гильдий, ремесленников, иногородних и иностранных гостей, именитых граждан, посадских людей. Все категории городских жителей были обложены налогами, размер которых зависел от того, к какой категории принадлежал житель города (ПСЗ-1, т.29, № 22178).

Подразумевалось, что горожане сами изберут ту категорию, к которой они себя причисляют, соотносясь с уровнем своих доходов и теми

занятиями, которыми они зарабатывали на жизнь. Данные нормы были применены и к населению пограничной Астрахани, которое к 1780-м гг. было представлено многими этническими и конфессиональными группами. Среди прочих, большую роль в экономике региона, в русско-азиатской торговле по Волжско-Каспийскому пути играли выходцы из сопредельных стран и территорий.

Восточные торговцы появились в городе практически сразу после основания русской Астрахани, во второй половине XVI века. А уже в начале XVII века, для привлечения азиатского купечества, по распоряжению из Москвы, в городе за счет казны были выстроены караван-сарай, получившие здесь название Гостиных дворов. Гилянский двор стал местом жительства и торговли для персидского и закавказского купечества («кызылбашей» – этнических азербайджанцев), Бухарский – для среднеазиатского («тезиков») (Гусарова, 2009, с.58–59). Кроме того, были основаны Индийский и Агрыжанский гостиные дворы (Голикова, с.160–165). Последний стал местом жительства для индийских купцов-мусульман, вступавших в браки с местными татарками, дети от этих браков в документах стали называться «агрыжанскими татарами» (Небольсин, с.113).

Общее тюркское происхождение и тесные экономические и семейные контакты с местным тюркоязычным населением (юртовскими татарами и татарами-переселенцами) (Исхаков, 1992, с.14), привели к тому, что к середине XVIII века в делопроизводственной документации все жители Гилянского, Бухарского и Агрыжанского дворов в Астрахани начинают именоваться татарами (Имашева, 2012, с.43).

Отдельно стоял вопрос подданнических прав и сословного статуса жителей этих торговых колоний. До 1770–80-х гг. российское правительство, образно говоря, «закрывало глаза» на неопределенность в этом вопросе. Астрахань была главным торговым посредником в торговле с Азией, а купечество из этого региона – проводником не только экономических, но и политических интересов России (Рожкова, 1963, с.113). Но после успешных русско-турецких войн в царствование Екатерины II, Россия получила более удобные выходы в Азию через Черное море. Строительство Оренбурга и продвижение вглубь Казахстана переориентировало торговлю со Среднеазиатскими ханствами на Оренбургско-Уральское направление. Впоследствии, две русско-иранские войны 1804–1813 и 1826–1828 гг. привели к расширению территории империи и за счет Закавказья (Киняпина, 1978, с.89). В этой ситуации и значение Астрахани как центра внешней торговли и торговавших здесь купцов упали. И как следствие, власти решили упорядочить подданнический и сословный статус «не коренного российского» населения в Астрахани. Очень своевременными в этом контексте оказались нормы екатерининского сословного законодательства.

В 1786 г. Астрахань вошла в состав вновь созданного Кавказского наместничества, и тогда же кавказский наместник граф Г.А. Потемкин

распорядился записать астраханских татар, жителей Трех дворов (Гилянско-го, Бухарского и Агрыжанского), в мещане или купеческие гильдии, в зависимости от их экономического состояния. Татары распоряжение выполнили, почти все записались в мещане, что привело к увеличению их налогового обложения. Сами жители попали в ведение городского магистрата, а это повлекло за собой необходимость участвовать в городском самоуправлении (чего татары, сохраняя свою традиционную этноконфессиональную замкнутость, делать категорически не желали), а также подсудность российским сословным судам, что при незнании языка делало невозможным объективно решать гражданско-правовые споры татар.

Тогда же, на рубеже 1780–90-х гг., в силу ряда объективных причин (в том числе в результате переориентации внешней торговли с Азией на другие направления), торговые обороты татар окончательно пришли в упадок. Это обстоятельство вынудило последних искать новые источники существования, которые они нашли в найме в качестве рабочих и приказчиков у астраханских рыбопромышленников и купцов. Доходы жителей дворов резко упали, налоги, наоборот, выросли. С новыми пошлинами жители дворов справиться оказались не в силах, и к началу 1799 г. недоимка составила 6304 руб. 24 коп. (ГААО, ф.1, оп.1, д.4204, л.6).

Тяжелое финансовое положение вынудило общество Трех дворов снарядить в начале 1797 г. в Санкт-Петербург поверенного, некоего Абдула Абишева, который представил Павлу I и Сенату прошение «о сложении накопившейся недоимки и об исключении татар трех дворов из российского мещанства и купечества», и об оставлении их «на прежнем», бывшем до 1786 г., «положении», ввиду их «чрезвычайного обеднения» (ГААО, ф.1, оп.1, д.4204, л.1).

Павел I, как известно, отрицательно относившийся к екатерининскому наследию, пошел навстречу Астраханскому городскому обществу татар Трех дворов. 11 ноября 1799 г. вышел именной указ императора, по которому татары Бухарского, Гилянско-го и Агрыжанского дворов были выписаны из мещанского звания в локальную сословную группу, в дальнейшем именовавшейся как «татары трех дворов», всего «428 душ мужского пола, платящих одни только земские повинности» (ГААО, ф.480, оп.1, д.604, л.10). По сведениям Астраханского губернского правления, на начало 1802 г. в Обществе татар Трех дворов насчитывалось 350 душ мужского пола (ГААО, ф.488, оп.1, д.315, л.4об.). В 1824 г. в Обществе числилось: Бухарского двора – 391 душа, Гилянско-го – 147, Агрыжанско-го – 117. Всего 665 душ (ГААО, ф.488, оп.1, д.315, л.1).

По павловскому указу был создан и орган сословного самоуправления общества татар Трех дворов – Астраханская Татарская управа (АТУ). В ее компетенцию вошли функции судебного учреждения «по разбору хозяйственных и торговых дел». На основании Сенатского указа от 9 ноября 1804 г. АТУ выдавала паспорта числившимся в дворах татарам для осуществления различных торговых и хозяйственных операций.

Создание управы и передача ей перечисленных функций было проявлением специфического отношения властей к не совсем понятной, иноязычной и неправославной диаспоре: «...некоторая по обыкновениям азиатцев производимая ими торговля, встречающая по оной друг на друга неудовольствие, но даже и самый разбор их торговых дел по образу их жизни имеют против российских и европейских купцов совсем другую положенность», и настоятельно «требуют создания особого и специального органа» (ГААО, ф.488, оп.1, д.245, л.180б.). Управа просуществовала до 1879 г., когда функции ее были переданы мировым судьям, а само «Общество астраханских татар трех дворов» было ликвидировано, а его члены переписаны в астраханские мещане.

Между тем, в 1800–1879 гг. Астраханская Татарская управа играла значительную роль в жизни общины. Еще в начале 1840-х гг. местный «описатель» родного края, директор астраханских школ МНП Н. Рыбушкин, объяснял появление Астраханской Татарской управы следующим образом: «...Быстрое размножение азиатцев в Астрахани послужило поводом к учреждению между ними особого, сообразного с духом и обычаями их управления, которое состояло из так называемого Суда Азиатского. В Высочайшем по сему случаю Указе, данном еще в 1765 г., сказано: как для Армян, так и для Магометан и живущих в Астрахани в особом Гостином Дворе Индийцев, если сии последние, сами того пожелают, судей сокупить в один дом, почему из каждой нации выбирать общими всякой голосами по два и по три человека и назвать таковой суд Общим для всех астраханских Азиат. На этом основании до 1840 г. существовал в Астрахани Суд Армянский. Татары, жившие тогда в Астрахани, поступили в купечество и мещанство с платежом податей наравне с российскими подданными; Индийцы же учредить суда не пожелали» (Рыбушкин, 1841, с.66).

Таким образом, Астраханская Татарская управа была создана не столько как орган самоуправления, но и как торговый сословный суд для конкретной этноконфессиональной группы, имевшей особый социально-правовой статус в городе. Этот суд был организован для решения гражданских споров, связанных с совершением торговых операций, между членами общества: все споры и иски о закупке и продаже товаров, о денежных займах, об отдаче денег, товаров или писем на сохранение, о найме лавок и судов и «по торговым отправлениям». Но не только судебские функции входили в компетенцию этого органа. Также Татарская управа осуществляла взаимодействие с органами местного самоуправления и правительственными учреждениями. Еще при учреждении ее в указе от 3 июля 1799 г. было прописано: «... дать оной управе подробное наставление в какие сроки на посланные Указы рапорты о получении и действительном исполнении присылать и какие представлять ведомости о текущих и еще нерешенных делах ежемесячно» (ГААО, ф.13, оп.1, д.116, л.170б., 50).

Одним из условий эффективности деятельности суда был состав судебного корпуса. К личности судей изначально предъявлялись очень высокие требования. В качестве кандидатов могли выдвигаться совершеннолетние домохозяева, имевшие свою недвижимость в городе, более-менее значительную торговлю, не привлекавшиеся к следствию. Власти не настаивали, но была очевидна и необходимость наличия у кандидата хотя бы элементарного знания русского языка, а также грамотности на родном языке. Многие избирались в судьи неоднократно, некоторые, как правило, безуспешно пытались отказаться от такой почетной обязанности. Прежде всего потому, что никакого жалования за исполнение обязанностей судьи не полагалось, а времени уходило много.

Большинство документов о деятельности Астраханской Татарской управы, в том числе характеризующих судебский корпус, отложились в фонде 488 ГААО – «Астраханская Татарская управа», а также в фондах: 1 – «Канцелярия Астраханского гражданского губернатора» и 13 – «Астраханское губернское правление». В 488 фонде хранятся различные делопроизводственные документы – сенатские указы; указы Астраханского губернского правления; журналы заседаний; резолюции АТУ; приговоры общества; книги учета сбора земских повинностей; дела и переписка о выборах судей и старост, поставке лошадей, выдаче паспортов; посемейные списки жителей Гилянского, Бухарского и Агрыжанского дворов; метрические книги; списки членов управы.

Достаточно целостное представление о процедуре выборов и назначения судей дают дела фонда АТУ «О выборах судей на определенный год» (например, на 1813 г. – ГААО, ф.488, оп.1, д.136). Иногда в деле объединены сведения о выборах за несколько лет (например, ГААО, ф.488, оп.1, д.602).

Порядок выборов судей был определен уже в первый год существования АТУ, в 1800 г. (ГААО, ф.13, оп.1, д.116, л.11). Судьи выбирались простым голосованием по предложению присутствовавших на выборном собрании членов общества татар Трех дворов, «путем выдвижения достойных и их одобрения старостами». В 1811 г. Астраханское губернское правление пыталось ввести новый порядок избрания судей управы: путем баллотировки и выбора 1 судьи из 10 кандидатов. Но идея быстро исчерпала себя, весьма трудно было в малочисленном собрании найти сразу 30 кандидатов. При вступлении в должность судьи избранные лица давали клятву на Коране (православные клялись на Библии) (ГААО, ф.488, оп.1, д.136, л.11, 19).

Дела об избрании имеют одинаковую структуру. На первом листе дела – письменное представление гражданского губернатора и распоряжение губернского правления о назначении даты выборов на конец декабря текущего года. Далее следует рапорт АТУ о том, что распоряжение исполнено. На следующих листах описание процедуры выборов: 1) протокол заседания Управы о назначении даты выборов и оповещения о них татар-

ского населения дворов; 2) характеристика представленных на выборы кандидатур (по одной от каждого двора); 3) список явившихся на выборы татар; 4) результаты баллотировки; 5) указ губернского правления о назначении на должность и приведении к присяге; 6) «Клятвенное обещание при вступлении на должность» – письменный текст присяги и подписи избранных судей.

В соответствии с численностью населения дворов, первым избирался судья от самого многочисленного Бухарского двора (он же считался и главой судейской коллегии); затем – Гилянского и третий судья – от Агрыжанского. Также избирались и кандидаты к судьям, которые в случае невозможности отправления судьей своих обязанностей, замещали последних. Судьи, в зависимости от какого двора были избраны, делились на судей первого, второго и третьего достоинства.

Первые судьи были избраны на 1800 год. Это – 1) татарин Бухарского двора Авсар Барджанов; 2) Гилянского двора Амза Курманалиев; 3) Агрыжанского двора Сафар Абдиев. К присяге они были приведены 4 января 1800 г., о чем было доложено генерал-губернатору князю Н.Ю. Урусову. 20 января состоялось первое заседание Управы (ГААО, ф.13, оп.1, д.116, л.11).

До середины 1840-х гг. выборы осуществлялись прямым голосованием, позже губернное правление стало требовать предоставления в обязательном порядке баллотировочных списков с указанием количества голосовавших и голосов поданных как за, так и против каждого кандидата.

К сожалению, сведения о выборах за все годы в фондах архива не сохранились. Кроме того, некоторые дела о выборах судей обнаружены нами в фонде 13 – «Астраханское губернное правление». Видимо, переданные на утверждение материалы по какой-либо причине не были возвращены после утверждения состава судей АТУ и отложились в архиве правления.

С 1859 г. сведения о выборах судей АТУ печатались в «Астраханских губернских ведомостях». Причем в фондах архива эти дела нами обнаружены не были. Отсюда следует вывод, что переданные для публикации дела не были возвращены в АТУ, а затем были утеряны. Таким образом, опубликованные источники также представляют интерес для исследования истории АТУ.

В фонде АТУ сохранились и документы о практической деятельности судей. В частности, через Астраханскую Татарскую управу магистрат, казначейство, губернное правление доводили до сведения общества распоряжения о размерах земских и иных повинностей (сбор которых осуществляли старосты дворов, передавали судьям, а те – по принадлежности). Вообще, сбор податей являлся самой главной внесудебной обязанностью управы.

Важными представляются рапорты самих судей АТУ, касающиеся исполнения своих обязанностей. Так, например, судья Вагап Султанов в 1825 г. следующим образом описывал роль судей в сборе податей:

«...судьи до сбора денег с общества не касаются, а всегда само общество, сделав раскладку, с кого именно следует брать из людей и по сколько, приказывает собирать старосте, который по воле общества собравши деньги располагает выдачею по назначению его, на земскую же повинность деньги, что следует ко взносу в казну передает судьям управы, а те отправляют в Астраханскую казенную палату. Отчет о собранных и переправленных деньгах ежегодно представляется на общем сходе для рассмотрения обществу» (ГААО, ф.13, оп.1, д. 41368, л.28).

Эти документы также отложились и фонде АТУ, и в фонде губернского правления. Представляют они собой прошения или объяснения от лица судей по каким-либо вопросам управления или судопроизводства. Озаглавлены эти дела, как правило, «Дело о татарах».

О практической деятельности судей свидетельствуют «дневные записки словесных просьб и решений, а также получаемых указов». Они еженедельно передавались Городовому магистрату, при котором АТУ и была учреждена. Как словесный суд, она разбирала также споры между хозяевами и наемными работниками, между хозяевами и приказчиками. Ежегодно разбиралось не более двух-трех десятков дел, некоторые разбирались годами, что вызывало нарекания со стороны губернских учреждений. Незначительными были и суммы исков, не превышая 2–3 тысяч рублей. При разбирательстве таких дел судьи руководствовались «правилами, постановленными для примирительного разбирательства». В фонде АТУ указанные дела обозначены как «Настольный реестр» (ГААО, ф.488, оп.1, д.618), «Указы Астраханского губернского Правления» (ГААО, ф.488, оп.1, д.616), «Книга на запись...» (ГААО, ф.488, оп.1, д.597), «Дело об ускорении делопроизводства по судебным делам» (ГААО, ф.488, оп.1, д.576) и др.

Личные качества и род занятий судей АТУ также легко реконструируются благодаря прошениям, которые они сами подавали в губернские органы. Как правило, судьи были людьми пожилыми и занятыми своей коммерцией. И должность свою воспринимали, скорее, как досадную помеху, чем почетную обязанность. В частности, судья от Гилянского двора Сеит Риза Карабатырев писал: «...Астраханское татарское трех дворов общество приговором своим избрало меня на 1827 г. судьей второго достоинства, среди прочих. Узнав о таковом делаемом мне от общества доверии, просил я от оного меня уволить по следующим уважительным причинам: 1) что я имею от роду 70 лет и по сопряженным с годами болезненным припадкам и тупому зрению возлагаемой на меня обществом должности без упущения, к вреду, несомненно, самого общества клонящегося – отправлять не в силах; 2) что я был уже в судьях двукратно; 3) что при описанных болезнях я еще должен всегда почти по обширной коммерции своей отлучаться из города» (ГААО, ф.13, оп.1, д.41368, л.13).

Документы, отложившиеся в фондах ГААО, позволяют проследить как постепенно, из года в год, из десятилетия в десятилетие, падал интерес

общества Трех дворов к выборам судейской коллегии в управу. Если в самом начале ее существования, в начале 1800-х гг., на общие собрания приходило более 400 выборщиков, то в 1816 г. в выборах приняло участие 187 членов общества (ГААО, ф.13, оп.1, д.41368, л.15), в 1838 г. – 102 выборщика (ГААО, ф.13, оп.1, д.43834, л.49), а в последний год, когда избирались судьи, – 1877 г., присутствовало всего 33 выборщика (ГААО, ф.13, оп.1, д.51301, л.1).

Причины этого также раскрывает делопроизводственная документация губернского правления. В делах этого фонда, часто обозначавшихся как «Переписка о татарах», зафиксированы многие негативные моменты в деятельности судей АТУ. В частности, есть материалы о том, что АТУ была крайне нерешительна в принятии решений, многие дела затягивались на годы из-за бюрократических проволочек, частых отлучек судей.

Прошения о необходимости отъезда и временном сложении полномочий были обыденной практикой, и комплекс этих документов в достаточном количестве представлен в делах фонда АТУ. Например, в 1827 г. судья Уразай Ишниязов отсутствовал половину срока своего судейства – в феврале, марте и апреле «по делам коммерции, не требующим отлагательства», он находился в Москве; в августе, сентябре и октябре по тем же причинам – на Нижегородской ярмарке (ГААО, ф.13, оп.1, д.41368, л.50, 67). В 1861 г. судья Алаверды Юсупов свой отъезд на три месяца на Нижегородскую ярмарку назвал «обыкновенными домашними обстоятельствами». К слову, из Нижнего Новгорода он отправился в Москву и в Астрахань, вернулся не через 3 месяца, т.е. через полгода (ГААО, ф.488, оп.1, д.1600, л.1).

Позволяют документы фондов 13 и 488 проследить и дальнейшую судьбу судей. Так, последними судьями Астраханской Татарской управы были избраны Ильяс Абдуллаевич Якупов, Белял Даудов Алтынбек Айтмамбетов. Последний в качестве судьи Татарской управы отбыл 7 сроков подряд, а с перерывами – 12 сроков, сколотил довольно значительное состояние. После смерти А. Айтмамбетова в 1886 г. его сыновья – Аджимахмут и Тажи – построили на участке на реке Царев мыловаренный и свечной «заводы». В начале XX века им принадлежало не менее 8 домов в 5 и 6 участках города, сдававшихся в аренду под квартиры, или под торговые, или ремесленные заведения (ГААО, ф.13, оп.1, д.52549, л.2).

После проведения судебной реформы 1864 г. государство перестало нуждаться в сословном судопроизводстве, в связи с чем была упразднена и Управа общества татар Трех дворов. На основании §5 «Правил об упразднении торговых словесных судов Российской империи» в 1879 г. Астраханская Татарская управа прекратила существование, а татары Трех дворов приписаны к астраханскому мещанскому обществу.

Таким образом, мы можем констатировать, что в фондах Государственного архива Астраханской области отложился значительный комплекс документов по истории Астраханской Татарской управы, позволя-

ющий составить историческую характеристику судейского корпуса этого органа исполнительной и судебной власти локальной этноконфессиональной группы городского общества татар Трех дворов.

Источники и литература

1. *ГАОО*. Ф. 1. Оп.1. Д.4204.
2. *ГАОО*. Ф.13. Оп.1. Д.116.
3. *ГАОО*. Ф.13. Оп.1. Д.41368.
4. *ГАОО*. Ф.13. Оп.1. Д.43834.
5. *ГАОО*. Ф.13. Оп.1. Д.52549.
6. *ГАОО*. Ф.480. Оп.1. Д.604.
7. *ГАОО*. Ф.488. Оп.1. Д.136.
8. *ГАОО*. Ф.488. Оп.1. Д.245.
9. *ГАОО*. Ф.488. Оп.1. Д.315.
10. *ГАОО*. Ф.488. Оп.1. Д.576.
11. *ГАОО*. Ф.488. Оп.1. Д.597.
12. *ГАОО*. Ф.488. Оп.1. Д.602.
13. *ГАОО*. Ф.488. Оп.1. Д.616.
14. *ГАОО*. Ф.488. Оп.1. Д.618.
15. *ГАОО*. Ф.488. Оп.1. Д.1600.
16. *Голикова Н.Б.* Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М., 1982.
17. *Гусарова Е.В.* Астраханские находки: история, архитектура, градостроительство Астрахани XVI–XVIII вв. по документам из собраний Санкт-Петербурга. СПб., 2009. 492 с.
18. *Имашева М.М.* О предпринимательстве татар Бухарского, Гилянского и Агрыжанского дворов в конце XVIII – начале XIX вв. // Каспийский регион. Политика, экономика, культура. Астрахань, 2012. №3. С.40–50.
19. *Исхаков Д.М.* Астраханские татары: этнический состав, расселение и оценка численности в XVIII – н. XX вв. // Астраханские татары: сб. ст. Казань: ИЯЛИ, 1992.
20. *Киняпина Н.С.* (отв. ред.) Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX вв. М.: Наука, 1978. 440 с.
21. *Небольсин П.И.* Очерки Волжского Низовья. СПб.: Типография МВД, 1852. 197 с.
22. ПСЗ-1. Т.29. № 22178.
23. *Рожкова М.К.* Экономические связи России со Средней Азией в 40–60-е гг. XIX в. М.: АН СССР, 1963. 239 с.
24. *Рыбушкин М.* Записки об Астрахани. М.: Тип. С. Селивановского, 1841. 221 с.

Судьи Астраханской Татарской управы в 1800–1878 гг.

Год	Бухарского двора	Гилянского двора	Агрыжанского двора
1800	Авсатар Барджанов	Амза Курманалиев	Сафар Абдиев
1811	Айваз Абдуллаев	Исмаил Аджисмаилов	Ибраим Мустафаев
1813	Курманали Адиров	Нурай Шабанов	Абдулгагап Султанов
1814	Ибадулла Ходжа Джафар Ходжаев	Ермамбет Абишев	Абдулгагап Султанов
1815	Дербиш Ходжа Ильяс Ходжаев	Дауд Курамшиев	Амзя Кулаков
1816	Исмаил Юсупов	Дауд Курамшиев	Абубекир Жумагильдиев
1817	Рамазан Алиев	Абубекир Абдуллаев	Абубекир Султанов
1818	Аит Курманалиев	Абубекир Абдуллаев	Рахматулла Ниязов
1819	Аит Курманалиев	Дауд Курамшиев	Абубекир Султанов
1820	Аблей Халилов	Нурай Шабанов	Аширмамбет Алмамбетов
1821	Байрамали Юсупов	Жанай Худайбердиев	Мавломберды Сафаров
1822	Байрамали Юсупов	Юсуп Сеитбеков	Исмаил Лачирамов
1823	Байрамали Юсупов	Юсуп Сеитбеков	Исмаил Лачирамов
1824	Ходжа Рагим Ходжаев	Байрамали Ермамбетев	Абдулгагап Султанов
1831	Аббас Курбаналиев	Джан-Мурза Карабатырев	Камалисамаев
1833	Курманали Ядигеров	Исмаил Наврузалиев	Ильяс Ибрагимов
1839	Сафарали Хожамбердиев	Аджи Курбан Даудов	Аджи Мухамед Рахманкулов
1859	Абдекир Мусаев	Исмаил Жамалов	Кулмухамед Асаков
1861	Аллаверды Юсупов	Яхья Мрасов	Абдулкадыр Аубекиров
1862	Хожамберды Усманов	Юсуп Даудов	Идрис Ниязов
1864	Ильяз Абдулкеримов	Юсуп Даудов	Идрис Ниязов
1866	Ильяз Абдулкеримов	Аллаверды Юсупов	Алиакпер Булакаев
1867	Хожамберды Усманов	Алибай Ибрагимов Халилов	Уразай Жумаев
1868	Хожамберды Усманов	Абдул Алиев	Уразай Джумаев
1869	Идрис Мусаев	Султан Джакаев	Абдрахман Баширов
1871	Аджимурат Даудов	Абдурахман Юсупов	Аджиахмет Бердымуратов
1876	Мухамедшариф Иманкулов	Билял Даудов	Алтынбек Абдул Керимов Айтмамбетов
1877	Мухамедшариф Иманкулов	Билял Даудов	Абдурахман Эльмамбетов
1878	Ильяс Абдуллаев Якупов	Билял Даудов	Алтынбек Абдул Керимов Айтмамбетов

Примечание к таблице: 1800 г. – ГААО. Ф.13. Оп.1. Д.116. Л.36; 1811 г. – ГААО. Ф.488. Оп.1. Д.136. Л.6; 1813–1814 гг. – ГААО. Ф.488. Оп.1. Д.136. Л.6; 1815–1819 гг. – ГААО. Ф.13. Оп.1. Д.28118. Л.3об.–29об.; 1820–1823 гг. – ГААО. Ф.488. Оп.1. Д.602. Л.3; 1824 г. – ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1611. Л.1; 1831 г. – ГААО. Ф.13. Оп.1. Д.4230. Л.5; 1833 г. – ГААО. Ф.13. Оп.1. Д.42742. Л.48; 1839 г. – ГААО. Ф.13. Оп.1. Д.43834. Л.49; 1859 г. – АГВ. 1859 г. №11. 18 февраля; 1861 г. – АГВ. 1861. №11. 16 февраля; 1862 г. – АГВ. 22 февраля 1862. – №12; 1864 г. – АГВ. 15 февраля 1864. – №11; 1866 г. – АГВ. 24 февраля 1866. – №15; 1867 г. – АГВ. 1867. №1. 3 марта; 1868 г. – АГВ. 1868. №24. 2 апреля; 1869 г. – АГВ. 1869. №17. 9 марта; 1871 г. – АГВ. 1871. №13. 1 марта; 1876 г. – АГВ. 1876. №21. 28 марта; 1877 г. – ГААО. Ф.13. Оп.1. Д.51301. Л.1; 1878 г. – АГВ. 1878. №18. 3 марта.

М.М. Имашева

Әстерхан Татар управасы һәм аның судьялары (1800–1879 еллар)

Мәкаләдә 1800–1879 елларда Әстерхан Татар управасы судьяларын сайлау тәртибе һәм аларның эшчәнлегенә турындагы архив чыганакларын анализлау бирелгән. Бу орган император Павел I указы буенча Өч сәүдә йорты татарларының Әстерхан шәһәр жәмгыяте өчен сословияле сәүдә суды сыйфатында төзелгән. Управа барлык жәмгыятенң жыельшында һәр елны сайланучы өч судьядан торган. Һәр татар сәүдә йортынан (Гилян, Бохара һәм Агрыжан) бер судья сайланган. Алар губернатор тарафыннан сайланылган, аннары Коръәндә ант иткәннәр. Суд эше бары тик сәүдә эшләре буенча гына алып барылган. Вексельле бурычлар буенча эшләр һәр ике як Өч сәүдә йорты татарлары жәмгыятенә караган очрақларда гына судта каралган. Судьялар барлык жәмгыятә исеменнән губернаның башкарма хакимиять органнары белән үзара бәйләнешне тормышка ашырганнар. Әстерхан Татар управасы тарихы буенча документлар Әстерхан өлкәсе дәүләт архивының шул ук исемдәге аерым фондында ята (судьяларны сайлау хақында, хакимиять белән язышу, эш документлары, суд производствосы). Бу материалларның тупланмасы тикшеренүчегә Әстерхан Татар управасы һәм аның судья корпусы тарихының тулы һәм объектив картинасын төзәргә мөмкинлек бирә.

Ачкыч сүзләр: Әстерхан Татар управасы, судья, Өч сәүдә йорты татарлары жәмгыяте, сословияле сәүдә суды, вексель, сайлаулар, ант.

М.М. Imasheva

The Astrakhan Tatar Council and its judges (1800–1879)

The article presents the analysis of archival sources on the order of elections and activities of judges of the Astrakhan Tatar Council in 1800–1879. The body was created as a class commercial court for the Astrakhan city society of the Tatars of Three yards by the decree of the Emperor Paul I. The Council consisted of three judges elected annually at the meeting of the whole society. From each of the Tatar yards – Gilyan, Bukhara and Agrigan – was elected one judge. They were approved by the Governor, and then took an oath in the Koran. The proceedings were conducted exclusively in commercial cases. The court was subject to cases on promissory notes in the event that both parties belonged to the society of the Tatars of Three courts. The judges also interacted

with the executive authorities of the province on behalf of the whole society. In the State archive of the Astrakhan region documents on the history of the Astrakhan Tatar government were deposited in a separate Fund with the same name. These are cases on the election of judges, correspondence with the authorities, records, court proceedings. The complex of these materials will allow the researcher to make a complete and objective picture of the history of the ATC and its judiciary.

Keywords: the Astrakhan Tatar government, a judge, society of the Tatars of Three yards, class trade court, the bill, the elections, the oath.

Имашева Марина Маратовна – доктор исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана, этнологии и археологии ФГАОУ ВО «Казанский (При-волжский) Федеральный университет» (г. Казань); e-mail: imaschewa@yandex.ru

Имашева Марина Марат кызы – тарих фәннәре докторы, Казан федераль университетының Татарстан тарихы, этнология һәм археология кафедрасы доценты (Казан шәһәре).

Imasheva Marina Maratovna – doctor of History, Associate professor of the Department of History of Tatarstan, Ethnology and Archaeology, Kazan Federal University (Kazan).

Вопросы школьного образования татар-мусульман на Первом Всероссийском съезде по народному образованию 1913–1914 гг.

Данная статья подготовлена по материалам выступления известного татарского общественно-политического деятеля Г.Х. Еникеева на Всероссийском съезде по вопросам народного образования, проходившем в Санкт-Петербурге (декабрь 1913 г. – январь 1914 г.). Его речь, получившая широкое освещение на страницах татарской газеты «Тормыш» («Жизнь»), была направлена на защиту интересов мусульман Российской империи и вызвала широкий общественный резонанс. В статье приводится вариант проекта резолюции, представленный мусульманским докладчиком.

Ключевые слова: Г.Х. Еникеев, мусульмане, русско-инородческие школы, газета «Тормыш», Уфимская губерния.

Вопрос о просвещении нерусских народов оказался в центре внимания российского правительства в 60-х гг. XIX в. На основе «Правил о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» от 26 марта 1870 г., установивших правовые основы школьной политики, были созданы так называемые русско-инородческие школы, подразделявшиеся в Уфимской губернии на христианские (чувашские, мордовские, крещено-татарские, крещено-черемисские, т.е. марийские), русско-мусульманские (русско-башкирские, русско-татарские, русские классы при мектебах и медресе) и языческие (чувашские, черемисские и вотские, т.е. удмуртские) (Азаматова, 2005, с. 119). Согласно документу, культурная интеграция татар-мусульман должна была осуществляться только путем распространения русского образования, причем «с устранением всех таких мер, которые могли бы породить ... опасение в посягательстве правительства на отклонение детей от их веры» (цит. по: Саматова, 2013, с. 15).

Особенностью Уфимского региона являлся многоэтничный и поликонфессиональный состав населения. Согласно сведениям Первой всеобщей переписи 1897 г., в губернии башкиры составляли 40,98%, русские – 37,97%, татары – 8,41%, другие народности – 12,64%. Следует также отметить высокий удельный вес мусульман в Уфимской губернии (49,88%) (Первая всеобщая..., 1904, с. 48–57). В 1889 г. в округе Оренбургского магометанского духовного собрания по численности мусульманских приходов и прихожан Уфимская губерния (1396 приходов) занимала первое место, затем губернии: Казанская, Оренбургская, Самарская, Пермская, Симбирская, Вятская, Саратовская и др. (Загидуллин, 2014, с. 40–41), эта тенденция сохранялась и в начале XX в.

О состоянии национальных школ в крае можно судить по результатам статистического обследования Уфимской губернской земской управой в 1912–1913 гг. мектебов. Так, в составленном управой списке имамов Уфимской губернии, заведовавших мектебами, оказалось всего 2144 адреса (Обухов, 2006, с. 123). Согласно данным статистика отдела народного образования Уфимской губернии М.И. Обухова (1871–1943), в 1912/13 учебном году в губернии насчитывалось 1579 мектебов с контингентом 90936 учащихся, что составляло 5,8% всего мусульманского населения края, однако они были распределены неравномерно (Обухов, 2006, с. 9, 128). Примечательно, что из общего числа зарегистрированных мектебов только 13 находились в городах, абсолютное большинство – 1566 – в селениях (Там же, с. 12). Таким образом, в Уфимской губернии мектебы были зарегистрированы в большинстве мусульманских приходов (74%).

В условиях общественного подъема начала XX в. правительство вынуждено было пойти на некоторые уступки, в том числе в сфере школьной политики. В течение 1906–1913 гг. было разработано несколько законопроектов о начальных училищах для инородцев: «Правила» 31 марта 1906 г., 1 ноября 1907 г. и 14 июня 1913 г. «Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России», утвержденные министром народного просвещения 31 марта 1906 г., однако же, практически сразу вызвали недовольство мусульман, усматривавших в них инструмент русификаторской политики. В результате был составлен обновленный нормативный документ, получивший название «Правила о начальных училищах для инородцев» от 1 ноября 1907 г., из которого, в частности, были исключены все упоминания о мусульманских конфессиональных школах, об «общем надзоре» за частными инородческими училищами, о русском образовательном цензе для заведующего училищем и рекомендации двойной транскрипции (Межведомственное совещание, 2017, с. 46). «Правила о начальных училищах для инородцев» от 14 июня 1913 г. не отменяли «Правила» 1907 г., но по сравнению с ними новые правила ограничивали применение родного языка в создаваемых для нерусских народов одноклассных и двухклассных училищах (Саматова, 2013, с. 72).

14–15 декабря 1913 г. в городе Уфе, незадолго до проведения в столице Первого Всероссийского съезда по народному образованию, состоялось совещание духовных лиц под председательством муфтия по вопросам национального образования. Свообразным продолжением и дополнением собрания имамов стало частное совещание представителей духовенства, интеллигенции и купцов, состоявшееся тоже в Уфе в начале января 1914 г. (Зорин, 1914, с. 152).

Первый Всероссийский съезд по народному образованию, проходивший в Санкт-Петербурге в конце декабря 1913 г. – в начале января 1914 г., стал важной вехой в консолидации учителей нерусских школ и в составлении своих резолюций, адресованных правительству и российской обще-

ственности. Среди участников съезда большой резонанс вызвал доклад известного общественно-политического деятеля Г.Х. Еникеева (Еникиева)¹ о состоянии мусульманских школ («Мөселманнарда укуның рәвеше») и, по словам публициста Ш. Манатова (Манатова), стал единственным по своей тематике². В этой связи татарская газета «Тормыш» («Жизнь») отводит значительное место на своих страницах (№ 20–22, 24) освещению работы съезда, в особенности речи представителя татар-мусульман.

Гайса Хамидуллович Еникеев принадлежал к старинному дворянскому роду татарских мурз, родился 2 июля 1864 г. в деревне Новая Каргалы Белебеевского уезда (ныне Благоварский район Республики Башкортостан). После обучения в местном медресе способного юношу определили в Оренбургскую татарскую учительскую школу. Успешно окончив учебное заведение, некоторое время Г.Еникеев преподавал в начальном училище при той же школе. Впоследствии, после ее закрытия, с 1890 по 1895 год состоял заведующим русско-татарского начального училища в Оренбурге, затем поступил на службу в Оренбургское отделение Государственного банка. Одновременно 31-летнего Гайсу Хамидулловича пригласили в качестве преподавателя русского языка и литературы в городское новометодное медресе «Хусаиния». Он также был избран членом попечительного совета (назырлар шурасы) училища. Спустя некоторое время талантливый педагог стал заведующим медресе «Хусаиния». В начале XX в., когда он проживал в Казани, был доверенным фирмы Ахмеда Галеевича Хусаинова – одного из богатейших предпринимателей того времени.

Гайса мирза Еникеев в рассматриваемый нами период депутат Государственной думы 4-го созыва от Оренбургской губернии³. Относительно его политических взглядов в донесении казанского вице-губернатора за 1907 год было отмечено: «Дворянин Гайса Хамидуллович Еникеев, татарин, магометанин <...> По своим политическим воззрениям принадлежит к левым партиям, а по высказываемым взглядам ближе всего подходит к конституционно-демократической партии» (НА РТ, ф. 1, оп. 6, д. 464, л. 91 об.).

По мнению Д.М. Усмановой, в российском парламенте Г.Х. Еникеев стал наиболее деятельным членом мусульманской фракции, но в то же время «не был ведущим оратором мусульманской фракции. Тем не менее

---

¹ См. о нем подробнее: *Әмирханов, 1992; Усманова, 2006; Биктимирова, 2014* и др.

² Автор фельетона, Ш.Манатов, выражает сожаление о том, что в этот исторический период, когда решались вопросы образования, касающиеся и мусульманского мира России, на съезде было представлено небольшое количество мугаллимов, и, кроме того, не было оказано должного содействия со стороны петербуржцев-мусульман (учителей и учительниц) в подготовке выставки для съезда (*Тормыш, 1914, 29 гыйнвар*).

³ Был также депутатом Государственной думы 3-го созыва от Казанской губернии.

он неоднократно поднимался на думскую трибуну для оглашения фракционной позиции по тем или иным вопросам. Чаще всего темой его выступления становилась правительственная политика в области народного образования» (Усманова, 2006, с. 328). Так, излагая пожелания депутатов-мусульман на заседании IV Думы 1 июня 1913 г., Г.Х. Еникеев представил программу реформы просвещения мусульман, состоявшую из 11 пунктов (Государственная Дума, 1913, с. 666).

Как видно, его многолетний педагогический опыт оказался востребованным и весьма полезным для парламентской деятельности. В работе Первого Всероссийского съезда по народному образованию Гайса Еникеев также занимает конструктивную позицию по вопросам мусульманского образования. Секция съезда, посвященная вопросам «инородческой школы» («инородец мәктәпләре мәсьәләрен караучы шөгъбә»), привлекла внимание широкой аудитории. Следует отметить, по предварительной программе съезда не планировалась организация данной секции. Но уже на первых заседаниях организационного комитета обнаружилась необходимость в обсуждении проблем инородческой школы. В целом, на 12 секционных заседаниях так называемой «комиссии по образованию и воспитанию в местностях с инородческим населением» было заслушано около тридцати докладов. Важнейшие итоги работы инородческой секции были опубликованы в 1916 г. в книге «Инородческая школа: сборник статей и материалов по вопросам инородческой школы» (Инородческая школа, 1916).

Обратимся к январским номерам газеты «Тормыш» за 1914 год. По случаю начала работы секции Гайса мирза Еникеев отмечал оживленный интерес среди участников педагогического съезда к проблемам образования нерусских народов. «Мы видим здесь представителей различных национальностей из разных уголков нашей необъятной Родины. Проблемы воспитания, проблемы нашего будущего, судьбы наших детей – одинаково важны для всех народов», – подчеркнул мусульманский оратор (См.: Тормыш, 1914, 10 гыйнвар).

В первых заседаниях секции были заслушаны доклады о начальной школе, происходили конструктивные дискуссии главным образом по вопросу формирования профессиональных навыков учащихся, а также была принята резолюция о малорусской школе, состоящая из восьми пунктов, и резолюция о болгарской начальной школе, включающая три пункта. Вопрос о языке преподавания для участников секции (в целом, съезда!) стал ключевым: документы предусматривали, прежде всего, обучение на родном языке и введение русского языка с третьего года обучения в качестве обязательного предмета (См.: там же).

После принятия указанных резолюций прозвучал доклад Г.Х. Еникеева об актуальных проблемах мусульманского начального образования. В начале своего доклада автор, констатировав плачевное состояние учебного дела среди мусульман в силу известных исторических причин, подверг

резкой критике школьную политику царского правительства; строго порицал «Правила» от 26 марта 1870 г., указы от 20 ноября 1874 г., от 31 марта 1906 г., 1 ноября 1907 г. и 14 июня 1913 г., установившие правовые основы внутривластного курса государства. Докладчик подчеркнул, что разработка принципов школьной политики царского правительства в отношении нерусских народов Волго-Уральского региона тесно связана с именами российских государственных деятелей – министра народного просвещения Д.А. Толстого и обер-прокурора Св.Синода К.П. Победоносцева. После Первой русской революции была предоставлена возможность обучения учащихся на родном языке, однако, законоположение 1907 г., по выражению Гайсы Еникеева, осталось лишь на бумаге.

Представляет большой интерес его сведения о составе учащихся в русско-мусульманских школах: «В Уфимской губернии процент учащихся-мусульман по сравнению с другими намного выше. Также наблюдается удивительно высокий процент лиц, не знающих читать и писать по-русски. Согласно уфимской земской статистике 1911 г., государственные школы посещают лишь 5,5% детей инородцев. Между тем в русских селениях ходят в школу 50,5% процентов детей школьного возраста...» (См.: Тормыш, 1914, 18 гыйнвар).

Г.Х. Еникеев подробно остановился на законе 1874 г. о передаче мусульманских школ в ведение Министерства народного просвещения, отметив его печальные последствия. По мнению докладчика, школа, прежде всего, должна стать ближе к народу, в таком случае представители мусульман имели бы право участия в педагогических советах школ (училищ), а также назначаться в качестве инспекторов для ревизии учебных заведений. Г.Х. Еникеев считал, что назначение инспектором женщину-мусульманку принесло бы огромную пользу в установлении доверительных отношений между учебным ведомством и мусульманскими женскими школами.

Особое внимание Г.Х. Еникеев уделил языку преподавания в начальной школе – самому беспокойному вопросу для нерусских народов. Языком обучения в начальной школе (ибтидаия) должен быть родной язык учащихся, школа должна служить достижению одной цели – обучению. Речь Г.Еникеева была пронизана идеей дружбы народов, однако, по его признанию, этому противоречит русификаторская политика, и возможности формировать чувство патриотизма у инородцев также нет (См.: там же).

Выступление Г.Х. Еникеева вызвало оживленную дискуссию среди делегатов. Хатибы, учителя (мугаллимы) из разных регионов, поднимавшиеся на трибуну, затронули волнующие для нерусских народностей темы. В частности, своеобразным дополнением к докладу Еникеева стала речь по женской проблематике мугаллимы из Баку Хатифы ханум Маликовой. Отметив этнографические особенности мусульманской общины, а также религиозных воззрений и быта, она указала на острую необходи-

мость в открытии для мусульманок отдельных средних школ и пансионов, где, помимо общих предметов, преподавались бы уроки национальной культуры (милли дәрсләр) (См.: Тормыш, 1914, 22 гыйнвар).

Резолюция по докладу Г.Х. Еникеева была принята с некоторыми поправками. Ниже представлен вариант резолюции, изложенный мусульманским докладчиком, по публикации в газете «Тормыш» (См.: там же).

1. Школы для мусульман должны быть организованы в соответствии с национальными и религиозно-бытовыми особенностями местного населения;

2. В школах для мусульман обучение учащихся должно быть на родном языке. Русский язык, будучи государственным языком, должен занять достойное место в учебной программе. Но, однако, русский язык, являясь отдельным предметом, должен преподаваться с начала третьего года обучения⁴;

3. Выбор родного языка осуществляется родителями и (или) родственниками учащегося;

4. Мугаллимом или мугаллимой могут быть назначены лица, знающие родной язык учащихся, литературное наследие и быт этого народа. Однако, если кандидаты в учителя являются лица разного вероисповедания, преимущество дается тому из них, кто исповедует ту же религию, что и учащиеся⁵;

5. Родной язык как отдельный предмет должен быть включен в школьную программу, и учитель родного языка должен иметь такие же права, как и учитель русского языка;

6. С целью подготовки учительского персонала (мугаллимов) для мусульманских школ, способных обучать на родном языке учащихся, необходимо открыть педагогические школы и педагогические курсы, обеспечиваемые из сумм казначейства;

7. Срок обучения мусульман должен составлять пять лет;

8. Представителям мусульман будет предоставлено право участия в органах, заведывающих мусульманскими школами, для осуществления контроля за учебной и воспитательной работой мусульманских школ;

9. В местах компактного проживания татар право быть инспектором необходимо также предоставить мусульманам;

---

⁴ Некий Гаяз эфенди предложил изменить формулировку «обучение на родном языке» на «обучение на тюркском языке» («тәгълим төрки телендә булыр»), однако такое мнение вызвало возражение, в частности, со стороны кавказских и грузинских делегатов (*Тормыш, 1914, 22 гыйнвар*).

⁵ Некоторые из присутствовавших (Махмудов, Хасанов, Агиев) высказались за то, чтобы мугаллимы в мусульманских школах назначались только из числа мусульман. Этот тезис вызвал продолжительные прения среди делегатов. В итоге комиссией религиозный аспект был исключен.

10. Наряду с общеобразовательными школами, национальные школы учитывают этнографические, религиозные и бытовые особенности мусульман. Исходя из этого, должно быть обеспечено их существование;

11. Не должно быть никакого препятствия в подготовке учителей мусульманских начальных (ибтидаия) школ (национальных) на своем родном языке, обучению их различным методикам для дальнейшей работы;

12. Не должно быть никакого препятствия открытию школ для мальчиков и девочек с обучением на родном языке общеобразовательных предметов отдельным представителям мусульман и обществам.

В материалах подготовленного редакцией сборника «Иностранческая школа» представлены фрагменты тезисов мусульманского докладчика. Опираясь на них, можно предположить, что, например, пункты 1, 7, 8, 9 были одобрены иностранческой комиссией (Иностранческая школа, 1916, с.105–106), а п. 4, как указано выше, был подвергнут редакторской правке. В частности, его новая редакция гласила: «Преподавателем в начальной школе может быть всякий, знающий язык, обычаи и литературу народа, при этом, при одинаковых условиях, предпочтение должно оказываться туземцу из этого народа» (Там же, с. 101–102).

Таким образом, в условиях активизации школьного вопроса в начале XX в. апогеем общественно-педагогического движения учителей становятся педагогические съезды. Качественно новым событием в жизни стал Первый Всероссийский съезд по вопросам народного образования в Санкт-Петербурге педагогов многонационального населения страны, на котором о проблемах образования мусульман доложил депутат Государственной думы Г.Х. Еникеев. Его идеи о преподавании на родном языке, сближении мусульманской школы к национальной культуре и религии учащихся были во многом созвучны с идеями других участников съезда.

Источники и литература

1. *НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 464.*
2. *Бөтенрусия мөгаллимләренең беренче гомуми съезды* // Тормыш. 1914. 10 гыйнвар (№20).
3. *Бөтенрусия мөгаллимләренең беренче гомуми съезды* // Тормыш. 1914. 18 гыйнвар (№21).
4. *Бөтенрусия мөгаллимләренең беренче гомуми съезды* // Тормыш. 1914. 22 гыйнвар (№22).
5. *Зорин Б.* Мусульмане о предстоящем Всероссийском съезде и о реорганизации мектебе и медресе // Вестник Оренбургского учебного округа. 1914. № 3. С. 137–152.
6. *Иностранческая школа: сборник статей и материалов по вопросам иностранческой школы* / под общ. ред. Г.Г. Тумима и В.А. Зеленко. Петроград: издание Н.П. Карбасникова, 1916. [4], 254 с.
7. *Межведомственное совещание 1910–1911 годов о постановке школьного образования в местностях с иностранческим и инославным населением: Журнал /*

сост., авт. статей, прим., указ. и сокр. И.К. Загидуллин. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 292 с.

8. *Мөгаллимләр съезды*. Халык мәгарифе мөселманнары хосусында // Тормыш. 1914. 29 гыйнвар (№24).

9. *Обухов М.И.* Мектебы Уфимской губернии. Народное образование в Уфимской губернии в 1917 г. / сост. С.В. Вахитов, Ю.В. Ергин. Уфа: Вагант, 2006. 136 с.

10. *Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г.* / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб.: Изд-е ЦСК МВД, 1904. Т. XLV. Уфимская губерния. Тетрадь 2. 189 с.

11. *Стенографические отчеты* / Гос. дума, четвертый созыв, сессия первая. СПб.: Государственная типография, 1913. XXXVI с., 2698 стб., с. 2699–1 – 2699–12.

12. *Азаматова Г.Б.* Уфимское земство (1874–1917): Социальный состав, бюджет, деятельность в области народного образования. Уфа: Гилем, 2005. 252 с.

13. *Әмирхан Р.* Гали рухлы шәхес. Казан утлары. 1992. № 6. Б. 157–165.

14. *Биктимирова Т.Ә.* Гайсә Еникиев // Татар педагогик фикере антологиясе: ике томда. Т.1. Казан: Татар. кит. нәшр. Б. 216–219.

15. *Загидуллин И.К.* Татарское национальное движение в 1860–1905 гг. Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. 423 с.

16. *Саматова Ч.Х.* Имперская власть и татарская школа во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Казанского учебного округа). Казань: Татар. кн. изд-во, 2013. 239 с.

17. *Усманова Д.М.* Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России. 1906–1917. Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. 494, [1] с.

А.В. Әхтәмова

1913–1914 еллардагы Беренче Бөтенроссия халык мәгарифе съездында татар-мөселманнарының мәктәп белеме мәсьәләләре

Өлеге мәкалә Санкт-Петербургта узган Беренче Бөтенроссия халык мәгарифе съездындагы (декабрь, 1913 ел – гыйнвар, 1914 ел) мәшһүр татар ижтимагый-сәяси эшлеклесе Г.Х. Еникеев чыгышының материаллары буенча әзерләнде. Аның татар газетасы «Тормыш» битләрендә киң яктыртылган нотыгы Россия империясе мөселманнарының ихтыяжларын яклауга юнәлдерелгән була һәм жәмәгәтчелек фикерендә көчле яңгыраш таба. Мәкаләдә мөселман докладчысы тарафыннан тәкъдим ителгән резолюция проекты китерелә.

Ачкыч сүзләр: Г.Х. Еникеев, мөселманнар, рус һәм рус булмаган мәктәпләр, «Тормыш» газетасы, Уфа губернасы.

А. V. Akhtyamova

Questions of school education of muslim tatars at the First all-Russian congress on national education of 1913–1914 years

This article is based on the speeches of the famous Tatar social and political figure G.Kh. Enikeeva at the All-Russia Congress on Education, held in St. Petersburg (December 1913 – January 1914). His speech, widely publicized on the pages of the Tatar newspaper Tormysh (Life), was aimed at protecting the interests of the Muslims of the

Russian Empire and aroused wide public resonance. The article contains a version of the draft resolution submitted by the Muslim speaker.

Keywords: G.H. Yenikeyev, Muslims, Russian-foreign schools, «Tormysh» newspaper, Ufa province.

Ахтямова Алсу Вазиховна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г.Казань); e-mail: alsu_was@mail.ru

Әхтәмова Алсу Вазыйх кызы – тарих фәннәре кандидаты, ТР ФА Ш.Мәржани исемендәге Тарих институты яңа тарих бүлегенә өлкән фәнни хезмәткәре (Казан шәһәре).

Akhtyamova Alsu Vazikhovna – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Modern History, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan).

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

УДК 297

А.А. Закиров

Практико-ориентированный рационализм Г. Буби (1871–1922)

В статье рассматриваются взгляды татарского просветителя и богослова Габдуллы Буби (1871–1922) относительно рационализаторских начал в его религиозно-философском наследии и идей практицизма. Взгляды Г. Буби анализируются в рамках методологии немецкого социолога, философа и историка М. Вебера (1864–1920) и его теории рационализации всемирно-исторического процесса. Рассматриваются вопросы «насха», мистификации ислама, положений закята и завещания на национальные нужды, отношение к труду. Умозаключения Г. Буби ориентированы на решение земных запросов общества, призваны решить насущные проблемы различных сфер татарского общества, его суждения логически и религиозно обоснованы.

Ключевые слова: Г. Буби, джадидизм, татарская религиозная философия, рационализм, закят, завещание, насх.

В общественной истории татарского народа рубежа XIX–XX вв. кристаллизация процесса рационализации находит выражение в феномене джадидизма и в попытках модернизации общественной жизни, проведения реформ по европейскому образцу, где религия и наука должны были найти пути соприкосновения и взаимодействия. Немецкий философ К. Ясперс (1883–1969) объясняет реформаторские начала в обществе следующим образом: «Люди ощущают близость катастрофы, стремятся помочь пониманием, воспитанием, введением реформ. Планируя, они пытаются овладеть ходом событий, восстановить необходимые условия или создать новые. История в ее целостности мыслится как последовательная смена различных образов мира: либо в сторону постоянного ухудшения, либо как круговорот или подъем. Создаются теории, которые должны определить, как наилучшим образом устроить совместную жизнь людей, управлять и править ими. Реформаторские идеи подчиняют себе деятельность людей» (Ясперс, 1991, с. 35–36). Происходит процесс зарождения нации с переходом от полного господства религии к культуре и к соединению последней с этнической принадлежностью (Геллнер, 1991, с. 159). Формирование капиталистических отношений и торгового капитала становятся одним из главных триггеров преобразований в общественно-политической жизни татарского общества начала XX в. и его либерализации. В условиях усиления национальной буржуазии и интеллигенции религиозные лидеры

утрачивают свое доминирующее положение в обществе как единственного знатока истины, общество требует открытости и честной игры от духовных лидеров, происходит рационализация общественного пространства. Религия используется представителями татарской интеллектуальной элиты как инструмент для обоснования необходимых социокультурных преобразований. Немецкий и американский философ, социолог и культуролог Г. Маркузе (1898–1979) полагает, что «восходящий буржуазный класс основывал свое требование новой общественной свободы на универсальности человеческого разума. В противовес вере в навечно установленный порядок, связанный с ограничениями, буржуазия утверждала свою веру в прогресс и лучшее будущее» (Маркузе, 2011, с. 330). Теория рационализации М. Вебера (1864–1920) гласит, что «рационализация социального действия есть тенденция самого исторического процесса» и «европейская история последних столетий и вовлечение других, неевропейских, цивилизаций на путь индустриализации, проложенный Западом, свидетельствует о том, что рационализация есть всемирно-исторический процесс» (Вебер, 1990, с. 23). Он был убежден, что целерациональное действие и формальная рациональность определяют современный тип капиталистического хозяйствования. Рационализация проникает во все сферы общественной жизни, в том числе в религиозную сферу. Он связывает рациональную структуру права и управления с социальным устройством и в качестве предпосылок выделяет разрушение магических, мифологических и религиозных идей, которые определяют поведение, «стиль» в жизни. В его теории рациональная этика аскетического протестантизма рассматривается как основа для практически-рационального поведения. Рациональная форма ведения хозяйства обуславливается определенной религиозной направленностью, характеризующая особенность развития западного типа рационализации (Современный философский словарь, 2015, с. 553). Рациональное же рассматривается как «обусловленное разумом, доступное разумному пониманию, логически непротиворечивое и соответствующее принятым каким-либо сообществам» (Там же, с. 554). Основой познания признается разум, роль авторитета и веры принижается или сводится к минимуму.

Габдулла Нигматуллин Буби (1871–1922) как один из самых ярких представителей татарской интеллектуальной общественности начала XX века вошел в историю как автор многочисленных богословских сочинений: «Истина» (Буби, 1904–1906, 224 б.), «Прошло ли время иджихада?» (Буби, 1909, 69 б.), «Женщины» (Буби, 2013, 302 б.), «Правильно ли читать проповедь на татарском языке?» (Буби, 1908, 35 б.), «Многоженство применительно сохранения здоровья» (Буби, 1901, 20 б.), «Счастье в браке» (Буби, 1902, 35 б.). Как видно из названий сочинений, каждое из них посвящено какой-либо проблеме. Например, в сочинении «Многоженство применительно сохранения здоровья» Г. Буби рассматривает вопрос многоженства в исламе, разъясняет и перечисляет условия, при которых му-

сультманину допускается вступить в брак с четырьмя женщинами. Он утверждает: «Тот, кто не может соблюдать принцип справедливости [между женами], женитьба на более одной женщине является запретным» (Буби, 1901, б. 5). Под справедливостью он понимает все деяния, которые требуют справедливого отношения: в еде и питье, в одежде, в проявлении любви и доброго отношения к женам и соблюдение других обязанностей мужа. Указывает, что таких справедливых людей очень мало и данное допущение является лишь частным случаем (Буби, 1901, б. 5).

Основным богословским трудом Г. Буби является его религиозно-философский трактат «Хакыйкатъ, яхуд Тугрылык» [«Истина, или Правильный путь»], состоящий из семи опубликованных частей. По задумке Г. Буби, трактат должен был состоять из 20 частей, каждая из которых разъясняет один отмененный аят. Г. Буби считал, что 20 аятов, определенные имамом Джалал ад-Дином ас-Суйути (ум. 1505) как отмененные в его труде «Совершенство в коранических науках», в действительности применяются на практике: «Я обратился к различным авторитетным тафсирам, чтобы проанализировать толкования и причины ниспослания 225 аятов, которые имам Абу ал-Касим посчитал отмененными и обнаружил, что они применяются на практике. Я даже обнаружил, что некоторые из 20 аятов, определенные имамом ас-Суйути как вышедшие из употребления, применялись» (Буби, 1904–1906, б. 14). Изучая отмененные и отменяющие аяты Корана, Г. Буби заключил, что «насах» отсутствует в Коране, а хадисы с одним передатчиком [хадисы хабар ахад] не являются доводом в пользу отмены божественных предписаний. Коран представляет собой целостный, логически заверченный текст, а отмена предписаний аятов является свидетельством в пользу несовершенства Аллаха. В данном вопросе рационализаторское начало Г. Буби проявляется также в том, что он рассматривает вопрос «насах» в религии как нововведение и позднее наслоение в исламе, которое обслуживало определенные слои духовенства, заинтересованные в принятии угодных им решений, полагая тот или иной аят отмененным. Он считает, обращение к разуму в этом вопросе – один из признаков ислама, а истина – это клад, который следует обнаружить, а дороги, ведущие к нему, следует разведать у ученых мужей.

Г. Буби предлагает пересмотреть традиционную систему убеждений, застой исламской интеллектуальной мысли связывает с поздними наслоениями и толкованиями, несвойственными исламу, с мистификацией деятельности религиозных авторитетов, с созданием ореола святости вокруг культа их личности и наделением их неограниченной властью. Мыслитель выдвигает тезис о том, что ислам – это не застывшая религия, а развивающаяся, а противоречия возникают в результате невежества и косности мышления людей: «Они не подходят к исламу со стороны разума и мудрости. Религия не принуждает своих последователей принимать только одно единственное толкование того или иного аята, сказанное сотни лет назад. Верующим следует размышлять, искать совершенный смысл аята, исходя

из достижений современной мысли, и не обвинять в ереси людей, которые стремятся проникнуть в смысл аятов Корана» (Буби, 1904–1906, б. 118). Как одна из мер преодоления невежества, он предлагает человеку самому изучать первоисточники ислама, не следовать за чужим мнением: «Необходимо знать Коран и следовать по этому пути счастья, чтобы постичь истину. Следовательно, ответ на вопрос «Как найти путь счастья?» очень легок – можно узнать в Коране и хадисах. Счастье надо искать не в зикре – беспрестанном повторении имен Аллаха, четках и уничижении, как это делают «ложные ишаны» (Буби, 1904–1906, б. 95). Таклид¹ рассматривается как одна из причин невежества населения: «Среди нас нет постигающих философию религии, подавно нет людей, заботящихся о ее познании. Мы бездумно продолжаем следовать по пути, который считается старым, но возникший после смерти пророка. Это не наш путь. Мы отвергаем истинный путь, который соответствует Корану и хадисам только из-за того, что он противоречит нашим убеждениям. Однако что бы ни говорил – правду или ложь – мнимый святой ишан, мы повинемся его словам, даже в том случае, если его слова противоречат шариату. Так, поддавшись иллюзиям и воображениям, мы растрчиваем нашу жизнь, не размышляем и следуем традициям. Не развиваем разум, не обращаем внимания на философию, и, боясь, что народ рассердится, не будет приносить милостыню, подчиняемся старым традициям и отказываемся от обязательного по шариату» (Буби, 1904–1906, б. 116). Таким образом, Г. Буби выступил за «расколдовывание мира» путем возврата к самостоятельному суждению по первоисточникам ислама, отказ от таклида, ликвидацию невежества основной массы населения. М. Вебер определил этот процесс как «великий историко-религиозный процесс расколдования мира, начало которого относится ко времени древнеиудейских пророков и который в сочетании с эллинским научным мышлением уничтожил все магические средства спасения, объявив их неверием и кощунством» (Вебер, 1990, с. 143).

Г. Буби считает, что на сегодняшний день мусульмане слабы в духовном и материальном плане, следовательно, они вынуждены применять первоначальные религиозные постановления. В качестве примера он приводит случай из жизни пророка Мухаммада, когда он допустил распределение средств закята в пользу язычников с целью предрасположения их сердец к исламу. После смерти пророка Мухаммада данное решение было отменено халифом Абу Бакром в связи с расширением ареала распространения ислама и отсутствием такой категории людей. Г. Буби считает, что данное решение применимо на практике в современных реалиях, особенно в реалиях Российской империи, когда мусульмане составляют меньшин-

---

¹ Таклид – следование мусульман предписаниям муджтахидов или муфтиев какого-либо мазхаба в вопросах, связанных с практическими предписаниями религии. Таклиду следуют те мусульмане, которые не разбираются в различных проблемах правового характера.

ство. Развивая тему распределения средств закята с учетом требований времени и места проживания, он предлагает альтернативные варианты расходования средств закята. В частности, он призывает открывать специализированные школы для получения профессий, а также оплачивать обучение и питание неимущих студентов из фонда закята. Согласно Г. Буби, цель закята – это не просто раздача денег закята в определенный день на площади (по описанию Г. Буби, раздача закята происходило именно таким образом, реально нуждающиеся люди из-за стеснения и скромности своей не приходили на площадь и не получали необходимую помощь. – А.З.), а улучшение материального благосостояния мусульманского сообщества путем реализации проектов различного уровня. При таком подходе, возрастет количество людей, которые смогут выплачивать закят и обеспечивать свою семью без внешней помощи. Г. Буби считает, что такой подход позволяет очистить имущество материально обеспеченных людей перед Всевышним за счет молитв нуждающихся (Буби, 1904–1906, б. 17–18).

Касательно завещания, Г. Буби убежден в том, что треть завещаемого имущества следует расходовать на нужды миллета: «Если вас постигнет смерть, и вы обладаете материальным достатком, оставление завещания в пользу миллета является необходимым поступком. А родственники несут ответственность за справедливое распределение этого наследства» (Буби, 1904–1906, б. 43). В вопросе завещания он проводит аналогию с закятом: «Как неправомерно расходовать средства закята на родителей (так как человек должен им оказывать помощь по совести), также неправомерно оставлять завещание в пользу родственников, так как их доли четко прописаны в Коране. Оставление завещания по примеру расходования средств закята допустимо на пути Всевышнего Аллаха, в пользу миллета» (Буби, 1904–1906, с. 45). Далее разъясняется цель накопления материальных благ: «Материальные блага следует приобретать и приумножать с целью расходования на национальные нужды, а не ради самой идеи накопления богатства. Привязанность к земным благам является дурным и порицаемым делом и по шариату, и по разуму. Почему порицается по шариату – это понятно. Накопление благ осуждается по разуму потому, что корыстный человек приобретает материальные блага, притесняя обездоленных и покушаясь на чужое имущество. В этом отношении он как собака на сене, и сам не ест, и другим не дает, как Карун [мифологический образ скряги], проклинаящий и объявляющий других врагами. Он проживет жизнь, оберегая накопленное имущество в страхе разорения» (Буби, 1904–1906, с. 27–28). М. Вебер утверждает, что мирская аскеза протестантизма со всей решительностью отвергала непосредственное наслаждение богатством и стремилась сократить потребление, особенно когда оно превращалось в излишества. Вместе с тем она освобождала приобретательство от психологического гнета традиционалистской этики, разрывала оковы, ограничивавшие стремление к наживе, превращая его не только в законное, но и в угодное Богу занятие» (Вебер, 1990, с. 133). Г. Буби рассматри-

вает завещанное имущество как залог продолжения служения обществу и миллету: «Кто ищет и приобретает материальные блага ради Аллаха и нужд миллета, не будет бояться разорения. Не он будет караулить деньги, а деньги будут караулить его. Его душа покинет бранный мир с умиротворением под мольбы добрых людей. Покойный Гани-бай Хусаинов – отличный пример. Да смилостивится над ним Аллах! Он был очень хорошим человеком и много средств потратил во благо миллета» (Буби, 1904–1906, б. 29).

Г. Буби считает, что каждое предписание Аллаха содержит благо и пользу для людей, задача верующих – находить пути, ведущие к ним: «Невежественность, глупость и следование сомнениям – качества, которые характеризуют нас. Среди нас отсутствуют люди, которые размышляют над религиозными истинами, ищут их и прилагают усилия на этом пути. Мы выбрали путь нововведений и ложных суждений. Мы подменяем наше мировидение на чуждое, не имеющее канонической основы в исламе» (Буби, 1904–1906, б. 116). Далее он рассуждает: «Если мы достигнем совершенства в разуме и воспитаем наш нафс, сможем различить истину от оплотов наших фантазий и предубеждений посредством разума. Если наш путь соответствует истине, мы продолжим наш путь, если нет, выберем другой, который станет благим для нас. Мы достигнем прогресса и украсим нашу жизнь только в том случае, если воспользуемся плодами нашего разума» (Буби, 1904–1906, б. 117). Упадническое положение мусульманского сообщества Г. Буби связывает с деятельностью псевдоишанов, объявляет их источником обскурантизма, угодниками дьявола, ворами шариата и наветниками на Коран. Исламский мир станет на путь прогресса, просвещения, высокой культуры и цивилизации только тогда, когда будет ликвидирован институт ишанизма в мусульманском обществе, очищен от их деятельности. Поэтому в качестве первоочередной задачи религиозных деятелей он определяет противостояние псевдоишанам, отказ от бессмысленной практики аврядов и зикра.

Земному труду в жизни человека как обязанности для мусульманина Г. Буби определяет важное значение: «Жизнь людей состоит из двенадцати месяцев. Треть этой жизни, т.е. четыре месяца являются запретным для людей: ленивый образ жизни порицается. Религия обязывает отводить восемь часов на труд – это естественный закон для сохранения здоровья. Следующие восемь часов необходимы для отдыха и сна, а остальные восемь часов – на еду и поклонение для сохранения естественного баланса жизненных сил. Если человек не отводит восемь часов на труд, он будет лишен умений и навыков для продолжения жизни. Внутренние естественные чувства и страсти одолеют вас и вы окажетесь во власти бессмысленных дел. Ваша задача – силой разума одолеть эти чувства и страсти. Всевышний Аллах с теми, кто оберегает себя от деяний нафса и сатаны» (Буби, 1904–1906, б. 156).

Подводя итог суждениям Г. Буби, следует отметить, что он восхвалял разум и рассматривал его как инструмент поиска новых путей обновления религиозных норм и придания им новых форм выполнения. В качестве приоритета автор определяет получение общественного блага на основе целерационального действия, достижение материального благополучия вместо иллюзорного потустороннего счастья. Г. Буби не предлагает отречение от земных благ, а лишь порицает непосредственное гедоническое наслаждение материальным достатком. Он призывает расходовать излишки на социальные значимые действия с целью достижения духовного и материального счастья. Его умозаключения носят практико-ориентированный характер.

Источники и литература

1. Буби Г. Заманы ижтиһад монкарийзме де'илме? Казан: Электо-типография «Миллят», 1909. 69 б.
2. Буби Г. Татарча хөтбә уку дөрестме? Казан: Электро-типография «Үрнәк», 1908. 35 б.
3. Буби Г. Тәгаддәде зәужәте хифзы сыйххәтә татбыйкь. Оренбург: Типография Гильмана Ибрагимовича Каримова, 1901. 20 б.
4. Буби Г. Тәзәүеждә сәгадәт. Оренбург: Типография Гильмана Ибрагимовича Каримова, 1902. 35 б.
5. Буби Г. Хакыйкәт. 1–8 бүлекләр. Казан: Лито-Типография И.Н. Харитоновна, 1904–1906. 224 б.
6. Буби Г. Хатыннар / А.Х. Махмутова, басмага әзерләүче. Яр Чаллы: «Ислам нуры» эшмәкәрлек үзәге, 2013. 302 б.
7. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
8. Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ. Т.В. Бредниковой, М.К. Тюнькиной. М.: Прогресс, 1991. 794 с.
9. Маркузе Г. Критическая теория общества: Избранные работы по философии и социальной критике / пер. с англ. А.А. Юдина. М.: АСТ: Астрель, 2011. 382 с.
10. Современный философский словарь / Под общ. ред. В.Е. Кемерова и Т.Х. Керимова. 4-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2015. С. 553.
11. Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

А.А. Закиров

Г. Бубиның (1871–1922) практикага ориентлашкан рационализмы

Мәкаләдә татар мәҗрифәтчесе һәм дин белгече Габдулла Бубиның (1871–1922) дини-фәлсәфи мирасында һәм практицизм идеяләрендә рационализатор башлангычлары хакында карашлары карала. Г. Бубиның карашлары немец социологы, фәлсәфәчесе һәм тарихчысы М. Веберның (1864–1920) методологиясе һәм

аның бөтендөнъя тарихи процессын рационализацияләү теориясе кысаларында анализлана. «Нәсех», исламны мистификацияләү мәсьәләләре, зәкят һәм милли ихтыяждар өчен васыять кагыйдәләре, хезмәткә мөнәсәбәт карала. Г. Бубиньң фикерләре жәмгыятьнең дөнъяви таләпләрен, татар жәмгыятең төрле якларының көн кадагындагы проблемаларын хәл итүгә юнәлдерелгән, аның фикерләре мантыйк һәм дин ягыннан нигезләнгән.

Ачкыч сүзләр: Г. Буби, жәдитчелек, татар дини фәлсәфәсе, рационализм, зәкят, васыять, нәсех.

A.A. Zakirov

Practice-oriented rationalism of Gabdulla Bubi (1871–1922)

The article considers the views of Tatar enlightener and theologian Gabdulla Bubi (1871–1922) about rationalizing initiatives in his religious philosophical legacy and ideas of practicality. The views of G. Bubi are being analyzed in the scope of methodology of German sociologist, philosopher and historian M. Weber (1864–1920) and his theory of rationalization of world historical process. The article deals with problem of nash, mystification of Islam, zakah regulations and bequeathing to national needs, attitude to labour. Conclusions of G. Bubi are referred to worldly demands of society, intended to solve the problems of various spheres of Tatar society, his judgments are logically and religiously advocated.

Keywords: G. Bubi, jadidism, Tatar religious philosophy, rationalism, zakat, will, abrogation of ayah and hadith.

Закиров Айдар Азатович – научный сотрудник Центра исламоведческих исследований Академии наук РТ (г. Казань); e-mail: aydarzak1@yandex.ru

Закиров Айдар Азат улы – ТР ФА Ислам тикшеренүләре үзәге фәнни хезмәткәре (Казан шәһәре).

Zakirov Aidar Azatovich – researcher of Center of Islamic Studies of Academy of Sciences of Republic of Tatarstan (Kazan).

Г. Исхакыйның әдәби иҗаты: милләтне үстерү-үзгәртү юлын эзләү

Мәкаләдә Гаяз Исхакыйның әдәби иҗаты аңарда текстны төзүне көйләүче төрле кодлар булуы күзлегеннән карала. Укучыны текстны әдәби эсәр буларак укырга этәрүче гомумәдәби кодтан кала, язучының иҗатында публицистик код (мәҗрифәтчелек яки ижтимагый-сәяси юнәлештәге), шартлы-символик код, милли-фәлсәфи код. Г. Исхакый эсәрләрен анализлау материаллары буенча аның иҗатындагы үзгәреш этаплары, әдәби эзләнүнең үсеш юлында истәлекле эсәрләр билгеләнә.

Ачкыч сүзләр: татар әдәбияты, Гаяз Исхакый, публицистик код, шартлы-символик код, милли-фәлсәфи код, идея-эстетик үзенчәлек.

Г. Исхакый бай әдәби иҗат мирасы калдыра: бу мираста гомумиләштереп санаганда 3 роман, 30-лап повесть һәм хикәяләр, ике дистәгә якын драма эсәрләре бар. Алар бүгенге укучы күзлегеннән дә актуальлекләрен жуймаганнар, укылалар – заман фәне сүзләре белән әйтсәк, аларда шушы укылышны тәмин итә торган «гомумәдәби код» беренче урында тора¹.

Әмма Г. Исхакыйның әдәби иҗаты шушы билге – «гомумәдәби код» чикләрендә генә кала алмый: аның һәр эсәре «башка кодлар» калку күрәнен торырлык итеп язылган. Чөнки ул – иң беренче чиратта, бер милләтнең тормыш-яшәшен үзгәртәргә алынган, тотынган кеше! Аның өчен әдәбият та – шушы юлда үтемле корал, кешеләрнең аң-акылына үтеп керү чарасы, фикер белдерү чыганагы. Шушы яктан якын килгәндә, Г. Исхакый эсәрләренә уртак сыйфаты – халыкны, милләтне үстерү-үзгәртү юлын эзләү икәнлеге ачык.

Г. Исхакый әдәби эсәрләренә әдәбият үлчәмнәре белән генә якын килү мөмкин түгеллеккә аның иҗатын бәяләүчеләр үз заманында ук игътибар итәләр. Бигрәк тә Г. Сәгъдинең «Татар әдәбияты тарихы» (1926) хезмәтендә иҗатын, язучының фикри юлы үзгәрү нигезендә чорларга бүлү омтылышы ясала: жәдидчелек чоры; «социализмга охшаш бер ис аңкый торган Гаяз»; милләт язучысына әверелү чоры (Сәгъди, 1926). Хәзерге татар әдәбият белемендә бу фикерләргә Р.К. Ганиева хезмәтләре гомумиләштерә. Ул Г. Исхакый иҗатын дүрт этапка аера: «мәҗрифәтчелек» (1897–1904); «таңчылык» (1905–1910); «милләтчелек» (1910–1918) һәм «мөһажирлек» (1919–1954) чорлары (Ганиева, 2005, б. 7–8).

---

¹ Бу очракта без француз галиме Р. Бартның һәм голландияле Д. Фоккеманың әдәби текстта төрле ассоциатив катламнар, кодлар булу хакындагы нәзари-яләрәненә таянабыз.

1898 елда Татар укытучылар мәктәбендә укый башлаган 20 яшьлек Гаязның беренче ижат жимешләре «Тәгаллемдә сәгадәт, яки Гыйлем үгрәнүдә рэхәт гомер» (1899) хикәясе, «Кәләпүшче кыз» (1900), «Бай угълы» (1903) повестъялары, «Өч хатын берлән тормыш» пьесасы (1900) – өйрәнчек эсәрләр, әмма алар татар әдәби барышында зур бер күренеш кебек кабул ителәләр. Бер яктан, әлеге эсәрләрдә эле «гомумәдәби кодның» тиешле югарылыкка куелмаганын искәртәргә: ягъни эсәрләрнең әдәби-эстетик сыйфаты түбән булуга игътибар итәргә кирәк. Моның урынына аларда мәгърифәтчелек, үгет-нәсихәтчелек, мораль уку алга чыга: мәгърифәтчел эчтәлекле публицистик код калку. Бу – гомумән XIX–XX гасырлар чиге татар әдәби барышына хас сыйфат. Әмма сюжет төзи белү, образ-геройларның жанлы килеп чыгуы, язучының каләмгә үз милләттәшләренең аңын үзгәртү чарасы итеп каравы инде эсәрләрнең укылышын тәэмин итә. Бу урында Ж. Вәлидинең сүзләрен мисалга китерергә мөмкин: «Булар – никадәр саф диланә вә никадәр әхлакчы. Буларда эле сәнгәт бик азны күргән. Типлар юк, сурәтләр дә гаять юка булып, алар артында яшеренгән вәгазь иң гади күзгә күренеп тора. (...) Шулай да булса, ул шул вакытта ук үзенең истигъдадын, табигатен, хәласан, Гаязлыгын күрсәтә. Аның язганнарында башкаларда күрелмәгән бер хәлус вә житдият күрелә. Ул чагында ук милләтнең чын авыруларын карый, зур яраларын күрсәтә, күп сырланмый, фәлсәфә сатмый» (Вәлиди, 1998, б. 123).

«Кәләпүшче кыз» повестеның кереш сүзендә Исхакый «Камәр кеби булуның ахыры ни булачагын күрсәтеп, милләтемнең туташларын шул кара бәхәтләрдән коткарыр өчен» (Исхакый, 1998, б. 51) каләмгә тотынуын белдерә. «Өч хатын берлән тормыш»ның керешендә язучы үзенең күп хатын алуны кире кагу һәм Риза мисалында бер хатын белән торунуң уңай күренеш икәннен күрсәтү максаты куюын әйтә. «Бай угълы»ның 1903 елгы басмасына кереш сүзендә фикер тагын да төгәлләшә төшә: «Минем бу эшем, милләттәшләрем арасында бик күп вакыйгъ була торган мөдһиш бер хәлне язып мәйданга куюым, башка кешеләргә үз гаебемезне белдерер өчен түгелдер. Кирәк бер кешенең булсын, кирәк бар милләтнең булсын, бер гаебене юк итеп күрсәтү яки яшерергә тырышу хәер хәллык түгелдер. Чөнки бу эш шул кешене яки шул милләтне шул начар хәлендә дөвам итүене теләү буладыр. Билгакес, гаебене күрсәтеп, шуннан котылыр өчен юл күрсәтү хәер хәллыктыр. Милләтемездә шул мәсьәләне ислах фикере уянамсы дип, мин шул эшләремезне булдыра алдыгым кадәр күрсәтмәк эстәдем. Жәнабе хак һәрберемезгә хак фикерләр биреп, хәмияте миллиямезне уяндырып, ватаныбыз, милләтемезнең фәйдасына тырышырга насыйп итсен!» (Шунда ук, б. 113–114).

Бу сүзләр Исхакыйның ни өчен әдәбиятка килү сәбәпләрен ачып бирә. Эсәрләр халык тормышындагы кимчелекле якларны аның үзенең күрсәтү, кавемдәшләрен шулардан арынырга чакыру максаты белән ижат ителгән: шуңа да аларда мәгърифәтчел эчтәлекле публицистик код берен-

че урында тора. Язучы халкын үсү-үзгәрүдән тоткарлый торган күренешләрне барлай, аларны тәнкыйтьли, халыкның үзенә күрсәтә һәм алардан арынырга чакыра!

Алга таба Г. Исхакый әсәрләренең пафосы, мәгънәви һәм форма ягы зур үзгәрешләр кичерә. Эмма мәгърифәтчел-публицистик код, төп позициядән чигенсә дә, югалмый: ул соңгы әсәрләренә кадәр башка кодлар белән янәшә мөһим урынын саклап кала. Шуңа бәйле бу ижатта әсәрләргә жыеп торучы үзәк – һәрвакытта да автор аңы, язучы фикере-идеясе дия алабыз.

Г. Исхакыйның беренче әсәрләреннән соңгы ижади эзләнүләре, әдәбиятта үз юлын табарга омтылуы үзгә характердагы әсәрләр язуда ачык күренә. Без тәржемә ителеп, татар проблематикасына якынайтып тәкъдим ителгән «Ике гашыйк» (1901–1903) пьесасын шушы ясылыкта карыйбыз. 1903 елда яшь геройлары яшәешендә мэхәббәт, гаилә һәм бурыч мэхәббәтләренә романтикларча, лирик-сентименталь дулкында якин килгән әсәр – «Очрашу, яки Гөлгыйзар» повесте языла. Монда пароходта очрашкан Габдулла белән Гөлгыйзарның мөнәсәбәтләре шәхси-психологик ясылыкта сурәтләнә. Әсәрдә гомумәдәби код беренче урынга чыга: ул романтик-сентименталь характерлы. Эмма сөю хисе татар жәмгыятендә яшәгән гадәтләр корбанына әверелә: адәм балалары өчен табигый кичерешләрнең иске карашлар белән каршылыгын үкенеч, сызлану озата бара. Бу очракта да язучының мәгърифәтчел максаты күренә. Сызлану – тәнкыйть, мөнәсәбәт белдерү белән сугарылган.

Повестыта «сынап каралган» психологизм алымнары, бигрәк тә уй-кичерешләрне герой затыннан өзмичә күзәтә бару, кеше хисләрен табигать белән янәшәлектә тергезү, символларга мөрәжәгать итү татар әдәбиятын, татар дөнъясын үзгәрткән әсәр – «Ике йөз елдан соң инкыйраз» (1902–1904) повестенда гаять мөһим сыйфат үзгәрешләренә китерә.

Повестыка жентекле анализ ясаган Г. Гобәйдуллин аның концепциясенә америкалы Эдвард Белламиның «Йөз ел сонра» (1888) социаль-утопик романы йогынтысында формалашуын әйтә (Гобәйдуллин, 1998, б. 81). Роман Американың йөз елдан соң нинди зур алгарышка ирешүен күрсәтүне максат итеп куйса, Г. Исхакый әсәрендә ике йөз елдан соң татар халкының милли фажиға кичерүен, инкыйразын-бетүен чагылдыру үзәк урын ала: ул «төрки-татар әдәбиятлары тарихында беренче антиутопия» (Ганиева, 2005, б. 11) булып чыга.

Повестыта публицистик код Исхакыйның милләт үсешен тоткарлый һәм аны һәлакәткә китерә торган сәбәпләр хақында уйланулар төсен ала. Татарда тормыш тоткасы иске карашлы руханиларда булу; мәктәп-мәдрәсәләрнең азлыгы, булганнарында да укытыла торган фәннәрнең тормышта яраксызлыгы; милләткә хезмәт итүче зыялыларның, бик ярлы сыйныфтан чыгып, көчләрен күбрәк тамак туйдыруга сарыф итүләре; яшьләргә рус мәктәпләрендә укытуга каршы килү; эшне башлап та ахырына житкәрә белмәү – шундыйлардан. Исхакый аларның халыкны фажи-

гагә китерәчәген дәлилли. Милләтнең буш эшләр белән йөрүен, татар руханиларының юк-бар сораулар тирәсендә гауга куптарып бәхәсләшүләрен, яңача һәм искечә укыту тартышларын, русча укытуга кагылышлы бәхәсләрне, шушы «эшләрнең» мәгънәсезлеген шәрехли, аларны жәмгыятьнең чире дип бәяли. Бу авыруга «дәва» – яшьләргә аң-белем бирү, мәгариф системасын яңарту, балаларны рус уку йортларында укыту, хатын-кызларга аң-белем һәм тәрбия бирү.

Әмма публицистик код мәгърифәтчелек чикләреннән чыгып, ижтимагый-сәяси эчтәлек ала. Әсәр үзе милләт язмышын тасвирига өстенлек биргән программа характерындагы текстка әверелә.

Татарның инкыйразга баруын укучыга мөмкин кадәр тәэсирләрәк күрсәтү өчен, Исхакый махсус алымнарга мөрәжәгать итә: чиктән тыш арттыра – «татарның өстенә мең төрле бәләләрне берьюлы китереп аудара» (Валиди, 1998, б. 127), фантастика ярдәмендә болгар дигән милләтне юкка чыгу чигенә китереп җиткерә. XXII гасырда жир йөзгә һәм нибары ике болгар кешесе: эдип һәм тарихчы Жәгъфәр һәм аның хатыны Сөембикә генә торып калу, үле бала табудан терелә алмаган Сөембикәнең вафатыннан соң изге Болгар жиренә юл тоткан ирнең дә, давыл аударган багана астында калып, һәлак булуы символик мәгънәле. Казан ханлыгының соңгы ханбикәсе Сөембикә – милләт анасы, халыкның тереләчәгенә, нәсел чылбыры дәвам итәчәккә соңгы өмет. Сөембикә үлеме белән бу өмет сүнә: язучы Казандагы Сөембикә манарасының да авуын телгә ала – хәтта хәтер югала. Повестьта шартлы-символик код (гомум-әдәби код) беренче урынга чыга. Язучы үз уй-фикерләрен халыкка тизрәк һәм тәэсирләрәк итеп җиткерү өчен, үгет-нәсихәтчелектән китеп, психологик, романтик-сентименталь, экзистенциаль, символик сурәтлеләккә өстенлек бирә.

Мондый үзгәрешләр милли әдәбиятыбызда да идея-эстетик борылыш китереп чыгара. Исхакыйның «Теләнче кыз» (1901–1908) романында психологизм тагын да тирәнәя, язучы татар кызының рухи үсешен, ижтимагый көрәшкә килү юлын аның уй-фикерләрен, хис-кичерешләрен өзлексез күзәтеп барып һәм милләт язмышы белән бәйләлектә тасвирлый. Әсәр үзгәргән язучының ижтимагый-сәяси концепциясе салынса да, романда романтик-символик характерлы гомум-әдәби код алга чыга. Язучы татар хатын-кызының тормышын, этапларга бүлеп (авылдагы матур балачак, шәһәрдә теләнче кызга әйләнү, сатлык хатын-кыз, бай хатыны, беренче тапкыр театрга бару һәм башка тормышка омтылыш тою, белем алу, мохтажларга ярдәм итүдән тәм табу, халыкка хезмәткә омтылыш уяну), милләт мәнфәгәте белән яши башлауга килү тарихына әйләндерә. Исхакый героинясын психологик анализ ярдәмендә – аның уйларын, төшләрен, эчке монологларын, курку һәм саташуларын тергезеп, символлар һәм табигать сурәте мөмкинлекләренә мөрәжәгать итеп, рухи хәрәкәттә күрсәтә. Шушы туктаусыз эмоциональ хәрәкәт янәшәсендә табигать белән сөйләшүләр, киная һәм символлаштыру, лирик чигенешләр, кеше халәтенә тәңгәл

күпсанлы детальләр эчтәлекне гаять тирәнәйтә. Болар теләнче кыздан милләт хадимәсенә, милләт анасына кадәр юл үткән Сәгадәт үрнәгендә татар жәмгыятенә, татар милләтенә дә, белем алып һәм камилләшеп, тормыш төбеннән күтәреләчәгенә ышаныч булып яңгырый.

«Теләнче кыз»да үзен эстетик, психологик сурәтләү остасы итеп таныткан Г. Исхакый публицистик характердагы әдәбияттан да баш тартмый. Шуның характерлы мисалы – Чистай төрмәсендә утырганда язылган «Зиндан» повесте (1907). Жанры ягыннан төрмә хроникасы рәвешендәге бу повесть Г. Исхакыйның төрмәдә күргән-кичергәннәренә нигезләнә, тоткын герой автор белән тәңгәлләшә һәм аның шул чордагы ижтимагый-сәяси карашларын ача, автобиографик әсәрдә публицистик код ижтимагый-сәяси эчтәлекле.

Г. Исхакыйның көрәш еллары рухы белән сугарылган «Мөгәллим» (1906), «Тартышу» (1908) драмалары, «Алдым-бирдем» (1907), «Кыямәт» (1909–1910) һәм «Жәмгыять» (1909–1910) комедияләрендә татар жәмгыятендә милләт үсешенә каршы торучы көчләрне фаш итү үзәктә тора. Мондый көчләр рәвешендә иске карашлы кешеләр, бигрәк тә дин эһелләре күрсәтелә. Драматург аларның тормышта табигый яңарыш агымына каршы торырга тырышуларының мәгънәсезлеген күрсәтә, бер үк вакытта, кире кагылган иске тормыш модели белән янәшә, милләтне үсешкә, яктыга алып чыгачак юл да, яңалыкка йөз тоткан ижтимагый үсеш модели дә билгеләп куела. Әсәрләрдәге ижтимагый-сәяси эчтәлекле публицистик код татар укучысын, тамашачысын милләт мәнфәгатьләрен кайгыртып көрәшкә чакыру, өндәү төсендә кала.

1909 елдан язучының каләме, язу рәвеше кабат үзгәреш кичерә: публицистик код, мәгърифәтчел һәм ижтимагый-сәяси катламнар текстлар тукумасында тагын да арткарак чигенәләр, романтик характерлы милли-фәлсәфи кодка урын бирәләр. Чөнки ул лозунг-чакырулардан, жәмгыятьтәге күзгә күренеп яткан тискәре якларны тәнкыйтләүдән баш тартып, милләт тормышындагы бик тирән яшеренгән, тамырлары ерактан килә торган традицияләренә анализларга алына. Истанбулда «Тормышмы бу?» (1909) повесте ижат ителә. Бер шәкертнең хатирәләре, көндәлекләре рәвешендә хикәяләү шәхеснең үсеш-үзгәрешен аның үз-үзен танып белүе рәвешендә күзәтеп бара. Эчке монолог, аң агышы герой хис-кичерешләрен мөмкин кадәр тулырак яктыртырга мөмкинлек ача. Бер үк вакытта аерым күренешләр татар жәмгыяте, тирәлек кешегә көчләп таккан сыйфатлар кебек тәкъдим ителә.

Геройның татар дөнъясы өчен типик булуына, күп татар яшьләренә изге-матур хыяллар белән яши башлавына, эмма ахырдан сынып-сыгылып калуына игътибар юнәлтәп, әсәргә жентекле анализ ясаган рецензиясендә Г. Гобәйдуллин болай ди: «Ләкин безне дә шул ук каһарманны баскан мэдрәсә куркаклыгы кысып, бертөрле генә, бер яктан гына карый торган вөжданымыз тыйгандыр да кире чигенгәндермез, яисә: «Яхшы түгел!» фикере илә бу эшләрдән суыткандыр. Ләкин заман үтүе, жисмани тормышы-

мызның тәрәккые – һәммәсе безне бу вөжданның куәтләрен жиңәргә азаплагандыр. Һәм без дә, каһарман шикелле, «йитәр, әле бик күп форсат югалттым!» дип әйтергә мәжбүр булганмыздыр... Әүвәлге вөжданныңмыз ватылгандыр да, каһарман шикелле, Кабан күле бозларыны үтәргә мәжбүр булганмыздыр...» (Гобәйдуллин, 1998, б. 71).

Повестының башыннан ахырына кадәр шәкерт үткән юлны Р.К. Ганиева түбәндәгечә билгели: «1) яшь, матур, китап укырга һәвәс малай; 2) гарәп һәм фарсы телләрен, ислам фәлсәфәсен, аның схоластик логикасын әйбәт үзләштергән мөнәзарачы шәкертнең хәлфә, мулла, пәйгамбәр кебек яхшы кеше булу идеалы; 3) И. Гаспралының «Тәржеман» газетасын, «Дар әр-рәхәт мөселманнары» исемле утопиясен, рус әдәбиятын һәм төрекчәгә тәржемәдә француз романнарын укып, ислахчы, мәгърифәтче, жәдитче, аурупалашу тарафдары булып китү, милли тәрәккыять идеаллары белән янып яшәү; 4) мәгърифәтчелек идеалларының татар тормышын үзгәртү, яңартудагы көчсезлеген танып, ярым өметле, ярым өметсез егеткә әверелү; 5) халыкка хезмәт итү идеалларын югалткан, вөждан газапларына дучар булган авыл мулласына әйләнү» (Ганиева, 2005, б. 16–17).

Ни өчен юлның шулай төгәлләнүен язучы ижтимагый-сәяси баскычтан торып, милли тирәлек хәле белән бәйләп аңлата: «Буның шулай калуында үзе генә гаеплеме? Нигә көлеп торасыз?! Буның шулай, бер элгәргә игътикадыны бозып, яңа игътикадсыз калуында сез дә, аны чолгап алган бөтен татар тормышыңыз да гаепле түгелме?» (Исхакый, 1999, б. 89). Шулар рәвешле, язучы шәхес трагедиясен – 1905 ел инкыйлабы үзгәрешләре алып киләчәгенә чын күңелдән ышанган татар яшьләре буыны фажига-сенә, уянып үз тормышына бәя биргән, ләкин аны үзгәртәргә көчә житмәгән милләт трагедиясенә әйләндерә (Аминева, 2010, с. 292–293). Бер үк вакытта нәкъ менә шушы – ачык фикерле, чиста-матур омтылышлы, милләт-халык хақына гомерен дә корбан итәргә әзер татар яшьләре – тормышны үзгәртәлек көч-куәт дип билгеләнә. Бу фикер нәкъ менә Г. Исхакый ижатында формалаша, яңгыратыла, киң майданга чыгарыла.

Шушы табылган язу рәвешле язучы ижатында аның иң соңгы әсәрләренә кадәр саклана. Г. Исхакый милләт яшәешендәге тирән яшерен (яки яшерелгән) катламнарда, тарихи-сәяси вакыйгалар яки милли гадәт-традицияләре тәэсирендә барлыкка килгән ситуацияләргә үтеп керә, бер үк вакытта ул милләтне үзгәртү юлын белем үзләштерүдә, башка халыклардан үрнәк алуда түгел, бәлки үз эчке көчендә, тарихи үзенчәлекләрендә, фикри һәм менталь потенциалында таба.

1910 елның язында Г. Исхакый Петербурган яшерен рәвештә Финляндиягә чыга һәм анда жәй аен уздыра. Кыска гына вакыт эчендә «Мулла бабай» романы, «Фамилия сәгадәте» исемле хикәяләр циклы языла. Г. Исхакыйның иң күләмле әсәрләреннән булган «Мулла бабай»да авыл малаеның, мэдрәсә баскычын үтеп, туган авылында мулла булу тарихы күрсәтелә. Әсәрнең үзәк герое Хәлим, күбрәк белем алу ниятендә, шәһәр мэдрәсәсенә китә, анда ачлы-туклы ун ел укып пишкадәм була, аннары үз

авылларында зур кыенлыклар белән мулла итеп сайлана. Герой шәһәрдә алган белемнәре белән туган авылы кешеләренә хезмәт итү турында уйлы һәм әсәр ахырында шушы теләген тормышка ашыра. Роман төгәлләнмәгән булса да, текст ахырына Хәлим ислам дине белгече, халык эхлагын саклаучы абруйлы мулла булып житешә. Шушы герой, аның максаты-омтылышы – татар дөнъясын үзгәрттер көч, тарих тәгәрмәчен әйләндерер куласа, ди автор.

Романда революциягә кадәрге авылның патриархаль яшәеше һәм мэдрәсәләр тормышы киң колачлап һәм төгәл күренешләрдә чагылдырыла. Мисал өчен, авылда мулла сайлау, килен ярәшү, туй үткәрү, мэдрәсәдә укыту тәртипләре, шәкертләренәң ял кичәләре, табигатькә чыгу, жырыбиюләр, шамакайлану һәм театр күрсәтүләр һ.б. бөртекләп күз алдына бастырыла. Татар әдәбиятында XX йөз башы татар руханилары тормышын халык яшәеше белән бербөтен итеп һәм яратып, жентекле-матур күрсәткән башка әсәр табуы кыен.

1910 елның көзәндә Истанбулга килгән Г. Исхакый «Сөннәтче бабай», «Кияү» «Шәкерт абый» хикәяләрен яза. Аларда татар тормышының гаять матур йола-гадәтләре этнографик төгәллек белән сурәтләнә, саф татар типлары тудырыла, шуның белән янәшә, кешеләр фажигасе хакында сызлану урын ала. Әйттик, «Кияү» (1914) хикәясе, бер яктан, татар гаиләләрендәге кунакчылык, өйләнү-кыз бирү традицияләре хакында матурлык эстетикасы теле белән сөйли. Шул ук вакытта дан-шөһрәткә омтылышының, кеше жилкәсендә яшәүнең тискәре, чиктән тыш арттырылган мисалын тасвирлай.

«Сөннәтче бабай» (1911) да татар тормышының традицион билгеләре – чисталык-пөхтәлек, сабырлык, кунакчылык, үз һөнәренә яратып башкару, тәртип ярату Корбангали карт һәм Гөляйзем карчык образларына салынган. Г. Исхакый бу геройларын, аларга хас сыйфатларны милләтне яшәтүче, үстерүче, үзгәртүче билгеләр буларак тәкъдим итә. Охшаш яңгырашлы «Остазбикә» дә (1910) укымышлы, дөнъяга житди карашлы кызның – милләт анасы Сәгыйдәгә әйләнү тарихын сөйли, аны идеаллаштырып, татар хатын-кызларының милләтне, нәселне яшәтүен, саклау һәм үзгәртү көчен ассызыклай.

Г. Исхакыйның Истанбулда ижат ителгән «Зөләйха» трагедиясе татар тарихындагы иң аяныч вакыйгаларга – чукындыруга мөрәжәгать итә. Татар анасы Зөләйха бу очракта киң идея-фәлсәфи мәгънә йөкләнгән символга әйләнә, аны чукындыру бөтен милләтне диненнән ваз кичтерергә тырышу мәгънәсен ала. Язучы дини-мифологик образларга, ислам тарихына һәм фәлсәфәсенә мөрәжәгать итә, психологизм алымнарыннан, саташу, төш күрү, Аллага сыгыну мотивлары ярдәмдә эчтәлекне катлауландыра. Әсәрдә ислам диненәң татарлар өчен милли рух һәм эхлакны, иманны саклаучы булуы хакындагы фикер үткәрелә. Шартлы-символик код беренче урынга чыга.

Язучының «Ул икеләнә иде» (1914) һәм «Ул әле өйләнмәгән иде» (1916) повестлары шушы сөйләшүне XX гасыр башына күчәрә. Алар руслушуну – катнаш гаиләләр проблемасы аша ача: эсәрләрдә чит милли мохиткә элэгүнең татар кешесен үзеннән-үзе милли жирлектән һәм яшәү рәвешеннән аеруы һәм аның нәсел тамырлары корытуга китерәчәге күрсәтелә. Әдип бу хәлнең, ахыр чиктә, милләт язмышына кире тәэсир итәчәгенә ишарә ясый. Сызлану милли-фәлсәфи кодның эчтәлеген билгели башлый.

Г. Исхакый язмышында Октябрь инкыйлабы кискен борылыш тудыра: илдә урнаштырыла башлаган яңа тәртипләр, бигрәк тә большевикларның милли сәясәте белән килешә алмыйча, ул туган илен ташлап китәргә мәжбүр була. Мөһажирлектәге тормышы сәясәтче буларак милләт яшәеше һәм язмышы турында кайгыртуга буйсындырыла. Әмма ул әдәби ижатны да ташламый.

Иң көчле эсәрләреннән булган, сызлану фәлсәфәсе белән сугарылган «Көз» (1923) повестенда әдип рулашу күренешенә сәбәпләрен барлый, аны мохит белән бәйләп куя. Мирза кызы Гөлсем үзенә тормышы турында болай ди: «Бик тиз мине укыта башладылар, ләкин урысча укыта башладылар. Минем беренче танылган китабым урыс китабы булды. Беренче укыганым урыс тормышы булды. Шуннан мәктәпкә кердем. Тирә-юнемдә һәммәсе урыс иде, өйдә дә урысча сөйләләр иде. Килгәннәр урыс була, барганнарымыз урыс була иде, бәйрәмнәр булганда гына мин үземнең әллә нинди икенче төрле урыс икәнәме, рождество ясамаенча, корбан бәйрәмен гает ясый торган урыс икәнәме хис итә идем. Иптәшләрем арасында шул чынлап урыс булмавымыздан хурлана да идем» (Исхакый, 2009, б. 115). Сәүдәгәр гаиләсендә туып, мөселманча аң-белем һәм тәрбия алган Нәфисә мисалында әдип, балаларны милли рухлы итеп үстерү өчен, аларны милли мохиттә яшәтергә кирәк, дигән фикер уздыра.

Г. Исхакый милләт язмышын яктыртуга «Өйгә таба» (1922) повестенда, «Дулкын эчендә» (1920), «Олуг Мөхәммәд» (1944–1947) драмаларында тарихи яктан якин килә, ижтимагый-сәясәт эчтәлекне алга куя. Әйтерсәң тарихның иң катлаулы этапларын тергезү аша татар өчен мөһим рухи кыйммәтләрне барлый. Алар – туган жир, туганлык, тугрылык, намус.

Г. Исхакыйның Төркиядә тагын бер – «Татарның кызы» романы языла, анда инде язучы моңа кадәр үзе милли-фәлсәфи кырда формалаштырган фикер-карашларын тагын да гомумиләштерә. Биредә татар милләтенә, халыкның үзгәрү-үсү көче – аның гасырлар буе камилләшеп килгән традицияләрендә, яшәү рәвешендә, аң һәм фикерләү үзгәрелгендә булуы асызыклана. Башка халыклар тормышы контекстында язучы татарның тормыш итү-көнкүрешенә, гаиләсенә, гаиләдәге узара, ягъни ир-хатын һәм балаларга мөнәсәбәтләренә, көнитештәге бик вак кына детальләренә дә матурлыгын, әһәмиятен идеаллаштырып тасвирлый.

Шулай итеп, Г. Исхакыйның әдәби ижаты татар халкын, милләтне үстерү-үзгәртү юлын эзләү белән билгеләнә. Башлангыч чор әсәрләрендә ул моны халыкка аң-белем бирү, аның анын активлаштыру, жәмгыятьтәге тискәре сыйфатлардан арынып, уңай үрнәккә йөз тоту буларак карый. Аннары – актив көрәшкә кушылу, шәхес иреге өчен көрәш аша – халык азатлыгына килү хакында фикер йөртә. Әмма 1909 еллардан аның фикерләре үзгәрә: татарны халык, милләт буларак саклап калачак, яшәтәчәк, үстерәчәк көчне Г. Исхакый халыкның үзәндә, аның тормышында, әхлагында, гадәтендә, акылында, дөнъяга карашында таба. Шушы концепция аның әдәби ижатының олылыгын билгели дә.

Әдәбият

1. *Аmineва В.Р.* Типы диалогических отношений между национальными литературами (на материале произведений русских писателей второй половины XIX в. и татарских прозаиков первой трети XX в.). Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. 476 с.
2. *Вәлиди Ж.* Гаяз әфәнде // Исхакый Г. Әсәрләр. Унбиш томда. Т.8: Гаяз Исхакыйның тормышы һәм ижаты турында замандашлары (1898–1917). Казан: Татар. кит. нәшр., 1998. Б. 119–136.
3. *Ганиева Р.К.* Гаяз Исхакый ижаты. Казан: КДУ, 2005. 38 б.
4. *Газиз Г. (Гобәйдуллин Г.)* «Тормышмы бу?» // Исхакый Г. Әсәрләр. Унбиш томда. Т.8: Гаяз Исхакыйның тормышы һәм ижаты турында замандашлары (1898–1917). Казан: Татар. кит. нәшр., 1998. Б. 71–74.
5. Гобәйдуллин Г. «Ике йөз елдан соң инкыйраз» (Гаяз Исхаков әсәре) // Исхакый Г. Әсәрләр. Унбиш томда. Т.8: Гаяз Исхакыйның тормышы һәм ижаты турында замандашлары (1898–1917). Казан: Татар. кит. нәшр., 1998. Б. 80–100.
6. *Исхакый Г.* Әсәрләр. Унбиш томда. Т.1: Повестьлар һәм хикәяләр (1899–1908). Казан: Татар. кит. нәшр., 1998. 399 б.
7. *Исхакый Г.* Әсәрләр. Унбиш томда. Т.2: Повестьлар һәм хикәяләр (1909–1918). Казан: Татар. кит. нәшр., 1999. 464 б.
8. *Исхакый Г.* Әсәрләр. Унбиш томда. Т.4: Пьесалар (1900–1918). Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. 496 б.
9. *Исхакый Г.* Әсәрләр. Унбиш томда. Т.5: Хикәяләр, повестьлар, пьесалар (1920–1947). Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. 559 б.
10. *Сәгъди Г.* Татар әдәбияты тарихы: дәреслек-кулланма. Казан: Татар. дәүләт нәшр. басмасы, 1926. 300 б.

Д.Ф. Загидуллина

**Литературное творчество Г. Исхаки:
поиск пути развития нации**

В статье рассматривается художественное творчество Гаяза Исхаки с точки зрения присутствия в нем различных кодов, регулирующих создание текста. Кроме общелитературного кода, пробуждающего читателя прочитать текст как художественное произведение, в творчестве писателя обнаруживается публицистический код (просветительской или общественно-политической направленности), условно-символический код, национально-философский код. На материале анализа произведений Г. Исхаки определяются точки трансформации в его творчестве, произведения, которые стали знаковыми в эволюционном пути художественного поиска.

Ключевые фразы: татарская литература, Гаяз Исхаки, публицистический код, условно-символический код, национально-философский код, идейно-эстетическое своеобразие.

D.F. Zagidullina

**G. Iskhaki's literary work:
the search for the development of the nation**

In the article art creativity of Gayaz Iskhakiy from the point of view of presence at him various codes regulating creation of the text is considered. Except the common-literary code awakening the reader to read the text as the work of art, in works of the writer the publicistic (of educational or social and political orientation), conditional and symbolical, national and philosophical codes are found. On material of the review of G. Iskhakiy's works transformation points in his creativity, works which became sign in an evolutionary way of art search are defined.

Keywords: Tatar literature, Gayaz Iskhakiy, publicistic code, conditional and symbolical code, national and philosophical code, ideological and esthetic originality.

Загидуллина Дания Фатиховна – доктор филологических наук, главный ученый секретарь Академии наук РТ (г. Казань).

Загидуллина Дания Фатых кызы – филология фәннәре докторы, ТР Фәннәр академиясенең баш гыйльми сәркатибе (Казан шәһәре).

Zagidullina Daniya Fatikhovna – Doctor of Philology, Chief Scientific Secretary of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan).

Газета «Тормыш» (1913–1918) как артефакт дореволюционного социального сознания российских мусульман

Статья посвящена изучению общественных взглядов известного татарского переводчика, богослова, историка и социолога Закира Кадыйри. Учившийся в Стамбуле, Каире, священных городах мусульман, З. Кадыйри имел четкую схему социальных отношений, которая с гарантией приводила и приведет к успешной интеграции в мир развитых наций. Так же, как и многие татарские мыслители, он считал, что человеческий мир – это конфликты. В данном случае Европа и весь остальной мир являются двумя силами, одна из которых поглотит другую. З. Кадыйри полагал, что необходимо перехватить у Европы инициативу по формированию авангарда человеческой цивилизации. Он считал, что благодаря знанию законов функционирования общества, осторожной, гибкой политике и отсутствию личных узких интересов возможно заимствование самого прогрессивного, а также конкуренция с самыми сильными. Он верил, что некая сила культуры, не зависящая от расы, территории, а лишь от труда и единства, со временем перемещается с одной местности на другую. Победа же той или иной нации зависит от использования имеющейся исторической возможности.

Ключевые слова: Закир Кадыйри, общественное мнение, культура, социокультурная антропология, исламское обновление, религиозное меньшинство.

Введение. Мало кто из дореволюционных татарских общественных деятелей обладал системным мышлением. Можно назвать историка Ю. Акчуру, философа З. Камали... Ну, наверно, и все. Одним из таких людей является и Закир Кадыйри. Хотя он известен больше как переводчик, редактируемая им газета «Тормыш» имела четкую платформу и вполне могла бы быть названа первым татарским лоббистским печатным органом среди самих мусульман. В одной из прежних публикаций¹ мы описали похожую фигуру – Габдерашид Ибрагимов защищал ислам, боролся с миссионерами, рассказывал случаи из жизни, путешествовал. Он был рупором мусульман с просветительскими чертами. Закир Кадыйри же – это другой уровень. Он – социальный инженер. Он искусно объясняет структуру российского ислама, намечая общую цель, используя сводки новостей и события в общественной жизни России.

Редактор газеты «Тормыш» был знаком со многими европейскими мыслителями. Особенно ему запомнился полимат Герберт Спенсер, работу которого «Образование» перевел на арабский один из учителей З. Кадыйри Мухаммад Абдо, а он, в свою очередь, перевел на татарский. Зна-

---

¹ В статье «Габдерашид Ибрагимов как олицетворение исламского публичного пространства».

комство с европейской мыслью сделало З. Кадыри космополитом. Он считал, что у всех людей имеется один путь развития – научный, в границах своей территориально-культурной автономии. Мы не может назвать его антропологом, как написано, например, в турецких вариантах его биографии. Его взгляды говорят о том, что он изучал не культурные различия между разными нациями и религиями. Его не устраивал уровень развития, который необходимо достигать, следуя единой форме. Категориально его можно назвать социологом-ориенталистом, считающим, что восточное общество просто находится ниже в развитии по сравнению с Европой. Однако это неравенство не вечно, поскольку лидерство переходило и будет переходить из одной цивилизации в другую. Таким образом, ключевое для З. Кадыри понятие культуры имеет большую близость с термином «превосходство», «цивилизация», нежели чем с духовной и материальной спецификой. В турецкий же период жизни акценты немного меняются – на первое место выйдет рационализм, осмысляющий многовековое наследие всех мусульманских народов, а особенно тюркских. Сегодня как в России, так и в Турции он больше известен как переводчик.

Он писал по проблемам, которые будут ключевыми в социологии XX века. Это взаимосвязь природы и культуры, национальной и общечеловеческой культур, национальной и общественной деятельности, личного и общественного мнения, обычая и рациональности, развития и общественного сплочения и т.д.

Почти все его социологическое наследие представлено в передовицах газеты «Тормыш». Эти материалы обладают качествами четкой категоризации, нарративностью (повествовательностью), акцентом на этапности социального развития и общественной самоорганизации.

Газета «Тормыш» издавалась в Уфе в очень сложное для страны время – в годы Первой мировой войны. Она ощущала себя, в первую очередь, уфимской газетой, выходила каждый день, но местные события рассматривались сквозь призму развития публичной активности мусульман всей империи. З. Кадыри с большим энтузиазмом взялся за редакторство газеты. Она стала объяснять мусульманскому населению смысл и пользу для уммы тех или иных международных событий, договоров, альянсов. Главной темой газеты был ход «Большой войны», а также описание порожденных ею проблем в рамках региона. У редактора был свой взгляд на развитие татаро-мусульманской общины, однако в обзорных статьях по результатам развития сообщества мусульман он печально констатировал, что ситуация не идет им на пользу. Данное ощущение усиливалось из года в год.

Институционализация, советы. Для самоорганизации, по З. Кадыри, необходимы несколько конкретных вещей – реализация функции национальных праздников, единая внутренняя и внешняя структура обществ, махаллей (приходов) и сословий, отражающая общественное мнение пресса, использование институтов выборности имамов, сбора закята и

земств. Помимо этого, требуются условия развития. Например, каждый народ, переходя к оседлому образу жизни, начинает жить по правилам, переходит к общественной, культурной форме жизни. Если же к общественной важности торговли добавить политическую, то можно будет представить ее роль для распространения ислама (футухата) (См.: Казахстан..., б. 1).

Сутью же и формой социального развития и объединения является институционализация. Разные общества, например, благотворительные, по мнению З. Кадыри, являются минипарламентами (См.: Уфа..., б. 1). Одна из первых статей посвящена созданию союза мусульманских обществ. Позднее этот Союз превратился во Временный мусульманский комитет, главной проблемой которого стало отсутствие денег на реализацию решений (См.: Дахи мөөккат..., б. 1). Первой общемусульманской организацией стала партия «Союз мусульман» (Иттифак аль-муслимин). Его программа для З. Кадыри будет основой религиозной, национальной и политической жизни всех российских мусульман, которая должна восприниматься как продолжение октябрьского манифеста 1905 года. Именно поэтому никто не имел право ее оспорить (См.: Бездә..., б. 2–3). Однако программу «Иттифака», где главную роль играет духовенство, необходимо было перепроверить, создать рабочий центр и структуру махалли. Без этой серьезной работы чего-то добиться было невозможно. Он призывал к объединению с «левыми» для отмены всех ограничений².

Позднее создаются мусульманские фракции Государственных дум с определенным числом «левых» депутатов. По мнению редактора «Тормыш», создание Думы и мусульманской фракции исключительно важно в условиях отсутствия четкой структуры махалли и законодательной фиксации процедуры оставления вакуфов. Кроме того, до создания фракции невозможно было собрать под едиными лозунгами и с едиными целями располагающихся на отдаленных территориях мусульман. Сейчас это стало возможно, но необходимо продумать эту практическую сторону (См.: Бу Думаның..., б. 1–2). Майский Курултай 1917 года создал еще одну организацию – Центральный мусульманский совет. Однако он сам по себе не мог реализовать решения съезда. Было необходимо создать его отделения в мусульманских центрах. Они должны быть на двух уровнях – губернии и уезда – и вести учебную и культурную работу. Редактор «Тормыш» сравнивает головную организацию с «Иттифак аль-муслимин» и «наказами мусульманской фракции». Создание новых организаций определило проблему – «мы собираемся, выбираем, расходимся и забываем. Мы не курируем, не поддерживаем созданные органы – из-за этого из бюро «Иттифака» вышли Ю. Акчура и Г. Тупчыбашев» (Милли..., №663, б. 1–2). По

---

² И действительно, его газета стала площадкой выражения мнения левацких сил. В ней активно печатались Г. Гафуров, Ш. Мухаммадьяров, Г. Терегулов, Ф. Сайфи-Казанлы, Г. Ибрагимов и другие.

мнению З. Кадыйри, туда надо выбрать людей «с чувствами и головой». Без этого все решения съезда останутся только на бумаге. Главными принципами, на которые нужно опираться, должны были стать демократизм (халыкчылык), тюрко-татарский исламизм (исламчылык) и современничество (гасырдашлык) (См.: Закир..., №668, б. 1–2).

По важности, создающей условия, атмосферу для интеграции и саморепрезентации первое место для З. Кадыйри занимают праздники (См.: Мәүлид. Б. 1). Он пишет: «Пять-десять лет назад нам и в голову не приходило отмечать национальные и религиозные праздники, не знали, как восхвалять славные имена нашего народа и воспитать души молодого поколения». Мавлиду он уделяет большее внимание, чем традиционным Курбан-байраму и Рамазану. Говорит, что сегодня он приближается к национальной культуре, так как молодые люди сами его организуют и приглашают старших (См.: Милли вә дини..., б. 1). Другие же праздники остались у татар с языческих времен. Потеряв прежний смысл, они перестали актуализироваться. Народу необходимы национальные праздники со смыслом, например, день рождения И. Гаспринского, Ш. Марджани, К. Насыри. Для желаемого результата религиозных праздников необходимо превращение «служителей минбаров и михрабов» в настоящих духовных лидеров. Настроение будут поднимать культурные мероприятия – музыка, песни, театр и семейное тепло (См.: Безнең бәйрәмнәр..., б. 1–2). Форма проведения праздников, для З. Кадыйри, является индикатором зрелости нации. Общественная организованность напрямую проявляется в их одухотворенности и живости. Мертвые праздники не оставят след в душе ребенка – из-за чего они потеряют свою главную цель (Бәйрәм, б. 1–2). Много рассуждений имеется о пятнице как времени обязательной коллективной молитвы. Он пишет, если раньше думали, что работать по пятницам запрещено (харам), то вскоре появилось политическое создание – «стал понятен политический смысл праздников». Однако в Казани часть приказчиков пошла против этого, считая, что когда русские магазины открыты, отдых не станет нормальным отдыхом. З. Кадыйри пишет, что надо понять, во время праздника никто не имеет права поручать работу рабочему. Рабочая пятница мешает поклонению (надо отпрашиваться), нет торжественного настроения и зависит от личной совести (вөжданга кайта) (См.: Мөселман..., б. 1). Закон о мясопустных днях также приводит к поражению мусульман. Он говорит о том, что мясо можно было есть только в субботу, воскресенье и понедельник. Однако, для мусульман в пятницу (праздничный день) часто устраивают праздничный стол. Есть неудобства и при празднике Курбан байрам. Да, он длится три дня, но для принесения в жертву в субботу надо готовиться заранее, так как не много возможностей приобрести животное в субботу (См.: Корбан..., б. 1).

Махалля, по мнению автора, должна интегрироваться в общественную жизнь татар. Необходимо рационально тратить закят. Работа и присутствие прибыли должно являться основой общественной жизни мусуль-

ман (См.: Заkyat..., б. 2). Однако это не все, связанное с мечетью: «Проповеди духовенства, мечеть, минбар и михрабы – главные из инструментов, организующих эти общественные дела» (Ижтимагий..., №119. б. 2). Избрание хазрата является достижением общественности, но выборами необходимо уметь пользоваться – нужно перестать выбирать сына прежнего имама и относиться невнимательно к выборам! (См.: Имамлык..., б. 1). Редактор «Тормыш» ставил и проблему единоначалия в махалле, говоря, что имам, как у христиан, стал посредником между Богом и людьми, почти отпускающим грехи (рухани аталык). З. Кадыйри считает, что, возможно, за основу этого религиозного начальника взят суфийский наставник «муршид». Редактор выступает против предложения Юсуфа-хаджи Дибердеева об организации «Обществ по обеспечению мечетей Аллаха», создающих вакуф и совет управляющих, – необходимо сначала создать законодательную базу для этого. Если другие будут придерживаться иного мнения, то начнутся препирательства и борьба. Общество сегодня кипит, а в дальнейшем будет кипеть еще больше (См.: Дини эшләрбез...I, б. 1).

Первого мая 1917 г. в Москве прошел Курултай российских мусульман. Татарский социолог считал, что отсутствие больших ученых, изучивших жизнь народа, и общественных специалистов является препятствием к возложению всей работы на центральное Бюро – надо участвовать всем на своем уровне (См.: Русия..., б. 1–2). Из-за отсутствия политической веры (иман), фундаментальной основы, определенного плана действий (хат харэкэт), ни одно из общественных дел не было выполнено (См.: Закир, №437, б. 1). Надежда возлагается им и на государство – возможно, что после войны оно поможет упразднить сиротство (үгилек), то есть неполноправное положение, отчуждение народов, живущих в России (См.: Русиядәге..., б. 1). Поддержка местным самоуправлением образовательной сферы является для него очень важным – «земства развивают страну – это единственное средство по подъему народа в смысловой и материальной сторонах» (Уфа..., б. 1). Пока же Казань погрузилась в интриги и не участвует в составлении «наказа» (боеру) депутатам (См.: Тагын..., б. 1). Уфа же, наоборот, стала центром серьезности и дела. Она возвысилась над интригами и личными интересами. Это из-за того, что смогли объединиться общественные деятели, рабочие и равнодушные богачи (См.: Бөек..., б. 1). Однако после Февральской революции Уфа не сумела создать единый орган. В середине 1917 г. там нельзя было даже решить маленький вопрос, подобный мусульманским праздникам (См.: Милли..., №655, б. 1). В этом смысле З. Кадыйри замечает, что Оренбург стал примером для Уфы.

Рейтинг тюрко-исламского мира. Ислам как латентное саморепромирование. Жизнь развивается и совершенствуется. Другими словами, личная и общественная жизнь основаны на постоянном обновлении, «джадидизме». Обновленцы жизни всегда были в авангарде всех народов... Пророк пришел с ним... Австралия и Африка же отстали и исчезнут

с карты земли (См.: Жәдитчелеккә..., б. 1). Это обновление связано в первую очередь с системой образования. Как же видел идеальную систему образования З. Кадыри? Начальная школа должна была быть на родном языке (Мәктәб, б. 1). В медресе при преподавании предметов надо было исходить из социальной востребованности (Мәдрәсәләребез III, б. 1). Светские предметы можно взять в русских учебных заведениях, а национальные изучать в медресе. Между медресе не должно быть соревнования, погони за статусом – необходимо их разделить по функциям на три группы: на готовящих высшее духовенство, дающих знания по науке и литературе и подготавливающих учителей (Мәдрәсәләремез IV, б. 1.). Религиозные медресе должны были, в свою очередь, быть разделенными на средние-игдади (готовящие имамов) и высшие-гали (готовящие ахунов, казыев). Редактор «Тормыш» возлагает на земство проверку учебников для мектебов (Милли..., №382, б. 1). Однако отдавать все права земству недопустимо. Он пишет о вытеснении мектебов земскими школами. Причем виновниками являются сами мусульмане, так как на протяжении веков колониального положения развились безнравственность (әхлаксызлык) и невежество. Далее он описывает этот процесс более подробно – мы поверили ложному положению и стали отдавать детей в русские школы. Но, однако, всеобщее образование не означает получение его в школах: «Мы берем Европу в пример. Однако, в основном во внешних вещах – моде, одежде, фасонах. Но сначала нужно последовать Европе в основных причинах, приводящих к развитию культуры, а именно в вопросе мектебов и медресе... Там начальное образование ведется на родном языке» (Миллиять..., №442, б. 1). В национальных школах нужно учить все. Там должен быть дух религии, преподавание на родном языке. Главная проблема национальных мектебов видится им в отсутствии прививания любви к труду. В этом смысле земские школы очень полезны. Для распространения национальных школ же нужно национальное движение (См.: Милли..., №483, б. 1–2). В отличие от всего мусульманского мира, в России вакуфы не были распространены. Государство не помогало национальным организациям. В XIX веке количество вакуфов увеличилось. Если бы в законе он оговаривался, то количество желающих его оставить увеличилось бы. Однако наличие вакуфа не означает пользу. Например, медресе «Хусайния» закрылось, несмотря на наличие вакуфной поддержки (См.: Бер..., б. 1). В сложных условиях войны он защищает учителей, считая, что взятие их на фронт приведет к образовательной трагедии, так как приведет к отравлению детских умов – по его мнению, мусульманские школы готовят силу не только внутри России, но важны в политическом смысле и за пределами России, для ее внешней политики (См.: Мөгаллим..., б. 1). Для выживания нации необходимы не только начальные школы, но и гимназии, даже университеты и академии. Их создание – фарз (обязанность), но нужно учиться и в школах господствующей нации (См.: Ике ..., № 532, б. 1).

После сферы образования, которая стала практически профессиональным занятием нашего редактора³, он останавливается на ее результате. Культура является тем механизмом, который объединяет не только детей одного рода или племени, она сближает людей во всем мире (См.: Парламент..., б. 1). Национальные течения всегда дополняются культурными. Там, где просвечивает свет культуры, за ним идет национальное самосохранение. Сама же культура появляется вслед за религиозными течениями и религиозными движениями (См.: Кадыйри, б. 2–3). По уровню развития татары достигли уровня национального течения, «так как у нас есть религиозные реформаторы, историки, литераторы, редакторы, поэты, преподаватели и преподавательницы» (См.: Миллять..., №30, б. 1). Европа – «белая сила», а разные препятствия на пути 25-миллионного мусульманского населения России – «черная». В скором времени мусульмане будут вынуждены не только уважать, но и преклониться (сэждэ иту) перед «белой силой» (См.: Алдымыздагы..., б. 1).

Встраиваемость в земские структуры, участие в государственных органах власти порождает новый тип личности. Наличие национальных деятелей не исчерпывает всю полноту социального развития нации – появляется «общественная деятельность». Ее надо отделять от «национальной», под которой подразумевается строительство мектебов и медресе, преподавательская деятельность, написание статей и книг просветительской направленности, выступление на собраниях-маджлисах о национальных нуждах. Общественные деятели связаны с деятельностью города и земства, говорят о народных нуждах, так же, как о нуждах мусульман. В описываемое автором время общественных деятелей было очень мало. До их появления народ не понимал свои нужды. За него все решали чиновники, не уделяя достаточного внимания его интересам. Например, вместо защиты экономических прав, равенства мусульман, они через разные организации защищали собственные экономические интересы. Общественная деятельность, в отличие от национальной деятельности, которая не ограничена в своих проявлениях, осуществляется по определенным положениям. Но мусульмане мало знают о законах в области работы городских и земских органов власти (См.: Жэмагать..., б. 1–2). В общественной жизни весь мир взаимосвязан. (См.: Шэригать..., б. 1). Именно война привела к появлению общественных деятелей у татар-мусульман (См.: Йолдыз..., б. 1–2). Необходим план изменений: «Нужно иметь в виду, что если у нации нет пути, правил, по которым они принимают изменения, то это может привести к очень опасным результатам... В период изменений нация может исчезнуть (См.: Ижтимагы..., №119, б. 2). Жизнь изменяется из-за общественных причин. Революции переносят нации из одного состояния в дру-

---

³ Он долгое время преподавал в уфимских медресе «Галия» и «Усмания», а также был избран в состав Комитета по образованию в Национальном управлении в январе 1918 г.

гое. Однако на Востоке игнорируют общественные правила. Войны, по мнению автора, полезны так же, как и революции. Война византийцев и персов приготовила революцию у арабов. На первый взгляд, Французская революция и походы Наполеона кажутся бедой для Европы, но для всего мира это был важный шаг по открытию «дверей блаженства». Каждый социалист воюющих стран защищает национальную идентичность... Она является священной» (Миллиять..., №384, б. 1). Революция играет также важную роль и в истории народов, влияя на их жизнь и образ мыслей, на их культуру, образование, политику, изменяя даже обычаи (См.: Икенче..., б. 1).

Но, однако, революцию (инкыйлаб) надо отделять от бунтов (ихтилял). Ишаны и «черные силы» хотели подавить Февральскую революцию – они подговорили солдат из числа татар-мусульман и устроили атаку, например, на Оренбургский мусульманский комитет. Ишаны – это самый большой враг! (См.: Якты..., б. 1–2). В России консерваторы стали орудием отдаления мусульман от правительства. К ним присоединились защитники личных интересов, и это движение погрузилось в интриги, нанеся сильный удар по культуре российских мусульман (См.: Жәсүсләр..., б. 1). З. Кадыри надеется, что после Февральской революции Россия уже не будет поддерживать славянско-христианское единство. Стоит ожидать хороших отношений между Россией и исламским миром. Она уже поддержала, например, Иранскую революцию (См.: Русия..., №633, б.1–2). За образец предлагается отношение Британского правительства к мусульманам – подданным британской короны. Колониальная политика Англии считается полезной для индийских мусульман. В Египте же английские интересы скрывались за идеей о чисто арабском халифате, выраженной редактором консервативной газеты «аль-Муайяд» Гали Юсуфом. К ним присоединились и саудовские ваххабиты (См.: Гарәб..., б. 2–3). Однако арабы-бедуины, не желающие господства тюрок, не смогли объединиться. Осторожность турецкого правительства и оппозиция этой идее известных египетских газет оставила идею Арабского халифата на уровне мечты (См.: Гарәбстанда..., б. 2–3).

Мониторинг социальной нормы, срединный путь. З. Кадыри понимает религию в общеджадидистском ключе – «из-за нашего незнания целей (мундараджа) Корана и духа пророческих хадисов семья и, в общем, каждое наше дело не соответствует основам религии» (Мәдрәсәләребез V).

На мнение Сабира-хазрата⁴ о необходимости некой официальной организации для выпуска фетв (См.: Ижтимагый..., №238, б. 1–2) «Тормыш» отвечает, что истину надо говорить там, где она пригодится! Только для официального статуса нужна печать Собрания (См.: Ижтимагый..., №242, б. 1–2).

---

⁴ По-видимому, речь идет об уфимском мулле Сабире Хусаинове. О его взглядах смотрите ниже.

Идея решения всех вопросов с помощью фетв не поддерживается З.Кадыйри. Он считает, что в будущем невозможно выпустить фетву, решающую маленькие вопросы, которые будут сыпаться на голову человека. Эти частные вопросы будут меняться по мере того, как нация и ее представители будут идти вперед к культуре или назад к дикости. Невозможно решить все появляющиеся новые вопросы в рамках шариата и религии. Если одна из религий возьмет на себя миссию по решению всех частных вопросов, то она перестанет быть божественной религией – она перестанет исполнять функции религии и выйдет из состава религий... Таким образом, надо оставить эти вопросы на решение в конкретное время. Например, театр нужен с общественной точки зрения, так как людям надо как-то проводить свободное время. Запрещать его – преступление против общества и шариата. Консерватизм (мухафизакарлык) нужен, но у него должны быть границы: «Применение же его к национальному развитию немалая невоспитанность» (См.: Театр..., б. 1–2). Общественный религиозный долг – Коран и хадисы перевести на татарский, воспитание в приютах в духе ислама – не под силу одному человеку или одной фирме. Эти религиозные долги выполняются всем обществом, публично (ижтимагыять хэлэндә). Однако народ, по мнению З. Кадыйри, не знает настоящий ислам – он воспитан на переданных от дедов суфийских поэмах «Бадавам», «Бакырган» и «Алты бармак». Кроме того, он понимает ислам как убийство немусульман, прописанное многоженство, борьба с нравственностью и человечностью. Грех излишней религиозности и искаженной, одетой в религиозные одежды лжи, состоит, например, в совете религиозному меценату Абдуллатифу-хаджи потратить деньги не только на выпуск Корана, но и на издание старых и ненужных книг (См.: Закир, №504, б. 1–2).

Перевод произведения Г. Исхаки на азербайджанский язык говорит о том, что между шиитами и суннитами исчезла вражда. По мнению З. Кадыйри, Тафтазани и Насафи воспитали в шакирдах враждебность к мутазилитам, однако эти вопросы потеряли актуальность (См.: Тәгаруф...). Есть у нашего социолога и ортодоксальные пассажи. З. Расули связан с возвращением к саляфам, к Корану и хадисам, а не своей суфийской принадлежностью (См.: Шәех...). Муса Бигиев говорит об отсутствии необходимости сопоставлять кораническую истину с греческой философией (См.: Бөек...). З. Кадыйри говорит, что вероучение и вера у М. Бигиева как у преемника пророка Абу Бакра (См.: Муса...). Предсказуема позиция З. Кадыйри по выборам нового муфтия – он должен быть посредником между народом и правительством, знающим состояние общества. Не должен быть муфтием представитель духовенства, так как это копирует христианство (См.: Дахи..., №279).

Для развития необходимо сформировать общественное мнение, на которое не будут действовать личные взгляды. Без наличия его, по мнению З. Кадыйри, с нацией никто не будет считаться. Сначала необходимо создание социального факта – на собраниях, совещаниях, съездах будут

решаться религиозные и национальные вопросы. Потом прессе придется с решениями считаться. Следующий шаг – принятие решений обществом. Это необходимо для работы ради достижения единой цели (гайя). Например, по вопросу о структуре махалли в публикациях не было подробностей, деталей. Предложение Ю. Дибердиева говорило об отсутствии целенаправленного действия (гайя-и амалебез) (См.: Дини..., №591, б. 1–2). Первая цель – равенство, упразднение всех ограничений. Вторая цель – распространение влияния ОМДС, выборы, школа. Но самое главное – подготовить законодательную базу (См.: Дини..., №592, б. 1–2). Редактор пишет, что у каждого по любому вопросу могут быть собственная позиция. Однако с частными мыслями люди не смогут противостоять печати, которая размещает разные взгляды и мысли по самым важным вопросам, связанным с будущим нации и исламскости (исламиять) (См.: Казыйлык..., б. 1). Автор одной из статей в газете «Вақыт» Зайд выразил мысль, что любая газета – это личные мысли людей. Однако данная позиция поставит прессу в бессмысленное с общественной точки зрения положение (См.: Зуриба..., б. 2–3)⁵. З. Кадыйри констатировал, что при нем рождаются общие мысли (общественное мнение) и многоклассовая (проникающая и в деревню) культура (См.: Милли..., №174, б. 1). Несколько же уфимских же приказчиков во главе с Сабиром Хусаиновым лишь играют с общественным мнением, поддерживая созданную приближенными к императору организацию «Сират мустаким» (См.: Эфкар..., б. 1–2).

На местном съезде в Уфе возникли два вопроса по поводу национальных советов. Галимджан Ибрагимов считал, что они будут заниматься только вопросами образования. Другой депутат полагал их решения рекомендательными, а не общеобязательными, связывая их только с личным мнением. З. Кадыйри говорит, что Национальный совет (Милли шура) в федерации будет исполнять функции парламента, а те участники революции, которые являются сторонниками научного понимания наций, и считают смешным участие в национальных организациях, сами запутались и пытаются с помощью «демагогических приемов» обескуражить народ (См.: Ике..., б. 1–2). К этим людям, «ничего не сделавшим в религиозной или культурной работе Уфы», причисляется, например, Гумер Терегулов, который пишет, что враги деревенского люда красят все в национальные и религиозные краски, что происходит из-за необходимости избрания в Учредительное собрание (См.: Милек..., №705, б. 1–2). Другой оппонент З. Кадыйри, Фатих Сайфи-Казанлы, считал, что все небесные религии погрузились в фанатизм из-за участия в политике. З. Кадыйри обращается к хорошо изученному им наследию М. Абдо, который в переписке с французским министром Ш. Ханото сказал, что обновление является природой Ислама (См.: Руханилар..., б. 1–2). З. Кадыйри так характеризует эту эпоху внутренних конфликтов: «Сейчас время мелких конфликтов, например,

---

⁵ То же самое см.: *Мөфтилек...*, №277, б. 1–2.

имамов с преподавателями. За несколько месяцев мы так и не смогли создать сильные организации. Как только начинаем формировать, так сразу начинается движение ее противников. Так было и с национальными советами. Сейчас не время искать недостатки. Постепенно они будут усовершенствованы» (Эшлэр..., б. 1).

3. Кадыри верил в линейное прогрессивное развитие. Он говорил, что идея деспотизма была занесена Ибн Рушдом в Европу (См.: Кадыри, б. 2–3), но сегодня его время прошло. Достигнутый уровень свобод уже никогда не будет упущен. Он говорит, что в описываемое им время никакой диктатор не сможет прибегнуть к жестким мерам – потому в свободное время на это положение можно будет опереться (Аптыраш). Та же самая идея общественной собственности на землю является комплементарной религиозно-теоретической утопией, связанной с христианством. Но нигде национализация частной собственности не была реализована. Он пишет, что существует большая разница между идеалом и реальностью. Национализация земли приведет к рекам крови, чувство собственности невозможно в человеке подавить, для крестьянина собственная земля – гарантия существования. Важным фактором также является то, что без нее Россия не сможет выплатить свои долги, а создаваемый продукт будет плохого качества. Несмотря на свое несогласие, 3. Кадыри оставляет этот вопрос открытым, чтобы не портить отношений с социалистами. В заключение он говорит, что надо понимать, если не будет земля закреплена за народом (казахами, татарами-мусульманами), то они везде превратятся в меньшинство (См.: Закир, №703, б. 1). Национальные организации поддерживали казанскую платформу, принятую на втором курултае в Казани. Необходимо перераспределение земли за счет казенных, боярских и купеческих земель. Национализированная земля же не будет работать на татар. Им вновь придется покинуть Родину (См.: Закир, №704, б. 1).

Заключение. Итак, 3. Кадыри хотел создать работающую систему. Однако это было бы «государство в государстве». Государственные органы власти ни сами, ни через земства не имели бы желания создавать рабочую автономию. Лоббистская же сила мусульман не имела последнего аргумента в этом споре.

Для нас важно присущее ему чувство «золотой середины». Подобно Г. Баруди, он готов был отказаться от принципиальной позиции ради достижения компромисса нации. Самоценна его исламская программа. По сути говоря, борясь с политическим исламом, исламом как политическим инструментом, он отчасти его использовал, как в случае с отдыхом в пятницу. В целом же, появление «феномена Закира Кадыри» говорит о начале периода профессионализации в татарском обществе. Четкая программа встраивания и использование общегосударственных механизмов говорят о том, что он возвысился над не только личными, а и узконациональными идеями.

В плане направления и качества взглядов З. Кадыйри, на наш взгляд, будет полезно сравнение его с также нашим соотечественником, оставившим заметный вклад в турецком богословии, Халимом Сабитом Шибаем. Последний написал цикл статей с заголовком «Общественный усуль фикх» («Ижтимагый ысул фикх») в газете «Сират мустаким», где описал общественную деятельность с точки зрения религиозных обязанностей. Вклад З. Кадыйри в России состоит примерно в том же, только применительно к мусульманскому меньшинству. А для меньшинства, соответственно, важную роль играет умение подстроиться под условия большинства. Причем речь идет не только о русском окружении, а о европейской цивилизации в целом. Незадолго до З. Кадыйри Ш. Марджани создал слепок нормы, которая не выводит из ислама. З. Кадыйри же пошел дальше и создал искусственный мировоззренческий механизм самосохранения в условиях внутренней диаспоры, то есть форму, систему культуры, которая лучше всего раскрывает «дух ислама».

Взгляды З. Кадыйри по любому из взятому им направлений имели немало критических отзывов как в Турции, так и на Родине. Однако же его открытость, принятие практически всего, что объективно существовало, делало его позицию неуязвимой. Он просто определял оппонентов как часть общественного мнения или представителей лишь своих взглядов. Последние же не удостоивались почести быть опубликованными в газете «Тормыш».

Главную опасность он видел в превращении в инструмент каких-то сил. Даже если «черные силы» мракобесия (кадимисты, ваххабиты) становились орудием «белых сил» культуры, науки и демократии, последние не дорожили истинностью «своей опоры». Врагами же были не имеющие четких границ консерваторы, стремящиеся игнорировать законы общественного развития и расстановку сил в мире.

У многих татарских богословов (Г. Баруди, Г. Бубый) таклид, некритическое продолжение идей предков представляется отдельным мазхабом. Для З. Кадыйри это также было так. На наш взгляд, эта идея идет от М. Абдо, считающего, что ислам несет в себе больше элемента обновления, чем другие небесные религии. З. Кадыйри развил эту мысль. Он считал, что это обновление связано с рациональным мышлением. Если в российский период он полагался больше на идеи саляфов, то в Турции идея рационального исламского наследия в нем окончательно торжествует. В этом смысле он повторил путь Ш. Марджани, в медресе которого преподавались все классические труды по каламу, которые он критиковал в своих произведениях.

Источники и литература

1. *Алдымыздагы кирталар* // Тормыш. №457. 1916. Б. 1.
2. *Аптыраш* // Тормыш. №681. 1917. Б. 1.
3. *Бездә рухани идарә* вә мөхәлләр тәшкиляты II // Тормыш. №549. 1916. Б. 2–3.
4. *Безнең бәйрәмнәр* // Тормыш. №521. 1916. Б. 1–2.
5. *Бер игълан мөнәсәбәте илә* // Тормыш. №498. 1916. Б. 1.
6. *Бәйрәм* // Тормыш. №566. 1916. Б. 1–2.
7. *Бөек галимез Уфада* // Тормыш. №200. 1915. Б. 1.
8. *Бөек һиммәтләр* // Тормыш. №447. 1916. Б. 1.
9. *Бу Думаның өмидемез* // Тормыш. №540. 1916. Б. 1–2.
10. *Гарәб мәсьәләсе* // Тормыш. №224. 1915. Б. 2–3.
11. *Гарәбстанда ихтилял – Хижаз тимер юлы* // Тормыш. № 233. 1915. Б. 2–3.
12. *Дахи мөәккат мөселман комитеты мәсьәләсе* // Тормыш. №224. 1915. Б. 1.
13. *Дахи мөфтилек мәсьәләсе* // Тормыш. №279. 1915. Б. 1.
14. *Дини эшләребез тирәсендә I* // Тормыш. №590. 1917. Б. 1.
15. *Дини эшләребез тирәсендә III* // Тормыш. №592. 1917. Б. 1–2.
16. *Дини эшләремез тирәсендә II* // Тормыш. №591. 1917. Б. 1–2.
17. *Әфкар гомумия белән шаяру* // Тормыш. № 305. 1915. Б. 1–2.
18. *Жәдитчелеккә дога!* // Тормыш. №516. 1916. Б. 1.
19. *Жәмәгать эшләре вә мөселманнар* // Тормыш. №473. 1916. Б. 1–2.
20. *Жәсүсләр* (Доносчикларга багышлаган) // Тормыш. №203. 1915. Б. 1.
21. *Закир*. Дини бер бурыч үтәлгәндә // Тормыш. №504. 1916. Б. 1–2.
22. *Закир*. Милек бетерелү мәсьәләсе II // Тормыш. №703. 1917. Б. 1.
23. *Закир*. Милек бетерелү мәсьәләсе III (Миллиять ноктаи назарындан) // Тормыш. №704. 1917. Б. 1.
24. *Закир*. Тәшкилятсызлык гөнаһы // Тормыш. №668. 1917. Б. 1–2.
25. *Закир*. Хат хәрәкәтемез // Тормыш. №437. 1916. Б. 1.
26. *Закят вә хатын-кыз мәсьәләсе* // Тормыш. №292. 1915. Б. 2.
27. *Зуриба Зайд* // Тормыш. № 200. 1915. Б. 2–3.
28. *Ижтимагый бер эҗинаять түгелме?* // Тормыш. №238. 1915. Б. 1–2.
29. *Ижтимагый бер эҗинаять түгелме?* (Сабир хәзрәт мәктүбенә жәваб вә мөләхазамыз) // Тормыш. №242. 1915. Б. 1–2.
30. *Ижтимагый карашлар* // Тормыш. № 119. 1914. Б. 2.
31. *Ижтимагый карашлар* // Тормыш. №174. 1915. Б. 1.
32. *Ике ел тулды* // Тормыш. №532. 1916. Б. 1–2.
33. *Ике мәсьәлә* // Тормыш. №683. 1917. Б. 1–2.
34. *Икенче корылтайга сәлам!* // Тормыш. №686. 1917. Б. 1.
35. *Имамлык мәсьәләсе* (Петербургта имам сайлау мөнәсәбәте белән) // Тормыш. № 175. 1915. Б. 1.
36. *Йолдыз сату көне мөнәсәбәте илә* // Тормыш. №270. 1915. Б. 1–2.
37. *Кадыр* З. Миллиять агымнары // Тормыш. №29. 1914. Б. 2–3.
38. *Казаклар мәсьәләсе* // Тормыш. 1915. №212. Б. 1.
39. *Казахстан вә эчке Русия мөселманнары* (Казахстанда мөгаллимнәребезне күп шәһадәтнамә сорау мөнәсәбәт илә) // Тормыш. №217. 1915. Б. 1.
40. *Казыйлык мәсьәләсе* // Тормыш. №170. 1915. Б. 1.
41. *Корбан чалу* вә ит Рузасы законы // Тормыш. №507. 1916. Б. 1.
42. *Мәдрәсәләребез V* // Тормыш. №255. 1915. Б. 1.

43. *Мәдрәсәләремез IV* // Тормыш. №251. 1915. Б. 1.
44. *Мәктәб* // Тормыш. №199. 1915. Б. 1.
45. *Мәүлид* // Тормыш. №166. 1915. Б. 1.
46. *Милек бетерелү мәсьәләсе IV* (Узара аңлаша алмау) // Тормыш. №705. 1917. Б. 1–2.
47. *Милли вә дини бәйрәмнәребез* // Тормыш. №180. 1916. Б. 1.
48. *Милли вә дини көрәш майданында* жиңелмәс өчен // Тормыш. №655. 1917. Б. 1.
49. *Милли мәктәб* // Тормыш. №483. 1916. Б. 1–2.
50. *Милли мәктәбләремез мәсьәләсе* // Тормыш. №382. 1915. Б. 1.
51. *Милли хәятемезнең күңелле сәхифәләре* (Ижтимагый карашлар) // Тормыш. № 174. 1914. Б. 1.
52. *Милли шуралар төзү* // Тормыш. №663. 1917. Б. 1–2.
53. *Миллиять агымнары*, 2 нче өлеше // Тормыш. №30. 1914. Б. 1.
54. *Миллиять вә мәктәб* // Тормыш. №442. 1916. Б. 1.
55. *Миллиять һәм сугыш* // Тормыш. №384. 1915. Б. 1.
56. *Мөгаллим китапчы* // Тормыш. №520. 1916. Б. 1.
57. *Мөселман бәйрәмнәрендә ял итү* // Тормыш. №635. 1917. Б. 1.
58. *Мөфтилек мәсьәләсе* мөнәсәбәте илә // Тормыш. №277. 1915. Б. 1–2.
59. *Муса әфәндең имамлыгы вә матбугат* // Тормыш. №215. 1915. Б. 1.
60. *Парламент түгәрәгенәң баяннамәсе* мөнәсәбәте илә // Тормыш. №312. 1915. Б. 1.
61. *Русия инкыйлабы вә ислам галәмә* // Тормыш. №633. 1917. Б. 1–2.
62. *Русия мөселманнары корылтае* // Тормыш. №627. 1917. Б. 1–2.
63. *Русиядәге милләтләргә берләштерү мәсьәләсе* // Тормыш. №184. 1915. Б. 1.
64. *Руханилар хакында бер мөләхәзә* // Тормыш №723. Б. 1–2.
65. *Тагын боеру мәсьәләсе* // Тормыш. №441. 1916. Б. 1.
66. *Театр ва концерт* (Ижтимагый карашлар) // Тормыш. №168. 1915. Б. 1–2.
67. *Тәгаруф – танышу мәсьәләсе* // Тормыш. №513. 1916. Б. 1.
68. *Уфа җәмгыять хәйриясенәң гомуми җыены* булачак // Тормыш. № 186. 1915. Б. 1.
69. *Шәех Зәйнулла Нәкыйибанди* хәзрәтләре вафат // Тормыш. №587. 1917. Б. 1.
70. *Шәригать өстәрәз* // Тормыш. №664. 1917. Б. 1–2.
71. *Якты көннең кара болытлары* // Тормыш. №626. 1917. Б. 1–2.

Д.Р. Гыйльметдинов

Россия мөселманнарының революциягә кадәрге ижтимагый фикер артефакты буларак «Тормыш» газетасы (1913–1918)

Мәкалә мәшһүр татар тәржемәчесе, дин белгече, тарихчы һәм социологы Закир Кадыйринен ижтимагый карашларын өйрәнүгә багышлана. Мөселманнарның изге шәһәрләре Стамбулда, Каһирәдә белем алган З. Кадыйри алга киткән милләтләргә дөньяга уңышлы берләштерүгә гарантияле китергән һәм китерәчәк ижтимагый мөнәсәбәтләренә ачык схемасын белгән. Күп татар акыл ияләре кебек үк, кешелек дөньясы – конфликтлар ул дип саный. Бу очракта Европа һәм калган

бар дөнья – берсе икенчесен йотачак ике төрле көч. З.Кадыри фикеренчә, кешелек цивилизациясе авангардын формалаштыруда Европадан инициативаны тартип алырга кирәк. Ул жәмгыятьнең яшәү законнарын белү, сакчыл, зирәк сәясәт һәм шәхси тар ихтыяжларның булмавы шартларында иң прогрессив нәрсәләрне алырга һәм иң көчлеләр белән тигләшергә мөмкин дип саный. Ул расадан, территориядән бәйсез (бары тик хезмәттән һәм бергәлектән бәйле) ниндидер мәдәни көчнең вакыт узгач бер жирдән икенче урынга күчүенә ышана. Теге яки бу милләтнең жиңүе булган тарихи мөмкинлектән файдалануга бәйле.

Ачкыч сүзләр: Закир Кадыри, ижтимагый фикер, мәдәният, ижтимагый-мәдәни антропология, ислам яңарышы, дини азчылык.

D.R. Gil'mutdinov

«Tormish» newspaper as an artifact of pre-revolutionist social conscience of russian muslims

The paper is based on the newly explored social views of famous Tatar religious social scholar and historian Zakir Qadiri. He had been educated in the cities of Istanbul, Cairo and holy cities of Islam, and had detailed project of progress of nations, leading to success and fruitful integration to the world of developed nations. As well as some other Tatar thinkers, he thought that human world is a place of conflict. In the present circumstances, Europe is opposing the rest of the world and because of this process; one of the sides will not survive. Z. Qadiri thought that it is necessary to take up the initiative of leading the humanity from the Europeans. He suggested the knowledge of social development, careful vibrant policy and absence of personal interest as an opportunity to learn from and to challenge the powerful opponent. He believed that some secret power of culture that does not depend from the race and territory but from the hard work and unity is moving from one region to another. The triumph of nation depends on its dealing with historical opportunities represented by life.

Keywords: Zakir Qadiri, public opinion, religious minority, socio-cultural anthropology, Islamic renewal, culture.

Гильмутдинов Данияр Рустамович – кандидат исторических наук, заведующий отделом социально-политических исследований ОП «Центр исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан» (г. Казань); e-mail: ascoldan@gmail.com

Гыйльметдинов Данияр Рөстәм улы – тарих фәннәре кандидаты, ТФАнең Исламны өйрәнү үзегенең ижтимагый-сәяси тикшеренүләр бүлеге мөдире (Казан шәһәре).

Gil'mutdinov Daniyar Rustamovich – candidate of historical sciences, chief of the department of social and political studies, OP «Center of Islamic Studies of Academy of Sciences of Republic of Tatarstan» (с. Kazan).

ЛИЧНОСТЬ В МИКРО- И МАКРОИСТОРИИ

УДК 93+930.22"13"

Я.В. Пилипчук

Был ли Ягайло союзником Мамая?

Данное исследование посвящено вопросу взаимоотношений Ягайло с татарскими правителями в 80–90-х гг. XIV в. Выдвижение литовского войска к границам Руси обусловлено боязнью вторжения московского князя Дмитрия с войсками литовских политических эмигрантов Андрея и Дмитрия Ольгердовичей в земли Великого княжества Литовского. Роль Ольгердовичей и Дмитрия Боброка-Волынского в победе русских на Куликовом поле была значительной. В белорусско-литовских летописях, в отличие от русских летописей, образ Андрея Ольгердовича изображен негативно. Польские источники изображают его нейтрально. Тесные отношения с Мамаем поддерживали Владимир Ольгердович и Кориатовичи. Их помощь Мансур-Кыйату в 1380 г. была обусловлена давними союзническими отношениями с его отцом. Ягайло вступил в контакт с Токтамышем в 1384 г. Отношения с этим ханом можно рассматривать как союзнические. Ягайло платил Токтамышу дань с украинских и русских земель. Нет никаких оснований говорить о контактах Ягайло с Токтамышем в 1381–1382 гг. Поход на Москву был осуществлен Токтамышем без координации с литовцами. Мансур-Кыйат был вассалом Владимира Ольгердовича, а вассалом Витовта он стал только после того как Киевское княжество было подчинено Витовтом. Военную помощь остаткам Мамаевой Орды оказало Подольское княжество, за что Токтамыш вторгся в его пределы, как и в южные районы Киевского княжества.

Ключевые слова: Мамай, Золотая Орда, Великое княжество Литовское, Кориатовичи, Ягайло, Мансур-Кыйат, московский князь Дмитрий.

Одним из важных событий в истории Восточной Европы была Куликовская битва. Однако некоторые события, сопутствовавшие ей, должным образом еще не рассмотрены. Одним из распространенных убеждений о событиях 1380 г. является то, что Ягайло шел на помощь Мамаю. Но так ли это было на самом деле? Необходимо поставить вопрос: действительно ли Ягайло был союзником Мамая? С некоторым сомнением о союзе Мамая с Ягайлом писал Р. Почекаев. Однако до сих пор этому вопросу не посвящено отдельное исследование (Почекаев, 2010а; Почекаев, 2010б). Р. Почекаев, тем не менее, схематически рассмотрел этот вопрос. Важно рассмотреть весь комплекс источников, включая и польские, и белорусско-литовские тексты. Необходимо критически разобрать и сведения немецких хронистов. Данное исследование посвящено вопросу участия Ягайло в событиях, связанных с Куликовской битвой, путем анализа европейских источников по данной проблеме.

Для того чтобы объективно разобраться в ситуации, необходимо проанализировать весь корпус известных белорусско-литовских летописей. В Никифоровской летописи рассказывалось о битве на Куликовом поле, однако, роль Ягайло не указана, отмечалось, что Олег Рязанский не был союзником Мамаю. Мамай же ожидал в поле литовского подкрепления. Не указано о роли Гедиминовичей в событиях. В Супрасальской летописи констатировалось, что Олег Рязанский был союзником Мамаю. Указывалось, что Мамай стал в поле, ожидая помощи со стороны литовцев. В Слуцкой летописи абсолютно ничего не сказано о Куликовской битве, зато освещалась борьба за власть в Великом княжестве Литовском между Витовтом и Ягайлом, Ягайлом и Кейстутом. Также этот сюжет отображен в Виленской летописи и Летописи Археологического товарищества. В Летописи Археологического товарищества сообщалось, что Андрей Полоцкий опустошил литовские земли с помощью немцев и латгалов. Образ этого князя изображен крайне негативно. Отмечалось, что и смоленский князь нанес опустошение Литве. В Летописи Красинских без даты упоминалось о борьбе Кейстута и Витовта с Ягайлом. В летописи Рачинских отмечены опустошения, осуществленные Андреем Ольгердовичем совместно с немцами и латгалами в Литве. Андрей Ольгердович изображен в негативном свете, как и Святослав Смоленский. Они воевали у Полоцка и Орши. В Ольшевской летописи отмечено, что Витовт привел с собой немцев. В негативном свете были охарактеризованы Андрей Ольгердович и Святослав Смоленский. В подобном ключе описывали события в Румянцевской и Евреиновской летописях. Сведения о битве на Куликовом поле появились в довольно поздних летописях. Нужно отметить общее негативное отношение белорусско-литовских летописцев к Андрею Ольгердовичу. Только в паре летописей не уточнялось, какой именно князь пришел к Дону и должен был помочь Мамаю. Нужно отметить близость сведений Никифоровской и Супрасальской летописей о крушении Мамаевой Орды со сведениями Абд ал-Гаффара Кырыми. Нужно отметить, что подобная версия была и в ряде русских летописей, и у Утемиша-хаджи (Белорусско-литовские летописи, 1980, с. 29–30, 49–50, 68–71, 85–87, 99–100, 133–135, 155–157, 182–184, 203–206, 223–227; Миргалеев, 2010, с. 188, 190–193).

В «Хронике Литовской и Жмойтской» был заимствован текст из русских источников. Отмечено участие в битве Андрея Ольгердовича и Дмитрия Брянского. Сообщалось, что они попали в немилость к отцу из-за того, что приняли православие, но были любы Богу и ради православия пришли на помощь московскому князю Дмитрию. Мамай назван «поганым царем». Сообщалось, что в войске был наилучший воевода Дмитрий Боброк Волынец. Литовские князья и воеводы выстроили совместно с московским князем Дмитрием войско. Дмитрию Боброку явились приметы, которые были знаком грядущей победы. Отмечалось, что отряды русских и литовцев выкрикивали «С нами Бог», а татары призывали на помощь Мухаммеда. Сообщалось, что решающую роль сыграл полк, воз-

главляемый Дмитрием Боброком. Отмечалась гибель многих бояр в бою. Об участии Ягайло в событиях 1380 г. абсолютно ничего не сказано. Относительно Мамая сказано, что он бежал к Каффе и там погиб вместе с четырьмя своими беками от рук фрягов-итальянцев. При этом битва ошибочно датирована 1373 г. Отмечалось, что потом через два года московский князь Дмитрий задумал воевать против литовцев. Отмечалось, что московский князь задумал завоевать Витебск, Полоцк и Киев, но его кампания была неудачной. Противником Дмитрия назван сам Ольгерд. О Ягайло же сказано, что он сначала пользовался расположением Кейстута, но потом его утратил. Отмечалось, что Ягайло воевал с Кейстутом, а потом с Витовтом. В отличие от других белорусско-литовских летописцев Андрея Ольгердовича и Станислава Смоленского не сравнивали с Антиохом, но зато отмечали их жестокость во время усабицы в Великом княжестве Литовском и сравнивали с жестокими римскими цесарями. Они приказали жестоко убивать как язычников, так и христиан. Эти действия под Полоцком и Оршей датированы 1397 г., что не соответствует действительности, как и много других датировок автора «Хроники Литовской и Жмойтской». Отмечалось, что против Андрея Ольгердовича объединились Скиргайло, Ягайло и Витовт. Составитель «Хроники Литовской и Жмойтской» многое заимствовал из русских летописей. Из них же заимствованы сведения о фрягах. Но в отличие от русских, он был критичен по отношению к Андрею Ольгердовичу и не называл Ягайло сторонником Мамая, и, вообще, не указывалось о литовцах, стоящих на Дону. Ярко контрастирует упоминание о Мамае как о царе. Нужно отметить, что для белорусско-литовского летописца и участники Синеводской битвы были царьками. Автором «Хроники Литовской и Жмойтской» так назывался любой носитель власти (Хроника Литовская и Жмойтская, 1975; Почекаев, 2010а, с. 232–233).

В «Хронике Быховца» абсолютно ничего не сказано о Куликовской битве, зато упоминается о борьбе между Кейстутом и Ягайлом, Витовтом и Ягайлом (Хроника Быховца, 1975; Барбашев, 2012, с. 28–39).

В польских хрониках о битве на Куликовом поле не упоминается. Ян Длугош не упоминал о битве на Куликовом поле. Но зато он в красках с малейшими подробностями рассказал о событиях, происходивших в Великом княжестве Литовском, в частности о соперничестве Кейстута и Ягайло (Dlugosz, 1869, s. 379–386).

Марцин Кромер писал о борьбе за власть в Великом княжестве Литовском. Под 1381 г. он рассказывал о сыновьях Ольгерда и Кейстута. Отмечено, что Ягайло пользовался наибольшей властью, и Кейстута возмутило возвышение холопа по имени Войдыло. Отмечено, что в войне, разгоревшейся между Кейстутом и Ягайло, последний призвал на помощь ливонцев. При этом известно, что при помощи комтура Остероде Кейстут знал о тайном союзе Ягайло с Тевтонским Орденом. Кейстут собирал войско из жемайтов, а Ягайло – из тевтонцев и ливонцев. Против Ягайло вос-

стал Полоцк. На юге Ягайло поддержал Дмитрий-Корибут (Kromer, 1857, s. 708–712).

Марцин Бельский сообщал подобные сведения. Отмечена роль Войдыла, а также информация от комтура Остероде Конрада о контактах Ягайло с магистром. Началась война, Ягайло был разбит Кейстутом. Потом последний отправил войска на юг против Дмитрия-Корибута. По просьбе Витовта Ягайло были оставлены Витебск и Крево, то есть удел Ягайло, однако тот погубил Кейстута, а Витовта заточил в тюрьме. Сбежав из тюрьмы, Витовт привел на помощь ливонцев, и Ягайло был вынужден заключить мир с ним (Bielski, 1856, s. 448–452).

Бернард Ваповский, описывая историю Литвы и Польши, упоминал, что еще при жизни Ольгерда возвысился Войдыло, который был при Ягайло, это возмутило Кейстута, и он выступил против Ягайло. Отмечалось, что Полоцк восстал против него, и Ягайло призвал на помощь ливонцев. Союзник Ягайло Дмитрий-Корибут из Новгород-Северского воспользовался татарской помощью. Против него Кейстут отправил Витовта, а большинство литовцев и русинов были на их стороне (Wapowski, 1848, s. 1–10).

Мацей Стрыйковский не упоминал даже об Олеге Рязанском. Зато достаточно подробно рассказывалось о борьбе за власть между Ягайло и Витовтом, Ягайло и Кейстутом (Стрыйковский, 2011, с. 539–545).

Поздний хронист Александр Гванини описывал события в похожем ключе. В 1381 г. Ягайло выступил против Андрея Ольгердовича. Ему помогал ливонский магистр. Тогда Кейстут во главе русинов и литовцев выступил против него и взял Вильно. Он также взял Новгород-Северский. Коварством Ягайло погубил Кейстута и заточил в темницу Витовта, который бежал к тевтонцам и привел их на помощь. Мазовский князь Ян напал на Подляшье и оккупировал эту землю. Ягайло был вынужден примириться с Витовтом (Гваньїні, 2009, с. 319–321).

Нужно отметить, что только у Бернарда Ваповского были хотя бы какие-то намеки на контакты с татарами. Но, вероятно, этот эпизод был навеян помощью Саид-Ахмеда Михаилу Сигизмундовичу в 1449 г. В других источниках нет никаких данных о контактах Ягайло и его союзников с татарами. Главный сюжет – это война Ягайло с Кейстутом и Витовтом, а также вражда Ягайло с Андреем Ольгердовичем.

Украинские летописи были зависимы от своих польских источников. В «Густынской летописи» и «Кройнике из летописцев стародавних» Феодосия Софоновича совершенно не упоминалась Куликовская битва, но упоминалось о борьбе за власть в Великом княжестве Литовском. В «Волынской краткой летописи» под 1380 г. отмечалось о Куликовской битве без упоминания об участии Гедиминовичей, а под 1381 г. упомянуто о войне Кейстута и Ягайло, а также то, что Витовт привел на Литву немцев. Витовт в этой летописи отрицательный герой (Густынская, 2003, с. 131; Софонович, 1992; Белорусско-литовские, 1980, с. 120).

Казалось бы, картину должны были прояснить сведения немецких источников. Но, однако, это далеко не так. Торнский анналист писал под 1380 г. о битве у Бловассера и победе 4 тыс. русинов над татарами. Бловассер – это Синяя Вода. Иоганн Посильге сообщал, что в 1380 г. состоялась битва между русинами и татарами у Синеи Воды, и там с обеих сторон погибло 40 тыс. воинов. Русские выиграли битву и взяли большую добычу, но литовцы напали на них, когда те возвращались с добычей. Сообщалось, что литовцы были призваны татарами на помощь. Дитмар Любекский под 1380 г. сообщал о битве на Синеи Воде и 400 тыс. воинов с обеих сторон, победе русинов и их поражении от литовцев, которых, в свою очередь, призвали на помощь татары (*Scriptores Rerum Prussicarum*, 1866, s. 114–115; Торнский анналист, 2011).

Альберт Кранц называл Синюю Воду Флавасером, а битву на ней называл величайшей в истории человечества, численность погибших определял в 200 тыс. Сообщалось, что русины взяли добычу в виде скота, и литовцы, пришедшие на помощь татарам, ее отбили (Krantz, 1519; Krantz, 1575). Как не трудно заметить, в немецких хрониках спутаны сведения о битве на Синих Водах и Куликовской битве. Местом битвы названа Синяя Вода, а датировка от Куликовской битвы. А информация касательно столкновения русинов и литовцев отобразила набег литовцев на верховские княжества в 1380 г.¹

В русских летописях не зафиксирована битва между литовцами и русскими. В немецких источниках под 1380 г. не указывалось о походе против литовцев. По сведениям немецкого документа, Ягайло обязывался перед магистром не оказывать помощи Кейстуту. Комтур Осетроде Гюнтер фон Гогенштейн, по данным ряда источников, сообщил Кейстуту о тайном договоре между магистром Тевтонского Ордена и Ягайло. Действия тевтонцев были направлены на разжигание вражды между литовскими князьями. Витовт смог убедить отца отказаться от усобицы, только когда в 1381 г. Ягайло использовал помощь тевтонцев против восставшего Полоцка. В Рогожском летописце отмечалось, только что Мамай стоял около Дона, ожидая войск Ягайло. Сами литовцы не спешили на битву. Необходимо отметить, что в дестабилизации ситуации в Великом княжестве Литовском было заинтересовано Московское княжество. В 1381 г. московский князь Дмитрий заключил договор с Андреем Ольгердовичем, который в том же году открыто выступил против Ягайло. Известно, что еще в 1371 г. Ольгерд отправлял константинопольскому патриарху письмо, в котором жаловался, что ряд верховских княжеств отпали от Литвы вследствие действий московского князя. В «Типографской летописи» указывалось, что Мамай отправлял послов к Ягайло и Олегу Рязанскому. В «Никоновской летописи» и «Московском летописном своде конца XV в.» указано на присутствие литовского войска недалеко от места битвы. Осо-

---

¹ Устная консультация независимого исследователя А. Бабенко.

бенностью русских летописей было славословие в адрес Андрея Ольгердовича, которого не жалуют белорусско-литовские летописцы. Также положительно они изображают Дмитрия Брянского. В противовес этому, в русских фольклорных памятниках Куликовского цикла образ Ягайло негативен (Белорусско-литовские, 1980, с. 115–116; Бескровный, 1980, с. 223–224, 244; Почекаев, 2010б, с. 135–136).

Российский исследователь Л. Бескровный видел в этом союз Мамая и Ягайло (Бескровный, 1980, с. 244). Необходимо отметить, что сын Мамая бежал во владения Кориятовичей (Черкас, 2011, с. 168). О бегстве людей Мамая в район Энгел и Онгул говорил Абд ал-Гаффар Кырыми (Миргалеев, 2010, с. 192–193). В «Подлинном родослове князей Глинских» говорилось, что Мансур-Кыйат бежал в Литву во время правления Витовта. К тому же времени обычно относят и наделение Глинских землями (Трепавлов, 2010, с. 138; Почекаев 2010б, с. 196–198). Однако недавнее исследование Б. Черкаса заставляет нас усомниться в этом. Вероятно, Мансур-Кыйат получил укрытие у Владимира Ольгердовича (Черкас, 2011, с. 169). Интересно отметить, что, согласно письму Лайоша (Людовика) I Великого Франциску Караре от 1377 г., литовские Гедиминовичи, правящие Вольню и Подольем, были вассалами этого польско-венгерского короля (1377.IX.[29]. Буда. Кароль Венгрии, Польшчы і Далмації Людовік паведамляе Францыску Карары). После смерти Ольгерда в 1377 г. Великое княжество Литовское начало рассыпаться на отдельные части. Усобицы разъедали государство. Стоит согласиться с Р. Почекаевым, что вряд ли Ягайло хотел участвовать в событиях, связанных с Куликовской битвой, и если сотрудничество и было, то было экономическим. Автор отмечает, что Ягайло был плотно занят в усобице в Великом княжестве Литовском (Почекаев, 2010б, с. 135–138).

Еще в 1379 г. Скиргайло старался договориться с тевтонцами, чтобы нейтрализовать их альянс с полоцким князем Андреем Ольгердовичем. Кейстут в 1379 г. вместе с Ягайлом заключил десятилетнее перемирие с Тевтонским Орденом. В 1380 г. Ягайло Ольгердович изгнал Андрея Ольгердовича из Полоцка. Последний был вынужден эмигрировать в Москву. Учитывая сложившееся положение Ягайло, вполне оправдано то, что литовские войска были выдвинуты к границе, особо учитывая то, что в войске Дмитрия Донского присутствовал еще один политический эмигрант. До своего отъезда он правил в Стародубском и Брянском княжествах. Ягайло так и не вступил в войну между татарами и русскими. В то же время, Андрей Ольгердович явно из владений Дмитрия Донского совершил нападение на литовские владения. Московская сторона прямо поддерживала усобицу в Великом княжестве Литовском. В Посольском приказе под датировкой 1384 г. найден документ, в котором московский князь замирялся с Ягайлом, Скиргайлом и Дмитрием-Корибутом. В 1381 г. Кейстут отстранил от власти Ягайло. В 1382 г. Кейстут двинул войска против Дмитрия-Корибута, однако Ягайло при помощи Тевтонского Ордена смог

восстановить власть в Великом княжестве Литовском. Одержав победу над политическими противниками помогло то, что Токтамыш в 1382 г. осуществил поход на Москву. Нужно обратить внимание еще на то, что Токтамыш еще до 1393 г. отправлял послов к Ягайло. После вторжения Тамерлана в 1391 г. Токтамыш в 1393 г. извещал Ягайло о восстановлении своей власти в Золотой Орде. В этом контексте сложно представить тесные отношения Ягайло с Мамаем. Ягайло же в 1393 г. передал письмо Токтамыша Витовту как реальному правителю Великого княжества Литовского (Валиди Тоған, 2009, с. 217; Флоря, 1980, с. 167–171; Шабульдо, 1987; Греков, 1980, с. 140; Гудавичюс, 2005).

Важно подчеркнуть, что Ягайло, враждовавший с родственниками за контроль над землями в Белоруссии и Литве, вряд ли мог поддерживать связи, что с Мамаем, что с Токтамышем. Его владения не входили в те земли Великого княжества Литовского, с которых князья платили «выход» татарам. Вряд ли Токтамыш и Ягайло координировали свои действия. Московский летописный свод конца XV в. и автор Никоновской летописи переносили реалии отношений Казимира IV с Ахматом на время Ягайло и Токтамыша. Поддерживать активные контакты с Золотой Ордой Ягайло мог только с того времени, когда его власть была четко установлена в Великом княжестве Литовском в 1384 г., а также когда он стал королем польским в 1386 г. С этого времени и можно говорить о его даннических отношениях как великого князя литовского и польского короля с ханом Золотой Орды. К 1384 и 1386 г. выяснилось, с кем может иметь дело Токтамыш. То, что Ягайло контактировал с Токтамышем, отмечено в письме Тамерлана Байазиду, когда он говорил о союзе золотоордынского властителя с франками, то есть европейцами (Валиди Тоған, 2009, с. 217; Березин, 1998).

В связи с этим, стоит говорить о связях Кориятовичей как подольских князей и Владимира Ольгердовича как киевского князя, которые были соседями «Мамаевой Орды». Именно их владения пострадали от вторжения «Заволжской Орды», то есть воинов Токтамыша, которое зафиксировано литовскими и папскими документами. Переход представителей рода Кыйат в Великом княжестве Литовском и получение ими земель на Днепровском Левобережье наверняка стоит датировать временем правления великого князя литовского Витовта. Пожалование от Витовта было вызвано сменой реального правителя в Киевщине и Подолье. В 1392–1393 гг. великокняжеское войско подчинило Киевское княжество. В середине 90-х гг. XIV в. Владимир Ольгердович был окончательно смещен с киевского княжеского стола. В 1393–1394 гг. Витовт совершил поход на Подолье. Кориятовичи бежали к венгерскому королю Сигизмунду Люксембургу. Владимир Ольгердович же бежал в традиционное укрытие для литовских политэмигрантов – в Москву (Черкас, 2011, с. 168–169; Шабульдо, 1987; Русина, 1998, с. 78–83).

Таким образом, мы пришли к следующим выводам: до 1384 г. Ягайло напрямую не был связан с татарскими правителями. Следует говорить о тесных связях Ягайло с Токтамышем, а не Мамаем. Выдвижение войск Ягайло к Одоеву правомерно датировать 1380 г., однако его причиной было присутствие в русском войске литовских политэмигрантов Андрея и Дмитрия Ольгердовича. Московский князь Дмитрий принял участие в усобице в Великом княжестве Литовском. Ягайло мог ожидать, что в 1380 г. русское войско вторгнется в его владения. Связи с Мамаем могли поддерживать подольские князья Кориатовичи и киевский князь Владимир Ольгердович.

Источники и литература

1. *1377.IX.[29]*. Буда. Кароль Венгрії, Польшчы і Далмацыі Людовік паведамляе Францыску Карары: 1) пра выгнанне Юрыя Белзскага з яго княства; 2) пра смерць Альгерда; 3) пра тое, што старэйшы сын Альгерда Федар перайшоў пад уладу Польшчы, калі в.к.л. стаў яго малодшы брат Ягайла; 4) пра тое, што князі Падолля Аляксандр і Барыс перадалі свае ўладанні (11 замкаў) у лен Венгрыі; 5) пра тое, што васалам Людовіка стаў літоўскі князь Любарт (Lunardum); 6) пра тое, што ў палон да Людовіка трапіў сын Кейстута. //Гісторыя Беларусі IX–XVIII стагоддзяў. Першакрыніцы. Available at: <http://starbel.narod.ru/d042.htm> (дата обращения: 01.02.2018).

2. *Барбашев А.И.* Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы 1410 г. Біла Церква: Видавецц Пшонківський О.В., 2012. 130+VIII с.

3. *Белорусско-литовские летописи* // Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1980. Т. 35. 313 с.

4. *Березин И.Н.* Ярлик Тохтамыша: второе возвращение // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1998. №1–2. [Электронный ресурс] URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Zolotoord/XIV/1380–1400/Tochtamysch/jarlyk_jagajle.phtml?id=3057 (дата обращения: 01.02.2018).

5. *Бескровный Л.Г.* Куликовская битва // Куликовская битва. М.: Наука, 1980. С. 214–245.

6. *Заки Валиди Тоган.* Военная кампания Тимура на Украине и Северном Кавказе // Золотоордынская цивилизация. Вып. 2. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. С.222–228.

7. *Гваньїні Олександр.* Хроніка Європейської Сарматії. К.: Вид. дім Києво-Могилянська Академія, 2009. 1008 с.

8. *Греков И.Б.* Место Куликовской битвы в политической жизни Восточной Европы конца XIV в. // Куликовская битва. М.: Наука, 1980. С.113–141.

9. *Гудаевичус Э.* История Литвы. Т. 1. С древнейших времен до 1569 г. М.: Valtrus, Фонд имени И.Д. Сытина, 2005. 684 с. [Электронный ресурс] URL: <http://russiahistory.ru/download/library/nauka/Гудаевичус Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года.pdf> (дата обращения: 01.02.2018).

10. *Густынская летопись* // Полное собрание русских летописей. М.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 40. 202 с.

11. *Миргалеев И.М.* «Черный человек» Мамай // Мамай. Опыт историографической антологии. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. С. 183–197.

12. *Почекаев Р.Ю.* Мамай летописный и Мамай исторический (попытка развенчания стереотипов) // Мамай. Опыт историографической антологии. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. С. 206–238.

13. *Почекаев Р.Ю.* Мамай. История антигероя в истории. СПб.: Евразия, 2010. 288 с.

14. *Русина О.В.* Україна під татарами і Литвою. К.: Видавничий дім Альтернативи, 1998. 320 с.

15. *Софонович Ф.* Хроніка з літописців стародавніх. Киев: Наукова думка, 1992. 336 с.

16. *Стрийковський Мацей.* Літопис польський, литовський, жмудський і всієї Руси. Львів: Наукове товариство ім. Т. Шевченка у Львові, 2011. XII, 1084 с.

17. *Торнский анналист/* Перевод с лат. и комм. И. Дьяконов. Электронная версия 2011. [Электронный ресурс] URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Thorun/frametext.htm (дата обращения: 01.02.2018).

18. *Трепавлов В.В.* Предки Мамай-царя. Киятские беки в «Подлинном родослове князей Глинских» // Мамай. Опыт историографической антологии. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. С.136–170.

19. *Флоря Б.Н.* Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле // Куликовская битва. М.: Наука, 1980. С.142–173.

20. *Хроника Быховца* // Полное собрание русских летописей. Т. 32. М.: Наука, 1975. [Электронный ресурс] URL: <http://izbornyk.org.ua/psrl3235/lytov09.htm> (дата обращения: 01.02.2018).

21. *Хроника Литовска и Жмойтска* // Полное собрание русских летописей. Т. 32. М.: Наука, 1975. [Электронный ресурс] URL: <http://izbornyk.org.ua/psrl3235/lytov03.htm>; <http://litopys.org.ua/psrl3235/lytov04.htm> (дата обращения: 01.02.2018).

22. *Шабильдо Ф.М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. К.: Наукова думка, 1987. 183 с. http://krotov.info/lib_sec/25_sh/sha/buldo_02.htm (дата обращения: 01.02.2018).

23. *Черкас Б.В.* Поход Токтамыша на Киевское княжество в 1380 г. // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского Форума. Казань, 29–30 марта 2011 г. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 167–169.

24. *Długosz J.,* *Dziejów Polskich ksiąg dwanaście /* Przekład K.Mecherzyńskiego. Kraków: W drukarni «Czaszu» W. Kirchmayera, 1869. Т. 3 Ks. IX, X. 8, 558, XXIII s. [Электронный ресурс] URL: <http://polona.pl/item/199917/4/> (дата обращения: 01.02.2018).

25. *Krantz A.* Des Fürtrefflichen Hochgelahrten Herrn Albert Crantzii Wandalia. Oder: Beschreibung Wendischer Geschicht: Darinnen der Wenden eigentlicher Vrspuung mancherley Völcker vnd vielfaltige Verwandlungen ... Daraus was sol wol in ... Königreichen ... Wendischer vnd anderer Nationen in Dennemarcken/ Schweden/ Polen/ Vngarn/ Böhemen/ Oesterreich/ Mährrern/ Schlesien/ Brandenburg/ Preussen/ Reussen/ Lieffland/ Pommern/ Mecklenburg/ Holstein. Köln, 1519. [Электронный ресурс] URL: <http://bcul.lib.uni.lodz.pl/dlibra/docmetadata?id=23787&from=publication> (дата обращения: 01.02.2018).

26. *Krantz A.* De Wandalorum vera origine, variis gentibus, crebrisepatria migrationibus, regnis item, quorum vel autores vel euersores fuerunt. Frankfurt 1575. [Элек-

тронный ресурс] URL: http://books.google.de/books?id=q25EAAAACAAJ&printsec=frontcover&hl=de&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 01.02.2018).

27. *Kronika Polska Marcina Bielskiego*. Т.1. Ksiegi I-III. Sanok: Naklad i druk Karola Polaka, 1856. 760 s.

28. *Kronika polska Marcina Kromera biskupa Warmińskiego Ksieg XXX*. Т.1. Krakow: Ksiegaria J.M. Himbelmana, 1857. 760 s. [Электронный ресурс] URL: http://books.google.com.ua/books?id=01BKAAAACAAJ&printsec=frontcover&hl=uk&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 01.02.2018).

29. *Scriptores Rerum Prussicarum: Die Geschichtquellen der Preussecher Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft*. Ed. T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig, 1866. Band. 3. VI, 730 s. [Электронный ресурс] URL: http://books.google.de/books?id=-4A0AAAAYAAJ&printsec=frontcover&hl=de&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 01.02.2018).

30. *Wapowski B. Dzieje Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego od roku 1380 do 1535 / Wyd. M.Malinowski*. Т. 3. Wilno: Księgarza i Typografa Szkół Białoruskiego Naukowego Okręgu, 1848. [Электронный ресурс] URL: http://books.google.com.ua/books?id=9Y4RAAAAYAAJ&printsec=frontcover&hl=uk&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 01.02.2018).

Я.В. Пилипчук

Ягайло Мамайның союздашы булганмы?

Элеге тикшеренү эше XIV гасырның 80–90 нчы елларында Ягайлоның татар хакимнәре белән мөнәсәбәтләрен тикшерүгә багышланган. Литва гаскәренә Русь чикләренә юнәлүе Мәскәү кенәзе Дмитрийның Литва сәяси эмигрантлары Андрей һәм Дмитрий Ольгердовичларның гаскәре белән Бөек Литва кенәзлеге жирләренә басып керүеннән курку белән бәйлә була. Русларның Куликово кырында жинүләрендә Ольгердовичларның һәм Дмитрий Боброк-Волынскийның рольләре шактый зур була. Белорус-Литва елъязмаларында, рус елъязмаларыннан аермалы буларак, Андрей Ольгердович негатив сурәтләнә. Поляк чыганаклары аны нейтраль сурәтли. Владимир Ольгердович һәм Кориатовичлар Мамай белән тыгыз элемтәләрдә торалар. Аларның 1380 елда Мансур-Кыйатка ярдәме аның атасы белән күптәнге союздаш мөнәсәбәтләр белән билгеләнгән була. 1384 елда Ягайло Туктамыш белән контактка керә. Бу хан белән мөнәсәбәтләренә союзникларныкыча дип карарга була. Ягайло Туктамышка Украина һәм Русь жирләреннән салым түләгән. 1381–1382 елларда Ягайлоның Туктамыш белән контактлары турында әйтергә бернинди нигез дә юк. Мәскәүгә яу Туктамыш тарафыннан литвалылар белән үзара килешмичә оештырыла. Мансур-Кыйат Владимир Ольгердовичның вассалы була, бары Киев кенәзлеге Витовт тарафыннан буйсындырылгач кына ул Витовтның вассалы булып китә. Подольск кенәзлеге Мамай Урдасының калдыкларына хәрби ярдәм күрсәтә, шуның өчен Туктамыш аның чикләренә, шулай ук Киев кенәзлегенә көньяк районнарына үтеп керә.

Ачкыч сүзләр: Мамай, Алтын Урда, Бөек Литва кенәзлеге, Кориатовичлар, Ягайло, Мансур-Кыйат, Мәскәү кенәзе Дмитрий.

Ya.V. Pylypchuk

Did Jagiello was an ally of Mamay?

This study focuses on the issue of relations Jagiello with Tatar rulers in 80–90th. XIV century. Alliance with Mamay were in Podolian princes Koriyatovichi and Kievan prince Vladimir Olgerdovich, who provided military assistance to Mansur-Kiyat. They stole Mansur-Kiyat (son of Mamay). Moves of Jagiello troops to the border of Rus in 1380 was due to the fear that the muscovite prince Dmitry support lithuanian political refugees Andrey and Dmitry Olgerdovich. In Russian sources Andrey Olgerdovich positive image in the Belarusian-Lithuanian chronicles it is negative, and neutral in Polish chronicles. Positive characteristics due to the participation in the Battle at Kulikovo field, negative – a revolt against Jagiello, neutral – neutral position of the Polish chroniclers regarding the events described. Mamay was not an ally of Jagiello. Muscovite prince Dmitriy in 1381 supported by Andrey Olgerdovich in civil war in Great Duchy of Lithuania. Mansur Kiyat was to become Sluzhebnyi Tatarin with Vladimir Olgerdovich, Vytautas Glinsky became a vassal after Vytautas conquered Kiev principality of their power and drove Vladimir Olgerdovich. There is no evidence to suggest an alliance Jagiello and Tokhtamish in 1381–1382, That is, before 1384.

Keywords: Mamay, Golden Horde, Great Duchy of Lithuania, Koriyatovichi, Jagiello, Mansur-Kiyat, Wladimir Olgerdovich, muscovite prince Dmitriy.

Пилипчук Ярослав Валентинович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела Евразийской степи Института востоковедения им. А.Ю. Крымского НАН Украины (г. Киев, Украина); e-mail: bachman@meta.ua

Пилипчук Ярослав Валентин улы – тарих фәннәре кандидаты, Украина Милли фәнни академиясе А.Ю. Крымский исемендәге Көнчыгышны өйрәнү институты Евразия далалары бүлегенә кече фәнни хезмәткәре (Украина, Киев шәһәре).

Pylypchuk Yaroslav Valentynovych – junior researcher at the Dept. of Eurasian Steppe of Institute of Oriental Studies in NAS of Ukraine, PhD (Kyiv, Ukraine).

Родословная Рамеевых XVIII века

Статья реконструирует новые социально-демографических сюжеты по истории потомков известных золотопромышленников России начала XX в. Шакира и Закира Рамеевых. На фоне активной политики колонизации Российской империи на Востоке по материалам ревизских сказок XVIII в. последовательно отслеживаются судьбы ранних представителей известного рода. Также представлена краткая историография темы.

Ключевые слова: Рамеевы, ревизские сказки, ясачные татары, Казанский уезд, золотопромышленники, Ногайская Орда, Закамская засеченная линия.

Династия татарских золотопромышленников Закира и Шакира Рамеевых у многих на слуху. «Золотые короли России», «Предприниматели-меценаты», «Славная династия патриотов отечества» – так они запомнились из поколения в поколения. Первый, более известный как Дэрдменд, заработал себе славу поэтическими шедеврами, при этом, не издав при жизни ни одной книги. Второй, Шакир, используя свои инженерные навыки, в том числе полученные во время путешествия по Европе, смог приспособить золотоискательское дело к условиям Южного Урала.

Рамеевы активно интересовались историей своего рода. В этом деле им большую помощь оказал известный мусульманский ученый, богослов Р. Фахретдинов (1859–1936), опубликовав интересные материалы в своей книге «Асар» (1-й том, 1900 г.) и в журнале «Шура» (№ 6, 1913 г.), который издавался на средства братьев, а сам Риза Фахретдинов был его редактором. «Селим бин Рахманкул бин Урман бин Капкай бин Юлай бин Кулай бин Сулейман бин Тимери бин Рами бин Ихсан» – именно так выглядела линия предков Салима Рамеева, видного духовного деятеля Оренбургской губернии. Согласно преданиям, сын Рами, которого считают основателем фамилии, Тимери был переводчиком на государственной службе в Москве. Среди русских его знали как Митрия Рамеева. Фахретдинов пишет, что «сыновья Рами переехали с берегов реки Зай (река в Заинском районе республики Татарстан. – Р.М.) в район Стерлитамака» (Фэхреддин, т. 1, 2006, б. 274). Стерлитамак получил статус города в 1781 г., а в 1800 г. была возведена первая соборная мечеть, первым имамом которой был избран Салим Рамеев. Столь удачному назначению способствовало, прежде всего, многолетнее обучение Салима в медресе деревень Кандыр (ныне с. Кондуровка Саракташского р-на Оренбургской обл.) и Нугаево (у известного религиозного деятеля Мухаммеда бин Али ад-Дагестани, умер в 1796 г.). Важно также отметить, что племянник Салима, сын его брата Исмаила, Абдулкарим также служил имамом при мечети деревни Зирган

(Зирганово) Стерлитамакского уезда. Третий сын Абдулкарима Бахтигарей состоял имамом в Стерлитамаке. Как видно, на рубеже XVIII–XIX вв. Рамеевы получили известность на духовном поприще.

В советский период о родословной Рамеевых надолго забыли... Страшно было тогда говорить на эти темы, – говорили старшие представители Рамеевых в 90-е гг. XX в., – поэтому нам мало, что рассказывали (Хамидуллин).

Новые сюжеты по истории известного рода выявил Мухаммет Магдиев. В его публикации 1989 г. «Один из рода Рамеевых» в журнале «Казан утлары» была представлена автобиография Исмагила Рамеева, потомка ахуна Салима. Родословная Рамеевых углублялась еще на одно колено: в качестве отца Ихсана указан Миргали, якобы проживавший в эпоху Булгарского царства. После разрушения Булгара монголами (приводится 1226 г.) Миргали бежал к устью реки Зай. Исмагил явно ошибается в дате: Булгар разрушали несколько раз: монголы – в 1236 г., золотоордынский хан Булат-Тимур – в 1361 г., воевода Федор Пестрый – в 1431 г. О Тимри Рамиеве, внуке Ихсана, Исмагил рассказывает, что он был переводчиком в Московском государстве при Иване III, известен был как «Митрий Рамеев». О своем предке Салиме Исмагил сообщает: «Салим ахун с Мензелинской стороны, реки Зай, деревни Тайсуганово прибыл в район Стерлитамака в 1770 году». Далее в статье приводится биография самого Исмагила Рамеева (Мәһдиев, 2014, б.380–383).

Большое внимание истории Рамеевых уделил Лирон Хамидуллин. По его мнению, предки Рамеевых, возможно, были мурзами в период Казанского ханства, а после его падения несли казачью службу у русского царя, охраняя Закамскую засечную черту, построенную в 1652–1656 гг. для защиты от набегов кочевников. В недавно опубликованной книге «Поэт. Издатель. Меценат», посвященной творчеству Дэрдмента, автор отмечает, что один из Рамеевых – Урман – как раз таки оказался в Закамской приграничной линии, а его потомки расселились по реке Зай. В 1724 г. мурз перевели в податное положение. Рамеевы не стали исключением, поэтому Риза Фахретдинов писал: «Поистине нет данных о занятиях предков Габделкарима». Сам Габделкарим (Абдулкарим) покинул родные места, прослужив имамом в деревне Тайсуганово и переехав в район Стерлитамака, где начал торговую деятельность. Л.Хамидуллин предполагает, что его отец Исмаил передал в руки сына торговые дела. Исмаил и Абдулкарим вели торговлю в Стерлитамаке, но жили рядом, в Зиргане (Хамидуллин, 2016).

Первая попытка обобщения и систематизации разрозненных сведений о Рамеевых была предпринята Ритой Дашкиной (Дашкина).

Анализ опубликованных материалов приводит к следующим выводам:

1. Поворотным моментом в истории рода Рамеевых стало появление Закамской засечной черты, способствовавшей расселению их в район реки Зай.

2. В 1724 г. потомки Рамеевых из мурз были переведены в податное сословие.

3. Около 1770 г. братья Исмаил и Салим переселились в дер. Зирган и занялись торговлей.

Новые возможности реконструкции родословной Рамеевых представляют материалы *ревизских сказок*. По деревне Зирган имеются записи в V ревизии (1795 г.). В данную ревизию Рамеевы не попали, но в конце источника приводится реестр обращенных при V ревизии из Сеитовского купечества Стерлитамакской округи в деревню Зирганово ясачных татар, где первым в списке записан Исмаил Рямаев 55 лет с сыном Абдулкаримом 26 лет (НА РБ, ф. И-138, оп. 2, д. 53, л. 437). Брат Исмаила – Салим – здесь не фигурирует, видимо, к этому времени пути братьев разошлись.

Тезис о торговой деятельности Рамеевых подтвердился, ибо Сеитовский посад Оренбургской губернии, основанный в 1744 году татарами из Казанской губернии, стал крупнейшим торговым центром, связавшим Российскую империю с Востоком. В V ревизии (1795 г.) по Сеитовскому посаду указаны семьи обоих братьев – Салима и Исмаила Рамеевых: «Белебеевской округи из ясачных татар Сеитовского посада купец Салим Рямаев, 47 лет» (ГАОО, ф. 98, оп. 2, д. 4, л. 336об.) и «Уфимского наместничества Стерлитамакской округи деревни Зиргановой из ясачных татар купец Исмаил Рямаев, 55 лет» (ГАОО, ф. 98, оп. 2, д. 4, л. 405 об.). Как видно, Исмаил был старшим братом, проживавшим в деревне Зирган. Интересно, что после поданных сведений о семье он поставил тамгу «за неимением грамоте». Тамга была в виде цифры «4». Салим же, в отличие от брата, достоверность указанных сведений скрепил подписью по-татарски, как было сказано, он долгие годы обучался в медресе.

Дальнейший поиск по ранним ревизским сказкам был затруднен по следующим причинам: 1) IV ревизия 1782 г. не сохранилась по Оренбургской губернии; 2) административно-территориальное устройство края в 60–70-х гг. XVIII в. серьезно отличалось от конца XVIII в.

По этой причине исследователи начинали «родные места» Рамеевых – с деревни **Тайсуганово** (ныне Альметьевский район Республики Татарстан). Р.Х. Амирханов и И.Р. Габдуллин предполагают, что деревня была основана в первой половине XVIII в. татарами из Казанской дороги Уфимского уезда (Амирханов, Габдуллин). По преданиям, служилые татары под старшинством Абдрахмана (по другим данным, Альмухамета) Туймухаметова (1691–1754), потомка хана Бикчуры, прибыли сюда из района реки Кинель со стороны Бугуруслана. У Альмухаммета были три сына: Рахматулла, Габдерахим и Рахманкул (Рамай) (Амирханов). Р. Амирханов оши-

бочно связал Рахманкула с сыном Урмана. Ни во II, ни в III ревизиях деревни Тайсуганово сведения о предках Рамеевых отсутствуют. Видимо, религиозную службу Адбулкарима Исмаилова в Тайсуганово сочли за место проживания его пращуров.

Последней надеждой в поисках родословной Рамеевых стало упоминание в указанной выше статье Риты Дашкиной о «Рямае Урманове, ясачном татарине деревни Кашеровой Казанского уезда Зюрейской дороги», дочь которого – Гулейша Рямаева – была взята в жены жителем деревни Тирис-Усмановой Амиром Акметовым (РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 3797, л. 206 об.). Обе деревни и поныне существуют в пределах Сармановского района Республики Татарстан. В ревизской сказке 1762 г. в деревне Средний Кашир (Урта Кәшер) по Зюрейской дороге Казанского уезда в сотне Рамкулова зафиксирован Урман Капкаев со своей семьей (РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 1207, л. 466об.). На момент ревизии он умер (в 1749 г.), а по последующей ревизии (1748 г.) ему было 85 лет. Следовательно, Урман 1663 года рождения. Один из сыновей Урмана – Рекей – в 35 лет крестился и был наречен Михаилом Григорьевым. Потомство его носило русские имена и числилось новокрещеными. Во второй половине XVIII в. увеличилось число новокрещеных татар в Казанском уезде, в особенности на Зюрейской дороге. Семья Урмана Капкаева не была исключением. Потомство Урмана подробно расписано в генеалогической схеме ниже. Больше всего нас интересует Рямая Урманов, а в тексте ревизии он указан как Раманкул, что ближе к варианту Фахретдинова – Рахманкулу. Раманкул числится умершим в 1756 г. Его единственный сын Исмаил 1746 года рождения. Брат Исмаила, Салим, не вписан, видно, он к тому времени еще не родился. После Исмаила переписчик внес запись о том, что Исмаил с двумя двоюродными братьями написан в Уфимском уезде той же деревни Кашир. Ни о каком переезде речи не шло, просто жители деревни стали платить ясак «на Уфу».

В III ревизии по Уфимскому уезду в деревне Средний Кашир (РГАДА, ф. 350, оп.2, д. 3795, л. 644–648) числятся все те же потомки Урмана Капкаева, но имена «Исмаил» и «Салим» в источнике отсутствуют. В деревне Кулметьевой (ныне Кульметьево, Сармановский район Республики Татарстан) Саралиминской волости того же Уфимского уезда в семье Касима Аментьева все же нашлись Рамеевы. «Пасынки написанной в бывшую ревизию в деревне Кашир Смаил Рямеев, 19 лет, рожденные после ревизии Салим (15 лет) и Ишмурат (12 лет) Рямеевы» (Там же, л. 782). Получалось, что братья Рамеевы стали пасынками указанного Касима Аментьева после смерти в 1756 г. отца Раманкула и жили в попечении отчима. Во II ревизии (1748 г.) не указывались лица женского пола, но в данной ревизии отмечены три жены Касима, и какая из них могла быть матерью трех сыновей, сказать сложно.

Салим Рамеев, судя по указанному возрасту, родился в 1748 г., после проведенной в 1747–1748 гг. II ревизии. В «Асаре» Фахретдинова указано,

что он «умер в 1819 году, достигнув 85-летнего возраста» (Фәхреддин, т. 1, 2006, б. 275). По данным Фахретдинова, Салим 1734 г.р., в других источниках указывается 1733 г. Это противоречит данным ревизий: если бы Салим действительно родился в 1733–1734 гг., он бы «попал» во II ревизию 1748 г. Ревизская сказка является официальным фискальным документом, и при отсутствии метрических записей мы склонны, хоть и с долей условности, доверять ее данным.

Во II ревизии в деревне Средний Кашир указано, что семья Урмана Капкаева на момент прошлой ревизии числилась в деревне Сарапала (Сапрапа) (современный Заинский район Республики Татарстан). Сарапала (Сэрэпәле) находится в 40 км от Среднего Кашира и была основана около 1710–1711 гг. Помимо Раманкула, у Урмана были сыновья Рекей (позже крещенный), Субхангул, Заит, Ермак и Рысай (РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 1143, л. 449 об.–450). В материалах I ревизии (1719 г.) ясачный татарин «Урманка Капкаев» указан как «выборной деревни Сапрали» с сыновьями Заитком 25 лет и Рямянкулом 3 лет (РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 1084, л. 572). Странно, что другие сыновья Урмана, жившие на тот момент, не указаны в переписи. Для тех времен было характерно бегство ревизских душ, а также утайка их от переписчиков. Бывали случаи, когда половина жителей дворов деревни числилась беглыми. Утаенные, но найденные души заносились в следующую ревизию как «прописные». В 1721–1722 гг. велись специальные переписные книги прописных и утаенных душ. Так, в одной из книг по Зюрейской дороге в деревне Сапрапа указаны «прописные чуваша у Урмянки Капкаева три сына Аитка 22 (лет. – Р.М.), Ермайка 15 (лет. – Р.М.), Рысайка 8 (лет. – Р.М.)» (РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 1105, л. 204). Термин «чуваша» в тот момент являлся сословием. По мнению Д.М. Исхакова, «ясачными чувашами» обозначалось податное население Казанского ханства (Исхаков, 1988б, с. 140–146), после присоединения Казанского края термин с тем же значением стал употребляться в переписных книгах Московского государства. Кстати, Зюрейская дорога в писцовом описании Казани и Казанского уезда 1565–1568 гг. именовалась Чувашской.

В ландратской книге 1719 г. (РГАДА, ф. 350, оп.1, д. 160) новопоселенных помещичьих и ясачных крестьян Зюрейской дороги в деревне Сарапалах сведений об Урмане Капкаеве и его сыновьях нет. Хотя сосед по двору Урмана по I ревизии Доссаметка Темекеев присутствует, указано, что он прибыл сюда после 1710 г., но откуда не помнит. Скорее всего, Урман переселился сюда до проведения ревизии вслед за Доссаметкой.

По Зюрейской дороге Казанского уезда сохранилась и другая ландратская книга 1716 г. В деревне Малые Шипки, Аксарино тож (ныне Аксарино, Заинский район Республики Татарстан), в одном из дворов числился *«Карманайко Кудашев Капкай он же 46 лет у него жена Янайка Сармяшева 41 году дочь Зюлейка году пасынок Заитко 21 у него жена Бишелтанка Тохтарова 20 лет с того двора после переписи 1710–1711*

годов убыло дети ево Урманковы Аитко и Рысайко померли в 1715 году. Платил ясак без чети (четверти)» (РГАДА, ф. 350, оп. 1, д. 153, л. 732). Судя по составу семьи Карманай (Урманко), вполне подходит под Урмана Капкаева, но здесь есть свои нюансы. Возраст Урмана на момент ревизии 1719 г. 60 лет, значит, он 1659 года рождения, в последующих ревизиях разница в возрасте составила плюс 3 года, что было обычным явлением для того времени. Однако, по ландратской переписи Урман «омолодел» на 10 лет, единственно, если не учесть того факта, что возраст мог быть указан на момент предыдущей переписи 1710–1711 гг. Следует отметить, что возраст его пасынка Заита (1694 г.р.) совпадает с возрастом, указанным в переписи 1719 г.

Второй вопрос связан с написанием имени – Карманайко Кудашев, Капкай он же. Если принять во внимание, что Карманай=Урман, то почему он записан как Кудашев, а в последующих переписях упомянут Капкаевым. Правда, переписчик сделал дополнительную запись после имени «Капкай он же», значит в прошлой переписи (1710–1711 гг.) он был переписан как Капкай, и такая запись позволит «не потерять» человека в ранних переписях. Имя «Капкай» образовано путем присоединения к древнетюркскому слову «кап» – близкий кровный родственник уменьшительно-ласкательного аффикса «кай». Исходя из родословной Рамеевых, опубликованной в «Асаре» и дальнейших изданиях, отцом Урмана должен быть Кабкай, а здесь получается Кудаш. Возможно, этот Кудаш и записался как Капкай, тогда переписчику следовало отметить «Карманайко Кудашев Капкаев он же». Мы будем исходить из данного предположения.

Косвенно эту версию подтверждает наличие старшего брата у Урмана. В ландратской переписи 1716 г. перед Урманом описан двор Мурадымки Саткаева, правда, в дальнейших ревизиях он записан как Капкаев. Судя по указанному возрасту, он 1654 года рождения. Старший сын Мурадыма Сулейман остался в Малой Шипке, где жил вместе с двумя сыновьями и умер в 1762 г. (РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 1204, л. 217). Так пресеклась эта линия. Другой сын, Суяж, пошел в рекруты, а затем крестился и перешел на жительство в Арскую дорогу, деревню Сарсаз (РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 1155, л. 429 об.).

Третий момент – умершие сыновья Урмана Аит и Рысайко. Они странным образом все же появляются в выше приведенной переписной книге о прописных и утаенных 1721 г. вместе с братом Ермайкой. Видимо, Урман намеренно «умертил» своих сыновей, чтобы скрыть их от переписчиков, и продолжал утайку во время ревизии 1719 г. Обман все же раскрылся и «умерших» сыновей записали прописными. Та же история произошла с сыном Мурадыма Сулейманом, который «умер» в 1716 г., а потом «ожил» в 1719 г.

Дальнейшие генеалогические поиски натолкнулись на отсутствие документов. Перепись 1710–1711 гг. по Казанскому уезду не сохранилась по части татар. Такая же участь постигла переписную книгу 1678 г. по

Зюрейской дороге. Единственно, есть перечневая выписка из нее: в 1678 г. в деревне Малой Шипке числилось 19 татарских дворов (РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 1102, л. 670). Так что вполне возможно, что там и жила семья отца Урмана. По мнению Р.Р. Дашкиной и И.Р. Габдуллина, корни Рамеевых, возможно, уходят в Мещерский край (Темниковский и Кадомский уезды). Сами Рамеевы считали, что их предки были представителями одного из аристократических родов в Булгарском царстве. После разрушения Булгара татаро-монголами Миргали переселился к устью реки Зай. С этим эпизодом интересна параллель с летописью «Дафтар-и Чингиз-наме». В одной из ее глав об Аксак Тимуре описан захват Тимуром городов Булгара и Биляра. После победы Тимур дал свободу двум сыновьям одного умершего бека Инсан-беку и Ихсан-беку. Инсан-бек с матерью переселяется «во внутреннюю сторону великой Волги, в горную сторону», а *Ихсан-бек «прибывает на... реку Зай, на старую родину предков»* (Исхаков, 2003а). Если взглянуть на родословную Рамеевых, сыном Миргали как раз был Ихсан.

Район Заинско-Шешминского бассейна до присоединения к России входил в состав Ногайской орды. Получается, что предки Рамеевых после бегства из Булгара жили на территории ногаев. Во время правления Ивана Грозного в дипломатических документах упоминается посол Ногайской орды *Темирь* (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 4), который вполне мог быть упомянутым выше толмачем Тимри, перешедшим на русскую службу.

Таким образом, изученные документы позволили проследить миграцию предков Рамеевых на протяжении XVIII в. Только за период первой половины XVIII в. семья Урмана Капкаева сменила три места проживания – деревни Малые Шипки, Сарапалы, Средний Кашир. Если взглянуть на карту, то переселение происходило сначала на юг, а потом на восток. Скорее всего, оно было связано со строительством Закамской засечной линии. Из Среднего Кашира после смерти Рамая его сыновья – Исмаил, Салим и Ишмурат¹ – оказались в деревне Кульметево при отчине. В районе 1770-х гг. Исмаил с Салимом перебрались в деревню Зирган, где позднее пути братьев разошлись. Исмаил занялся торговлей, а Салим проявил себя на духовном поприще. Судя по вышеприведенной ревизии купцов Сеитовского посада 1795 г., Исмаил жил в Зиргане Стерлитамакского уезда, а Салим был приписан к Белебеевскому уезду, без указания деревни.

Отдельного внимания заслуживает вопрос происхождения самой фамилии Рамеевых. Считается, что фамилия пошла от сына Ихсана Рами, хотя о нем ничего не известно. Впервые по документам Рамеевыми (Рямаевыми) зафиксированы братья Исмаил и Салим. Как правило, у ясачных татар фамилией служило имя отца, а современные фамилии стали появляться лишь к началу XX в. Тогда в качестве фамилии обычно брались имена дедов-прадедов. Рамеев как фамилия зафиксирована в метрической

¹ о последнем так и не удалось обнаружить дополнительной информации.

книге второй соборной мечети города Стерлитамак за 1880 г. в записи о рождении дочери у «Мухитдина Фахритдина улы Рамеева» (НА РБ, ф. И–295, оп. 9, д. 987). Он приходился правнуком Раманкулу Урманову: Раманкул-Салим-Фахритдин-Мухитдин. Позже в разных источниках фамилию писали также Ремеевы, Рамиевы. Раманкул в некоторых документах фигурирует как Рамай-Рямай, следовательно, он и был родоначальником фамилии.

Источники и литература

1. ГАОО. Ф. 98. Оп. 2. Д. 4.
2. НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 53.
3. НА РБ. Ф. И–295. Оп. 9. Д. 987.
4. РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4.
5. РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 160.
6. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 153.
7. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1084.
8. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1102.
9. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1105.
10. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1143.
11. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1155.
12. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1204.
13. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1207.
14. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3795.
15. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3797.
16. *Амирханов Р.* Когда и кем было основано село Альметьево? [Электронный ресурс] URL: <http://www.tataroved.ru/publication/almet/7/8/> (дата обращения: 14.06.2018).
17. *Амирханов Р., Габдуллин И.* Надыровская волость [Электронный ресурс] URL: <http://www.tataroved.ru/publication/almet/7/7/> (дата обращения: 14.06.2018).
18. *Дашкина Р.Р.* Рамеевы. Генеалогическое древо [Электронный ресурс] URL: <http://sterlitamak.bezformata.ru/listnews/rameevi-genealogicheskoe-drevo/13168552/> (дата обращения: 14.06.2018).
19. *Исхаков Д.* Юго-Восток Татарстана: проблема изучения этнической истории региона XIV–XVII вв. / Элмэт. Альметьевск. Казань, 2003а. [Электронный ресурс] URL: <http://www.tataroved.ru/publication/almet/7/5/> (дата обращения: 14.06.2018).
20. *Исхаков Д.М.* Об этнической ситуации в Среднем Поволжье в XVI–XVII вв. (критический обзор гипотез о «ясачных чувашах» Казанского края) // Советская этнография. 1988б. Вып. 5. С. 140–146.
21. Мәһдиев М. Рәмиевләр нәселенән берәү // Мәһдиев М. Сызып ак нур белән...: Шәхесләребез тарихыннан: фәнни-публицистик мәкаләләр [төз. Г. Хәсәнова; кереш сүз авт. Д.Ф. Заһидуллина]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2014. Б.380–383.
22. *Фәхрәддин Р.* Асар. Т. 1 / кереш сүз авт. М. Госманов; төз.: Раиф Мәрда-нов һ. б. Казан: Рухият, 2006. 359 б.

23. *Хамидуллин Л.* «Танылмыйдыр кеше тышыннан ...» [Электронный ресурс] URL: <http://gabdullatukay.ru/tukay-environment/derdemend/liron-hemidullin-laquo-tanylmyjdyr-keshe-tyshynnan-raquo/> (дата обращения: 14.06.2018).

24. *Хамидуллин Л.Х.* Поэт – издатель – меценат: документальная повесть: к 95-летию со дня смерти Закира Рамиева – Дэрдеменда. Казань: Ихлас, 2016. 167 с.

Р.Ф. Масагутов

XVIII гасырда Рәмиевләр шәжәрәсе

Мәкалә XX гасыр башында Россиядә билгеле алтын сәнәгатьчеләре Шакир һәм Закир Рәмиевларның нәсел башлары тарихыннан яңа ижтимагый-демографик сюжетларны реконструкцияли. Россия империясенең Көнчыгыштагы актив колонизация сәясәте фонында XVIII гасыр ревизия сказкалары материаллары буенча атаклы нәселнең баштагы вәкилләренең язмышлары эзлекле рәвештә карала. Шулай ук теманың кыскача историографиясе бирелә.

Ачкыч сүзләр: Рәмиевләр, ревизия сказкалары, яsakлы татарлар, Казан өязе, алтын сәнәгатьчеләре, Ногай Урдасы, Кама арты засека линиясе.

R.F. Masagutov

Family tree of Rameevy the XVIII century

The article is devoted to finding of new social and demographic scenes in the history of the descendants of the famous gold producers of Russia of the early twentieth century Shakir and Zakir Rameevs. On the background of the active policy of colonization of the Russian Empire in the East and according to materials of revision tales of the eighteenth century are consistently tracked the fate of the early representatives of the famous family. A brief historiography of the topic is also presented.

Keywords: Rameevs; census records, yasak's tatars; Kazan county; gold miners; Nogai Horde; Zakamskaya defence line.

Масагутов Руслан Фанисович – член Всетатарского общества краеведов при Исполкоме Всемирного конгресса татар (г. Уфа); e-mail: medgarant-ooo@yandex.ru

Масагутов Руслан Фәнис улы – Бөтендөнья татар конгрессы Башкарма комитеты каршындагы Бөтөнтатар төбәк тарихын өйрәнү жәмгыяте әгъзасы (Уфа шәһәре).

Masagutov Ruslan Fanisovich – member of the All-Tatar Society of Regional Studies at the Executive Committee of the World Congress of Tatars (Ufa).

Закир Кадыри в истории татарского народа начала XX века

В 2018 г. исполняется 140 лет со дня рождения видного татарского богослова, журналиста, переводчика, педагога, а в период 1916–1918 гг. и политика Закира Халимовича Кадырова (Кадыри)¹. Личности Закира Кадыри, не признавшего советскую власть, был дан ярлык «буржуазного националиста», его имя оставалось под запретом до последнего десятилетия XX в. Основой для поисков сведений в 1990-е гг. стали материалы турецкой газеты «Тюрк юрду», воспоминания турецкого ученого Ахмета Тимера, с которым встречались татарские исследователи Х. Миннегулов, Ф. Гаффарова, Р. Утебай-Карими, младший брат Закира Кадыри М. Кадыров и др. В этой статье объединены воспоминания, архивные источники и дана характеристика направлений научного наследия З. Кадыри.

Ключевые слова: джадидизм, Закир Кадыри, штат Идель-Урал, татарские эмигранты.

Рубеж XIX–XX вв. стал переломным в сознании татарского народа. Именно в этот период в мусульманском мире появляются различные национальные идеи и течения, в т.ч. тюркизм, панисламизм и прогрессивное движение джадидизм, направленный на развитие демократических начал в просвещении, национальном образовании, общественной жизни, литературе, прессе. Татары начинают сознавать себя не только мусульманами вообще, но и самостоятельной нацией. Появление новых факторов подтолкнуло интеллигенцию к поиску обоснований национальной идентичности, изучению и открытиям в области национальной истории, к формированию языка, развитию науки и культуры. Образованная молодежь, буржуазия, прогрессивные религиозные деятели приложили максимум усилий, чтобы ответить на вызовы времени и модернизировать через многочисленные реформы (в том числе ислама и существовавшей веками конфессиональной образовательной системы) всю духовную сферу жизни татар Поволжья и Урала. В числе видных реформаторов-джадидистов был выпускник теологического факультета Каирского университета «Аль-Азхар» Закир Кадыри.

Российский период деятельности. Деятельность З. Кадыри была чрезвычайно многогранна и в то же время взаимосвязана. В первую очередь это *просветительская деятельность*, которой он занимался как в

---

¹ Закир Кадыри (02.09.1878 – 22.10.1954). Согласно метрической книги д. Абдуллово Ставропольского уезда Самарской губернии за 1878 г., отец З.Кадыри – указной имам Халим, сын муллы Габдель-Кадира; мать – Мушфика, дочь муллы Садыка (ГЛЮО. Ф. 981. Оп. 1. Д. 658. Л. 9 об.).

годы жизни в России, так и в годы эмиграции в Китае, Турции, Финляндии. Джадидские медресе «Хусаиния» и «Галия», где он работал в течение семи лет, смело вводили в программы светские дисциплины, знакомили с основами точных наук и философии. Недостаток учебников нового типа на родном языке вызвал необходимость создавать их заново, опираясь на прогрессивные тенденции восточных стран. Вместе с другими преподавателями новометодных медресе Закир Кадыри становится автором учебников и переводчиком необходимой в обучении литературы. В период 1907–1914 гг. им было составлено или адаптировано к программам четыре учебника по арабскому языку и литературе – основным предметам, которые он преподавал в медресе (Абдо, 1910; Кадыри, 1911а; Кадыри, 1911б; Кадыри, 1912а; Кадыри, 1912б). Несмотря на свободное владение арабским языком, З. Кадыри был сторонником обучения шакирдов на родном, татарском языке. Чтобы расширить их кругозор, он переводил на татарский язык труды современных восточных мыслителей, тщательно отбирая авторов, соответствующих его пониманию сути времени и проводимых реформ. О конфессиональном образовании, которое получил он сам, З. Кадыри отзывался нелестно: «Лет 50 назад у русских мусульман не было никакого особого мировоззрения. Корану и хадисам в медресе почти не обучали. Все были убеждены в низости, невежественности своего поколения и грубости своего языка. Арабизм, поклонение потомству Пророка, бухарские дервиши и хаджи Туркестана занимали у нас самое священное место. Все доброе и святое ждали лишь от умерших святых. Мозги их (российских мусульман. – Р.В.) были отравлены пустыми сказками и бреднями. Верованиям и исповеданиям они обучались по старинным книгам, основанным на древнегреческой мифологии. Одним словом, в XIX веке не было ни мектебе, ни медресе, ни литературы» (Тормыш, 1914, 26 февраль).

До конца жизни З. Кадыри оставался верным идеям Дж. Афгани, М. Абдо, Ш. Марджани, И. Гаспринского, которых считал своими учителями. Вместе с соратниками по университету М. Бигиевым и З. Камали, Закир Кадыри считал, что в традиционном исламе нужно найти ответы на социальные, политические, общественные вызовы современности. Само вероучение может и должно, по его мнению, удовлетворить возросшее стремление общества к науке и знаниям, демократии и открыть путь мусульманам к прогрессу. Для этого необходимы реформы, благодаря которым российский ислам приобретет социально-философский характер, гуманизм, понимание того, что «не нация существует для ислама, а ислам для нации».

К основным причинам, повлиявшим на включение З. Кадыри в процесс реформирования татарского общества, нужно отнести:

– процесс «пробуждения» народов восточного мира во второй половине XIX века, зарождение татарской литературы, науки, культуры;

– революционную ситуацию в Российской империи в начале XX в., подтолкнувшую татарскую интеллигенцию к демократизации, гражданским свободам и поиску форм включения мусульман в мировые цивилизационные процессы;

– нерешенность национального вопроса в России, проявлявшуюся в дискриминации и ущемлении прав нерусских народов, необходимость защиты национальных интересов;

– отсталость татарского традиционного общества;

– ограниченное число представителей национальной интеллигенции в начале XX в., что тормозило проведение реформ (Вильданова, 2013, с. 58–59).

Закир Кадыри вместе с Р. Фахретдином, Ф. Карими, Ш. Кульятси, Г. Буби видел перспективы развития в просвещении, в изменении методов преподавания в мектебах и медресе. Он понимал, что современному обществу требуется подготовка совершенно новых людей, вооруженных научными и политическими знаниями, знакомство с мировой педагогической, философской и общественной мыслью. Закир Кадыри внес значительный вклад в *образовательную систему* российских татар. Подвергнув сомнению эффективность насаждаемых правительством русско-татарских школ, он предложил концепцию тюркской начальной школы на основе преподавания учебных дисциплин на родном языке. Его педагогическая основа строилась на использовании значительных воспитательных и познавательных возможностей ислама, тюркской идентичности, родного языка и традиций, способствовала воспитанию патриотизма, формировала позицию российского гражданства, адаптировала детей к современной жизни. Кадыри видел залог сохранения самобытности татар в сохранении языка, культуры, национальной образовательной системы.

Переводческая деятельность, наряду с преподаванием, стала еще одним важным направлением его работы (См. Список трудов З. Кадыри). Вклад Закира Кадыри в просветительство заключается в творческом наследии, объединенном идеей мусульманского модернизма и поиском форм его существования. Его привлекали переводы не художественной литературы, а, скорее, философской и аналитической, открывающей читателю оригинальные труды выдающихся восточных мыслителей. В отличие от представителей старой школы, он взял на себя смелость утверждать, что знания любых народов и времен полезны, если помогают в развитии и продвижении татарской нации.

При формировании в 1917 г. органов управления Национально-культурной автономии тюрко-татар было создано Министерство (назарат) просвещения. Председателем стал Н. Курбангалеев, членами министерства были назначены З. Кадыри, Г. Терегулов, Г. Еникеев, И. Утямышев, И. Биккулов, К. Хасанов. З. Кадыри, обладая необходимым стратегическим мышлением, смог обобщить сложившиеся у мусульман требования и предложить в 1917 г. концепцию Национального образования от началь-

ной до высшей школы. Такая концепция была закреплена в «Основах национально-культурной автономии тюрко-татар внутренней России и Сибири», и она резюмировала:

– Во всех школах – начальных, средних и высших, открытых для детей тюрко-татар, – обучение будет проводиться на языке тюрки. При наличии определенного количества детей тюрко-татар, учащихся в средних школах других народов, они будут в обязательном порядке обучаться языку тюрки.

– Управление всеми делами народного образования, открытие школ, назначение учителей и учительниц, создание учебников и надзор за школами будут находиться в ведении специальных учреждений, образованных мусульманами. Порядок образования этих учреждений устанавливают сами мусульмане.

– Для изучения тюрко-татарских языков, тюрко-татарской истории и культуры, до открытия специальных мусульманских университетов, при университетах в Казани, Саратове, Перми, Томске, Петрограде и Ростове должны быть учреждены специальные восточные отделения (Давлетшин, 2005, с. 401).

Значителен вклад З. Кадыри в постановку *женского вопроса*, где он одним из первых заявил о важности для нации равноправия женщин. Его переводы работ К. Амина (1908, 1909) и собственные труды «Кызлар дөнъясы» («Мир девушек», 1911) и «Хатын-кыз мэсьэләсе» («Женский вопрос», 1915) отличались смелостью, демократизмом и шли вразрез с мнением консервативного духовенства. Для творчества З. Кадыри эта тема (особенно в исламском аспекте) будет актуальной на протяжении многих лет. З. Кадыри отслеживал процессы эмансипации в различных странах, делал сравнительный анализ состояния проблемы в Европе и на Востоке, доказывал, что униженное положение женщины в мусульманском обществе – следствие его низкого культурного уровня, а вовсе не постулатов ислама. Недооценка значения женщины, утверждал автор, явление противоестественное. «Женское начало существует в природе во всем живом мире. Дискриминация по половому признаку в человеческом обществе нисколько не оправдана. Путь к равным правам мужчин и женщин во всех сферах общественной жизни, по непреложному мнению ученого, лежит через женское просвещение, свободное приобщение ко всем достижениям культуры и науки» (Кадыри, 1915, б. 10). З. Кадыри задумал и издал серию «Гаилә» (Семья) из пяти частей. Первыми в ней стали работы К. Амина «Освобождение женщин» и «Новая женщина», затем «Воспитание» Г. Спенсера (Спенсер, 1911). В эту же серию впоследствии вошли его собственные работы «Мир девушек» и «Женский вопрос». Это был довольно смелый для своего времени шаг, так как в равноправии женщин традиционное мусульманское общество усматривало покушение на нормы шариата. З. Кадыри прекрасно это понимал: «Создавая «Семейную библиотеку» и делая переводы книг, я не рассчитывал, что это понравится

всем татарам, понимал, что одни их одобряют, а другие встретят в штыки. Но я добился своей цели. Я увидел противников моих замыслов, а от множества сторонников получил и получаю письма благодарности, мои книги нашли благодарных читателей» (Шура, 1909, № 18). З. Кадыри сыграл важную роль в постановке женского вопроса в татарской публицистике, доказывая, что силами только половины населения невозможно построить справедливое социальное общество. Он считал необходимым установление полного равноправия женщин и мужчин во всех сферах общественной и личной жизни: право на труд и равная оплата за него, возможность получать образование, участвовать наравне с мужчинами в выборах и др. Это предполагало коренную ломку вековых традиций и законодательства.

Еще одно направление деятельности – *журналистика*, также постоянно привлекала З. Кадыри. В 1912 г. он подал заявку на собственное издание, но получил отказ (Дәүләт, 1998, б. 225), в том же году начал сотрудничество с томской газетой «Сибиряк», а в 1914 г. стал главным редактором ее преемницы, уфимской татароязычной газеты «Тормыш» (Жизнь). Газета просуществовала до 1918 г., и приоритетными темами для З. Кадыри-журналиста были общие для мусульманских газет того времени вопросы: ислам, тюркизм, образование и просвещение, национальные проблемы во всех сферах общественной и духовной жизни. З. Кадыри выстроил политику газеты, исходя из принципов гражданских свобод, в том числе свободы слова, что особенно ярко проявилось в 1917 г. З. Кадыри видел чрезвычайно важную роль журналиста-интеллектуала, общественного деятеля, к мнению которого прислушивалось общество. Он считал национальную печать и прессу важнейшим фактором развития демократии и влияния на ментальность тюрко-татарского населения страны. Концепцию издания поясняет сама редколлегия: «Все, что было направлено на обновление татарского общества, включая и религиозно-мировоззренческие искания, рассматривалось в начале XX в. как единое целое: борьба с ложными понятиями в исламе, возникновение женского вопроса и новых способов обучения и воспитания, национальная культура, национальная история, решение политических, общественных и научных вопросов – все это, сделанное в весьма короткое время, есть наши национальные дела» (Тормыш, 1914, 12 февраль). После прекращения выпуска «ал-Галями ал-Ислами» (1907) «Тормыш» осталась единственной газетой Уфы на татарском языке. Она распространялась в различных мусульманских регионах.

Без упоминаний о религии и религиозных деятелях, истории ислама и мыслей о его реформировании не обходился практически ни один выпуск издания. Газета «Тормыш» всячески поддерживала стремление священнослужителей к открытости, новым знаниям и веяниям времени. З. Кадыри был глубоко убежден, что духовные лица должны быть самыми образованными, нравственными и прогрессивными людьми своего времени, а их проповеди должны служить примером для образа мыслей и действий татарского населения.

Особое место в газете занимает женская проблематика. Рубрика «Мир женщин» родилась в газете «Сибирия» за подписью Ф.-Ф. Наурузовой и нашла свое продолжение в «Тормыш». Ее ведущая Фатыма-Фарида несколько лет преподавала в школе, затем стала татарской журналисткой. В рубрике «Мир женщин» Ф.-Ф. Наурузова пишет о женских правах, вопросах шариата, знакомит с именами известных женщин и т.д. Здесь же существует небольшая рубрика, где публикуют первые стихи и заметки начинающие женщины-литераторы. З. Кадыри считал эту рубрику важной для газеты и глубоко уважал ее автора: «По приезду в Уфу Ф.-Ф. Наурузова начала выстраивать дела в Уфимском женском обществе, при ее заботе школы для девочек приобретали должный вид, она знала, как подтолкнуть и направить их вперед, какой дорогой им необходимо идти дальше. Ее двумя крыльями была исламская и русская культура, а в деле веры ее работа была лучшей среди наших женщин», – писал З. Кадыри (Тормыш, 1914, 19 февраль).

Возглавив газету, З. Кадыри не мог обойти общественно-политические проблемы страны, в частности защиту интересов тюркских народов. Он поддерживал оппозиционно настроенную к национальной политике правительства мусульманскую фракцию Государственной думы, объясняя читателям спорные моменты в ее деятельности. На развернувшуюся тогда антиисламскую пропаганду, З. Кадыри отвечал крупными аналитическими работами («Национальное движение» (Тормыш, 1914, 19 февраль) и «Вопросы панисламизма» (Тормыш, 1914, 14, 19, 21, 23 26 февраль)). В июне 1915 г. скончался муфтий ОмДС М. Султанов. Очень быстро был назначен (но не избран) новый муфтий С. Баязитов, что вызвало целую волну критики и протеста со стороны татарской прессы. Ответом на это скоропалительное назначение стала статья З. Кадыри под названием «Выборность муфтия», за которую на газету был наложен штраф в 1000 руб. (РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 608, л. 50).

1917 год – период расцвета всей татарской журналистики. Это время активизации национального движения и попыток создания автономной республики «Идель-Урал», работы национального Парламента и Правительства в Уфе. Наиболее ярким стал он и в истории газеты «Тормыш» как первоисточника происходящих в Уфе событий. В марте 1917 г. мусульманская фракция потребовала включения в состав Министерства внутренних дел, Министерства юстиции, Военного министерства людей, знающих обычаи и общественную жизнь мусульман, то есть введения представителей мусульман в центральную исполнительную власть. В этот бурный период газета во главе с З. Кадыри освещала самые злободневные темы: перед 1-м Всероссийским мусульманским съездом в Москве предоставила читателю политологический ликбез – статьи из книги З. Кадыри о «Формах государственного устройства», затем подвела итоги Московского съезда, обсуждала башкирскую автономию и т.д. В газете «Тормыш», как в зеркале, отражалась центральная тема тех дней – идея государственно-

сти тюркских народов. Политическая позиция З. Кадыри совпадала с позицией прогрессивно настроенных лидеров национального движения, в вопросе государственного устройства Закир Кадыри стоял за единство мусульман в составе России. С изменением ситуации в период между русскими революциями, обострением политической борьбы, тексты журналистов тоже заметно «левели». Татарская интеллигенция разделилась на либеральную, умеренно социалистическую и левую социалистическую группы. Взгляды З. Кадыри эволюционировали от унитаризма к федерализму в связи с обещанным правом наций на самоопределение, переменами в политической жизни страны, но неизменно оставались на либеральных позициях.

Об остроте дискуссий в прессе, одной из составляющих которой были взаимные обвинения в фальсификациях и обмане, говорит следующий пример. В 6-м номере газеты эсеров «Наш путь» либеральная газета «Тормыш», а с ней З. Кадыри и издатель Г. Усманов были обвинены в главном грехе тех дней – буржуазности. З. Кадыри был вынужден ответить статьей «Клевета и наговоры». Вот выдержки из нее: «В политике газеты “Тормыш” никогда не была сторонником правых. Каждое движение левых сил и партий в России она приветствовала и принимала. Она была самой левой среди мусульманских газет в национальных, религиозных, общественных и международных вопросах. Для подтверждения почитайте подшивки и архивы нашей газеты... Мы счастливы, что почетная миссия первыми написать в татарской печати великое слово “республика” досталась нам» (Тормыш, 1917, 10 октябрь). В 1917–1918 гг. газета «Тормыш» являлась активным пропагандистом идей фракции тюркистов национального парламента и держала своих читателей в курсе политической борьбы за становление новой республики. Размышляя о форме российского многонационального государства, З. Кадыри считал, что оно должно строиться по национальному принципу. Он представлял федерацию как объединение национальных республик, обладавших правом автономной духовной жизни. «Федерация – средство для самостоятельного развития наций, сохранения индивидуальности и усиления единой державы», – писал он (Тормыш, 1917, 28 март, 13 апрель). Основу тюркско-татарской автономии он видел в единой вере – исламе, тюркской культуре и традициях, приоритете народовластия и равноправия. З. Кадыри оставался верным демократическим принципам и настаивал на многопартийности в созданном осенью 1917 г. национальном парламенте.

4 декабря 1917 г. З. Кадыри был избран в состав членов Национального Управления. Он ушел из газеты, передав ее новому редактору Г.-И. Хабирову. В обращении к читателям он подвел итоги своей работы: «Три года и четыре месяца в трудные для страны времена я старался вести и продвигать вместе с тюрко-татарским народом мусульманскую газету “Тормыш”. Я верил в цену слов и в истину, надеюсь, что не отказывался

писать правду. Сил у нас было немного, но мы не уходили от нападков справа и слева, продолжая делать свое дело» (Тормыш, 1918, 16 гыйнвар).

Имя Закира Кадыри неразрывно связано с историей национального образования, просвещения и журналистики. Став редактором газеты «Тормыш», он сумел вывести ее в число наиболее авторитетных мусульманских изданий. Газета была главным источником информации для татароязычного населения Уфы, что позволяет говорить о ее большом влиянии на формирование общественного сознания в Волго-Уральском регионе.

Период эмиграции. В апреле 1918 г. завершился период противостояния Советов и национальных автономных органов, все политические институты перешли под контроль советской власти. Национальную печать России, в том числе татарскую, заменила новая пролетарская пресса на национальных языках. Надежды оставались на тогда еще белогвардейские сибирские регионы с мусульманским населением, куда отправились члены национальной администрации. В г. Кызыл Яр (ныне Казахстан) ими некоторое время издавалась газета «Маяк» и продолжалась политическая деятельность.

Вскоре З. Кадыри с супругой, татарской поэтессой Санией Гиффат, покинули Россию и оказались в эмиграции. Семья Кадыри нашла временное убежище в г. Кульдже. Описывая приход в Восточный Туркестан переселенцев из России, профессор М.А. Усманов, выходец из этих же мест, писал следующее: «Среди татарских интеллигентов, пришедших в сторону Чугучека и Кашгара, были известные богословы и философы М. Бигиев и З. Кадыри. В 1921–1922 гг. из Волго-Уральского региона к границе Казахстана от голода ушла большая группа татар» (Госманов, 1996, б. 42). Попав в пограничный китайско-казахский район, З. Кадыри продолжил педагогическую деятельность в среде татарских эмигрантов. По сведениям М.А. Усманова, в Западном Китае З. Кадыри занимался преподаванием: «Большинство татарских эмигрантов были высокообразованными людьми и старались наладить дело подготовки национальных кадров учителей. Приехав в Кульджу, З. Кадыри продолжил дело Г. Буби, обучая на своих педагогических курсах юношей и девушек, уже закончивших школу» (Там же).

Как и многих эмигрантов, З. Кадыри не оставляла мысль о возвращении на Родину. В частности, он направлял письма в адрес Дж. Абызгильдина, Г. Ибрагимова, Г. Губайдуллина, где выражал готовность вернуться в Уфу и трудиться на преподавательском поприще (ЦА ФСБ РФ, ф. 2, оп.1, д. 705). Готовность принять З. Кадыри в качестве преподавателя выражал И. Биккулов, который «старался всеми силами подготовить почву на предмет переезда для работы Аль-Кадыри в одну из национальных республик». Он же высказывал идею о том, чтобы пригласить его на преподавательскую работу на казанский рабфак (Там же). Не дождавшись отклика с Родины, З. Кадыри отправился в Восточный Китай, преподавал в Харбине и Хайларе, где после длительных переговоров с властями ему уда-

лось добиться разрешения открыть татарскую школу в отведенном для нее собственном помещении, что было большой удачей.

В 1922 г. Закир Кадыри ищет лучшей доли в Турции, которая стала второй Родиной для его семьи до последних дней жизни. Его зять, тюрколог А. Тимер, описал этот период жизни З. Кадыри: «Когда он приехал в Турцию, то вместе со своим другом Хамдуллахом Субхи (Танривер) участвовал в создании просветительских учреждений» (Temir, 2011, s. 233). Речь идет о том, что в 1925 г. руководителем Министерства просвещения Турции был назначен Х. Субхи. Именно он пригласил З. Кадыри работать переводчиком в Комиссию по делам сочинений и переводов при министерстве. В назначении на эту должность важную роль сыграло знание им арабского языка и опыт переводческой работы. Позднее, после закрытия Комиссии, З. Кадыри перешел на работу главным хранителем библиотеки мечети Сулеймана в Стамбуле.

В 1931 г. под руководством Юсуфа Акчуры было создано Турецкое историческое общество, а в июле 1932 г. состоялся первый Турецкий Исторический конгресс. В нем участвовал широкий круг ученых, историков, языковедов и даже государственных деятелей, а вице-президентом общества президент Турции назначил свою приемную дочь Афет Инан. Закиру Кадыри в Историческом обществе отводилась роль научного рецензента. Но доверие длилось недолго. В статье А. Орала воспроизводится знаменитое выражение Мустафы Кемалья Ататюрка: «Написание истории так же важно, как и сотворение истории!», которое после его смерти было выгравировано на мраморных плитах в центральном здании Исторического общества. В опубликованном здесь письме Ататюрк высказывает крайнее недовольство подготовкой учебников для высших учебных заведений. Особенно это касалось разделов «История ислама» и «Место турок в исламе», которые готовились Закиром Кадыри. Ататюрк стремился покончить с решающим влиянием религии в стране. Вопреки ему, З. Кадыри отводил исламу в истории турков основополагающую роль, говорил об арабских истоках мусульманства, где тюркские народы были лишь одними из последователей. Ататюрк не желал мириться с второстепенным положением турок, предпочитая напоминать, что Арабское государство долгое время входило в Османскую империю. Он требовал сделать выгодные в пользу турок исправления (Bülent, 2011). Однако З. Кадыри отказался их делать, мотивируя тем, что такая история никому не принесет пользы. Ататюрк в ответ надолго лишил работы З. Кадыри.

Значительное место в дальнейшей судьбе З. Кадыри занимают переводы по истории тюркских народов, этнографии. Среди них «История арабской литературы» Крымского, «История северных тюрков», «История Афганистана», «История династии Алеви», «Книга завоевания стран» ал-Белазури, «Религиозные и нерелигиозные повествования» (Галлямов, 1996). Не выяснено, какие именно переводы были сделаны в этот период, так как опубликованы они были гораздо позже, лишь после смерти

Ататюрка, в 1938 г., и пересмотра научных концепций в 1950-е гг. Достоверно известно лишь то, что в годы проживания в эмиграции З. Кадыри регулярно печатался в татарских и турецких периодических изданиях «Тюрк юрду», «Милли юл», «Яна милли юл» и др. Это – научные статьи по языкознанию, истории этнографии, религии, образованию («Тюркология в Идел-Урале», «Влияние Османской Турции на языки северных тюрков», «Ваххабиты», «Этнография чуваш», «Вопросы Академии», «История роста этнографии», «Задачи единства племенных и родственных отношений тюрков», «Роль тюрков в составе афганских племен» и др.) (Гаффарова, 2004, 56 б.).

В 1936 г. З. Кадыри поступило приглашение от татарской диаспоры Финляндии, и он переехал в Хельсинки. З. Кадыри некоторое время работал в Хельсинском университете на факультете восточных языков. Он активно участвовал в жизни татарской общины, преподавал в татарской школе по собственным учебным программам. В Финляндии в 1938 г. вместе с супругой С. Гиффат З. Кадыри издал школьные учебники: «Книги для чтения» (2 часть), «Уроки тюркской истории» (1 часть) и «Уроки религии» в 3-х частях, которые стали популярны среди эмигрантов в разных странах.

Период пребывания семьи в Финляндии связан с двумя памятливыми датами. Известно, что 20-летие Национального Собрания, работавшего в Уфе в 1917–1918 гг., широко праздновалось в зарубежных странах, где была значительная тюрко-татарская диаспора: в Китае, Японии, Турции, Финляндии, Эстонии. Вторая знаковая дата была связана с творчеством Г. Исхаки, который считал началом своей писательской деятельности 1897 г. Татарская общественность, находящаяся в эмиграции, в этом же году отметила 40-летие его творческой деятельности. С особым торжеством юбилей проходил в Финляндии, где присутствовал сам писатель – Г. Исхаки, один из лидеров национального движения. В центре празднования находились З. Кадыри и С. Гиффат как участники и очевидцы этих событий. Они организовали различные мероприятия, посвященные этим датам, С. Гиффат освещала празднование в прессе (Мицнегулов, 2007, б. 49).

В 1939 г., в связи с начавшейся «зимней» войной между СССР и Финляндией, З. Кадыри был вынужден вновь переехать в Турцию (Үтәбай-Кәрим, 1999). К этому времени у четы З. Кадыри и С. Гиффат выросли дочери Азат и Ләлә. В 1946 г. Азат вышла замуж за тюрколога и троюродного брата Закира Кадыри по отцу А. Тимера. А. Тимер совместно с З. Кадыри принял участие в масштабном творческом проекте. Для серии «Исламские классики Востока» они перевели с арабского на турецкий язык и подготовили к изданию 5-томный фундаментальный труд «История народов и правителей» выдающегося средневекового арабского историка Ат-Табари. Этот труд, объемом 3200 страниц, охватывает как доисламский период, так и историю ислама (Кошай, 1954). Наиболее фундамен-

тальным переводом З. Кадыри в турецкий период жизни является издание знаменитого «Введения» («Мукаддима») к «Большой истории» ибн Халдуна, в котором выдающийся средневековый арабский мыслитель раскрывает закономерности становления и развития человеческого общества, различных культур и цивилизаций, основы справедливого политического управления. И сегодня турецкие ученые используют «Введение» ибн Халдуна именно в переводе и изложении З. Кадыри, поскольку оно содержит полное резюме всех идей мыслителя. Труд был издан в Стамбуле в 3-х томах в 1954 г. и затем переиздан в 1986 г.

В последние годы жизни З. Кадыри тесно общался с проживавшими в Анкаре Г. Исхаки, С. Максуди, К. Локманом. Одна такая, ставшая уже последней, встреча произошла в доме З. Кадыри в сентябре 1952 г. и запомнилась его зятю А. Тимеру. Для хозяина дома целью встречи было примирение Г. Исхаки с З. Валиди. Однако, по воспоминаниям А. Тимера, прийти к согласию так и не удалось.

В непрерывном труде и стараниях Закир Кадыри завершил свою жизнь вдали от центра Анкары, в пригороде Этлек. Умер он 22 октября 1954 г. Некрологи на смерть З. Кадыри и С. Гиффат были написаны известным турецким археологом Хамитом Зубеиром Кошаем.

Основы современной жизни татарского народа во многом определяются теми условиями, в которых формировались его национальная культура, традиции, язык, вероисповедание, а также вкладом ученых, просветителей и публицистов, привнесших новые идеи в сложившийся веками уклад жизни народа. Выявление новых биографических фактов, объективный анализ наследия крупнейших представителей национального движения, к числу которых, без сомнения, относится Закир Кадыри, является долгом нашего поколения. Его деятельность как джадидиста, татарского богослова, просветителя и журналиста начала XX в. в переломный период между русскими революциями – есть отражение важнейших процессов в поисках нового мировоззрения, становлении татарской нации, формировании ее науки и культуры.

Источники и литература

1. ГАВО. Ф. 981. Оп. 1. Д. 658.
2. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 608.
3. *Bülent G.* 80 yıl önce sansürlen mektup bulundu [Электронный ресурс] // *Yabertürk gazete – Istanbul.* 2011. 21 haziran.
4. *Temir A.* *Vatanım Türkiye – Ankara: Turk Tarih Kurumu,* 2011. 281 s.
5. *Амин К.* Эл-миръат эл-жадидэ. Казан, 1908. 109 б.
6. *Амин К.* Тэхрир эл-мәръят. Казан: Шарык, 1909. 112 б.
7. *Вильданова Р.К.* Закир Кадыри (1878–1954): Общественно-политическая и журналистская деятельность: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Казан. (Поволж.) федер. ун-т. Ульяновск, 2013. 271 с.

8. *Галлямов М.М.* Его высокопреосвященство Закир Кадыри // *Türk Dünyası Tarih Kültür Dergisi*. 1996. № 119.

9. *Гаффарова Ф.Ю.* Татар мөһажирләре: татар фикер ияләренең XX г. Төркиядәге ижтимагый-сәяси эшчәнлекләре. Казан: Фэн, 2004. 86, [2] б.

10. *Гаффарова Ф.Ю.* Зыялы татар З. Кадыйри һәм хатын-кыз мәсьәләсе // *Татар иле*. 2001. № 35.

11. *Госманов М.Г.* Ябылмаган китап: яки чөчелгән орлыклар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. 206 б., 32 б. фот.: ил.

12. *Дәүләт Н.* Русия төркіләренең милли көрәш тарихы (1905–1917) / Төркчәдән Р. Батулла тәрж. Казан: Милли китап, 1998. 400 б.

13. *Давлетишин Т.Д.* Советский Татарстан: теория и практика ленинской национальной политики: [пер. с англ.]. Казань: Жиен, 2005. 484, [1] с.

14. *Кадыйри З.* Ифтира вә бөһтан // *Тормыш*. 1917. 10 октябрь.

15. *Кадыйри З.* Миллият агымлары // *Тормыш*. 1914. 12 февраль.

16. *Кадыйри З.* Хәяте Мөхәммәд галәйһи әс-сәлам. Тарих исламнан. Казан: Тип.-литография Еремеев вә Шашабрин, 1911а. 140 б.

17. *Кадыйри З.* «Тормыш»тан чыктым // *Тормыш*. 1918. 16 гыйнвар.

18. *Кадыйри З.* Гарәп нәхүе. Уфа: «Шәрык» матбагасы, 1912а. 137 б.

19. *Кадыйри З.* Гарәп сарыфы. Уфа: «Шәрык» матбагасы, 1912б. 116 б.

20. *Кадыйри З.* Кызлар дөнъясы. Казан: Тип.-литография Еремеев вә Шашабрин, 1911б. 34 б.

21. *Кадыйри З.* Мәмләкәт идарәсе рәвешләре // *Тормыш*. 1917. 28 март, 13 апрель.

22. *Кадыйри З.* Мәмләкәт идарәсе рәвешләре. Уфа: Элек.-тип. «Тормыш», 1917. 64 б.

23. *Кадыйри З.* Олуг бер зыяг // *Тормыш*. 1914. 19 февраль.

24. *Кадыйри З.* Панисламизм мәсьәләсе // *Тормыш*. 1914. 14, 19, 21, 23, 26 февраль.

25. *Кадыйри З.* Хатын-кыз мәсьәләсе. Уфа: Элек.-тип. «Тормыш», 1915. 48 б.

26. *Кадыйри З.* Хатын-кыз мәсьәләсе. Уфа: Элек.-тип. «Тормыш», 1915. 48 б.

27. [*Кадыйри З.*], *Абдо Мухаммед*. Гыйльме каләм дәрәсләре. Уфа: «Шәрык» матбагасы, 1910. 163 б.

28. *Кадыри З.* Тәнкыйтькә каршы бер-ике сүз // *Шура*. 1909. № 18.

29. *Кошай З.Х.* Закир Кадыйри Уган (1878–1954) // *Тюрк юрду*. 1954. № 239. S. 428–431.

30. *Миңнегулов Х. Й.* Чит илләрдәге татар әдәбияты. Казан: Мәгариф, 2007. 399 б.

31. [*Кадыйри З.*], *Спенсер Герберт*. Тәрбия. Казан: Тип.-литография Еремеев вә Шашабрин, 1911. 88 б.

32. *Утәбай-Кәрим Р.А.* Закир Кадыйри // *Кызыл таң*. 1999. 5 октябрь.

Р.К. Вильданова

XX гасыр башы татар халкы тарихында Закир Кадыйри

Атаклы татар дин белгече, журналист тәржемәче, педагог, 1916–1918 елларда сәясәтче дә булган Закир Хәлим улы Кадыйровның (Кадыйринен) тууына 2018 елда 140 ел тула. Совет властен танымаган Закир Кадыйри шәхесенә «буржуаз милләтче» ярлыгы тагылып, аның исеме XX гасырның соңгы унъеллыгына кадәр тыелуда калып килә. 1990 нчы елларда эзләүгә төп нигез булып төрек газетасы «Тюрк юрду» материаллары, төрек галиме Әхмәт Тимер истәлекләре торды (соңгысы белән татар тикшеренүчеләре Х. Миннегулов, Ф. Гаффарова, Р. Утәбай-Кәрим, Закир Кадыйриниң энесе М. Кадыйров һ.б. очрашты). Бу мәкаләдә истәлекләр, архив чыганакалары берләштерелде, З. Кадыйриниң фәнни мирасы юнәлешләренә характеристика бирелде.

Ачкыч сүзләр: жәдитчелек, Закир Кадыйри, Идел-Урал штаты, татар эмигрантлары.

R.K. Vil'danova

Zakir Kadiri in the history of the Tatar people in the early 20th century

September 2018 marks the 140th anniversary of the birth of the prominent Tatar theologian, journalist, translator, educator and, in the period of 1916–1918, national politician Zakir Khalimovich Kadyrov (Kadiri). Zakir Kadiri, who did not recognize the Soviet power, was labeled «bourgeois nationalist», his name remained banned until the last decade of the 20th century. The search for information in the 1990s was based on the materials of the Turkish newspaper «Turk Yurdu», memoirs of the Turkish scientist Akhmet Timer compiled by Tatar researchers who were fortunate to meet with him, among them K. Minnegulov, F. Gaffarova, R. Utebay-Karimi, Zakir Kadyri's younger brother, M. Kadyrov, and others. In this article explores memoirs, archival sources and focuses on specific features of Z. Kadiri's scientific legacy.

Keywords: jadidism, Zakir Kadiri, Idel-Ural state, Tatar immigrants.

Вильданова Рамзия Камильевна – кандидат исторических наук, помощник президента ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет» (г. Ульяновск); e-mail: vil-rimma@yandex.ru

Вилданова Рәмзия Камил кызы – тарих фәннәре кандидаты, Ульяновск дәүләт университетының президент ярдәмчесе (Ульяновск шәһәре).

Vildanova Ramziya Kamil'evna – Candidate of Historical Sciences, assistant to president of Ulyanovsk State University (Ulyanovsk).

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

УДК 93(470.41)"18"

Н.А. Кореева

«Обязуюсь находиться у него в услужении в должности приказчика»: оформление трудовых отношений между купцами и приказчиками в первой половине XIX в. (по материалам Казанской губернии)

Приказчики – это наемные служащие в торговом заведении, которые могли вести все коммерческие операции от имени своего доверителя-купца. В статье рассмотрены особенности оформления трудовых отношений между купцами и их приказчиками в первой половине XIX в., правовые аспекты заключения трудовых контрактов, виды юридической ответственности приказчиков, условия их труда. Статья написана на основе архивных источников, впервые введенных в научный оборот.

Ключевые слова: приказчик, купец, контракт, обязательство, Казань, Нижегородская ярмарка, Казахская степь.

История оформления трудовых отношений между купцами и приказчиками восходит к XVIII в., когда законодатель вменил купцам в обязанность записывать приказчиков в таможенных (а где их нет – в ратушах и магистратах) и давать им на осуществление торговых операций кредитные письма (ПСЗ-1, т.7, №4224, с.65). В 1723 г. был сформулирован основной принцип торговли с применением труда приказчиков – ответственность купца за любую коммерческую сделку, совершаемую от его имени по доверенности (ПСЗ-1, т.8, №5987, с.652). Правила найма купеческих приказчиков, форма кредитного (так называемого «верющего») письма были изложены в Таможенном уставе 1755 г. (ПСЗ-1, т.14, №10486, с.483).

Приказчик в рассматриваемый период – наемный служащий в торговом заведении, лавке, торговец, управлявший фабрикой или заводом, уполномоченный купца во время проведения ярмарок внутри губернии и за ее пределами, организатор меновой торговли в Казахских степях. От действий приказчика зависел успех торговых операций, благополучие всего предприятия, и, в конечном счете, благосостояние купца. Рассмотрим правовой статус приказчиков, их права и обязанности в конце XVIII – первой половине XIX в.

В 1799 г. согласно указу Павла I учреждался Устав цехов, в структуре которого были служебные, ремесленные, рабочие цеха, а, сверх того, учреждался цех «прикащиков, или лавочных сидельцев» (ПСЗ-1, т.25,

№19187, с.871)¹. Существовала разница между социальным и правовым положением приказчиков из крестьян, мещан и приказчиков из высших сословий. Так, например, купеческие дети 1-й и 2-й гильдий, дети именитых граждан, которых родители или ближайшие родственники отдавали в конторы и лавки для обучения торговле и бухгалтерии, не причислялись к цеховым. Законодатель объяснял это тем обстоятельством, что они не преследуют цель стать приказчиками по найму, а лишь учатся. Купцы, занимавшиеся делами одновременно нескольких купцов, назывались комиссионерами. Они не записывались в цеха, но выполняли все должностные обязанности приказчиков. Особенное внимание законодатель уделил обязанности составлять отчеты, беречь товар, соблюдать выгоду и предостерегать от убытков. Купцам запрещалось иметь приказчиков из числа дворян, чиновников, не записанных в гильдии. Но дворяне могли быть управляющими конторой, фабрикой, иметь хождение по делам. В 1826 г. дворяне, открывшие фабрики и заводы в городах до 1826 г., были освобождены от необходимости записи в купеческие гильдии (ПСЗ-2, т.1, №458, с.685).

Приказчик имел право торговать только теми товарами, которыми разрешалось торговать купцу определенной гильдии. В противном случае с приказчика взыскивалась пеня в городскую казну. Он не мог заниматься чужими делами, брать чужие товары для продажи без письменного согласия своего хозяина, под угрозой их конфискации в пользу хозяина и содержания его в работном доме. Наказание следовало от Ратгауза (Городского правления). Не допускалось иметь издержки для каких-либо прихотей за счет хозяина, особенно тех, которые были не свойственны состоянию приказчика, сопряжены с роскошью².

---

¹ Всякий желающий принять на работу слугу, служанку, рабочих людей обращался к маклеру, к нему же обращались те, кто искал работу. Если соискатель не был записан в цех, маклер делал представление в Управу служебных и рабочих цехов. В обязанность маклера вменялся скорейший поиск рабочего места, а также регистрация всех договоров и условий о служении и работах, с записью в маклерские книги. Все приказчики должны были давать деньги на содержание своего цеха.

² Приказчик должен был давать отчет хозяину по первому требованию («во всякое время»), отношения с хозяином носили строго формальный характер – необходимо было принимать и отпускать товар, ценности, деньги строго под запись в специальные книги, «во отвращение впредь могущих быть споров». Закон предписывал также уважительное отношение приказчика к хозяину и членам его семьи. Приказчик, причинивший хозяину убытки, должен был полностью их возместить и еще нести ответственность по уголовному праву, как вор. Подорвавший доверие хозяина приказчик мог быть лишен честного имени. Задача приказчика – предотвращать возможные убытки хозяина, ему запрещалось без письменного распоряжения хозяина снижать установленную цену товара, под опасением покрывать недостачу из собственных средств.

После истечения годовичного срока службы приказчик должен был дать отчет хозяину в течение 1 месяца, получить от него аттестат о том, что «правил делами его честно», и представить Городскому правлению. Отсутствие отчета и аттестата не позволяло устроиться на аналогичную работу у другого купца. Если приказчик не успевал написать отчет, а хозяин его в чем-либо обвинял, то обвинение признавалось доказанным. Уважительными причинами невыполнения отчета в срок могла быть тяжелая болезнь, отлучка из города по приказу хозяина или правительства. Предоставление отчета, прием дел являлись необходимым условием для предъявления претензий сторон друг к другу. Упущение во времени и отказ хозяина принять дела от приказчика должным образом делали невозможными дальнейшие жалобы и претензии.

Приказчики, лавочные сидельцы должны были заключить письменный договор с хозяином о жаловании, сроке служения, жилище и содержании. Оплата труда должна была производиться хозяином не позднее одного месяца по истечении годового срока³. Труд приказчика оплачивался на порядок выше труда других сотрудников. На казанской фабрике Осокина, вырабатывавшей армейское сукно и снабжавшей им государство по подряду, после 1849 г. утвердились капиталистические отношения, труд работников стал вольнонаемным (ранее фабрика пользовалась правами казенно-посессионной). В 1854 г. мастер получал в год 120 руб. серебром, подмастерье – 84, конторщик – 144, каждый из его помощников – по 84, приказчик – 180. Работник получал от 15 до 20 коп. в день (Россовский, 1937, с.294).

Законодатель проявлял некоторую заботу о правовой грамотности приказчиков и сидельцев в лавках. В договоре необходимо было указать на факт ознакомления приказчика с Уставом, свою подпись должен был ставить также «алтерман прикащичьяго цеха». Устав устанавливал общее требование к должностным обязанностям приказчика – соблюдение чистоты, опрятности в лавке и конторе. Остальное регламентировалось взаимной договоренностью между хозяином и приказчиком.

Архивные материалы позволяют выявить несколько типов трудовых контрактов в зависимости от целей и задач нанимателя. Так, первый тип контракта заключался с целью организовать при помощи приказчика торговлю (внутреннюю и внешнюю), второй тип – с целью организовать производство на фабрике, третий тип – взыскать задолженность с должника и

---

³ Пропуск этого срока по неуважительным причинам лишал приказчика права требовать что-либо у хозяина (уважительной причиной признавалась отлучка из города). Согласно Уставу цехов, приказчик мог получать вознаграждение за свой труд в виде платы за определенное время, в виде процентов от порученной ему суммы, в виде получения части прибыли, доставленной хозяину. Законодатель учитывал, что приказчик тем самым приобретал себе пропитание, готовил самого себя к хозяйству, накапливал капитал и приобретал доверие к себе.

заставить его отработать долг в качестве приказчика. Четвертый тип трудового контракта был связан с наймом несовершеннолетних работников, как правило, для выполнения несложной работы в лавке.

Приведем в качестве примера контракт первого типа, заключенный между купцом и мещанином⁴.

«Объявлен контракт, с коего копия. Казань, 1818 г. Июнь 6 дня. Я, нижеподписавшийся казанский подведомый Татарской ратуше мещанин Юсуп Мухаметев сын Пономарев дал сей контракт казанскому 1-й гильдии купцу Мусе Измаилову Апанаеву в том, что обязуюсь находиться у него в услужении в должности приказчика считая от вышеписанного впредь один год, с получением жалованья за оное время 300 руб. с тем, что платье и прочее иметь мне, Пономареву, свое, а провизию вовремя из Казани иметь его, Апанаева, нежели будет от него какое препоручение, в каковом бы не было дело, то обязуюсь стараться, как наивозможно, соблюдать хозяйскую пользу и выгоды, и исполнять в точности как письменные, так и словесные приказания безо всякого упущения. Ежели случится буду я куда ни есть отправлен им, хозяином, при каких товарах, то должен оные беречь от всякой утраты и повреждения, а паче чаяния от несмотрения моего и неосторожности сделается каковая товару утрата, то за оное подвергаю себя ответственности и денежному платежу. Когда препоручена мне будет от хозяина денежная сумма на каковое-либо производство, то оную хранить и употреблять на что приказано будет, и вести в оных о приходе и расходе верную записку, а на свой счет отнюдь без приказа не употреблять, также при исправлении какого дела должен немедленно подать господину хозяину верной и справедливый счет, и где случится в пути излишних и не принадлежащих расходов не делать, и во все вышеписанное время должен вести себя добропорядочно, не пьянствовать и с подозрительными людьми не знаться, и в случае ежели что замечено будет за мной неблагопристойное, то подвергаю себя законному суждению; не дожившись вышесказанного годового срока, к другим людям без позволения господина хозяина ни под каким видом не наниматься. За служение же означенную сумму 300 руб. при подписании сего условия получил сполна, в чем и подписуюсь своим письмом по-татарски. По переходе с сего татарского подписа на российский язык значит так: казанский мещанин Юсуп Мухаметев руку приложил. Казанской 1-й гильдии купец Муса Измаилов сын Апанаев руку приложил. Перевел Казанской Академии татарского языка учитель священник Александр Троянский. Подлинной контракт дал, деньги сполна получил. Казанский мещанин Юсуп Мухаметев расписался по-татарски. Контракт получил Казанской 1-й гильдии купеческий сын Муртаза Апанаев (подписи арабской графикой. – *Н.А.*)» (НА РТ, ф.114, оп.1, д.233, л.80–80 об.).

---

⁴ Здесь и далее при цитировании исторических источников сохранены орфография и стилистика текста.

Таким образом, в структуре документа присутствовали следующие элементы: дата заключения, наименование сторон контракта, цель, срок, сумма контракта, социальные гарантии, должностные обязанности, ответственность за растрату, требование ведения отчетности о тратах, требование не совершать лишних расходов, требование к поведению приказчика, запрет переходить к другим людям до истечения срока, условия оплаты, подписи обеих сторон.

Приведем в пример отрывок из контракта о найме приказчика с целью организовать промышленное производство. При сохранении общих принципов и структуры документа, менялся перечень должностных обязанностей. Контракт был заключен между казанским Старо-татарской слободы служилым татаринном Губейдуллой Ягоферовым и казанским 2-й гильдии купцом Яковом Степановичем Гулящевым в 1818 г.

«Обязался я, Ягоферов, быть у него, Гулящева, при доме и при козловом его заводе, на следующих условиях: 1) за рабочими его людьми в заводе находящимися, чтобы они в производимых работах были прилежны, и не леностны. От завода и дома отлучек без спроса хозяйского не делали, а также с завода сырого и выделяемого товаров и других хозяйских вещей потаенно не уносили, иметь мне, Ягоферову, за всем оным неослабное смотрение. Когда же будет производиться крашение козлов⁵, то при варке краски и разливке оной быть же мне неотлучным и иметь же за красильщиками смотрение. 2) И кроме вышеписанного завода, если от него хозяина что будет приказано выполнять и по дому, или по его экономии, и будут каковые-либо посылки, то во всем его хозяина слушаться беспрекословно... И на ярмарку будут посылать, мне не отказываться... Но черной работы – чистка навоза, вожение снега, рубка дров – на меня не налагать» (НА РТ, ф.114, оп. 1, д.233, л.99).

Данный контракт расширял социальные гарантии в отношении приказчика – во-первых, он снабжался одеждой, которая состояла из платья – армяка⁶, рукавиц с «варегами» (варежками), двух пар сапог. Во-вторых, освобождался от черной работы, не предусмотренной контрактом. Оплата труда составляла 300 руб. в год, из них половину приказчик получил при заключении договора в качестве задатка.

⁵ «Крашение козлов» – один из этапов обработки козлиных шкур. Кожевенное производство по времени было достаточно продолжительным: осенью забивали мелкий скот, зимой осуществляли дубление (до трех месяцев), а весной и летом – крашение и лощение.

⁶ Армяк – верхняя одежда, преимущественно мужская, надевалась поверх кафтана, шубы, полушубка, тулупа в любое время года при плохой погоде и в дороге. Изготавливался из сукна верблюжьей или овечьей шерсти, иногда полушерстяной ткани домашней выделки черного, серого, коричневого, реже синего цветов.

Следующий тип контракта был связан с отдачей должника «в зажив» с целью отработки своего долга (должника передавали кредитору, у которого он отрабатывал долг до полного его погашения). В контракте было написано: «Казанский торговый татарин Абдряшит Абсалямов дал сей контракт капитан-лейтенанту Григорию Федорову сыну Горемыкину в том, что нанялся на 1 год за 150 руб. в год, а последние получить по заживу оных для исправления прикащикьей должности». Отправлен был «за смотрением мельниц» (НА РТ, ф.114, оп. 1, д.233, л. 39–39 об.). В «зажив» мог отдаваться сын должника. Основанием для этого было решение Казанской палаты Гражданского суда, в результате которого кредитор получал «владенную» на должника (Свердлова, 2014, с.176–183).

Купец, взявший к себе приказчиком крестьянина, должен был заплатить за него акциз, как если бы сам крестьянин торговал (ПСЗ-1, т.25, №19187, с.885–886). Крестьянин, торговавший в качестве приказчика или комиссионера, согласно манифесту от 11 февраля 1812 г., должен был брать свидетельство с уплатой пошлины в размере 2500 руб., чтобы иметь право вести общую оптовую и биржевую торговлю, 1000 руб. для ведения внутренней оптовой торговли, 400 руб. – для торговли по городу и уезду (ПСЗ-1, т.32, №24992, с.190). С 1 мая 1812 г. торговля без указанного свидетельства не разрешалась.

Однако позже (29 декабря 1812 г.) данная мера была отменена – «приказчики и комиссионеры из крестьян, употребляемые купечеством по их торговле, обязаны брать свидетельства с заплатой пошлины 100 руб., сидельцы и артельщики из крестьян за такие свидетельства вносили 40 руб., мальчики и работники, купцами употребляемые, освобождались от всякой пошлины» (ПСЗ-1, т.32, №25302, с.492.). Крестьянин не имел права торговать своим товаром от имени купца, используя свое звание приказчика или комиссионера.

В 1815 г. законодатель внес правки в законодательство о приказчиках: крестьяне, торговавшие заводской продукцией от имени своего помещика (владельца товаров), не должны были платить пошлину, могли не иметь свидетельство на право торговли (ПСЗ-1, т.33, №26024, с.404–405). Издание этого указа было продиктовано стремлением облегчить положение «хозяев-заводчиков», которые платили особую подать за добычу металлов, это были, как правило, помещики, и плата за свидетельство на право торговли крепостных крестьян увеличивала бремя их платежей. Однако фабриканты и заводчики разных сословий восприняли этот указ буквально и стали снабжать своих приказчиков лишь кредитными («верющими») письмами, без оформления свидетельств на право торговли. В 1817 г. законодателем были сделаны пояснения: возможность не брать свидетельства на право торговли была только для приказчиков от горных заводчиков, а также тех, кому были дарованы особые милости от монарха. Только те приказчики освобождались от уплаты пошлин, которые действовали от имени помещиков, купеческие приказчики должны были платить указан-

ные пошлины (ПСЗ-1, т.33, №26612, с.16–17). В этом акте проявилась «продворянская» направленность царской политики.

Довольно часто в повседневной торговой практике купечество использовало труд несовершеннолетних, используя их в качестве сидельцев в лавках. Несовершеннолетние сидельцы не должны были иметь в распоряжении товаров на сумму более 100 руб.; если купец все же доверял товар на большую сумму, то в случае растраты не мог требовать взыскания. Законодатель тут же предлагал выход из ситуации – если сидельцу исполнилось 15 лет, и он имел поручительство отца или родственника, то именно они отвечали за растрату. Лица моложе 15 лет освобождались от ответственности на сумму более 100 руб., даже при наличии поручителей. Приведем в качестве примера контракт, заключенный с целью обучения коммерческому делу несовершеннолетнего.

«Объявлен договор, с коего копия. 1818 года. Марта 15 дня. Я, нижеподписавшийся Симбирский мещанин Лев Иванов сын Башмашников, будучи в Казани, дал сей договор казанскому купцу Ивану Васильевичу сыну Рукавишникову в том, что отдал я, Башмашников ему Рукавишникову сына своего родного Гаврилу Львова Башмашникова для научения купеческой коммерции при лавке или куда ему Рукавишникову рассудится послать его Башмашникова с товаром в ярмонки впредь на 14 месяцев с платежом за все то время 500 руб. Одежда вся должна быть моя, Башмашникова, равно и питание должен я доставлять в указное время сам собою, плату получать по заслуге, жить в его доме на его содержании, быть во всяком послушании и вести себя как от честного человека требуется, и недожив срока прочь не отходить, и если ему от него хозяина препоручена будет какая сумма, то должен исправлять с рачивостью и усердием к пользе хозяйской, а если чего не явится из выданного ему капитала, то обязан я, Башмашников, заплатить, а если волею Божьей захворает, то по отжитии срока должно оное время зажить, в чем решение дал, которое должно наобласти нерушимо» (НА РТ, ф. 114, оп.1, д.233, л.53 об.).

Малолетних сидельцев разрешалось бить розгами за любое нарушение условий контракта. Делалось это при родителях или хозяине, или члене Ратгауза (Городского правления). Приведем выдержки из контракта 1818 г., в котором были определены полномочия «хозяина» в отношении несовершеннолетнего сотрудника (контракт был заключен между казанским мещанином Михаилом Ивановичем Горшковым, отдавшим своего сына Игнатия на обучение на 4 года, и бывшим купцом, ставшим мещанином, Герасимом Семеновичем Потехиным): «Могущих случиться каких-либо худых поведений или грубого непослушания от сына моего, буде все то замечено будет хозяином или его домашними, то в таком случае вверяю ему Потехину над сыном моим иметь присмотр и предостерегательство, в чем и удерживать так, как это самим мною было бы сделано, в чем и прошу во всякое время во оном настоять и ни под каким видом не допускать ни до каких самовольств. В оном могу положиться на всю его

хозяйскую волю» (НА РТ, ф.114, оп.1, д.233, л.93–93 об.). Подобные Игнатию мальчики работали за кров, пищу, обучение, не получая за свой труд никакой оплаты. Отец упомянутого Игнатия должен был и подати за сына платить, и одеждой обеспечивать, и убытки возмещать. В контракте содержались пункты, которые должны были предотвратить кражи: «...Не красть, не воровать, не мошенничать, не пьянствовать и с подозрительными людьми не знаясь, из лавки и шкапчика товаров, денег и тому подобного никому не передавать, да и мне самому скрытым образом без воли хозяйской от сына своего денег, товаров ни под каким видом не брать, и не делать того, что в противность законному порядку, а что во оном мною учинено будет, в том отдаю себя законному суждению» (НА РТ, ф. 114, оп.1, д.233, л.93–93 об.).

Проблема качественного обучения подростков купеческому делу поднималась в литературе уже в первой половине XIX в. Предпринимались попытки создать учебное пособие для них. В 1847 г. в Санкт-Петербурге (в типографии К.И. Жернакова) была издана книга «Руководство для молодых людей, назначающих себя к торговым делам», содержащая поучения для тех, кто желал стать квалифицированным приказчиком. Перечислялись виды приказчиков: ярмарочный, лавочный (или сиделец), амбарный, а также требования к другим лицам торгового предприятия – кассирам, корреспондентам, бухгалтерам (Руководство для молодых людей, 1847). Нам неизвестна география распространения этой книги, степень ее популярности среди купечества, но полагаем, что купцы в большинстве своем предпочитали давать детям знания в процессе практической деятельности.

Практическое обучение у купца имело положительный результат, и вчерашний мальчик-сиделец в лавке становился приказчиком, а затем открывал собственное предприятие. Такой путь профессионального становления прошел купец Алексей Иванович Шогин (1779–1843 гг.), которого современники называли «первым в России китаечным фабрикантом»⁷.

---

⁷ Родился он в Свияжске в семье небогатого мещанина. Родители дали ему традиционное для той поры образование – владение церковно-славянской грамотой по Псалтырю и Часослову, «изображениями русских письмен», близких к полууставной каллиграфии. Семья изготавливала холсты для дома и для продажи, в детстве Алексей усердно работал на ткацком станке, занимался льнопрядением. Однако размеры производства были незначительными, и отец отвез его в Казань, где устроил «при торговле богатого купца», имевшего несколько лавок с мануфактурными товарами. Современник писал: «Находясь в услужении у купца, молодой Шогин успел обогатить свой ум более разнообразными сведениями, чем та книжная мудрость, которая была вложена в его детскую голову в родительском доме. Он, благодаря своей природной любознательности, научился счетоводству, читал практически полезные книжки и приобрел умение бойко и талантливо вести деловую коммерческую корреспонденцию» (Агафонов, 1906, с.148–154). Добросовестное исполнение

Согласно Дополнительному постановлению об устройстве гильдий и о торговле прочих состояний от 1824 г., приказчики делились на 2 класса – 1) главные приказчики, или уполномоченные (включая комиссионеров при оптовой торговле); 2) помощники и другие торговые служители.

Приказчики первого класса могли вести полностью всю торговую операцию – закупка, продажа товаров, управление всем торгом хозяина или управление фабричным или заводским заведением, управление откупам и подрядами, сюда же относились сидельцы, управлявшие лавкой, заведениями для розничной продажи.

Приказчики второго класса управляли постройкой домов, обучались торговле в лавках, собирали доходы с мельниц, являлись помощниками приказчиков. Эти приказчики платили: за свидетельство первого класса 80 руб., второго класса – 40 руб. (ПСЗ-1, т.39, №30115, с.604). В 1826 г. стоимость свидетельства приказчика 1-го класса была снижена и составляла 50 руб., приказчики 2-го класса были освобождены от уплаты пошлины, так же как крестьяне, ранее обязанные брать свидетельства 5-го и 6-го родов (ПСЗ-2, т.1, №458, с.685). Приказчик первого класса должен был иметь от купца доверенность, содержащую информацию об имени, прозвании и состоянии приказчика, «какое делается ему поручение и какие дозволяется ему заключать условия и производить дела», обязанность ежегодно давать отчет, какое определено ему жалование или содержание, обязательство хозяина ответственность на основании законов как за долги приказчика, так и все его действия согласно доверенности. Правда, с 1827 г. кредитная доверенность приказчикам могла быть дана по усмотрению хозяина (ПСЗ-2, т.2, №1631, с.1088). Закупка товаров в лавку была запрещена, если приказчик не был записан в соответствующую гильдию. У хозяина возникала ответственность за действия приказчика, и он не мог отказаться от обязательств платить по долгам под предлогом того, что приказчик торговал якобы на свой счет, или на занятые деньги, или был компаньоном. Приказчикам второго класса предписывалось закупку товаров делать только за наличные деньги, и в случае возникновения долгов хозяин не отвечал.

Кредитная доверенность давалась приказчику на срок 1, 2 или 3 года и необходимо было предусмотреть, чтобы за этот год были уплачены гильдейские повинности. Писалась кредитная доверенность на гербовой бумаге стоимостью 3 руб. и утверждалась в Думе или Ратуше.

Купцы всячески стремились уклониться от уплаты пошлины за свидетельство приказчика, поэтому называли сидельцев в лавках работниками. Законодатель постановил в 1824 г., что в тех лавках, где не торгует сам

обязанностей расположило к нему хозяина, и он предложил ему выгодные условия оплаты труда – Алексей являлся владельцем трети, а затем половины всей вырученной чистой прибыли.

купец или состоящий с ним в одном родстве человек, должен быть особый приказчик (ПСЗ-1, т. 39, №30115, с.605).

Если торговля не соответствовала полученному свидетельству, то приказчик подвергался такому же взысканию, как и купец (ответственность была равнозначной) (ПСЗ-2, т.2, №1208, с.576): необходимо было взять свидетельство, подходящее для данного вида торговли, заплатить пеню в размере половины стоимости свидетельства, при повторении проступка пеня уплачивалась в размере полной стоимости свидетельства, в третий раз виновного предавали суду за лживый поступок (ПСЗ-1, т.39, №30115, с.608).

Как отмечают исследователи, приказчики, прекращавшие свою деятельность по достижении старости, не получали содержания в виде пенсии, так как многие купцы считали, что приказчик во время службы прикарманивал деньги хозяина и уже обеспечил себя (Филатова, 2016, с.194–200).

Специфика торгово-промышленной деятельности купечества рассматриваемого периода заключалась в том, что ею мог заниматься не только купец, объявивший размер своего капитала и вступивший в одну из трех гильдий, но также его семья. В таком случае применялось понятие «семейный капитал». Согласно Городовому положению от 21 апреля 1785 г., «записанного в гильдии дети, пока от родителей не в разделе, свободны суть от особенного платежа, ибо капитал почитается семейный, но да объявят, в каком числе семья» (ПСЗ-1, т.22, № 16187, с.344–358). В 1809 г. последовал сенатский указ о составе купеческой семьи, пользовавшейся соответствующими правами: «отец или мать-вдова с неотделенными сыновьями и дочерьми-девками; братья же и племянники не могут быть в одном капитале, но да объявит каждый особо со своими детьми» (ПСЗ-1, т.30, № 23503, с.813–816). В официальной отчетности была распространена практика указания на статус торговца – «купеческий сын»⁸.

В случае, если купеческим детям удавалось незаконно получить кредит, магистраты не приступали к взысканию, не имели права также брать долг из родительского капитала, и купеческие дети оставались безнаказанными, а кредиторы терпели убытки (согласно именному указу от 10 марта 1766 г., «при живом отце неотделенным детям не верить») (ПСЗ-1,

---

⁸ У купеческих сыновей был особый правовой статус. Достигнув совершеннолетия, они могли торговать по разным городам только по доверенности, данной своим отцом. Доверенность должна была быть засвидетельствована в магистрате или Казанской татарской ратуше, с указанием капитала, объявленного отцом. Данная мера позволяла защитить интересы кредиторов, дававших займы неотделенным купеческим детям, которые, по закону, не имели своей собственности. Купец, от имени которого торговали его сыновья, отвечал своим имуществом перед кредиторами. Только отделившись и записавшись самостоятельно в гильдию, купеческие дети могли вступать в обязательства, брать займы от своего имени (ПСЗ-1, т.22, №16717, с.1115–1117).

т.17, №12593, с.606). Согласно статье 273 Устава Благочиния, можно было взять под стражу должников, учинивших обман в торговле на сумму свыше 20 руб. (ПСЗ-1, т.22, №16717, с.1115–1117).

Вдовы купцов пользовались такими же правами, как и их мужья. Законодательство позволяло им продолжать купеческий промысел на средства умершего мужа, или на собственный капитал (ПСЗ-1, т.20, №14327, с.145–147). В документах они упоминаются в статусах «купеческая жена», «купеческая вдова». Вдова городского головы, именитого купца Ивана Степановича Жаркова, купчиха 2-й гильдии Марья Матвеевна Жаркова нанимала сразу нескольких приказчиков, давая им подробные инструкции о том, как вести дело. Один из служащих – чебоксарский мещанский сын А.И. Климантов, нанятый для продажи в лавке муки и других хлебных товаров (по утвержденным самой Жарковой ценам, ведомость о которых должна была вывешиваться в лавке на видном месте). Он должен был взаимодействовать с приказчиком-управляющим мельницей, принимать у него товар, записывать в специальные книги, вести бухгалтерский учет и давать ежемесячные отчеты. У него было право отпускать товар в долг на сумму не более 3000 руб. разным лицам (крестьянам на сумму не более 100 руб.), держать в лавке разменную монету на сумму не более 50 руб. В случае пожара или кражи по вине сторожей все убытки купчиха брала на себя. Оплата труда этого приказчика была несравненно выше той, что получали другие в 1818 г.: 700 руб. в год основного жалования, которое выплачивалось помесечно, и еще 250 руб. давалось на «квартиру, дрова, хлеб и квас, да на прочие съестные припасы». В случае болезни более 7 дней, купчиха открывала лавку в присутствии 2–3 торговцев, проводила опись товаров, копию которой отдавала приказчику, и нанимала на время его болезни другого приказчика, оплата труда которого производилась из удержанной у болеющего приказчика суммы. Таким образом, за время болезни приказчик терял часть суммы, записанную в контракте при его заключении. Если к моменту окончания срока контракта приказчику не удавалось собрать долги за розданный товар, то купчиха брала это на себя. В течение трех дней она должна была принять у него отчетную ведомость и рассчитаться. За выявленные приписки должников купчиха имела право отослать его к законному суду за обман в торговле (НА РТ, ф.114, оп.1, д.233, л.113–114).

Татарские женщины предпочитали нанимать приказчика для осуществления выездной торговли, поскольку традиционные представления общества рассматриваемого периода не позволяли им открыто посещать общественные места, торговля осуществлялась преимущественно мужчинами. В 1828 г. казанская 3-й гильдии купчиха Зямила Бикчантеева выдала кредитную доверенность татарину деревни Шемякино Тетюшского уезда Халиту Вагапову. Свои обязанности по продаже товаров в пределах Казани он выполнял за жалованье в 400 руб. (Хабибуллина, 2011, с.142). Нанять приказчика пришлось Сафуре Неязовой, вдове служилого татарина

Б.Сулейманова, получившей в наследство кожевенный «завод» в Новотатарской слободе (Хабибуллина, 2011, с.141).

Рассмотрим роль приказчиков и основные направления их деятельности в первой половине XIX в.

Приказчики принимали непосредственное участие во всероссийском торжище – Нижегородской (Макарьевской) ярмарке. Каждый торговец имел право несколько лет подряд арендовать одну и ту же лавку, до 1 июля каждого года возобновляя действие своего билета. Это делало его товар узнаваемым, способствовало формированию постоянной клиентуры. В случае опоздания его лавка могла перейти к любому желающему (по жребию). Отказ от аренды лавки в течение 2-х лет подряд лишал купца права занимать ее на следующий год в порядке приоритета. Последний срок для приезда торговцев на ярмарку устанавливался 25 июля: если купец, нанявший лавки заблаговременно, не являлся в срок, то его лавки отдавали на этот год другим торговцам, а заплаченные им деньги не возвращались – они переходили в казну. Чтобы избежать подобной ситуации, у купцов был один выход – отправить вперед себя приказчика или доверенное лицо, которому контора выдавала временный ярлык на занятие лавки до приезда самого хозяина или доверителя с подлинным билетом. В дальнейшем, в 1853 г., срок обязательной явки на ярмарку был изменен на 1 августа. Купец должен был в письменной форме до 25 июля объявить ярмарочной конторе о том, что прибудет не позже 1 августа (ПСЗ-II, т.28, №27420).

Обратимся к документам Нижегородской ярмарочной конторы: на ярмарку 1855 г. первыми прибывшими для розничной торговли в Панском ряду стали доверенные лица и приказчики купцов (14 человек), они же избирали рядского старосту (им был избран казанский купец Михаил Зайцев) (ЦАНО, ф.489, оп.286, д.1004, л.4.–4 об.). В ведомости о прибывших торговцах на ярмарку 1858 г. было написано: «Казанского купца Галея Усманова приказчик по доверенности Мухамедгалей Апсаямов Усманов с кафтанами, с бумажным [товаром], из Казани» (ЦАНО, ф.489, оп.286, д. 1059, л.170 об.), в ряде случаев указывали количество служащих, приехавших вместе с приказчиком: «Казанского купца Тимофея Барашева приказчик Александр Максимов с служителями – 4 человека, в пушном [ряду], литер А, Б, №27 и 28 – пушной товар» (ЦАНО, ф.489, оп.286, д.1059, л.172об.). Следует отметить, что в документах ярмарочной конторы фамилии приказчиков упоминаются только начиная с 1850-х гг., до этого времени в список приехавших на ярмарку и арендовавших лавки вносили только фамилии купцов, мещан или крестьян – непосредственных владельцев товаров. Из татар Казанской губернии самое большое число лавок – 5 – арендовал в 1804 г. казанский татарин Муса Давыдов (в Новом и Старом астраханском рядах, в Татарском ряду); 4 лавки арендовали казанский купец Махмет (Мухамат) Галеев в Сибирском ряду, а также арский купец Халит Гайсин (в Мыльном ряду). По 3 лавки брали внаем «ясашный

татарин» Хамит Бакиров Султанов (в Мыльном ряду) и казанский купец Юсуп Давыдов (продавал шелковые и бумажные товары в Новом астраханском ряду). По 2 лавки имели казанские купцы Хамет Бакиров, Юсуп Измайлович Апанаев, Юсуп Китаев, Баязит Рахматуллин, Масагут Максютов, Сейфулла Ибраев, Мустафа Якупов, мещанин Бикбов Рафикович Утяганов. Среди русских купцов выделялись Григорий Казанцов (6 лавок в Пушном и Щепетильном рядах), Иван Осокин (4 – в Козловых рядах), Павел Протопопов (4 лавки с хлопчатобумажным товаром), Кузьма Крупеников (4 лавки в Шапочном и Козловом рядах), свияжский купец Яков Потехин (3 лавки в разных рядах). По 2 лавки арендовали казанские купцы Петр Котелов, Петр Тюрин, Елисей Демин, Василий Казанцов, Михаил Рукавишников, именной гражданин Алексей Квасников и другие (ЦА-НО, ф.489, оп.286, дд.13, 14, 15, 48). Очевидно, для успешной торговли необходима была помощь приказчиков или лавочных сидельцев, но их рутинный труд остался незамеченным в официальных документах.

Приказчики своим повседневным трудом создавали процветающее предприятие. Выделанные кожи, сшитые товары составляли предмет торгового купечества. Мещанин Сулейман Ягоферов торговал ими по поручению купца Измаила Азметева на сумму от 500 до 1000 руб. (История Казани, 2005, с. 315). Названный купец имел нескольких приказчиков–мещан. Яхья Ягоферов, Ахмет Измаилов, Мухаметшарип Юсупов торговали от его имени разными кожаными сшитыми товарами в сапожном ряду Гостиного двора Казани.

Интересен пример арского 3-й гильдии купца Мустафы Мусича Апакова. Имея дом в Старо-татарской слободе, он, по официальным сведениям, не занимался в Казани торговлей. Один из его братьев, Хасан Мусин, служил у купца Искака Апакова по доверенности приказчиком, а другой брат, Хусаин Мусин, – у купца Искака Базинова «мальчиком при лавке» (НА РТ, ф.114, оп.1, д.834, л.31 об.).

Приказчики, занимавшиеся внешней торговлей, привлекались царским правительством к участию в работе посольств. В 1803 г. из Орской крепости (на территории Оренбургской губернии) в Бухару было отправлено посольство под руководством поручика из свиты царя Якова Гавердовского. Поводом послужило сообщение казанского татарина Ибрагима Смайлова надзирателю Троицкой пограничной таможни Чепалову о том, что в Бухаре некий тептяр Валит Хамитов производит фальшивые ассигнации. Целью посольства являлось предъявление бухарскому правительству требования о выдаче преступника Халитова.

Посольство, состоявшее из 43 человек, включало в себя купеческий караван на 300 верблюдах. Среди купцов следует отметить казанских 1-й гильдии Мусу Мунасыпова и Назира Баязитова, мамадышского Абдуллу Утямышева. В степь они следовали с приказчиками и работниками. Главное богатство каравана заключалось в червонцах, вывозимых в Бухару. Купец Утямышев отправлял их на сумму 134124 руб., а товаров на

9785 руб. 60 коп., Мунасыпов – 42044 руб. и 2995 руб. 40 коп. соответственно, Баязитов – червонцев на 22960 руб. и товара – 5886 руб. (Водопьянов, 1897, с.69). Ценность груза всех купцов (всего 7 человек, в том числе ростовских и вологодских) определялась в 266843 руб. 2 коп.

Несмотря на предпринятые меры безопасности (оснащение посольства охраной, сопровождение в степь киргизами и братом одного из султанов, рассылка писем всем султанам и старшинам о приближении каравана и необходимости его защиты, с обещанием подарков от царя), караван в пути был разграблен. Тем не менее, часть имущества удалось спасти благодаря деятельности приказчиков: приказчик купца М.Мунасыпова спас 3220 червонцев, Н.Баязитова (приказчик Искак Мухамметев) – два пуда и 10 фунтов кораллов (кораллов) на сумму 2880 руб. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.34, л.5 об.). Потери казанских купцов были довольно большими: например, Нагметулла Муртазин, приказчик Мусы Адамова, был ограблен на сумму 32159,40 руб.

Нападения на купеческие караваны были традиционным явлением в степи. Так, в 1830-е гг. на Сибирской пограничной линии 20 ташкентцев ограбили татарина Гайита Халитова, служившего приказчиком у казанского купца Мухтара Мухаррамова, и отняли 415 баранов, 4 верблюда и лошадь, а самого его увезли в плен. Произошло это во время торговли в аулах чумекейцев (История колонизации Казахстана, 2009, с.249).

Купцы Казанской губернии, проявляя удивительную сноровку, за счет привлечения приказчиков и торговых агентов, успевали торговать в пределах нескольких таможенных застав одновременно, улавливая рыночную конъюнктуру, учитывая спрос и предложение, расширяя или сужая ассортимент товаров. Так, Муртаза Мухаметев одновременно торговал на 2 заставах Оренбургской пограничной линии, Муса Усманов – на 3-х. Это свидетельствует о наличии у таких торговцев «команды» из лиц, ведущих меновые операции от имени конкретного купца и хозяйственных работников, обслуживающего персонала.

В 1830-е гг. на Оренбургской пограничной линии было зафиксировано 39 приказчиков. По этническому признаку все были исключительно татарами. Охотно брали на работу казанских татар купцы Оренбургской губернии (Сеитовская слобода, г.Троицк, Оренбург, Уральск), Вятской губернии (г. Малмыж), нижегородские (г. Канаш), московские, ростовские купцы и русские крестьяне.

Именно в Казахской степи происходило становление многих знатных купцов. Арский купец 2-й гильдии Мухаметрахим Адамов, например, начинал свою торговую деятельность в качестве приказчика. Приказчиков предпочитали нанимать из своих земляков – «казанских татар» или арских мещан. Как отмечал начальник Гурьевской таможенной заставы, «купцы, а больше прикащики их по доверенностям, объявляя товары в степь, посылают их всегда с рабочими, сами же объявители редко выезжают туда» (ГАОО, ф.339, оп.1, д.29, л.136–136 об.). Поэтому роль приказчиков и ра-

ботников трудно переоценить – от их умелого поведения на рынке зависел успех всей торговой операции, товарооборот и прибыль.

Однако иногда приказчики не оправдывали оказанного им доверия, и купцам приходилось обращаться в органы судебной власти для восстановления своих нарушенных прав. Разбирательство споров и жалоб производилось в этот период в таможенных словесных судах или словесных судах при ратуше (ПСЗ-1, т.7, №5145, с.843). В соответствии с указом Елизаветы Петровны все таможи, находившиеся внутри государства, кроме портовых и пограничных, подлежали уничтожению, и указом от 5 мая 1754 г. были учреждены Словесные суды (ПСЗ-1, т.14, №10222, с.66). К рассмотрению принимались споры между купцами и наемными работниками, приказчиками, сидельцами, связанные с удержанием наемных денег, повреждением товара, некачественно выполненной работой и др.

В НА РТ хранится долговое дело за 1839 г. о взыскании с проживавшего в Казани бугульминского купца Ибрагима Муртазина Чикреева долгов на общую сумму 12326 руб. 50 коп. Материалы дела свидетельствуют о масштабах торговой деятельности купца, о степени доверия к нему других торговцев: его поручителем выступил казанский купец Муса Аитов, среди кредиторов – казанский 1-й гильдии купец Г.Юнусов (2000 руб.), казанский купец А.Шогин (1986,5 руб.), казанский мещанин М.Паяльщиков (2435 руб.), симбирский мещанин М.Мингалеев (3000 руб.), спасский купец В.Подошевников (2152 руб.), в ходе расследования дела к списку кредиторов добавились торговцы из Елабуги (мещанин Ф.Фирстов – 1212 руб.) и Москвы (НА РТ, ф.26, оп.1, д. 493).

Ибрагим Чикреев проживал в Казани, в третьей части города имел дом, хозяйственные постройки, в которых хранил шадрик⁹ – в 130 бочках и 10 кулях, всего 3 тысячи пудов, который кредиторы планировали забрать в качестве уплаты долга. Долговое дело Чикреева завершилось процедурой банкротства, публикацией в Губернских ведомостях о долгах купца, протестом векселей у нотариуса. Сам Чикреев в объяснительной записке указал, что занимался торговлей бумажным товаром, лошадьми на собственный свой капитал в Бугульминском уезде. По оговору находился под следствием в бугульминском уездном суде, пребывал под стражей. В это время его приказчик, помещичий крестьянин Лаишевской округи, из Рыбной слободы, продал его товар, забрал все долги по вексялям у его должников, и ничего не отдал своему доверителю, – одним словом, разорил купца. Чикреев затем пытался вернуть деньги, товар, общался с другими купцами на Бугульминской ярмарке, но безуспешно. Дом и имущество купца были арестованы.

Таким образом, приказчики, сидельцы в лавках, лавочные мальчики были неотъемлемой частью производственного процесса, торговых опера-

⁹ Шадрик – сырой поташ, прокаленная зола ильмовых или вязовых пород. Использовался, в частности, для производства мыла.

ций, от которых зависела рентабельность и конкурентоспособность предприятия. Наемные работники участвовали во всех фазах экономической деятельности – от производства до организации потребления. Служба у купцов сформировала у некоторых из них предприимчивость, терпение, ловкость, умения, необходимые для самостоятельной предпринимательской деятельности, вооружила коммерческими знаниями. Некоторые приказчики вошли в число гильдейских купцов. С другой стороны, трудовые контракты не давали служащим и работникам никаких социальных гарантий – в случае потери трудоспособности, наступления преклонного возраста, болезни, неблагоприятных событий в жизни они не могли претендовать на финансовую поддержку своего работодателя-купца.

Приказчики, являвшиеся членами семьи купца, были в более выгодном положении, пока жили с родителями в неотделенном семейном капитале. Отношения с родителями вынужденно приобретали здесь формальный характер, этого требовало законодательство. С одной стороны, семейная этика предполагала доверие членов семьи друг к другу, с другой – купеческому сыну, неотделенному от родителей, по закону нельзя было верить и давать кредит без надлежаще оформленных документов. Именно поэтому распространенной практикой стало написание доверенности на ведение коммерческих дел на сына, оформление его в качестве приказчика. Иногда родители лишали сына-приказчика наследства, выгоняли из дома за неблаговидный, с их точки зрения, проступок, и он оказывался в таком же бесправном состоянии, как и другие приказчики. Скандал произошел в семье Крупениковых в 1804 г. Отец семейства, Леонтий Филиппович, узнав о тайной женитьбе сына Алексея на бывшей крепостной девушке, прекратил с ним все торговые и семейные отношения, потребовал покинуть отцовский дом. На следующий год Алексей Леонтьевич самостоятельно записался в купцы 3-й гильдии и открыл небольшую лавку в сахарном ряду Гостиного двора Казани. Только через 15 лет отец смягчился под влиянием общественной критики и купил сыну дом. Леонтию Филипповичу говорили: «Жертвуешь-де ты богатые парчи попам на ризы, а родной сын твой влачит жизнь по квартирам, не имея своего угла. А кто помог тебе приобрести славу, капиталы и многочисленные дома?!» (Агафонов, 1906, с.116).

Показателен в этом отношении случай, произошедший в семье купцов Хозясеитовых в 1816 г. Арский мещанин, бывший ранее купцом, Муса Назиров Хозясеитов написал доверенность («верющее» письмо) на имя служилого татарина Исхака Хусаинова для производства судебных исков против своего сына. Данное «верющее» письмо, зарегистрированное у маклера, является для нас ценным источником, позволяющим осветить некоторые вопросы семейных взаимоотношений в купеческой среде. Приведем отрывок из этого документа: «Претензиям моим на сына своего, арского купца Исхака Хозясеитова, уже в производстве в разных судебных местах состоящим, равно и на будущее время случиться могущим, по поручению

со стороны моей, о разных его против меня неповиновениях и оскорблениях, в захвачениях моего капитала до немалого количества и в неплатеже по долговым обязательствам денежной суммы, равно и по всем другим делам и производствам, которые впредь от меня поручены будут, какого бы они роду не заключались, по случаю занятия меня торговыми делами и неимения свободного времени, передавая вам все нужные и потребные документы, прошу вас вместо меня произвести и производить доверенные надлежащие иски, и прочие выполнения по установленному порядку, иметь по делам ходатайство и настояние, чинить взыскания с должников по актам, без оных, в чем надлежит и в принятии всего расписываться, с сыном моим и протчими должниками чинить мировые сделки...» (НА РТ, ф.26, оп.1, д.83, л.18). Таким образом, отношения в купеческой семье, хоть и строились на доверии, в случае возникновения проблем решались в судебном (законодательном) порядке. Тем не менее, именно сыновья-приказчики и сыновья-сидельцы позволяли сохранить семейный бизнес до третьего-четвертого поколения владельцев.

Источники и литература

1. ГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.34.
2. ГАОО. Ф.339. Оп.1. Д.29.
3. НА РТ. Ф.26. Оп.1. Д.83.
4. НА РТ. Ф.26. Оп.1. Д.493.
5. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.233.
6. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.834.
7. ЦАНО. Ф.489. Оп.286. Дд.13, 14, 15, 48.
8. ЦАНО. Ф.489. Оп.286. Д.1059.
9. ЦАНО. Ф.489. Оп.286. Д.1004.
10. *История Казани* в документах и материалах. XIX век: Промышленность, торговля, финансы / Под ред. И.К.Загидуллина. Казань: Магариф, 2005. 719 с.
11. ПСЗ РИ. Собр.1. СПб., 1830. Т.7. №4224.
12. ПСЗ РИ. Собр.1. СПб., 1830. Т.7. №5145.
13. ПСЗ РИ. Собр.1. СПб., 1830. Т.8. №5987.
14. ПСЗ РИ. Собр.1. СПб., 1830. Т.14. №10222.
15. ПСЗ РИ. Собр.1. СПб., 1830. Т.14. №10486.
16. ПСЗ РИ. Собр.1. СПб., 1830. Т.17. №12593.
17. ПСЗ РИ. Собр.1. СПб., 1830. Т.20. № 14327.
18. ПСЗ РИ. Собр.1. СПб., 1830. Т.22. № 16187.
19. ПСЗ РИ. Собр.1. СПб., 1830. Т.22. №16717.
20. ПСЗ РИ. Собр.1. СПб., 1830. Т.25. №19187.
21. ПСЗ РИ. Собр.1. СПб., 1830. Т.30. № 23503.
22. ПСЗ РИ. Собр.1. СПб., 1830. Т.32. №24992.
23. ПСЗ РИ. Собр.1. СПб., 1830. Т.32. №25302.
24. ПСЗ РИ. Собр.1. СПб., 1830. Т.33. №26024.
25. ПСЗ РИ. Собр.1. СПб., 1830. Т.33. №26612.
26. ПСЗ РИ. Собр.1. СПб., 1830. Т.39. №30115.
27. ПСЗ РИ. Собр.2. СПб., 1830. Т.1. №458.

28. *ПСЗ РИ*. Собр.2. СПб., 1830.Т.2. №1208.
29. *ПСЗ РИ*. Собр.2. СПб., 1830. Т.2. №1631.
30. *ПСЗ РИ*. Собр.2. СПб., 1854. Т.28. №27420.
31. *Агафонов Н.Я.* Из Казанской истории. Казань: [Лито-типография И.Н.Харитонова], 1906. 223 с.
32. *Водопьянов В.* Неудавшееся посольство в Бухару поручика Гавердовского в 1803 году // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. III. Оренбург: Типо-литография Губернского правления, 1897. С. 69–99.
33. *История колонизации Казахстана в 20–60-х годах XIX в.* / Под ред. В.З. Галиева, С.Ф. Мажитова. Алматы: Изд-во «Мектеп», 2009. 328 с.
34. *Росоловский А.Ф.* «О производительной и промышленной деятельности Казани» // История Татарии в материалах и документах. М.: Соцэкгиз, 1937. 294 с.
35. *Руководство для молодых людей*, назначающих себя к торговым делам. – СПб.: Типография К.И.Жернакова, 1847. 306 с. Режим доступа: <http://www.knigafund.ru/books/121720> (дата обращения 16.06.2018).
36. *Свердлова Л.М.* Из практики правового регулирования случаев банкротства в Казани в конце XVIII – начале XIX веков // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья: Сб. статей. Вып. 4. Казань: Изд-во «Яз», Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. С.176–183.
37. *Филатова С.В.* «Приказчик, грош в ящик, а пятак за сапог»: наемные служащие торговых купеческих заведений во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам Среднего Поволжья) // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект). Сб. материалов международной научной конференции / Под общей редакцией В.А. Веременко; С.В. Степанов (отв. ред.). СПб., 2016. С. 194–200.
38. *Хабибуллина А.М.* Положение женщины в татарском обществе в конце XVIII – первой половине XIX вв.: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02 / Хабибуллина Алсу Мирзяновна. Казань, 2011. 262 с.

Н.А.Корева

**«Анарда приказчик вазифасында хезмэтче булырга йөкләмә алам»:
XIX гасырның беренче яртысында сәүдәгәрләр һәм приказчиклар
арасындагы хезмэт мөнәсәбәтләрен рәсмиләштерү
(Казан губернасы материаллары буенча)**

Приказчиклар – үзләренә ышаныч белдергән сәүдәгәрләр исеменнән коммерция операцияләре алып бара алучы сәүдә йортында эшләүче яллы хезмәткәрләр. Бу мәкаләдә XIX гасырның беренче яртысында сәүдәгәрләр һәм приказчиклар арасындагы хезмэт мөнәсәбәтләрен рәсмиләштерү үзенчәлекләре, хезмэт шартнамәләре төзүнең хокукый аспектлары, приказчикларның юридик жаваплылыгы төрләре, аларның хезмэт шартлары каралды. Мәкалә фәнни әйләнелешкә беренче мәртәбә кертелгән тарихи чыганаclar нигезендә язылды.

Ачык сүзләр: приказчик, сәүдәгәр, шартнамә, йөкләмә, Казан, Түбән Новгород ярминкәсе, Казан даласы.

«I shall be in his service as a salesclerk»: registration of labor relations between merchants and salesclerks in the first half of the 19 th century (based on the materials of the Kazan Province)

The salesclerks are hired employees in a trading institution that could make all commercial transactions on behalf of their principal, the merchant. The article deals with the special aspects of registration of labor relations between merchants and their salesclerks in the first half of the 19th century, legal aspects of entering into employment contracts, types of salesclerks' legal responsibility and conditions of their work. The article is written on the basis of the archival sources, first introduced into the scientific circulation.

Keywords: Salesclerk, merchant, contract, obligation, Kazan, the Nizhny Novgorod fair, and the Kazakh steppe.

Корева Наталья Анатольевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра регионоведения и социокультурных исследований Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (г.Казань); e-mail: KoreevaNata@mail.ru

Корева Наталья Анатолий кызы – тарих фәннәре кандидаты, ТР ФА Татар энциклопедиясе һәм төбәкне өйрәнү институты фәнни хезмәткәре (Казан шәһәре).

Koreeva Nataliya Anatolievna – Candidate of Historical Sciences, research associate of the Center of regional studies and socio-cultural research, Institute of the Tatar encyclopedia and regional studies of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan).

Казань и уфимское дворянство (XIX – начало XX в.)

В статье рассматриваются семейные и хозяйственные связи дворян-помещиков западных и южных волостей Уфимского уезда с Казанью во второй половине XIX в. Показана история конкретных лиц и фамилий, проживавших в Казани или в Казанской губернии, но имевших имущество в окрестностях Уфы. В целом подобных примеров было немного, что свидетельствует о слабых социокультурных контактах двух соседних регионов, после 1888 г. основные связи Уфы переключились на Самару.

Ключевые слова: дворянство, помещики, Уфа, Казань, экономика, генеалогия.

Проблемой для современных исторических исследований остаются административные границы, часто кардинально изменившиеся в советскую эпоху. Основные архивохранилища лежат в бывшем губернском центре, но обширные территории (уезды) оказались в ином субъекте РФ. Историки вынуждены «замыкаться» в современных, часто искусственных рубежах, что создает нередко искаженное восприятие прошлого. Мир за пределами субъекта превращается в terra incognita.

Поэтому «обмен» информацией даже между соседними регионами сохраняет актуальность и открывает новые горизонты научного познания. Рассмотрим ситуацию в границах бывшей Уфимской губернии на примере дворянско-помещичьего хозяйства.

Дворяне самого западного Мензелинского уезда, лежавшего на берегах Камы и связанного речным пароходством с близлежащей Казанью, имели многообразные экономические, социокультурные и семейные контакты с центром соседней Казанской губернии. Но и к востоку были случаи подобных семейно-хозяйственных связей.

В вышедшей монографии о дворянских усадьбах восточной части Уфимского уезда во второй половине XIX в. исследователь из Казани найдет немало своих земляков – Никитиных и Болховских, Заварицких и Слободских, Ермоловых и др.¹ Доля уфимских помещиков, имевших владения в Казанской губернии или дома в Казани, происходивших из соседнего западного региона, была невелика, но изучение подобного «проникновения», уверен, может открыть немало интересных страниц прошлого.

В волостях Уфимского уезда, лежавших к западу и югу от города Уфы, тоже можно найти «казанский след». Прямо за рекой Белой раски-

---

¹ См.: Роднов М.И. Дворянская усадьба Уфимского уезда второй половины XIX в. Восток. Север. Уфа, 2017.

нулось большое село, ныне большой пригород – Алексеевка, там находится крупнейшее овощное тепличное хозяйство РБ.

В середине XIX в. оно принадлежало статской советнице Надежде Николаевне Галкиной, урожденной Врасской². Хозяйка являлась единственной дочерью Николая Федоровича Врасского. Она вышла замуж за происходившего из разночинцев директора Казанской гимназии Николая Ивановича Галкина. В семье имелось еще поместье – сельцо Полянки, Надеждино тож, Спасского уезда Казанской губернии. Именно там родился сын – Михаил Николаевич Галкин-Врасский (1832–1916), ему мать исходатайствовала разрешение на двойную фамилию.

М.Н. Галкин-Врасский – крупный государственный деятель, занимался становлением в пореформенной России тюремного дела по западноевропейскому образцу, Эстляндский (1868–1870) и Саратовский (1870–1879) губернатор, член Государственного совета Российской империи (1896–1916), статс-секретарь (1904), действительный статский советник. Его брат Николай Николаевич Галкин-Врасский (1839 г. р.), сенатор с 1915 г.

В основном жизнь семьи Галкиных (Врасских) была связана с Казанской губернией, усадьба в Полянках, скорее всего, являлась главной³. Это подтверждает свидетельство редактора единственной уфимской газеты «Оренбургские губернские ведомости» Ивана Прокофьевича Сосфенова, в 1850 г. проехавшего мимо Алексеевки. Он записал: «Потом прокатившись по Сосновому озеру, мы чрез час выезда из Уфы, проехали фасадное сельцо Алексеевку, принадлежащее ныне Н.А. Галкину, с березовою вдоль улицы алеєю и с довольно ветхим двух-этажным деревянным господским домом и оранжереєю» (Оренбургские губернские ведомости, 1850, 25 февраля). Информированный редактор привел неточные сведения о владельце поместья, видимо, жители Уфы мало знали о хозяевах.

---

² В 1802–1806 гг. гражданским губернатором Оренбургской губернии служил Алексей Александрович Врасский (*Гвоздикова*, 2010, с. 113–114). Н.Н. Галкина купила Алексеевку 1 июня 1848 г., купчая совершена в Казанской гражданской палате. Поместье заложили в Санкт-Петербургской сохранный казне (Оренбургские губернские ведомости, 1862, 30 июня). Галкина купила землю у дворян Алексея и девицы Анны Федоровичей Моисеевых (*НА РБ*, ф. И–338, оп. 1, д. 232, л. 122).

³ Надежда Николаевна Галкина вела крупное хозяйство. На 1857 г. она подарила поставить «для С.-Петербургских и попутных магазинов» 2500 кулей муки и 800 четвертей овса на сумму 8675 руб. сер. под залог имения в сельце Полянках (118 рев. душ и земля) в Спасском уезде (*Санктпетербургские сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имения*. 1857. № 22. 16 марта. С. 866). А в 1879 г. в Казанском обществе взаимного кредита вдове Н.Н. Галкиной-Врасской открыли личный кредит на 20 тыс. руб. под залог имения в Полянках (921 дес. 621 саж.) (*Санктпетербургские сенатские объявления о запрещениях на имения*, 1879, 4 июля).

Расторгнув обязательные отношения с крестьянами, перешедшими на выкуп в 1863 г., хозяева сохраняли землю. По данным за 1895 г., совместно с Вавиловыми М.Н. Галкину-Врасскому принадлежал крохотный участок в 4,07 дес. с усадьбой на 0,54 дес., возможно, остатки старого жилья⁴.

Недалеко, к западу от Алексеевки при небольшой деревушке Начапкино стояла на 1861 г. усадьба Шведовой (11 дворовых). Незадолго до отмены крепостного права надворная советница (вдова) Олимпиада Ивановна Шведова, проживавшая далеко («по жительству моему постоянно в городе Казани», февраль 1864 г.), неизвестно почему, скупает здесь землю.

Она, видимо, тут вообще не бывала, крестьян отпускали ее доверенные, «не имея возможности лично быть в г. Уфе», сообщала помещица. В 1863 г. маленькое имение Шведовой было взято в казну за 300 руб. (НА РБ, ф. И-10, оп. 1, д. 734, л. 3–3об., 4 об., 9–11 об., 16, 21).

Опять в недалеком расстоянии, это все к западу от Уфы, поместье с двумя небольшими деревнями Каменка и Новоселок (Сергеевка) принадлежало дворянам Сергеевым.

Владения дворян Сергеевых находились в Спасском уезде Казанской губернии (сельцо Даниловка), и была деревня Каменка в Оренбургской губернии. В феврале 1839 г. после смерти подпоручика Евграфа Алексеевича Сергеева поместья унаследовали жена Анисья Агаповна, сыновья и дочери⁵, в общем владении остался господский дом со службами. В 1850 г. после кончины брата (и матери) их доли в наследстве разделили коллежский регистратор Павел, губернский секретарь Флегонт и титулярный советник Порфирий Евграфовичи Сергеевы. В итоге Каменка оказалась в руках двух последних братьев, один из которых, видимо, заложил второе сельцо Новоселок.

В 1865 г. титулярный советник Порфирий Евграфович Сергеев⁶ заключил сделку с крестьянами сельца Каменки за 1800 руб. (Оренбургские губернские ведомости, 1865, 19 июня). Дворовых по уставной грамоте в Каменке у П.Е. Сергеева не числилось (здесь жили крестьяне, переселенные из Даниловки Казанской губернии). Оформление документов происходило без барина. Когда 5 декабря 1862 г. подписывали уставную грамо-

---

⁴ Галкин-Врасский сохранял связи с краем, дарил экспонаты (*Буравцов*, 2015, с. 57).

⁵ Сыновья: коллежский регистратор Павел, губернский секретарь Флегонт, чиновник 12-го класса Порфирий, губернский регистратор Авсикрит Евграфовичи Сергеевы, дочери: чиновницы 12-го класса Александра Евграфовна Гришина и 9-го класса Анна Евграфовна Дьяконова.

⁶ Супруга – Ирина Даниловна, в марте 1856 г. у них родился сын Леонид, восприемником выступал брат Флегонт Евграфович Сергеев. И в том же году (1856) подпоручик Оренбургского линейного батальона 26-летний Капитон Порфирьевич Сергеев женился на дочери умершего поручика Карпова Юлии Феодоровне (*НА РБ*, ф. И-294, оп. 1, д. 39, л. 250 об., 308 об.).

ту, Сергеев «из Уфимского уезда выбыл куда-то в Казанскую губернию» (НА РБ, ф. И–10, оп. 1, д. 742, л. 2, 7). Земля была распродана в 1870-е гг.

Ниже по течению Белой в сторону современного райцентра Кушнаренково (ранее село Топорнино) лежали земли Воецких, которые были записаны в дворянские книги и Казанской губернии. Имение (820 дес., 74 души, ветряная мельница) здесь имел ротмистр Николай Николаевич Воецкий, который продавал поместье в 1851 г. Проживал сам в Казани. Была у него еще земля в Бугульминском уезде Самарской губернии, а у жены ротмистра Надежды Александровны Воецкой в Казани имелся каменный двухэтажный дом по ул. Грузинской, 145 (Оренбургские губернские ведомости, 1851, 15 сентября; Санктпетербургские сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имения, 1859, 24 июня, с. 2577; Там же, 1857, 15 мая, с. 1509).

При селъце Воецкое (Акбашево) лежали владения многочисленного клана Воецких. Брат – полковник и кавалер Петр Николаевич Воецкий – известен тем, что выстроил в Уфе здание дворянского собрания, где будут петь Федор Шаляпин, «несравненная» Анастасия Вяльцева, Надежда Плевицкая (ныне Институт искусств на ул. Ленина в историческом центре Уфы).

Рядом лежали поместья известного в Уфимском крае рода дворян Топорниных, которые тоже были представлены в Казанской губернии.

Вдоль гужевого тракта на запад от Уфы, около бельского притока речки Демы лежала Казанская волость, где в частности находились поместья татарских дворян Алкиных, с которыми дружили еще Аксаковы. Они продали свои земли к 1880-м гг., но в начале XX в. севернее деревни Алкино возникает хутор «Сарт-Смирновский» дворянина Алкина Кутлугмухамеда Султановича, просуществовавший до 1917 г.⁷ Это был внук помещицы Алкиной, но связь с прежним поместьем не ясна (возможно, хутор возник на дальнем северном участке).

Немало представителей семейств уфимских дворян обучались в Казанском университете, который закончил юрист Петр Владимирович Россинский (1852 г.р.). Ему принадлежала в Уфе большая усадьба, которую ныне восстановили (новодел), а рядом вырос высотный и шикарный отель Sheraton Ufa, при котором действует ресторан Rossinsky⁸. На старом особняке даже повесили мемориальную доску в честь П.В. Россинского.

К югу от Уфы, возле большой татарской деревни Абраево лежало селъцо Упадышевка, где было маленькое поместье (на 1861 г.) коллежско-

⁷ Хутор существовал в 1909 г. (НА РБ, ф. Р–473, оп. 1, д. 580), зафиксирован он переписью 1912–1913 гг. (635,53 дес. с усадьбой). По сведениям потомков, К.С. Алкин (15 января 1862 г.р.) был женат на Фатиме Мухамедсафиной (урожденной Юсуповой). Их дочь – Сара (Биби-Сара) Мухамедовна Алкина (12 октября 1905 г., Килимово – 21 апреля 1988 г., Махачкала).

⁸ См.: *Егоров Павел. Усадьба Россинских // Бельские просторы. 2008. № 2.*

го регистратора Аркадия Николаевича и сестры девицы Софии Николаевны Упадышевских. Имение было в залоге.

Власти долго искали владельцев, «по жительству Г.г. Упадышевских в Нижнем Новгороде». Но служивший в местной казенной палате Упадышевский в 1863 г. уволился в отставку «и отправился в Казань», где на 1871 г. проживал в доме Перцова, в первой части на Малой Проломной улице. Он собирался приехать в Уфу «в скором времени» для оформления бумаг (НА РБ, ф. И–10, оп. 1, д. 760, л. 3, 12, 13 16, 18–18 об., 26–26 об., 31, 38, 39). Имение затем хозяева сдали в казну, остальные земли распродала.

Изучение всех, включая мелкопоместных, дворянских усадеб Уфимского уезда, где была самая высокая концентрация помещичьих имений (наряду с Мензелинским), пореформенного периода показывает небольшие семейно-родственные и хозяйственные связи с Казанью.

Это не случайно. В местной литературе и общественном сознании бытует представление о якобы постоянных и устойчивых контактах Уфимского края с Казанью, подогреваемые современными политическими реалиями и традициями мусульманской культурной среды.

На самом деле в истории Уфы и окрестных земель стабильные контакты с Казанью были только на начальном этапе существования города (конец XVI–XVII вв.) и в эпоху монополии речного пароходства (1858–1888 гг.)⁹. И то Казань чаще выступала просто транзитным центром.

С XVIII в. главную роль играли гужевые тракты от Уфы на запад – в Симбирск. Именно с Симбирском, тогдашней «столицей» Среднего Поволжья, где блистало местное дворянство, существовали самые важные, устойчивые и разнообразные контакты. Оттуда вышли на Южный Урал Аксаковы, Дмитриевы, Языковы и другие знаменитые фамилии. Из Симбирска приехали Твердышевы и Мясников строить горные заводы. Из Среднего Поволжья, минуя Казань, шел основной поток переселяемых крепостных крестьян, отсюда же шли волны татар-мишарей, мордвы, чуваш.

А после открытия железнодорожного сообщения в 1888 г. на Самару и далее к столицам, роль Казани в судьбах Уфы вообще свелась к минимуму. Да и сейчас экономические контакты, например с Челябинском, не сопоставимы по товарообмену с западным соседом. И только историческая память национальной интеллигенции про «казанский купса» подогревает политическое «соревнование».

---

⁹ См.: *Роднов М.И.* Экономические связи Уфы в 1870-е годы (по материалам Волжско-Камского банка) // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии (Челябинск). 2017. No 2. С. 17–23.

Источники и литература

1. *НА РБ. Ф. И–10. Оп. 1. Д. 734.*
2. *НА РБ. Ф. И–10. Оп. 1. Д. 742.*
3. *НА РБ. Ф. И–10. Оп. 1. Д. 760.*
4. *НА РБ. Ф. И–294. Оп. 1. Д. 39.*
5. *НА РБ. Ф. И–338. Оп. 1. Д. 232.*
6. *НА РБ. Ф. Р–473. Оп. 1. Д. 580.*
7. *Оренбургские губернские ведомости. 1850. 25 февраля.*
8. *Оренбургские губернские ведомости. 1851. 15 сентября.*
9. *Оренбургские губернские ведомости. 1865. 19 июня.*
10. *Санктпетербургские сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имения. 1857. 15 мая.*
11. *Санктпетербургские сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имения. 1859. 24 июня.*
12. *Санктпетербургские сенатские объявления о запрещениях на имения. 1879. 4 июля.*
13. *Буравцов Владимир. Губернский музей // Уфа: страницы истории. Кн. 1. / Сост. М.В. Агеева. Уфа, 2015.*
14. *Гвоздикова И.М. Гражданское управление в Оренбургской губернии в первой половине XIX в. (1801–1855 гг.). Уфа, 2010. 384 с.*
15. *Егоров Павел. Усадьба Россинских // Бельские просторы. 2008. № 2.*
16. *Роднов М.И. Дворянская усадьба Уфимского уезда второй половины XIX в. Восток. Север. Уфа, 2017. 204 с.*
17. *Роднов М.И. Экономические связи Уфы в 1870-е годы (по материалам Волжско-Камского банка) // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии (Челябинск). 2017. No 2. С. 17–23.*

М.И. Роднов

Казан һәм Уфа дворянлары (XIX – XX гасыр башы)

Мәкаләдә Уфа өязенең көнбатыш һәм көньяк волостьлары дворян-алпавытларының XIX гасырның икенче яртысында Казан белән гаилә һәм хужалык бәйләнешләре карала. Казанда яки Казан губернасында яшәгән, әмма Уфа тирәсендә милеге булган аерым затларның һәм гаиләләренең тарихы күрсәтелә. Тулаем алганда, андый мисалларның күп булмавы ике күрше өлкә арасында ижтимагый-мәдәни багланышларның азлыгын дәлилли, 1888 елдан соң Уфаның төп бәйләнешләре Самарага күчә.

Ачкыч сүзләр: дворянлык, алпавытлар, Уфа, Казан, икътисад, генеалогия.

М.И. Rodnov

Kazan and the Ufa nobility (XIX – the beginning of the XX centuries)

The article examines the family and economic ties of the nobility-landowners of the western and southern volosts of the Ufa district with Kazan in the second half of the 19th century. The history of specific individuals and families residing in Kazan or in the Kazan province, but having property in the vicinity of Ufa, is shown. In general, there

were few such examples, which indicates weak social and cultural contacts between the two neighboring regions, after 1888 the main connections of Ufa switched to Samara.

Keywords: nobility, landlords, Ufa, Kazan, economics, genealogy.

Роднов Михаил Игоревич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук (г. Уфа); e-mail: rodnov@ufacom.ru

Роднов Михаил Игорь улы – тарих фәннәре докторы, Россия фәннәр академиясе Уфа фәнни үзәге Тарих, тел һәм әдәбият институтының эйдәп баручы фәнни хезмәткәре (Уфа шәһәре).

Rodnov Mikhail Igorevich – Doctor of Historical Sciences, leading scientific associate of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa).

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА

«Социально-экономическая история татар Нового времени»

(г.Казань, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 6 июня 2018 г.)

Участники «круглого стола»:

1. Ильдус Котдусович Загидуллин, доктор исторических наук, заведующий отделом новой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Казань).

2. Ильшат Завдатович Файзрахманов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Казань).

3. Наталья Анатольевна Кореева, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан (г. Казань).

4. Даниель Росс, профессор кафедры истории Университета шт. Юта (г. Логан, США).

5. Марат Зуфарович Гибадуллин, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой международных экономических отношений Казанского (Приволжского) Федерального университета (г. Казань).

6. Наиль Измайлович Таиров, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, философии и культурологии Казанского государственного института культуры (г. Казань).

И.К. Загидуллин. Социальная история татар Нового времени, особенно его экономический блок, в частности торгово-промышленная деятельность предпринимателей, остается одной из недостаточно исследованных тем, хотя в последние годы в этой области исторических знаний достигнуты определенные успехи. На сегодняшний «круглый стол» мы пригласили ведущих специалистов. От, вас, уважаемые коллеги, прежде всего, хотелось бы услышать ваше мнение по поводу места татарских предпринимателей в сословной иерархии Российской империи.

И.З. Файзрахманов. Уважаемые коллеги, юридический статус, права и обязанности купечества в качестве отдельного сословия, как и всего российского купечества, были оговорены в известных «Манифесте о высочайше дарованных разным сословиям милостям...» от 17 марта 1775 г. и «Жалованной грамоте городам» 1785 г., в соответствии с которыми каждый желающий мог записаться в гильдейское купечество. Однако предпосылки к появлению татарских купцов сложились задолго до этих дат. Торговля занимала большое место в жизни татар, особенно казанских слобод-

ских татар, которым в 1763 г. было разрешено вести беспрепятственную торговлю.

Если ранее (до 1775 г.) отсутствовала какая-либо законодательно установленная процедура вступления в купеческое сословие и принадлежность к купечеству определялась только уплатой подушной подати и ведением торговли, то в последующем зависело только от имущественного положения лица, при этом имущественный ценз для приобретения купечества постоянно повышался, что осложняло вступление в сословие.

Можно отметить относительно хорошую сохранность ревизских сказок купцов г.Казани за 1811 и 1816, 1834, 1850 гг. – документов фискального учета населения, которые содержали сведения о фамилии, имени, отчестве купца, именах и возрасте каждого члена купеческой семьи. По ним можно проследить переходы семей в купечество из других сословий и обратно. В подавляющем большинстве случаев это переходы мещан в купечество и обратный процесс – купцов в мещанство. Реже встречаются факты записи купцов в крестьянство.

Государство стремилось поддерживать предпринимательскую деятельность купечества, понимая, что купцы являлись наиболее обеспеченной категорией налогоплательщиков. Постепенно купцы были освобождены от рекрутской повинности, подушной подати, несения казенных служб. В то же время, права купечества в сфере торговли и промышленности постепенно расширялись, что дает возможность говорить о полупривилегированном их положении к первой трети XIX в.

Татарское купечество было вовлечено, прежде всего, в торговую сферу, но среди них также было много тех, кто основал собственное производство по обработке кожи, изготовлению мыла и кумача, бумаги и некоторых других видов изделий, необходимых как в повседневной жизни, так и для дальнейшей переработки.

И.К. Загидуллин. Как известно, в Оренбуржье таможенные заставы были упразднены только в 1860-е гг. В этой связи хотелось бы узнать о российском законодательстве по регулированию экспорта и импорта. Именно этот фактор играл важную роль в определении приоритетов торгово-промышленной деятельности татарских купцов.

Н.А. Кореева. Действительно, важным фактором влияния на торгово-промышленную деятельность купечества на окраине является таможенная политика государства в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. В последней четверти XVIII – первой половине XIX в. наблюдалось изменение вектора российско-восточной торговли в сторону Оренбуржья и определенный подрыв астраханской торговли, что объяснялось во многом действием разных тарифов. Так, в Астрахани пошлины взимали по тарифу 1754 г. на серебро, в то время как по Оренбургской пограничной линии пошлины собирались на ассигнации в соответствии с тарифом 1777 г. Один из самых востребованных в России товаров – хлопок и хлопчатобумажные изделия, к примеру, в Астрахани, облагались пошлиной, в

5 раз превышающую тариф в Оренбуржье. То же самое наблюдалось и при уплате вывозных пошлин.

В 1777 г. начал свое действие тариф для пограничных Оренбургской и Троицкой таможен. Вывозные товары облагались 5% пошлиной, привозные – от 10 до 30%. Тариф должен был стимулировать экспорт отечественных товаров. Несмотря на содержащиеся в этом тарифе пункты протекционистского характера, все пошлины взимались только с российских купцов; купцы Средней Азии освобождались от них. В результате действия тарифа активизировалась их деятельность по ввозу товаров в Россию, прежде всего скота, продуктов животноводства из «Киргизкайсацких» (Казахских) степей и ремесленных изделий из Средней Азии.

Торговля со странами Средней Азии с 1817 г. регламентировалась Азиатским таможенным уставом и тарифом. При подготовке этого тарифа принималось во внимание, что продукция российских фабрик и заводов могла найти сбыт преимущественно на востоке. Именно торговля способствовала продвижению и укреплению позиций Российской империи в Средней Азии. Со всех вывозимых товаров устанавливалась 1% пошлина. В отношении ввозимых действовал принцип – чем выше качество, тем выше была пошлина на товар. С полуфабрикатов взыскивалось 2% их стоимости, с «недорогих и средней цены товаров в обработанном виде» – от 10 до 20%, с предметов роскоши – 25%. Сырье пропускалось в страну беспошлинно (хлопок, шелк-сырец, сырая шерсть, скот, хлеб и крупы, рыба, клей). К привозу были запрещены те же товары, что и на европейской границе. Действие тарифа 1817 г. распространялось на всю российско-азиатскую границу, за исключением Китая. Он стимулировал торговлю на данном направлении и предоставлял торговцам выгодные условия в осуществлении предпринимательской деятельности. Этот тариф покровительствовал экспорту российской готовой продукции и создавал благоприятные условия для развития отечественной промышленности. Таможенный тариф и устав, принятые в 1817 г., просуществовали более 50 лет.

По европейскому тарифу 1833 г. приходилось платить пошлину за прогон в страну живого скота: по 6 копеек с каждой головы барана, овца, козлов, телят, по 60 копеек с буйволов и быков, что было невыгодно для коммерсантов Казанской губернии, так как по азиатскому тарифу ввоз скота из Казахских степей допускался беспошлинно. Но европейский тариф стимулировал экспортную торговлю указанным скотом – прогон за границу баранов стоил 5 копеек с головы, быков и буйволов – 50 копеек. Таким образом, ожидаемое правительством движение товаров должно было происходить с востока на запад. Выгодно было закупить скот в Оренбургской губернии, прогнать его к западным таможенным и продать. Но коммерсанты сталкивались здесь с проблемой содержания скота в условиях неблагоприятного климата, дальних расстояний, когда вес животного уменьшался. Сократить издержки позволяло производство готовых изделий из скота: так, овечью шерсть, шерстяные сукна, драп, казимир (тонкая

шерстяная ткань) по европейскому тарифу можно было вывезти беспошлинно.

И.К. Загидуллин. Ключевым направлением промышленной деятельности татарских купцов была обработка животноводческого сырья, производство еды. Уважаемая Даниель Росс, не смогли бы сказать несколько слов о научных подходах изучения этой темы в американской исторической науке. В какой степени Оренбуржье правомерно рассматривать в этой системе координат?

Даниель Росс. С 90-х гг. прошлого века американские историки стали проявлять интерес к истории производства еды и индустриализации соответствующих процессов в США в XIX–XX вв. В то же время, в 1990–2000-е гг. ученые США, работающие в смежных областях, поставили вопросы, касающиеся истории развития современных капиталистических отношений и развития основных институтов капитализма. И та, и другая группы делали акцент не только на процессе развития, но и на социальных, культурных и экологических последствиях капитализации, индустриализации и эволюции капитализма в формы, известные нам сегодня. Представители вышеуказанных групп последовательно отходили от традиционных, в т. ч. марксистских, подходов к изучению истории, породив «новую волну» экономической истории.

Эта «новая волна» хорошо прослеживается в исследованиях историка Уильяма Кронона (Университет штата Висконсин, Мадисон). В его монографии «Nature's Metropolis: Chicago and the Great West» рассматривается, как Чикаго в конце XIX – начале XX в. становится одним из крупнейших, вторым по значимости после Нью-Йорка, центров промышленности, транспорта, торговли и финансов. У. Кронон уделяет особое внимание существовавшим взаимосвязям между городской и сельской экономикой, эффектам, которые произвела индустриализация на природу, и тому, как промышленность поменяла экономические, бытовые и гастрономические привычки и предпочтения американцев.

В исследованиях, проводимых нами, я стремлюсь провести параллель между процессами индустриализации в США и Российской империи, а именно – сопоставить существовавшие направления развития мясной промышленности на Американском Западе и в Великой Степи России.

Акцентируя внимание к теме скотоводства, производства мяса и сопутствующих продуктов в Оренбургском крае в 1868–1917 гг., следует сказать, что анализ источников, проведенный нами, дает основания полагать, что мясная промышленность (включая сюда переработку сопутствующих продуктов, детально перечисленных выше) Российской империи, центром которой Оренбург становится в конце первой половины XIX в., по своим масштабам, современным технологиям и совершенно новаторским для того времени подходам, способам привлечения, использования финансовых средств и управления капиталами, бурно развивающемуся транспорту, росту, говоря сегодняшним языком, *инфраструктуры*, обла-

дала всеми признаками высокоразвитого и высокотехнологичного производства. В период с 60-х гг. XIX в. и по первое десятилетие XX в. только две страны в мире достигают такого высочайшего развития: Соединенные Штаты Америки и Российская империя. Еще точнее, только два города: Чикаго и Оренбург. И эти города развивались по сходным моделям, даже имели сходные экологические проблемы (река Чикаго, как и Сакмара, была чрезвычайно загрязнена отходами производства мяса и сопутствующих продуктов). Но, если Чикаго становится единственным важным центром забоя скота в США (по многим параметрам опережая даже Нью-Йорк), то в Оренбургском крае ситуация совершенно иная – скотобойни там никогда не были сосредоточены в руках одного владельца, клана, группы, и т. п., наоборот, они продолжали контролироваться разными, зачастую, совсем не связанными между собой промышленно-финансовыми группами, которые старались учитывать интересы друг друга.

И.К. Загидуллин. Татарские купцы пореформенного периода во многом продолжили традиции своих предшественников. В этой связи хотелось услышать ваши мнения по поводу роли татарских торговцев в развитии меновой торговли, мелочной торговли в степи, в целом в вовлечении Оренбуржья по всероссийский рынок.

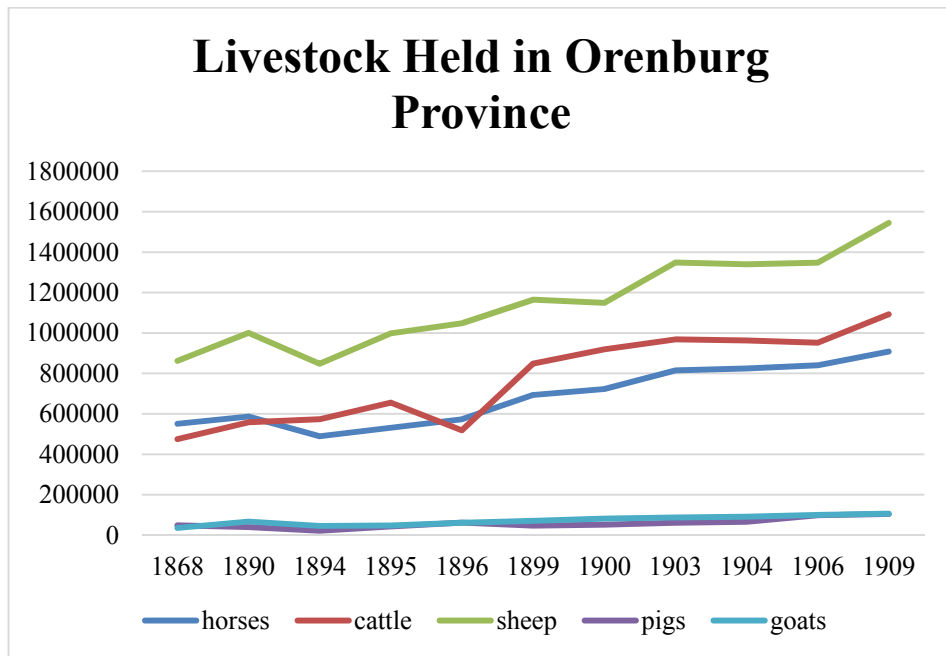
Даниель Росс. Но, если Чикаго становится единственным важным центром забоя скота в США (по многим параметрам опережая даже Нью-Йорк), то в Оренбургском крае ситуация совершенно иная – скотобойни там никогда не были сосредоточены в руках одного владельца, клана, группы, и т. п., наоборот, они продолжали контролироваться разными, зачастую, совсем не связанными между собой промышленно-финансовыми группами, которые старались учитывать интересы друг друга.

Со времени основания крепости Оренбург (1743 г.) существовали достаточно тесные экономические связи между ее обитателями и жителями Казахской степи. Важное значение имела ежегодная летняя перекочевка казахов в окрестности Оренбурга. В середине XIX в. возникла традиция в период с июля по август производить обмен товарами, заключать торговые сделки, устанавливать новые деловые связи. Казахи привозили шкуры, шерсть, ткани, а также то, что имеет особую важность для темы данного выступления – лошадей и овец. С русской стороны в обмен предлагались зерно и, иногда, мука. Торговые отношения сторон значительно расширились в 60-х гг. XX в. в результате экспансии Российской империи в Среднюю Азию. Оренбургские купцы, поставлявшие товары русской армии, наладили крепкие и близкие связи с купцами Степи. После завоевания Средней Азии эти же купцы продолжали торговать там. С марта до конца мая ежегодно оренбургские купцы уезжали в Степь, сопровождая грузы зерна, сахара, тканей, домашней утвари, мыла, даже скипидара, и обменивали свои товары на лошадей, коров, овец и животные продукты (кожу и шерсть). По возвращении в Оренбург они реализовывали эти товары. Со временем некоторые купцы стали пригонять большее количество

скота, построили собственные бойни и начали продавать не только скот, но и продукты его переработки – вначале мясо и нутряной жир, а какое-то время спустя – также кожу, шерсть, кишки и ливер.

Таблица

Животноводство в Оренбургской губернии в 1868–1909 гг.

М.З. Гибадуллин. В Оренбуржье Каргалинская слобода стала первой крупной торговой колонией татар. Появление данного населенного пункта истории связывают с именем казанского предпринимателя Сеита Аитова. Он и еще 200 татарских семей, по разрешению Сената, в 1744 г. поселились в Оренбурге в районе реки Верхняя Каргалка.

В 50–80 х гг. XIX столетия каргалинские торговые татары занимали видное место в составе оренбургского купеческого сословия. В это время на 109 торговавших в Оренбурге купцов приходилось: каргалинских – 38 (34,8%). Кроме того, в Оренбурге торговало 20 (18%) казанских татар и 13 (12%) касимовских татар.

Представители российской мусульманской торговой буржуазии монополизировали торговлю со своими единоверцами из региона Средней Азии и Казахстана. Особенно преуспели в торговом посредничестве татарские купцы. Указом от 1 декабря 1755 г. купцам азиатских ханств запрещалось торговать в российских городах. В свою очередь, доступ русским коммерсантам на азиатские рынки, по целому ряду причин, также был ограничен. В этих условиях посреднические услуги татарской буржуазии были весьма кстати.

Начиная с XIX в. торговые караваны российских подданных, в том числе татарских коммерсантов, посещают государства Средней Азии все чаще и чаще. По сообщению Э.В. Самигуллина, в 1807 г. «торговый татарин казанского посада» М. Фейзуллин прошел со своим караваном из Кашгара в Ош. В 1813 г. большой караван татарских купцов с богатыми товарами под военным прикрытием казаков сотника Старкова совершил коммерческий рейс по большому Шелковому пути в Кашгарию. Было перевезено товаров на 321 тысячу рублей, а обратно привезено – уже на один миллион рублей. Еще через год караван татарских купцов Абдурашитова и Сайфуллина отправился в государства на территории современного Кыргызстана. Вместе с торговцами в него входил с дипломатическими поручениями надворный советник Мехди Рафаилов. В 1821 г. Файзулла Сейфуллин прошел с караваном из Семипалатинска в киргизские земли, а в 1825 г., возвращаясь из Кашгара в Россию, писал в своих донесениях правительству о раскладе политических сил внутри киргизских родов. Выполняя поручение правительства, Ф.Сейфуллин с компаньонами, не только способствовал установлению торговых связей киргизов с Россией, но и уговорил несколько киргизских родов отправить послов для ведения переговоров об установлении российского покровительства.

Н.А. Корева. В первой половине XIX в. имелись этноконфессиональные особенности в реализации торговых операций как на внутреннем рынке империи, так и на внешнем рынках. На отдельных направлениях внешней торговли, к примеру, очевидным было доминирование торговцев определенной национальности. В торговых связях России с народами и странами Азии особую роль играли татарские купцы, владевшие восточными языками, исповадавшие ислам, – государственную религию сопредельных стран Средней Азии, Ирана, Турции и Афганистана, прекрасно знавшие восточную культуру. Благодаря татарским купцам, восточное направление отечественной внешней торговли получило в рассматриваемый период значительный импульс в развитии.

На Меновом дворе Оренбургской пограничной линии в 1798 г. торговало 32 торговца из Казанской губернии: 27 татар (84%) и 5 русских (16%). В первой четверти XIX в. торгующим татарам принадлежало большинство лавок на Меновом дворе, в частности, 120 лавок – торговцам из Сеитовского посада, 92 – купцам из Казанской губернии, 14 – купцам из Уфимской губернии.

В 1798 г. во внутреннем Гостином дворе Оренбургской пограничной таможни было 150 лавок, из них 10 занимали торгующие из Казанской губернии (7%).

Основной контингент торговцев, выезжавших через Оренбургскую губернию в Казахскую степь, составляли жители приграничного Волго-Уральского региона. Меновой торговлей в степи в конце 1820–1830-х гг. занималось 10 торговцев из Казанской губернии (среди них – 1-й гильдии купец Муса Усманов, 2-й гильдии Мукмин Хозясеитов, Курбангалий Бур-

наев, Юсуп Арсаев, Таиров, Исхак Апаков, Юсуп Ахмеров, 3-й гильдии купеческие сыновья Мухаметрахим Адамов и Муртаза Мухаметов). В 1852 г. через Оренбургскую таможенную выехало 347 человек, из них 247 – татарские крестьяне из Казанской губернии.

Русские купцы ограничивались меновым торгом в Оренбурге и совершенно не проникали ни в Казахскую степь, ни в среднеазиатские страны, боясь быть ограбленными в степи. Хивинские ханы не скрывали недовольства по поводу появления в Хиве христиан и даже заявляли русским посланникам, что не гарантируют безопасности русских купцов и запрещают им въезд в Хиву. Председатель Оренбургской пограничной комиссии В.В. Григорьев отмечал, что русские купцы, будучи вытеснены со среднеазиатских рынков местными купцами, с 1852 г. перестали ездить в Среднюю Азию и стали торговать через комиссионеров-мусульман (казанских татар и казахов Зауральской Орды).

В 1830-е гг. товары, принадлежавшие купцам из Казанской губернии, составляли в среднем ежегодно 1/6 часть всего привезенного товара на заставы Оренбургской и Троицкой таможен. Подавляющее большинство торгующих на Оренбургских таможнях – татары, преимущественно проживавшие в Сеитовской слободе.

По официальным данным, в 1853 г. из аулов Оренбургского ведомства в Россию было продано 400 тысяч голов, а через 10 лет – около 500 тысяч. За 10 лет продано овец на сумму около миллиона рублей.

Из Оренбургской губернии товары отправлялись на Макарьевскую (с 1817 г. – Нижегородскую) ярмарку, в Москву, а некоторая часть товаров и на Ирбитскую ярмарку (в Кяхте товар продавали китайцам), а также к Черноморским портам. Таким образом, существовала прямая связь Оренбуржья с ведущими ярмарками страны. По территории Оренбургской губернии и Казахской степи проходили важнейшие торговые пути, связывавшие Кяхту, Ирбит (через Пермскую губернию), Китай, а также Бухару, Хиву, Коканд. Казанские купцы Абдулатиф Абубакиров, Ахметулла Мусадимов возили Казахскими степями чай из Синьцзяна (Китай) в Оренбургскую губернию.

К началу XIX в. Макарьевская ярмарка стала самым крупным местом торгового оборота, превосходя количеством лавок Оренбургский меновой двор. Товарооборот ярмарки достигал 30 млн рублей. Особенно важную роль Нижегородская ярмарка играла в торговле России с азиатскими странами. Сюда поступало более 70% всего привоза из азиатских стран. Азиатская торговля на Нижегородской ярмарке превышала западноевропейскую в 1,5–3 раза.

В советской историографии торговая деятельность русских, татар, узбеков в Казахской степи была охарактеризована как «колониальный грабеж», «хищническая эксплуатация торгового капитала», «военно-политическое насилие», «обман, грабеж, сопровождавшиеся разжиганием национального антагонизма». Современный подход к оценке роли россий-

ского купечества в степной торговле неоднозначный. По мнению исследователей, татарские купцы стали в этой ситуации тем коммуникативным звеном, которое связало натуральную экономику скотоводческой Казахской степи с торгово-индустриальным центром России. Предпринимательская деятельность торговцев способствовала постепенному проникновению в Казахскую степь товарно-денежных отношений.

И.К. Загидуллин. Особенно во второй половине конце XVIII – начале XIX в. экономические связи татарских предпринимателей Волго-Камья и Оренбуржья были очень тесны. Помимо Казахской степи, источник живого мелкого рогатого скота, шерсти, кожи, животного сала, для владельцев мануфактур большое значение играл Среднеазиатский рынок, дешевое сырье для производства хлопчатобумажной ткани. Насколько удачно татарские предприниматели вкладывали средства, полученные с торговых операций, на производство?

Н.А. Кореева. Сырьевая база Оренбуржья оказала существенное влияние на развитие мануфактурного производства татар на территории Казанской губернии в дореформенный период. Как известно, Оренбургская губерния привлекала промышленников и купцов из Арска, Казани, Мамадыша возможностью реализовать казахам овчины, тулупы собственного изготовления, бумажные и льняные изделия, хлеб, юфть, сукно, пуховые шали, мягкую рухлядь, лошадей, сундуки, чугунные изделия, железо, жемчуг, деревянную посуду, шелк и изделия из него, иглы, позумент, табак, получив взамен сырье для производства изделий из кожи и меха – овец, баранов, мелкий рогатый скот, сырые казахские мерлушки, шкуры сурков, а также козий пух, пряденую бумагу, верблюжью шерсть (которую, кстати, вместе с козьим пухом отвозили в Москву, делали из нее сукно и снова привозили в Оренбургскую губернию для продажи казахам или среднеазиатским купцам), армячины (ткань из верблюжьей шерсти), лисьи и волчьи шкуры, сайгачьи рога. Часто баранов забивали на скотобойнях и везли полученное сало для последующей продажи. В результате перегона скота в конечных пунктах торговых трактов, как правило, возникали мануфактуры по переработке животноводческого сырья. В связи с этим уже в конце XVIII в. Казань и Казанская губерния превратились в один из центров кожевенного, свечно-сального и мыловаренного производства. К 1812 г. в Казанской губернии располагалось 94 кожевенных предприятия (в Пензенской – 28 и в Симбирской губернии – 39, всего по стране – 1150), 23 мыловаренных предприятия против 14-ти в Пензенской, 2-х – в Симбирской и 181 – по стране). Мануфактуры открывались татарскими купцами, создавшими торговую сеть скупщиков скота и продуктов скотоводческого хозяйства – Мусой Апанасовым, Якубом Габбасовым, Салихом Аитовым и другими. Из указанных нами купцов, торговавших в Казахской степи, владельцами свечно-сальных и кожевенных «заводов» в 1830-е гг. были Юсуп Ахмерович Арсаев, Исхак Апаков. Располагались они в Казани. Благодаря деятельности предприятий по обработке животноводческого

сырья, ассортимент товаров, производившихся в Казанской губернии, включал в себя: юфть для производства обуви, конскую сбрую, ножны к ножам и кинжалам, ремни для опоясывания, переплеты для книг, шорный товар (уздечки, например), чемоданы, дорожные мешки, сумки, седла, мыло, овчины, из которых шили тулупы, полушубки, а также ичиги, перчатки, щетки для одежды, клей, сало, мясо, колбасу, из шерсти изготавливали потники под седла, головные уборы, плащи, валенки, войлочные ковры, сукно, из козьего пуха – чулки, перчатки, шарфы, шейные платки, шапочки и др.

До 1838 г. предприятия Казанской губернии по производству хлопчатобумажных тканей (кумача и китайки) использовали исключительно привозимую из-за границы пряжу (на «уток» использовалась бухарская, на «основу» – английская пряжа). Закупку хлопка-сырца или пряжи осуществляли на Нижегородской ярмарке, а также в Астрахани и на Оренбургском меновом дворе.

Таким образом, торговая деятельность купцов Казанской губернии, осуществляемая в Оренбургском крае, способствовала развитию отраслей промышленности, связанных с обработкой животноводческого и растительного сырья, установлению деловых контактов и социального партнерства с купечеством других городов Российской империи и азиатских стран.

И.К. Загидуллин. Предпринимательская активность татар способствовала формированию в конце XVIII – начале XIX в. прослойки гильдейского купечества, состав которой постоянно обновлялся. Однако возникали и целые династии предпринимателей.

И.З. Файзрахманов. Если брать Казанскую губернию, то здесь одновременно возникли несколько купеческих династий и кланов. Так, например, Назир бин Азим бин Кульмамет стал первым купцов рода Азимовых. В 1800 г. он имел кожевенный «завод» в Казани. Его сын Мустафа бай (1780–1865) существенно приумножил богатства семьи, основав мыловаренное производство и две китаечные фабрики в слободе Плетени. Он считался одним из самых влиятельных купцов мусульманской Казани и избирался городским головой Татарской Ратуши. Находясь в первой гильдии казанского купечества, Мустафа обладал состоянием в 2 млн рублей. Коммерческие традиции рода продолжил только старший его сын Муртаза (1812–1887). А усилиями его братьев Мухамета и Абдулкадыра старинная китаечная фабрика превратилась в современное предприятие. В 1910 г. на ней трудилось 45 рабочих, которые вырабатывали в год 2319380 аршин бязи.

Купеческая династия Аитовых происходит от Аита Бикиевича Заманова (1731–1797), занимавшегося мыловаренным производством и кожевенной торговлей в Казани. Двое старших сыновей: Исхак и Дауд дали начало известному купеческому роду Замановых. Среди их потомков особого успеха добился сын Исхака Заманова – Ахмет, продолживший ста-

ринный семейный бизнес по производству мыла на собственном «заводе» в Плетенях.

Шестеро других сыновей Аита, получившие фамилию от его имени, торговали продукцией своих кожевенных предприятий. В этом ряду необходимо отметить Башира бин Аита (1755–1835) – казанского первой гильдии купца. Сын Сулеймана Аитова (1764–1844), Мухаметзян, был вторым гильдии купцом, торговал сырьем и кожами. Сын Мухаметзяна, Сулейман (1862–1922), продолжил семейное дело по торговле сырьем и пушниной в Казани, Сибири, Средней Азии.

Родоначальником купеческого рода Апаковых был Муса Апаков, который торговал мануфактурными товарами и к началу XIX в. приобрел солидное состояние. Начатое им дело продолжил его старший сын Исхак. Ему принадлежала оборудованная по всем требованиям времени китаечная фабрика на Большой Мещанской улице, отличавшаяся высокой производительностью и качеством продукции. Во второй половине XIX в. дело своего преуспевающего отца продолжили четверо его младших сыновей – Ибрагим, Исмагил, Шаехгаттар, Бахтигарей. Ибрагим Исхакович Апаков (1821–1885) торговал в разных уголках Российской империи и Средней Азии, сбывал мануфактурные товары в Казани. Его брат Исмагил занимался торговлей хлебом, операциями с недвижимостью и текстильным производством. Шаехгаттар и Бахтигарей также занимались традиционным для семьи промыслом – торговлей мануфактурой.

Основателем купцов Апанаевых стал служилый татарин Дауд Апанаев, младший сын которого Исмагил (1715–1794) занимался кожевенной торговлей. В конце XVIII в. он вошел в купеческое сословие, многие его потомки также стали предпринимателями. Торговое дело Исмагила бин Апанаев с успехом продолжили два его старших сына – Муса и Юсуф, основавшие две основные ветви рода Апанаевых. Муса Исмагилович Апанаев (1766–1826) – казанский первой гильдии купец, потомственный почетный гражданин, владелец кожевенного «завода», продукцию которого реализовывал в Кяхте. В Казани ему принадлежала лавка в Гостином дворе и другое недвижимое имущество. Юсуф Исмагилович Апанаев (1770–?) – один из крупнейших промышленников Казани, владел мыловаренным, козловым, двумя кожевенными предприятиями.

Предпринимательская деятельность татар охватывала значительную часть и сельского населения. Так, среди них особо выделяются Бурнаевы – выходцы из д.Нижние Берески Казанского уезда, Сайдашевы – из д.Татарский Кабан Лаишевского уезда, Утямышевы – из д.Маскара Малмыжского уезда, Юнусовы из д.Кариле Мамадышского уезда и многие другие. В то же время, характерное для этого времени ограничения в свободном капитале и ведении торгово-промышленной деятельности и многие другие причины приводили к разорению, прерыванию преемственности семейного дела большинства купцов.

И.К. Загидуллин. Марат Зуфарович, ознакомите нас, пожалуйста, со статистическими сведениями о динамике численности и расселении татарских купцов в XIX в.

М.З. Гибадуллин. XIX в. стал периодом расцвета предпринимательской активности татарского населения Российской империи. Тому благоприятствовало ряд обстоятельств. Прежде всего, необходимо отметить, что в России, в это время, преобладала торговая форма капиталистического накопления. А торговля признавалась в исламе одним из одобряемых Всевышнем видов экономической активности. Во-вторых, уровень организации рыночного пространства соответствовал характеристикам свободной рыночной конкуренции. Крупный капитал еще не занял господствующих позиций в торговле, промышленности и финансовом секторе, что позволяло мелким капиталистам сохранять свою конкурентоспособность. Среди татарской буржуазии преобладали, как раз, мелкие и средние капиталисты.

С начала XIX в. происходит постепенное пополнение рядов татарского купечества – наиболее состоятельной части торгово-промышленного класса. Например, в Казани, в 1801 г. к гильдейскому купечеству было причислено 32 мусульманские семьи, в 1809 г. – 35, а в 1860 г. в купеческие гильдии города было записано уже 72 семейства. Причем, по сравнению с началом века, в два раза больше стало семей, зачисленных во вторую гильдию, – 15 вместо 7. Появились среди мусульман и купцы высшей – первой гильдии, имевшие капитал не менее 10 тысяч рублей. Только в Казани в 1893 г. в первой гильдии состояло 11 купцов-мусульман, в то время как в 1860 г. их было лишь 3 человека.

В Симбирской губернии в 1868 г. из 476 лиц купеческого звания 35 (или 7%) представляли татарское население края. В том числе купцов 1-й гильдии было трое (или 22%) (К.А. Акчурин, И.И. Алеев и торговый дом под фирмою «Вдова М-З.Ш. Акчурина с сыновьями»), а купцов 2-й гильдии – 32. Большинство членов мусульманского купечества Симбирской губернии представляло торговый капитал. Только купцы 1-й гильдии были промышленниками и владели суконными фабриками. По родам торговли купцы распределялись следующим образом: кожевенной торговлей занималось 9 человек (26%), хлебной и бумажной торговлей по 5 человек (14%), скотом, салом, красным товаром, сахаром и чаем по одному человеку (3%), торговлей без определенной специализацией занималось 7 человек (20%) и еще 2 человека состояли в купеческом звании, но предпринимательской деятельности не вели. Более всего купцов мусульман было записано в Буинске – 24 человека (71%). В Сенгелевском купеческом обществе состояло 6 мусульман (18%), в Симбирском – 3 (9%), в Корсунском и Курмышском по одному (3%).

В Вятской губернии татар в купеческих списках в 1869 г. состояло 11 человек (2% от общего списочного состава купеческого сословия края). Из них купцами 1-й гильдии было только двое: Х.М. Утямышев и

М-Ш.А. Утямышев, и оба они являлись владельцами китаечных фабрик. Всего же купцов-промышленников из среды татар Вятской губернии было четыре человека (36% от общего списка купцов-мусульман). Кроме указанных выше предпринимателей, китаечными фабриками владели Б.Ш. Ишмуратов и И.М. Утямышев. Остальные татарские купцы края вели коммерческие дела и торговали мануфактурными и сельскохозяйственными товарами. Среди коммерсантов Вятского края размахом своих операций выделялся малмыжский купец Г.Хамидуллин. Он специализировался на яичной торговле и носил неофициальный титул «яичного короля».

По городам губернии купцы из числа татар Вятской губернии распределялись следующим образом: более половины купцов (числом 6 человек) было зарегистрировано в Малмыже, двое – в Уржуме и по одному – в Котельнической, Сарапуле и Царевосачурске.

С 1810 г. купцы-татары появляются в составе Касимовского купечества. К 30-м гг. столетия в составе местного купечества числилось уже 16 мусульманских семей (27,5%), а к 1850 г. 24 семьи (21,8%)¹. Татарские купцы г. Касимова в 60–90-х гг. XIX в. занимались торгово-промышленным предпринимательством: держали в своих руках овчинно-мерлушечное производство Поволжья и Рязанщины. Самыми успешными предпринимателями из их среды были М.Девишев и братья Костровы.

Сильные позиции в середине XIX в. занимали татары в составе Сибирского купечества. Так, по подсчетам В.Н. Разгона, в 1830 г. в купеческих списках региона состояло 15 татарских семей (3,1%), в 1840 г. – 61 семейство (8,7%), в 1850 г. – 92 семейства (9,0%), а в 1854 г. – 112 семейств (9,7%). Почти все купцы-магометане концентрировались в Семипалатинске, Петропавловске и Усть-Каменогорске.

Татарское купечество было представлено и в некоторых других городах Поволжья, Урала и Сибири. Например, в Пензе в 1851 г. имелось 189 купцов-мусульман (11,6 % общего числа купцов), в Самаре – 608 (12 %), в Тобольске – 87 (9 %)².

К исходу столетия, наиболее сильные позиции татарское купечество имело в Оренбургской, Казанской, Уфимской и Симбирской губерниях, где оно составляло значительную часть местного «третьего сословия». Слабее мусульманское купечество было представлено в Астраханской, Вятской и Пермской губерниях. Незначительным был его состав в Саратовской и Пензенской губерниях.

И.К. Загидуллин. В последней четверти XIX – начале XX в. ведущими игроками торговых операций на юго-восточной окраине в обработке

---

¹ Филиппов Д.Ю. Купеческое общество города Касимова конца XVIII – начала XX в. // Рязанская старина. Вып.1. М., 2003. С.119.

² Бобкова Г.И. Татарские общины Иркутской губернии (конец XIX – начало XX в.). Иркутск, 2009. С. 58.

животноводческого сырья становятся оренбургские купцы братья Хусаиновы. Какие новшества они привнесли в эти отрасли?

Даниель Росс. Уважаемые коллеги! Торговый дом Хусаиновых в Оренбургской губернии хорошо изучен в России и за границей. Есть ряд ученых, которые занимались и продолжают заниматься историей братьев Хусаиновых – именно так будет правильнее называть это предприятие – в контексте татарской истории XIX–XX вв. Это Мадина Рахимкулова, Римма Шайдуллина (Россия), Айзаде Айше Рорлих, Мустафа Туна (США), Стефан А. Дюдуаньон (Франция), Норихиро Наганава (Япония).

Братья Хусаиновы занимают ключевое место в истории просвещения казанских татар и, в связи с этим, в частности, в истории благотворительности, в том числе – по отношению к немусульманам. Предприятие братьев Хусаиновых может служить хорошим примером того, как развивались промышленность и торговля в Приуралье, в Казахской степи, в Средней Азии и на Волге в период с середины XIX в. до событий октября 1917 г. Центральными составляющими этого предприятия были разведение скота, его забой и последующая переработка полученных продуктов (мясо, нутряной жир, кожа, кости, внутренности, рога и копыта). Хусаиновы построили свою коммерческую империю именно на вышеназванных элементах. Изучая историю семейного бизнеса Хусаиновых, можно в деталях проследить за интеграцией мусульманского бизнеса в общероссийский и международный.

Другой важный момент в развитии скотоводства и обработки животноводческого сырья – это открытие в 1878 г. ветки железной дороги, соединившей Самару и Оренбург. Результатом этого стала интеграция экономики Оренбургского края в экономику Российской империи. Теперь становилось возможным отправлять степное мясо в другие области России. С начала 80-х гг. XIX в. до начала XX в. скотоводство в Оренбургском крае получило значительное развитие, а поголовье скота сильно выросло. В городах Троицк, Иргиз и Тургай появились ярмарки скота, на которых продавались лошади, коровы, овцы и козы, пригнанные из Казахской степи. В то же время, жители Оренбургской губернии (казаки, татары, башкиры, казахи, переселенцы из Западной России) начали разводить скот в больших количествах, чем прежде (см. таблицу). Для сельского населения губернии скотоводство открыло новые экономические перспективы: теперь стало возможным торговать мясом во внутренней России и, что очень важно, даже на международном рынке. Для некоторых крестьян скотоводство стало альтернативным источником получения прибыли. В случае неурожая, засухи, града и других непредвиденных обстоятельств, крестьяне могли компенсировать свои убытки и потери за счет скота, который они держали.

Судьба братьев Хусаиновых вполне вписывается в историю развития скотоводства, переработки мяса и сопутствующих продуктов в Оренбургской и других губерниях России. К этому можно добавить, что мясная

промышленность края росла и развивалась в тесной связи с их предприятием. В 1859 г. братья объединили свои усилия для торговли в Степи. Их партнерами стали казахи. Хусаиновы везли им мануфактуру, бытовые товары, печатные издания (на татарском и тюрки). Таможенные документы, хранящиеся в Государственном архиве Оренбургской области, показывают, что в 1865 г. Габдулгани Хусаинов привез в Казахскую степь товаров на сумму 861 рубль. Спустя два года его старший брат, Ахмед, привез в Степь товаров на сумму около 16 000 рублей. Это является несомненным доказательством того, что торговые связи дома Хусаиновых очень быстро расширились и, как было сказано выше, эти связи развивались в одном русле с общероссийской торговой системой.

В 1873 г. Ахмед Хусаинов переехал из Сеитовой слободы Оренбурга (сегодня – поселок в Оренбургском городском округе) в город Оренбург и купил там участок земли с домом. В 1880-х гг. он уже владел кожевенным производством, цеха которого были оборудованы семью чанами. Его дела продолжали успешно развиваться в 90-х гг. и в начале XX в., совместно со своими братьями Габдулгани и Махмудом, он стал владельцем двух скотобоев, мельницы и кишечномойного заведения (так в документах. – *Д.Р.*) и разных видов недвижимости (как коммерческой, так и жилой). Одновременно с коммерческой деятельностью Ахмед Хусаинов служил гласным в Городской думе г. Оренбурга, участвовал в обсуждениях проекта строительства «Центральной скотобойни» (так в документах. – *Д.Р.*). Ахмед Хусаинов имел особый интерес в этом проекте, так как в 1897 г. 23% животных, забитых в Оренбурге, прошли через две бойни, принадлежавшие ему и его братьям. Скотобойни Хусаиновых были крупнейшими в г. Оренбурге.

Кроме Оренбурга, братья Хусаиновы владели бойнями, складами мяса, предприятиями по переработке побочной продукции и управляющими конторами в гг. Нижний Новгород, Казалинск, Перовский, Туркестан, Ташкент, Самарканд, Аулия-Ата, Верный, Чимкент, Иргиз и Тукмак.

Махмуд, младший из Хусаиновых, скончался в 1910 г., он последним из братьев ушел из жизни. На момент смерти он владел недвижимостью на сумму более чем 1 300 000 руб. и капиталом в 3 000 000 руб. Его предприятия и прочее имущество перешли к его несовершеннолетним детям и продолжали развиваться под руководством опекуна Мухаммедхариса Фейзуллина до 1919 г., после чего они были ликвидированы новой властью. Мы будем продолжать исследования в данной области, и результаты исследований обещают быть весьма интересными.

И.К. Загидуллин. В специализации народного хозяйства Оренбуржье прочно закрепило за собой роль ведущего центра производства животноводческой продукции, которое продолжало набирать обороты. В этой связи, какие новые явления можно отметить этой сфере производства в Оренбургском крае в начале XX в.?

Даниель Росс. Открытие в 1906 г. прямого сообщения по железной дороге маршрутом Оренбург-Ташкент дало новый толчок развитию скотопромышленности в Оренбурге. Средняя Азия вошла в транспортную систему империи, таким образом, появилась возможность быстрой доставки большого объема товаров, в т. ч. скота, из одной области в другие. Только в 1911 г. из Оренбурга было отправлено мяса, нутряного жира, кишок, ливера, кожи и шерсти в 26 губерний европейской части, 4 области Средней Азии и в Бухарское Ханство. В Оренбургской губернии забой скота производился в очень крупных масштабах: например, в период с 1908 по 1911 год только в Сеитовой Слободе было забито 1 315 781 животное. В сезон (пиковое время приходилось на сентябрь-октябрь) в одной бойне за день в среднем забивалось и освеживалось 2 500 животных. Такая массовость в переработке мяса привела к появлению экологических проблем в регионе: все нетвердые отходы попадали в р. Сакмару, в результате чего река была катастрофически загрязнена, что, однако, не мешало работникам боен и кишечных заведений производить из нее забор воды для своих нужд. В Челябинском уезде не было централизованных скотобоен, и часть его жителей промышленяла забоем скота и продажей полученных продуктов на базарах в частном порядке.

Со временем чиновники губернской администрации, члены земств, ветеринары и купцы, чья деятельность была связана с производством мяса и сопутствующих продуктов, стали проявлять интерес к налаживанию торговых, финансовых и, вообще, деловых связей с зарубежными партнерами. Несмотря на то, что самым распространенным видом скота в Оренбургском крае были овцы, сторонники налаживания таких связей хотели «продвигать» на экспорт мясопродукты, получаемые в результате забоя крупного рогатого скота. Эти соображения появились под влиянием предпочтений, существовавших на международных рынках мяса и сопутствующих продуктов. Налицо была попытка создания российского экспортного механизма, используя рыночные модели, уже существовавшие в Соединенных Штатах и Австралии. Чтобы достичь конечной цели – создания такого механизма, заинтересованные стороны начали дискуссию об улучшении качеств российских пород крупного рогатого скота. «Киргизским» (т. е., казахским) и «калмыкским» породам скота, как автохтонным российским породам, в подобных дискуссиях уделялось особое внимание, а их сторонники представляли вышеназванные породы как основу будущего экспорта российских мясопродуктов.

Во втором десятилетии XX в. российские чиновники и купцы начали уделять больше внимания вопросам применения логистики в торговле мясопродуктами. Возрос практический интерес к использованию холодных вагонов и стационарных хранилищ, оборудованных холодильным оборудованием. К сожалению, эти идеи не были реализованы из-за слабой заинтересованности российского правительства и чиновников на местах, недостаточного финансирования данной сферы самим купечеством и, конечно

же, вступления России в войну, роковую войну, поначалу названную «Великой», но позже переросшую в Мировую, изменившую ход истории и мира, и России...

Н.И. Таиров. Отдельные татарские предприниматели вошли в историю как успешные организаторы капиталистического промышленного производства. Из них наиболее известными были Рамиевы, Хусаиновы, Яушевы (Оренбургская губерния), Акчурины, Агишевы (Симбирская губерния), Дебердиевы (Саратовская губерния), Апанаевы, Арслановы (Казанская губерния).

Как было отмечено, первоначальное накопление капиталов у татарской предпринимателей происходило за счет традиционной торговли, денежные средства от которой вкладывались в промышленность. В Симбирской губернии татарские купцы и зажиточные крестьяне брали в аренду, главным образом, промышленные предприятия дворян, затем выкупили их, постепенно расширяли и реконструировали производство.

Переход известных симбирских предпринимателей Акчуриных от торговли к производству произошел в середине и во второй половине XIX в. Этому способствовал ряд обстоятельств. Во-первых, они занимались заготовкой главного сырья для суконной промышленности Поволжья – шерсти и ее торговле. Во-вторых, организовали первичную обработку сырья – мойку шерсти. В-третьих, своеобразным подготовительным этапом явилась практика аренды суконных мануфактур помещиков.

Первым к производству сукна приступил Сулейман Акчурин. В период крепостного права, в 1849 г., он основал суконную мануфактуру в деревне Старое Тимошкино (Зия башы) Сенгилеевского уезда, которое функционировало на коммерческой основе.

Несколько иным был путь в сферу производства у Курамши и его детей. В 1839 г. удельный крестьянин Курамша Абдуллоевич Акчурин со своим семейством вошел в симбирское мещанство. Курамша добился больших успехов: в середине XIX столетия он стал купцом 1-й гильдии.

В последние годы своей жизни известный купец связал предпринимательскую деятельность и с производством. По просьбе сына Тимербулата, он приобрел в 1862 г. у помещицы Е.В. Кротковой суконную фабрику в сельце Гурьевка Карсунского уезда и ее имение. За короткое время Тимербулату удалось перестроить производство. Развитие предприятия шло по восходящей линии. К 1890 г. на Гурьевской фабрике работали 7 двигателей, 3 паровые и 4 водяные турбины. Предприятие было оснащено новейшими чесальными аппаратами и прядильными машинами. На фабрике работало без малого 300 станков. 1200 рабочих выпускали сукно, трико, бобрик, байка, попонное сукно, войлок и одеяло. На его второй фабрике, Самайкинской (Сызранский уезд), трудилось до 800 рабочих.

Специально для военного ведомства и Акчуриным были разработаны серое шинельное 900-зубное сукно из русской шерсти и неворсованное

темно-зеленое сукно из мериносовой шерсти. Сукна также поставлялись в турецкую и болгарскую армии.

Рубеж XIX–XX вв. для российской промышленности был характерен тем, что возникали и развивались монополистические объединения. Промышленные объединения создавались и Акчуринами. Тимербулат Курамшевич совместно с зятем Якубом Сулеймановичем в 1892 г. учредили «Товарищество Старо-Тимошкинской суконной мануфактуры Акчуриных», основной капитал которого составлял 300 тыс. руб. К 1907 г. предприятие включало в себя суконную фабрику, основанную в 1849 г. Сулейманом Акчуриным, и склад торговли в Симбирске. При фабрике были собственная земля и имение. К этому времени на фабрике работало 560 человек.

Главным детищем Т.К. Акчурина стало «Торгово-промышленное товарищество Тимербулата Акчурина» (1895 г.) с основным капиталом 1 млн руб., которое объединяло две суконные фабрики: Гурьевскую и Самайкинскую с контингентом рабочих 3 тыс. человек. В состав правления входили: Т.К. Акчурин (директор-распорядитель), Х.Т. Акчурин и Я.Т. Акчурин.

Потомки Курамши и Сулеймана Акчуриных продолжали заниматься суконным делом и в последующие десятилетия, вплоть до 1918 г.

И.К. Загидуллин. Уважаемые коллеги! Тема сегодняшнего «круглого стола» неисчерпаема. Надеюсь, мы еще вернемся к этим вопросам, рассмотрим эти же сюжеты в контексте развития российской экономики, выясним специфические особенности торгово-промышленной деятельности татар, сферы их взаимодействия с коллегами других этноконфессиональных групп. Желаю всем участникам «круглого стола» творческих успехов и новых исследований по экономической истории татар Нового времени!

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКА

УДК 93(27-523)(470.4)"16"

Д.А. Мустафина

Отражение агрессивного социального поведения крестьян Свяжского Успенье-Богородицкого монастыря в грамоте 1684 года

Публикация посвящена освещению информационного потенциала грамоты из центрального ведомства по управлению Волго-Уральским регионом – из приказа Казанского дворца – для исследования истоков, содержания и особенностей одного из случаев социального конфликта, разгоревшегося между представителями провинциального дворянства, городскими дворянами и детьми боярскими, с одной стороны, и крестьянами и бобылями Свяжского Успенье-Богородицкого монастыря, с другой стороны. Сделано заключение о том, что этот случай проявления социальных противоречий являлся показательным не только для представления состоявшейся конкретной земельной тяжбы, но и для выяснения способов воздействия социальных страт друг на друга, их взаимодействия с властью, отношения представителей Церкви к светской власти, особенностей судопроизводства в XVII в. Текст грамоты извлечен из 191 фонда Государственного архива Республики Татарстан.

Ключевые слова: Свяжский уезд, земельный спор, провинциальное дворянство, Свяжский Успенье-Богородицкий монастырь, монастырские крестьяне и бобыли.

Публикуемый акт отложился в 191 фонде Государственного архива Республики Татарстан и пережил неоднократную инвентаризацию. Первоначально он входил в состав дел фонда Казанской духовной академии (НА РТ, ф.10, оп.5), хранившихся под номером 1178, с начала текущего столетия – под номером 1136. В 2011 г. средневековые акты были сведены в специальный фонд под наименованием «Архивная коллекция «Столбцы XVI – нач. XVIII вв.», в составе которого рассматриваемая единица хранения была учтена под номером 317 (ГА РТ, ф.191, оп.1, д.317, л.400–421).

Особенностью предлагаемого вниманию читателей документа является то, что он представляет собой указную грамоту, содержащую изложение инициировавшей ее челобитной. В свою очередь в челобитной приведен пересказ предшествовавших ее появлению взаимообусловленных публично-правовых актов договорно-распорядительного вида (указных и послушных грамот) и частно-публичных документов просительного-апелляционного вида (челобитных, жалоб). Кроме того, в грамоте упоминаются такие известные материалы специального документирования, как

писцовая книга Свияжска и уезда 1565–1567 гг. и перечневые книги И.Францбекова¹, что подтверждает их нотариальный характер, сохраняющийся в последнюю четверть XVII в.

Указная грамота была составлена в приказе Казанского дворца от имени царя Ивана V (за спиной которого стояла его сестра Софья Алексеевна) 18 сентября 1684 г. и отослана свияжскому воеводе, думному дворянину Георгию (Постнику) Григорьевичу Огареву (Научная библиотека К(П)ФУ, ед.хр.2457/17, л.17–20 об.; РГАДА, ф.281, оп.17, д. № 8/11466, л.39–45 об.; Корсакова, 1908, с.9, № 48; Списки воевод и дьяков, 1911, с. 74; Материалы исторические и юридические, т.4, №35; т.6, № 9; Ермолаев, 1980, с.178–179 (№ 1209), 183 (№1238), 2457/17, 186 (№ 1254)). Свидетельствами, указывающими на место ее возникновения, являются подписи исполнителей-делопроизводителей, служивших в упомянутом приказе: дьяка Артемия (Артамона) Афанасьева и подьячего Данилы Воинова (Демидова, 2011, с. 48, 118). Основной ее функцией являлась организационно-распорядительная: она предусматривала доведение до конца представителем местной власти (воеводой) судебного расследования и вынесение решения по земельной тяжбе в пользу дворян и детей боярских Ивана Бегичева «с товарищи».

Приводимый ниже текст акта представляет значительный интерес для исследователей-медиевистов в силу отражения в нем группового социального конфликта, в который оказались вовлечены различные слои общества: представители провинциального дворянства, посадского населения и местной власти, монастырское руководство, крестьяне и бобыли вотчинных монастырских и поместных деревень. В фокусе интересов перечисленных взаимодействующих и конкурирующих категорий населения находилась земля – источник благополучия и материальная ценность, за право обладания и хозяйственной эксплуатации которой соперничали светские и духовные феодалы, представлявшие социальные общности, составлявшие опору власти.

Источниковая ценность публикуемого акта определяется также отражением в нем порядка организации воеводского суда, отношения конфликтующих (монастыря и помещиков) к местной и центральной власти, игнорирования архимандритом рамок правового поля, в котором функционирует монастырь в качестве хозяйствующего субъекта, отношения власти к противоборствующим сторонам. Примечательно, что из логики документа вытекает единственно возможное в той ситуации урегулирование социальных противоречий: признание прав дворян на владение спорными лугами в соответствии с нормами Соборного уложения, Новоуказных статей и всех правоустанавливающих документов своего времени.

После получения указной грамоты главе местной власти в Свияжске надлежало выяснить и известить отпиской казанского воеводу боярина

---

¹ Первая опубликована, см.: вторая хранится в РГАДА.

князя Владимира Дмитриевича Долгорукова о выполнении предписания царя Федора Алексеевича, предусматривавшего привлечение архимандрита Свяжского Успенского монастыря Гавриила и вотчинных монастырских крестьян деревень Савино и Медведково к допросу по делу о незаконном завладении лугами и лесом, принадлежащими городovým дворянам и детям боярским Ивану Бегичеву «с товарищи» из села Бусурманская слобода².

Если бы вскрылось, что никакого расследования по челобитью служилых людей не проводилось, границы спорных угодий определены не были, ответчики (архимандрит и феодально-зависимое население монастырской вотчины) не допрашивались, то следовало принять необходимые меры. В соответствии с требованиями и нормами Соборного уложения, Новоуказных статей, писцовых, отказных и отдельных книг, документами нотариального характера и наказом разобраться в перипетиях дела, вынести решение и сообщить о нем отпиской кравчему приказа Казанского дворца князю Борису Алексеевичу Голицыну «с товарищи». Казалось бы, понять и добраться до сути продолжавшегося на протяжении пяти лет «препирательства» по вопросам правообладания и эксплуатации конкретной земли вполне мог представитель уездной власти, и необходимости в обращении к высшей инстанции не было. Однако дело обстояло не так просто.

Предпосылки, приведшие к этому конфликту, были заложены еще в 1557 г. и «оживлены» массовой эпидемией («морвое поветрие») 1655–1657 гг., накрывшей почти всю страну и унесшей жизни многих людей, в том числе помещиков. Длительное отсутствие служилых дома в связи с войнами с Польшей (1654–1667), Швецией (1656–1658), Турцией (1676–1681) сказались на состоянии их хозяйств и, соответственно, материальном положении самих землевладельцев. Участвовавшие «приборы», верстание «новиков» и дробление поместий приводили к умножению общего количества владений, слабая наполненность окладов, продолжающееся хозяйственное освоение, чересполосица вызывали земельные конфликты. Под давлением служилых в 1680 г. правительство приняло решение провести межевание, а после череды зигзагов и валовое описание земель (ПСЗ, т. 2, № 822 и 832, с. 266, 273–278; Лаптева, 2010, с. 476–478). Все эти факторы обостряли идущие, вливали свежую струю в давние и провоцировали новые земельные конфликты.

Так, луга и лес, ставшие в 1678–80 гг. объектом самовольного захвата и эксплуатации монастырскими крестьянами, являлись пожалованиями, в далеком прошлом переданными первому архимандриту Свяжского Богородицкого монастыря Герману, прибывшему в регион в мае 1555 г. с заданием основать обитель в новом городе Свяжске и наладить миссионерскую работу. Однако по неизвестным причинам, возможно, в целях обес-

² Ныне Введенская слобода Верхне-Услонского района РТ.

печения безопасности города Свияжска и контроля над перемещениями по рекам, при воеводе Иване Петровиче Федорове село Бусурманская слобода, к которой относились спорные угодья, в мае 1557 г. было отобрано обратно в казну. Взамен отнятых угодий архимандриту были предоставлены «земли под дворы и под пашню», располагавшиеся южнее слободы (по реке Сулице), где впоследствии возникли деревни Савино и Медведково (ГА РТ, ф.191, оп.1, д.307; Прибавления, 1829, № 35, с.279–280; Источники, 2011, №122, с.178–180).

По отделу 1565/66 г., в упомянутом поселении, статус которого писцы Н.В. Борисов и Д.А. Кикин указали, как дворцовую слободу, были размещены шестеро помещиков: 1) князь Гордей Борисов сын Ступишин (ему отделены поместья свое собственное и брата Бориса, а также «порозжие» земли отставленных жильцов Афанасия Дмитриева сына Ржевского, князя Михаила Андреева сына Приимкова-Ростовского и его сына Дмитрия, дворы слободского приказчика Федора Ситцкого); 2) Рудак Неклюдов сын Бурцов (получил поместья князя Романа и его сына Владимира Приимковых-Ростовских); 3) князь Михайло с братом Семеном Образцовы дети Роговы=Рогатые (за ними оформили поместья жильцов князей Василия и Льва, Ивана (1), Ивана (2) Морткиных; князя Федора Иванова сына Меньшого Пожарского); 4) Яков Кошкаров (получил условные владения жильцов князей Петра и Федора Пожарских, князя Михаила Приимкова-Ростовского); 5) князь Семен Борисов сын Пожарский (за ним оформили его собственное поместье и жеребьи князей Михаила Борисова сына, Петра и Федора Ивановича Пожарских); 6) дьяк Иван Безсонов (стал владельцем «порозжих» земель князя Михаила Андреевича Приимкова-Ростовского и его сына Дмитрия).

Как видим, располагавшееся вблизи Свияжска селение считалось после «казанского взятия» принадлежащим дворцу и не ранее июня 1555 – позднее мая 1557 г. оно было пожаловано архимандриту Свияжского Успенье-Богородицкого монастыря, затем вновь отошло к дворцу, но, по видимому, ненадолго, ибо пошло в раздачу служилым людям. А в 1565/66 г. в процессе валовой писцовой акции состоялось узаконение передачи села очередной группе помещиков, а на следующий 1566/67 год возникла необходимость нового «отдела», свидетельствующего о неустоявшемся ранее составе землевладельцев.

Как долго эти шесть помещиков владели своими жеребьями, сказать трудно, но не вызывает сомнения, что после описания 1565–1567 гг. земли из владения родов явно не выходили, ибо указом царя Михаила Федоровича, т.е. не ранее января 1613 г., состоялось испомещение в этом селе около 30 человек братьев прежних «свияжен». Видимо, одним из этих тридцати землевладельцев являлся и татарский голова Григорий Онучин, за которым в 1593 г. было записано 80 четвертей пашни в селе Бусурманская слобода (РГАДА, ф. 281, ГКЭ по Казани, д.23/6431, л.19). Владельческие права этих помещиков были подтверждены в 1645/46 г. писцами

думным дворянином И.М. Аничковым и И.Францбековым. А в последующем отражены в отдельных и отказных книгах, в которых были зафиксированы описания границ владений, определенные при участии старожилов тех самых деревень Савино и Медведково, бобылей Кожевенной слободы и жителей других окрестных селений.

В 1657/58 г. пережившим эпидемию помещикам и наследникам умерших (вдовам, детям, родственникам) власти не только подтвердили их право на наследственную собственность, но и облагодетельствовали выморочными жеребьями ушедших из жизни служилых. Правительство все еще было заинтересовано в материальной обеспеченности «города» и не стало чинить препятствий к наполнению окладов переживших эпидемию представителей провинциального дворянства. Сами помещики в свою очередь опасались того, чтобы из-за бедности и отсутствия возможности купить коня и вооружение не оказаться в числе уклонистов от службы. Ведь согласно Соборному уложению 1649 г., за неявку на службу была предусмотрена конфискация поместья (Соборное уложение, гл. VII, ст. 8), а в 1655 г. не явившихся на смотр людей было предписано «бить кнутом без пощады» и выслать на службу «за поруками» под бдением пристава, а за побег следовало и вовсе казнить, конфисковав земельные владения (Акты Московского государства, 1901, №587, с.368; № 591, с.369–370; № 655, с.405; № 692, с.423).

Следует также отметить, что эпидемия, как правило, являющаяся неизменным спутником неурожая и голода, сопровождалась оживлением внутренней миграции феодально-зависимого населения, основывавшего новые починки и представлявшегося писцам ясачными и дворцовыми крестьянами или находившего приют в хозяйствах относительно стабильно функционирующих крупных земельных собственников, к числу таковых относились и отдельные православные обители Казанского края. Численный рост крестьян и бобылей в монастырских владениях вполне устраивал руководство монастыря, ибо отважившиеся на смену местожительства крестьяне были мотивированными на поиск путей и способов выживания, являлись более инициативными, чем население «принимающей» территории. На новом месте они активно включались в процесс хозяйственного освоения и при возможности не останавливались перед оттеснением других хозяйствующих субъектов: самовольно захватывали уголья, смежные с землями поселения, в котором оказывались.

В 70-е гг. XVII в. село Бусурманская слобода находилось в поместьем держании помещиков Ивана Гаврилова сына Бегичева, Петра и Осипа Кострицыных и Якова Лукошкова (ГА РТ, ф.191, оп.1, ед.хр. 317, л.400–421), входивших в состав свияжской служилой корпорации. Судя по авторитету, которым они пользовались в своем сообществе, они были уже явно немолодыми людьми. В известных нам документах Бегичевы и Лукошковы встречаются до середины 80-х гг. Так, Яков Иванович Лукошков фигурирует в переписных книгах Андрея Племянникова и подьячего Ивана

Фадеева 1646 г. в числе дворовладельцев города Свяжска (РГАДА, ф.1209, оп.1, кн.6468, л.668 об. – 669). Вскоре после подачи челобитной в 1680/81 г. свияженин скончался, и его вдова передала свое поместье в селе Гришино внуку казанцу Льву Жукову (РГАДА, ф.170, оп.1, д.12, л.1–2).

Иван Бегичев, судя по фамилии, мог принадлежать к роду казанского мурзы Бегича (Бигича), оказавшегося в 1445 г. в русском плену. Лица, носившие такую фамилию, встречались как среди помещиков, влившихся в состав российского дворянства, так и среди дьяков центральных приказов (Халиков, 1992, с.55; Зимин, 1980, с. 48; Демидова, с. 59). Известно, что наследники упомянутого мурзы служили с поместий, располагавшихся под Коломной, Рязанью и Арзамасом. Также доказано, что в Казанском крае испомещались выходцы преимущественно из Рязанского, Касимовского, Арзамасского, Нижегородского и Коломенского уездов, где в прошлом нередко размещались служилые, корнями восходящие к господствующим слоям постордынских татарских государств (Габдуллин, 2006). В феврале 1685 г. Иван Бегичев «променил» свияженину Василию Матвееву сыну Нудомов часть своего поместья (пожни и лес). В июле указанного же года последний получил выпись из отказных книг, удостоверяющую его право собственности на приобретенные площади (Научная библиотека К(П)ФУ, ед. хр. 1792/2 и 3). Следовательно, Бегичев или испытывал материальные затруднения, или уже достиг преклонного возраста и не имел отпрысков, которым мог завещать свои владения, раз решился на скрытую продажу своих владений.

Массовая эпидемия, вызвавшая высокую смертность, создала условия, позволившие крестьянам деревни Медведково припахать оказавшиеся «в пусте» поместные земли села Бусурманская слобода к своей пашне. Предприимчивость крестьян была по достоинству оценена архимандритом Гавриилом, с именем которого связан в рассматриваемый период ряд земельных приобретений Успенского монастыря. Так, в июне 1678 г. по его челобитью монастырю был отказан во владение черный лес вблизи с. Тихое Плесо (РГАДА, ф. 281, оп.17, д. 20/11478), в сентябре 1680 г. владыка добился передачи И.Я. Тишенковым пустоши Кучино (РГАДА, ф.281, оп.17, д.22/11480), в ноябре 1681 г. Гавриил в тандеме с казначеем Паисием вынудил А.М. Матюнина дать мировую поступную запись на сенные покосы в окрестностях деревни Бритвино (РГАДА, ф.281, оп.17, д.23/11481), в июле 1690 г. архимандрит совместно с В.Г. Есиповым обратился с просьбой осуществить досмотр ранее принадлежавшего А.И. Примкову-Ростовскому и Г.Ф. Есипову поперстного леса между деревнями Каинки и Волково, так как писцы Г.А. Суворов и подьячий К.Байсалтанов отмежевали лес некорректно (РГАДА, ф.281, оп.17, д.27/11485); в ноябре 1691 г. свияжский воевода получил указную грамоту, подтверждающую право монастырских крестьян использовать лес, находившийся во владении служилых мурз М.У. Кугеева и У.Бикшеева (РГАДА, ф. 281, оп. 17, д. 29/11487) и т.д.

Энергичные шаги к расширению границ владений Успенского монастыря посредством присвоения поместных угодий деревни Бусурманская слобода архимандрит Гавриил предпринял в 1679–1680 гг. Пользуясь пребыванием помещиков на службе в Киеве³, он инициировал массовый приезд на поместные луга и бесчинство монастырских крестьян, реквизировавших заготовленное сено и выгнавших с сенокосных угодий помещичьих крестьян. Вернувшиеся со службы помещики обратились с челобитной в приказ Казанского дворца, удостоверив ее своими подписями. Судья М.Ю. Долгорукий на нее отреагировал двумя грамотами: 1) указной, адресованной казанскому воеводе М.А. Черкасскому, с распоряжением обеспечить соблюдение норм Соборного уложения и нотариально закрепленных писцовыми книгами 1565/66 г. владельческих прав помещиков, а также допросить замешанных в этом инциденте крестьян; 2) послушной, написанной свияжскому воеводе, возможно, Давыду Григорьевичю Баранчеву (исполнял обязанности воеводы с весны 1678 по весну-лето 1680 г.) об обеспечении явки монастырских крестьян на допрос в Казань. Выдача последней (послушной) грамоты является показателем того, что руководитель приказа Казанского дворца опасался возможного не выполнения своего предписания. Служилым людям пришлось подать в Казанскую приказную палату две челобитные с просьбой допросить архимандрита Гавриила и получить от него письменное изложение о произошедшем столкновении до того, как были бы взяты показания крестьян об этом событии. Послушная грамота и челобитные инициировали дальнейшее воеводское расследование, однако оно было приостановлено подачей архимандритом Гавриилом двух челобитных, к составлению которых он привлек посадского человека Г.Попова. Это был весьма продуманный шаг, направленный на умышленное затягивание хода расследования и означавший фактически отказ от отправки крестьян в Казань для дачи показаний. Дело в том, что владыка узнал о предстоящей смене воеводы Черкасского, что предопределяло отсутствие рвения у последнего к разрешению сложившейся ситуации, и об отъезде дворян на верховую службу. Эти обстоятельства делали вполне реальным продолжение дальнейшего вытеснения помещиков с луговых земель в обозримом будущем. Поэтому крайне важно было переждать острый момент и возобновить захват поместных земель при благоприятствующих этому условиях.

В том же 1680/81 г. в Свияжск была прислана специальная грамота, предписывавшая воздержаться до приезда валовых писцов от земельных споров, насилия и грабежей в отношении крестьян своих конкурентов. Но Гавриил «учинился непослушен», не только проигнорировал, а сопротивлялся исполнению распоряжений центрального ведомства и воеводского суда. Надо полагать, владыка злоупотреблял своей неподсудностью свет-

---

³ Как видим, в источнике содержится упоминание о привлечении служилых Казанского края к участию в военных кампаниях Российского государства.

скому суду. Присылка грамоты не удержала его от отправления на поместные луга более двух сотен крестьян со старцем Паисиим. Принятые казначеем меры свидетельствуют о бесповоротности намерения монастырских властей завладеть лугами села Бусурманская слобода. Он организовал специальную базу (стан), учредил засаду из вооруженных ружьями монастырских служек, детенышей и крестьян, распорядился, чтобы людей помещиков, приезжающих для кошения травы, «бить и грабить». Силы сторон были неравны, обедневшие помещики и вдовы не имели возможности противостоять монастырю. Архимандрит же оказывал психологический нажим, запугивая клеветническими обвинениями и исками, угрожая отобрать у помещиков все их владения.

Ситуация не менялась на протяжении пяти лет. Власти обители распоряжались лугами как своей собственностью, передавая некоторые участки в наем. Крестьяне деревень Савино и Медведково и бобыли Кожевенной слободы скашивали и увозили сено к себе. Служилые были не в состоянии дать отпор захватчикам и апеллировали к представителям светской власти с просьбой поймать с поличным и допросить монастырских крестьян, запретить укос и вывоз с лугов скошенного сена. Однако свияжский воевода Кондратий Фокич Грушецкий явно благоволил архимандриту. На имя этого воеводы, назначенного в город весной 1680 г. и отбывшего летом 1681 г.⁴, служилые трижды подавали челобитные, но он отклонял их обращения и даже отказался принять грамоту царя Федора Алексеевича о высылке крестьян к суду в Казань. Как видим, дворяне воспользовались допусаемым правом переноса судебного рассмотрения в другой город: из Свияжска в Казань (ПСЗ, т. 1, № 331, с. 575). А дружеское расположение к владыке было обусловлено совместными трапезами, угощениями и подкупом последним должностного лица.

Спустя месяц после отклонения письменных обращений помещиков, воевода все же был вынужден принять у них очередную, но уже заручную (подписанную) явочную челобитную, которой они уведомили о самовольном укосе и увозе скошенного сена с принадлежащих им лугов. Однако подписанный всеми обратившимися документ о пресечении самовольства монастырских крестьян и бобылей, поддерживаемых владыкой и казначеем, был принят Грушецким лишь для отвода глаз.

Он не стал передавать прошение приказному дьяку для регистрации, а забрал к себе домой, ознакомил с его содержанием архимандрита и казначея, явно с целью выработки дальнейшей тактики действий. Все эти уловки, в конце концов, свелись к очень простому решению: в сентябре 1680 г. воевода велел подписать документ «прежним числом» (надо пола-

---

⁴ Стольник Кондратий Фокич Грушецкой и дьяк Лев Ермолаев сменили воеводу Давыда Григорьевича Таранчеева и дьяка Григория Протопопова, по всей видимости, весной 1681 г. См.: Корсакова, 1908, с. 9; *Списки воевод и дьяков*, 1911, с. 65–74.

гать, июнем месяцем, когда начинался сенокос), однако вернул его челобитчикам лишь в конце февраля. Помещики проявили излишнюю доверчивость и процессуально-правовую неграмотность, и в результате их обращение закончилось ничем. Поскольку от даты подписания документа прошло как минимум восемь месяцев, допустимые сроки регистрации истекли, постольку приказные подьячие документ к регистрации не приняли. Между тем служилых людей отправили в Закамье и Приуралье на подавление восстания, вызванного майскими указами 1681 г., поставившими под угрозу феодальные права землевладельцев-мусульман. Заниматься отстаиванием прав помещиков на сенные покосы было некому и дело застопорилось.

В это же время монастырские власти не бездействовали, а перешли в наступление. Как указывает Иван Бегичев, свияжский посадский человек Г.Попов подал судье приказа Казанского дворца боярину князю Ивану Борисовичу Репнину челобитную, составленную им самим от имени архимандрита. В ней были оклеветаны дворяне и дети боярские села Бусурманская слобода: утверждалось, что они уничтожают межевые признаки и разоряют монастырские вотчины. Отмечая вымышленный характер обвинений, прозвучавших в заявлении Г.Попова, служилые в своей челобитной указали на отсутствие упоминаний имен дворян, детей боярских и посадских людей, якобы опустошавших монастырскую вотчину, на факт лже-свидетельствования (дачу «скаски» самим Г.Поповым под видом монастырского служки Никиты Московского, который в то время находился за пределами Москвы), на утаивание факта присылки в Казань указа, послушной грамоты и обращений служилых, свидетельствующих об ином характере развития событий, и развенчали истинную цель Гавриила. Расчет владыки и на этот раз был до гениальности прост и неоднократно испытан на практике: он хотел добиться проведения разграничения владений в отсутствие служилых. Проведение такой акции и получение удостоверяющего документа (межевой выписи) гарантировало бы монастырю возможность эксплуатации лугов в течение определенного времени (даже если впоследствии была бы доказана нелегитимность межевания) и служило аргументом, удостоверяющим их права в отстаивании своих прав на спорные угодья в воеводском суде.

Тогда как Иван Бегичев «с товарищи» апеллировали к межевым признакам, зафиксированным писцами Н.В. Борисовым и Д.А. Кикиным. Согласно регистрации правительственных уполномоченных, пашни и лес деревень Савино и Медведково располагались лишь по одной (нагорной) стороне реки Сулицы, не были пойменными и граничили с владениями помещиков. Площадь пашни, отведенной монастырским крестьянам, была небольшой, что заставило их вести активное хозяйственное освоение леса, как своего, так и принадлежащего посадским людям и помещикам. Затем они завладели выморочными поместными землями и стали претендовать и на пойменные луга. Архимандрит добивался и уповал на новое размеже-

вание, ибо прекрасно понимал, что узаконение приобретений монастырских крестьян и документальное подтверждение границ их владений затруднило бы доказательство своей правоты служилыми и привело бы, в лучшем случае, к затягиванию рассмотрения дела. А если учесть, что в процессе неизбежной смены поколений нередко происходила утрата документов и доказать свое право на поместье становилось крайне сложно, острота потерь угодий постепенно притуплялась, человек свыкался с мыслью о бесповоротности произошедшего захвата и... земли оставались у захватившей их стороны.

В рассматриваемом случае дворянам и детям боярским села Бусурманская слобода удалось не допустить размежевания, обратив внимание на неправомочность предъявления прав на обладание землями, нотариально закрепленными за помещиками. По составленному не позднее весны 1684 г. обращению И.Бегичева «с товарищи» из приказа Казанского дворца в Свияжск была отправлена предлагаемая вниманию читателя грамота, уцелевшая без начальных листов. Из документа видно, что челобитная дала новый толчок к рассмотрению земельной тяжбы, в которой судья приказа Казанского дворца был склонен поддержать представителей провинциального дворянства.

Согласно публикуемой грамоте, порядок расследования (сыска) земельного конфликта предполагал: 1) получение казанским митрополитом Иоасафому архимандрита и казначея свияжского монастыря «сказок» с ответами на вопросы о принадлежности лугов, причинах игнорирования архимандритом царского указа, грамот, Соборного уложения, челобитных служилых, о причинах превышения им своих полномочий (измерение лугов без отводчика), о времени зарождения конфликта; 2) расспрос и получение показаний («сказок») у главных фигурантов-исполнителей захвата поместных земель – у Никиты и Марка Яндовитков и Герасима Урущенка – и других участников незаконной эксплуатации помещичьих лугов и противоправных действий в отношении поместных людей и крестьян. Допрашиваемые должны были ответить на вопросы о том, кому изначально (помещикам или монастырским крестьянам) принадлежали луга, принимали ли они личное участие в первоначальном (к селу Бусурманская слобода) и недавнем несанкционированном (монастырским деревням) отводах земли, являются ли спорные земли пойменными лугами или пашенными; 3) получение информации о конфликте у окрестных жителей, независимо от их чина; 4) организацию в случае необходимости очной ставки наиболее активных участников захвата с другими крестьянами-старожилами.

После сбора нужных сведений (расследования) воевода должен был вынести решение по делу с учетом требований Соборного уложения, Новоуказных статей, информации писцовых, отдельных и отказных книг, а также других документов, удостоверяющих права владения, и наказа. Провести размежевание поместных земель от монастырских деревень с обновлением межевых признаков и устройением при надобности новых

«граней и признаков», разрешая при этом спорные ситуации. Описание и межевание владений следовало отразить в соответствующих книгах.

Нельзя не обратить внимания еще на два момента, фигурирующих в публикуемой указной грамоте. Во-первых, это предписание о необходимости изолирования архимандрита, казначея и монастырских служек на время проведения расследования. Им было запрещено находиться в Свяжске, определение места их временного пребывания должен был произвести судья приказа Казанского дворца. Источник свидетельствует, что судья не исключал возможности давления и устрашения крестьян со стороны архимандрита, казначея и служек. Во-вторых, это возможность предъявления требований о компенсационных выплатах за причиненный ущерб, которой помещики планировали воспользоваться. В своей челобитной они известили о своем намерении представить списки лиц, пострадавших от действий монастырских людей и крестьян, с указанием суммы потерь и ущерба.

Одним словом, указная грамота отражает характерную для рассматриваемого периода времени картину обострения борьбы за землю, способы и средства (в известной степени агрессивное поведение зависимых людей), используемые для закрепления угодий, самовольно захваченных конкурирующей стороной. Источник указывает на бедность свияжских дворян, правда, еще продолжающих нести «сотенную» службу. На заинтересованность властных структур в сохранении «поместной системы». Помогает воссоздать истоки и этапы развития земельного конфликта между монастырем и провинциальными дворянами, ставшего следствием земельного дефицита. Грамота подтверждает использование в судебной практике не только норм Соборного уложения, но и Новоуказных статей, материалов валовых описаний и специального документирования.

ДОКУМЕНТ

1684 (7193) сентября 18. Указная грамота приказа Казанского дворца (от имени царя Ивана Алексеевича) в г. Свяжск воеводе Постнику Григорьевичу Огареву (по челобитью Ивана Бегичева «с товарищи» о расследовании тяжбы между архимандритом Свяжского Успенье-Богородицкого монастыря и помещиками о земле села Бусрманская слобода Свяжского уезда⁵

[...]рнилова приезд[у Ва]⁶силия [...] же владел и сена косил по вся годы. А про насилство и про приезд на их поместные дачи и на сенные

---

⁵ Текст передан в соответствии с правилами издания исторических документов XVII века (см.: *Правила*, 1990), но без перегрузки его знаками препинания (запятыеми).

⁶ Здесь и далее восстановлено по контексту.

покосы монастырских вотчинных крестьян деревни Савины Микишку да Марчка⁷ Ендоветковых да Микишку Угольниковова с товарищи во многом собрании и в приезде на сенные их Ивановы покосы с товарищи, и в насилии, и в разорении и прежние роспросные речи тех крестьян и приводное дело, и ево Иваново челобитье из Свяжска взять в Казань и указ учинить против их челобитья по всем статьям, до чево доведетца.

И о высылке // (л. 401) тех крестьян [по]слушная грамота⁸ брата [нашего бла]женные памяти великого государя [царя и великого князя Федора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца] грамоте в Свяжск к стольнику нашему и воеводе Кондратью Грушецкому послана. А что учинено будет, и о том велено писать в приказ Казанскаго дворца. И по той брата нашего блаженные памяти великого государя грамоте в Казани, что учинено ль, и о том ис Казани не писывано.

И ныне били⁹ челом нам великим государем свияжена дворяне и дети боярские села Босурманской слободы помещики Иван Бегичев с таварыщи. В прошлых де годех по указу блаженные памяти великого государя царя и великого князя Иоанна Васильевича всеа Росии самодержца дано село Босурманская слобода из дворцовых сел в поместье со крестьяны и с пашнею¹⁰, и с санными покосы, и с лесом, и со всеми угоды прежним новым свияжским отставленным жилцом шти человеком вверх по Сулице реке. А кому имяны и по скольку четьи пашни и санных покосов по скольку копен дано порознь, и лесу поверсного к тому селу, и то де написано за ними в дачах в старых в писцовых книгах писцов окольничего Микиты Васильевича Борисова да Дмитрея Кикина с товарищи 74-го и 75-го годов.

И владели де те помещики тою поместною землею и санными покосы вверх по Сулице реке в лугу и лесом поверстным и всякими угоды и по даче, и по тем писцовым книгам многие годы. И после тех помещиков в том селе пашня с санными покосы и с лесом, и со всеми угоды и отдана в прошлых же годех по указу деда нашего блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всеа Руси и самодержца и по грамотам¹¹ в роздачу их братье свияженам, и испомещено де было их в том селе человек с тритцеть. А кому имянно роздано и в котором году, и то написано за ними в дачах в Свяжску в отдельных и в отказных книгах имянно.

А после де тех прежних¹² по указу отца нашего блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца в том селе та помесная земля с

---

⁷ В слове «Марчка» буква «к» исправлена по ранее написанному.

⁸ В ркп слово «грамота» зачеркнуто.

⁹ В слове «били» буквы «ли» исправлены по ранее написанному.

¹⁰ В слове «пашнею» буква «ю» исправлена по ранее написанному.

¹¹ В левом углу на нижнем поле: «в».

¹² Далее просится слово «дач».

сенными покосы и с лесом, и со всеми угоды и написано в дачах в перечневом писцовом списке писцов¹³ думного дворенина Ивана Михайловича Аничкова да Ивана Франзбекова с товарищи со 154-го году за теми же помещики.

И владели они тою поместною землею и сенными покосы вверх по Сулице реке в лугах, и лесом поверстным, и поместными всякими угоды против дач перечневого писцового списку по тем отделным, по отказным книгам по отводу старожилов Свяжского Богородицкого монастыря вотчинных деревень савинских и медветковских крестьян и Кожевной слоботки бобылеи, и туточных окольных сторонних людеи многие же годы по 164-и год.

А во 164-м и во 165-м годех того села Босурманской слободы¹⁴ многие помещики в моровое поветрие¹⁵. А после их теми выморочными поместьи и пашнею, и сенными покосы в тех же лугах владели по дачам и по отказным же книгам жены и дети их и сродственики. А после которых умерших помещиков жен и детеи, и родственников никого не осталось, а те де их выморочные поместья¹⁶ лежали в пусте, и те де пустовые выморочные поместья в том селе, пашня с сенными покосы и с лесом и со всеми угоды, по указу отца нашего блаженные памяти великого государя и по грамотам отдано вновь им¹⁷ Ивану с товарищи против тово же перечневого писцового¹⁸ списку, каков они список // (л. 403)¹⁹ подали за руками в Приказе Казанскаго дворца.

И владеют де они²⁰ тою поместною землею и сенными покосы по даче со 166-го году по отдельным²¹ и по отказным книгам и по отделу тех же вотчинных монастырских савинских и медветковских крестьян и Кожевной слоботки бобылеи, и туточных и окольных деревень сторонних людеи. А иные де у них владеют тою поместною землею и сенными покосы в тех лугах после дедов и отцов своих прежними их дачами по дачам же и по отдельным и по отказным книгам.

И в прошлых де во 187-м и во 188-м годех Свяжского Богородицкого монастыря архимандрит Гаврил, забыв свое иночество и священство и не опасаяся нашего великих государей указу, учинил он без них заочно им и людем их, и крестьяном самовластное наглое насилие и разоренье, приезжая на те их старинные сенные покосы с вотчинными савинскими и с

---

¹³ В ркп: «писцов».

¹⁴ В слове «слободы» буква «б» исправлена по ранее написанному.

¹⁵ Явно пропущен глагол «померли».

¹⁶ В слове «поместья» буква «о» исправлена по ранее написанному.

¹⁷ В ркп: «и те».

¹⁸ В ркп: «писцового».

¹⁹ На левом поле пагинация: «г».

²⁰ В слове «они» буква «о» исправлена по ранее написанному.

²¹ В слове «отдельным» буква «т» исправлена по ранее написанному.

медветковскими²² и иных деревень скрестьяны со многим собранием и скопом, и те де их сенные покосы велел тем крестьяном подкосить и кошенные сена у людеи и у крестьян их²³ отнять, и их с тех сенных покосов збить, и те сена свести в тое вотчинную в деревню в Савину на монастырские мелницы, не бив челом брату нашему блаженные²⁴ памяти великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу и нам великим государем на них в то время, как они были в Свяжску и жили в домех своих, а на нашу великих государей на службу в Киев были не высланы.

И в прошлом де во 189-м году, приехав они с нашей великих государей службы ис Киева, и в том ево архимандритове Гаврилове самовластном насилии и в разорении их, в отъеме тех своих поместных дач, в сенных покосех и в поместном своем поверстном и в грацских лесах, что владеет де теми лесами тако же де насилством вотчинные савинские и медветковские крестьяня и села Моркваш помещики, и людеи де и крестьян их²⁵ // (л. 404) в том их поверстном и в грацском лесу грабят повся годы, лошади и топоры, и платье отнимают, и отдают на выкуп. И о том де они били челом брату нашему блаженные памяти великому государю, и нам великим государем подали они на него архимандрита // (л. 405) и на вотчинных савинских крестьян в приказе Казанского дворца боярину князю Михаилу Юрьевичю Долгорукову с таварыщи заручную челобитную. И против де той заручной челобитной послана в Казань брата нашего блаженные памяти великого государя грамота к боярину нашему и воеводам, ко князю Михаилу Алегуковичю Черкасскому с таварыщи.

А по той де брата нашего блаженные памяти великого государя грамоте велено им с ним архимандритом Гавриилом и с вотчинными савинскими крестьяны с Микишкою да с Марчкою Ендоветки²⁶ с таварыщи и со всеми деревенскими людьми против их челобитья в таком ево самовластном насилии и в разорении по всем статьям наш великих государей указ учинить по Соборному уложению и против тех старых писцовых книг 74-го году. А тех де савинских крестьян Микишку Яндоветка²⁷ и таварыщи, всех деревенских крестьян²⁸, взять в Казань к роспросу. И об отдаче де тех крестьян послана в Свяжск брата нашего блаженные памяти великого государя²⁹ послушная грамота.

---

²² В слове «медветковскими» буква «о» исправлена по ранее написанному.

²³ В слове «их» буква «х» исправлена по ранее написанному.

²⁴ В слове «блаженные» буква «б» исправлена по ранее написанному.

²⁵ На левом поле в нижнем углу пагинация: «д».

²⁶ В слове «Яндоветки» буквы «Ян» исправлены по ранее написанному.

²⁷ В слове «Яндобетка» буква «е» исправлена по ранее написанному.

²⁸ В ркп слово «крестьян» зачеркнуто.

²⁹ В слове «государя» буква «д» исправлена по ранее написанному.

И против де той брата нашего блаженные памяти великого государя грамоты били челом они, а в Казани в приказной полате подали об указе две челобитные в розных числах, чтоб архимандрита Гавриила против той брата нашего блаженные памяти великого государя грамоты и их челобитья прежде допросить по иноческому обещанию и по священству, и о том взять у него скаску к подлинному розыску и к роспросным речам вотчинных³⁰ савинских и медветковских крестьян. И против де той грамоты и их челобитья выписано.

И он де архимандрит Гавриил³¹ вымыслом своим и составом иногородца приезже[го] человека свияжского посацкого тяглеца Ганьки Попова, что он Ганька, составя ему, написал две челобитные. И те де челобитные подал он архимандрит Гавриил, не приложя руки, и тое выписки против их челобитья тем своим вымыслом и челобитьем и составом Ганьки Попова остановил для того, чтоб ему против их челобитья скаски не дать тех де вотчинных савинских крестьян Микишки Ендоветка с таварыщи, всех деревенских и медветковских, к роспросу в Казань и солдат³² и во всем их укрыл, уведав то, что боярину нашему князю Михаилу Алегуковичю Черкасскому в том году сказана перемена³³, а им де сказана была наша великих // (л. 406) государей верховая служба.

А у них де про такое ево архимандритово самовласное наглое насилие и розыск будет против евоскаски, и после крестьянского³⁴ роспросу теми ж крестьяны и околних деревень всяких чинов сторонними людьми, потому что де в том селе помесную землю и сенные покосы в тех лугах отводили прежним помещиком до морового поветрия, а им против дач те медветковские и савинские крестьяне и Кожевной слободки бобыли, и отдельные де и отказные книги за их руками в Свяжску в приказной избе.

А как де то село Бусурманская слобода из дворцовых сел дано в поместье с теми сенными покосы³⁵ и с поверсным лесом, и со всеми³⁶ угодьи, и тому де будет ныне со сто з дватцать лет. А спору де никакова в такие многие годы с прежними помещики и з другими, и с ними от прежних архимандритов³⁷ и от него архимандрита Гавриила, и о тех вотчинных савинских и медветковских крестьянех истари не бывало до таковаево архимандритова самовласного³⁸ наглого насилия и отъему.

³⁰ Далее зачеркнуто: «крестьян».

³¹ Имя написано дважды.

³² Слово, возможно, написано ошибочно, или здесь допущен пропуск.

³³ В слове «перемена» вторая буква «е» исправлена по ранее написанному.

³⁴ В слове «крестьянского» последняя буква «о» исправлена по ранее написанному.

³⁵ В слове «покосы» буква «к» исправлена по ранее написанному.

³⁶ В слове «всеми» буквы «е» и «и» исправлены по ранее написанному.

³⁷ В ркп: «архимандритех».

³⁸ В ркп: «савласного».

А в прошлом же де во 189-м году прислана в Свяжск брата нашего блаженные памяти великого государя грамота³⁹. И по той де грамоте сказано в Свяжску таким савластелем и насильником всяких чинов людям и вотчинником, и помещиком всем вслух, и клич кликал на торгу по многие дни, чтоб такие савластели в помесных своих и вотчинных землях, и в сенных покосех, и во всяких угодьях насилия сваи и споры, и грабежи все отставили до писцов⁴⁰. И впредь бы⁴¹ они за таким указом отнюдь ништо меж себя и люди их и крестьяне, такова насилия, грабежу и боев, некоторыми делами не чинили.

И он де архимандрит Гавриил, ведая в том брата нашего блаженные памяти великого государя указу и грамоту, того указу не убоясь и подобострастия себе не имея, учинился непослушен и поставил себе ни во что. Забыв свое тако же иночество и священство, за таким указом учинился он архимандрит Гавриил такое ж самовластное свое⁴² насилие⁴³ и разорение им и людям их и крестьяном, высылал на те же их помесных дач на санные покосы⁴⁴ того же монастыря⁴⁵ казначея старца Паисия с служками и с конюхами, и з детеныши⁴⁶, и с вотчинными монастырскими⁴⁷ савинскими и медветковскими и иных деревень с крестьяны со многим собранием и скопом з двести человек и болши нарядным делом. //

(л. 407) Тот де казначей, выехав с таким многим собранием, учинил на тех их санных покосех стан, полатку розоставил и выежжал не по⁴⁸ одно время. А служек де и конюхов и детенышев поставил в разных местах по кустам на стороже с теми вотчинными крестьяны человек по дватцать с ружьем, и приказал де им их и людеи их и крестьян на тех их старинных санных покосех, чаяли бохто из них с людьми и со крестьяны для козьбы выедут, бить и грабить, а те де их санные покосы косить тако же насилем.

Да он же архимандрит Гаврил после того казначеева выезду выезжал сам на те их санные покосы и на помесную землю с теми же служками и сконюхи, и с крестьяны со многим собранием, и угрожал в то время, выежая, им всякими своими поклепными иски. И похваляетца у них и достальные их санные помесной дачи санные покосы и помесную землю⁴⁹ отнять, надеючись на мочь свою и многолюдство, видячи их конечную

---

³⁹ В слове «грамота» вторая буква «а» исправлена по ранее написанному.

⁴⁰ В ркп: «писцовых», далее зачеркнуто: «и в переписных».

⁴¹ В ркп первоначально: «быть».

⁴² В ркп первоначально: «своего».

⁴³ В слове «насилие» буква «н» исправлена по ранее написанному.

⁴⁴ В слове «покосы» буква «ы» исправлена по ранее написанному.

⁴⁵ В слове «монастыря» буква «я» исправлена по ранее написанному.

⁴⁶ В слове «детеныши» буквы «тены» исправлены по ранее написанному.

⁴⁷ Далее зачеркнуто: «крестьяны».

⁴⁸ В предлоге «по» буква «п» исправлена по ранее написанному.

⁴⁹ В слове «землю» буква «з» исправлена по ранее написанному.

скудость и безмочство, что де многие после их братьи помещиков остались жены-вдовы да дочери девки.

Да тех же де их сенных покосов косили воровские на себя насильством те же савинские крестьяня Микишко Яндовенок з братом да Гараска Урущенок⁵⁰ с товарищи, все деревенские и медветковские крестьяня и Кожевной слободки бобыли, разделя меж собою. А в ыных де местах косили служки монастырские повся годы. И теми де сенными покосы они архимандрит Гаврил и казначеи старец Паисеи торгуют, отдают в ыных местах из наиму косить. И владеют они теми их сенными покосы⁵¹, отняв самовласно наглостию сваею, пятой год. А иных де таким своим насилем и наглостию разорил вконец. И учинили де они их и впредь нам великим государем не слугами, потому что де в те годы лошади у них и у людеи и у крестьян их и всякая животиная без сена з голоду от⁵² безкормицы померла.

И о том де⁵³ они били челом нам великим государем, а в Свияжску столнику Кондратью⁵⁴ Грушецкому, как он был воеводою, подавали в приказной избе три челобитные в розных числех. И на дворе де, приходя к нему, били челом, чтоб он против их челобитья на их сенные покосы для поимки тех воров савинских и медветковских крестьян послал приставов и служилых людеи, и велел бы их на козье и на стороже переимать, и против их челобитья // (л. 408) распросить в приказной избе порознь. А те их сена, что они косили воровски за нашим великих государей указом и за грамотами, и за их челобитьем, отписать до нашего великих государей указу и до розыску, чтоб они тех сен к себе без указу не возили и впредь бы теми их сенными покосы не владели. И в том бы их дать на поруки.

И стольник де Кондратеи Грушецкой челобитен у них на тех крестьян не принимал, дружа архимандриту Гавриилу⁵⁵ да казначею старцу Паисею для того, что де он ездил в тое вотчинную деревню Савину с ним архимандритом вместе и пировал у него в той деревне Савине в то время, как казначеи выезжал с таким со многим собранием и скопом с теми савинскими и мидветковскими⁵⁶ и иных деревень с крестьяны нарядным делом и стоял де на тех их сенных покосех станом, и в том де он Кондратеи не норовил, а тех крестьян в таком их воровском выезде и в собрании укрывал и для своих взятков. И послушной грамоты брата нашего блаженные памяти великого государя царя⁵⁷ о высылке в Казань тех савинских крестьян у них не принял. И в то де время, как они Иван Бегичев с товарищи

⁵⁰ В слове «Урущенок» первая буква «у» исправлена по ранее написанному.

⁵¹ В слове «покосы» буква «с» исправлена по ранее написанному.

⁵² В предлоге «от» буква «о» исправлена по ранее написанному.

⁵³ В частице «де» буква «е» исправлена по ранее написанному.

⁵⁴ Далее зачеркнуто: «Фокичу».

⁵⁵ В слове «Гавриилу» слог «Га» исправлен по ранее написанному.

⁵⁶ Так в ркп.

⁵⁷ Слово «царя» зачеркнуто.

били челом, и против их челобитья во всем им отказал. И после де своего челобитья, спустяся месяц и больши, подали они на него архимандрита и на казначея, и на тех савинских и медведковских крестьян, и Кожевной слоботки на бобылеи явочную заручную челобитную ему же стольнику Кондратью Грушецкому.

И он де Кондратеи, приняв у них тое явочную челобитную, в то время, как они подали, и того числа в приказной избе подписать дьяку при них не отдал. И взял де из приказные избы с собою и держал у себя на дворе многое⁵⁸ время. А им не отдал, дружа им архимандриту и казначею и ездя к ним в монастырь не по одно время⁵⁹, и у себя на дворе тое челобитную вычитать им давал. И держал у себя на дворе и велел подписать прежним числом // (л. 410) в сентябре месяце. А отдал он Кондратеи тое челобитную явочную подписную в феврале месяце в последних числах.

И он де тое⁶⁰ челобитную, взяв у Кондратья⁶¹ Грушецкого на дворе, и отдавали записать в книгу в приказной избе подьячим Мине Зубову да Миките Автамонову. И те де подьячие тое явочные челобитные записать у них не взяли, потому что месяц и числа от поноровки⁶² стольника Кондратья Грушицкого зачислилось. И та подписная явочная челобитная и доныне у них.

И он де архимандрит Гавриил да казначеи старец Паисеи, ведая то, что та их явочная челобитная на них в приказной избе в книги не записана и отдана им испустя время, а писцы де в Свияжск в том году отставлены до нашего великих государей указу, а они де⁶³ в то время высланы из Свияжска на нашу великих государей службу против изменников-башкирцови были в розных полках, и без них де побить челом было нам великим государем на них архимандрита Гавриила⁶⁴ и на казначея, и на вотчинных савинских и медветковских крестьян против той грамоты об розыску и об указе некому, и он де, рнясь прежнему их челобитью и явочной челобитной, похваляетца те их сенные покосы нынешнее лето тако ж самовласно насилием своим и собранием теми савинскими и медветковскими крестьяны наглостью косить, надеясь на домовую монастырскую мочь, а на свою дачю. Умысля то, чтоб ему челобитием своим и составом Ганьки Попова и похвальными // (л. 411) своими словами, застращав их в том деле, и такого своего насилия отбыть, а теми б их старинными сенными покосы в тех лугах завладеть какою домовою мочью и многолюдством вечно к той деревне Савине, видечи их безмочство и скудость.

---

⁵⁸ В слове «многое» буква «м» исправлена по ранее написанному.

⁵⁹ В слове «время» буква «в» исправлена по ранее написанному.

⁶⁰ В ркп далее: «челобит».

⁶¹ В имени «Кондратья» буквы «ат» исправлены по ранее написанному.

⁶² В слове «поноровки» буквы «ро» исправлены по ранее написанному.

⁶³ Частица «де» исправлена по ранее написанному.

⁶⁴ Далее зачеркнуто: «и на н».

Да он же де архимандрит Гавриил, учиня им без них заочно и людем и крестьяном их токое свое самовластное насилие с теми савинскими и медветковскими и иных деревень крестьяны и уведав о том на себя их челобитье, что послана в Казань брата нашего блаженные памяти великого государя грамота против их Иванова челобитья Бегичева с товарищи об розыску и об указе, и после де той их грамоты и их челобитья, спустя многое время, бил челом он архимандрит нам великим государем, а в приказе Казанского дворца боярину нашему князю Ивану Борисовичю Репнину с товарищи. И подал челобитную за него архимандрита заочно, написав евоимянем з братьею, тот же свияжской посадкою тяглец Ганька Попов, тако же вымыслом и составом своим.

А в челобитной де написал, что будто вотчинным монастырским крестьяном и бобылям, и рыбным ловлям, и санным покосом, и всяким угодыям от свияжен дворян и детеи боярских, и всяких чинов служилых людеи чинитца налога и разорение большое, и грани⁶⁵ де будто на той их вотчинной земле по ненависти многие вырублены и выжжены, и выкрадены. А в которой вотчинной деревне и от кого имяны от дворян и детеи боярских, // (л. 412) ото всех свияжских помещиков или от кого от грацких жителей такое разорение чинитца, или от них, и того де имянно в той ево челобитной не написано. И таким де своим заочным ложным челобитьем и составом Ганьки Попова их братью свияжен дворян и детеи боярских и их безчестит напрасно. И против де того челобитья выписано.

И у выписки де скаску дал заочно подставою того же монастыря слушки Микиткиным имянем Московского он же Ганька Попов, и руку в ево место приложил (а того же слушки Микитки в то время и на Москве не было), чтоб де ему Ганьке против той челобитной и выписки и скаски своеи подставного писма взять в Свияжск же нашу великих государей грамоту межевую ево архимандрита Гаврииловым имянем з братью по ево приказу, утая наш великих государей указ и тое грамоту, и их челобитье для того, чтоб де ему архимандриту таким своим вымыслом и челобитьем, и составом, и того Ганьки Попова и подставною ево заочною скаскою те их помесной дачи санные покосы в том лугу, отняв у них самовластно наглостью, отмежевать тако же без них заочно к той деревне Савине, хотя вменить в поверсной лес.

И то их ложное челобитье и составное заочное письмо Ганьки Попова оспорено, и нашей де великих государей межевые грамоты в Свияжск не послано за челобитьем их, потому что де послана в Казань брата нашего блаженные памяти великого государя грамота на него архимандрита Гавриила и на савинских и медветковских крестьян в таком их разорении прежняго⁶⁶ их составного заочного челобитья. А они де тое грамоту // (л. 413) в челобитье своем утаили.

⁶⁵ В слове «грани» буква «р» исправлена по ранее написанному.

⁶⁶ В слове «прежняго» буква «я» исправлена по ранее написанному.

А поверсной де лес той деревни Савины написан в писцовых книгах окольного Микиты Васильевича Борисова да Дмитрея Кикина с товарищи около поль. А поля той деревни Савины и деревни Медветковы вверх по Сулице реке на Нагорной стороне смежно с их помесною землею. А дачи де той их земле деревни Савины и деревни Медветковы написаны в тех писцовых книгах небольшие⁶⁷. И те де ево поля пишут они и доньне по одной стороне той реки Сулицы, а не обе стороны. И тот де ево по версной лес против тех писцовых книг и дач около поль вычистили весь. И тем своим прежним полям те савинские и медветковские крестьяня на пашню же и сверх де того своего лесу и их помесной и грацкой лес многои розчистили х тем же своим полям тако же на пашню. И тем их помесным и граненым лесом владеют они насильством и доньне.

И помесной де их земли после прежних помещиков и морового поветрия, как та земля лежала в пусте, а им де не роздана была, завладели той деревни Медветковы крестьяня и припахали де они во многих местех своей земле. И в прежнем де их Иванове челобитье Бегичева с товарищи и в заручной челобитной, какову они подали в приказе Казанского дворца в прошлом во 189-м году, то их самовластное насилие и дачи тех деревень поля и лес, и сенные покосы написаны у них имянно против тех же писцовых книг. И ныне де им и всяких // (л. 414) чинов грацким жителем и крестьяном их для дров и всяких своих домовых нужд в тот их помесной и в грацкой лес от тех савинских и медветковских крестьян и от морквашских помещиковых людей и крестьян от такова их насилия и от грабежу выезду для дров не стало, в тот их помесной и в грацкой лес никого безъявочно они не пускают, грабят повся годы. И они де, и грацкие жители, и люди и крестьяня их, видя такое их насилие и грабеж, дрова и всякой лес покупают на торгу дорогою ценою, и от того де разорились они вконец.

А те их помесных дач сенные покосы вверх по той же Сулице реке на другой стороне той реки в лугу поемные места, а не пашенные, пой имеет по вся годы вешнею полою водою. А в тех де писцовых книгах 74-го и 75-го годов написаны те сенные покосы к помесным дачам к пашенной земле имянно в лугу, подо всякою дачею, кому на сколько копен дано. И владели де против тех писцовых книг прежние помещики, и после их они, по дачам. И про то де ведают окольных деревень всяких чинов многие сторонние люди, которые живут около тех сенных покосов по блиску.

А деревни Савины крестьяня теми де сенными покосы в тех лугах истари не владели до такова самовласного ево насилия и отъему. И то ево архимандритово самовластное насилие и тех савинских и медветковских крестьян такое ж⁶⁸ наглое их воровство⁶⁹ явно. И челобитьем де своим он

---

⁶⁷ В слове «небольшие» буква «ш» исправлена по ранее написанному.

⁶⁸ Частица приведена над строкой и исправлена по ранее написанному.

⁶⁹ В ркп: «доровство».

архимандрит Гавриил и составом Ганьки Попова // (л. 415) то свое насилие обличил и в том де с прежним своим челобитьем во всем разнился.

И за таким ево неправым челобитьем по тои брата нашего блаженные памяти великого государя грамоте указу и розыску против их челобитья в том с ним архимандритом Гавриилом с теми савинскими и медветковскими крестьяны им в Казани не учинено за ево спором и за их службами. А сколько де в том селе в дачах пашни и сенных покосов де и лесу, и то написано против тех писцовых книг и перечневого писцового списку в прежнем их челобитье и в заручной челобитной имянно.

И нам великим государем пожаловати б их, велети ево архимандрита Гавриила и казначея старца Паисея против сего их и прежняго челобитья и заручной челобитной преже допросить порознь преосвященному Иоасафу митрополиту Казанскому и Болгарскому по иночискому⁷⁰ обещанию и по священству, хто истари теми сенными покосы в тех лугах до такова ево насилия преже владел и косил по вся годы, и почему он брата нашего блаженные памяти великого государя указу и грамотам учинился не послушен и поставил себе ни во что, ведая о таком насилии наш великих государей указ и Соборное уложение и грамоты, что присланы в Казань и в Свяжск о таких самовластелех и сильниках, чтоб впредь такова насилия и отъему, и грабежу такие вотчинники и помещики, и люди их и крестьянни хто меж себя не чинили⁷¹.

И он де архимандрит и за таким нашим великих государей указом и за грамотами, (л. 416) и за их челобитьем и доньне им чинит и, отняв, выезжая с своим со многим собранием и многолюдством с вотчинными крестьяны, косит по вся годы. И для чего он теми их сенными покосы, выезжая с савинскими крестьяны, меряли вервью бес отвотчика тако же насилием, и челобитье их о тех сенных покосех на них, что де они владеют помесным дачам к тому селу Бусурманскои слободе, преж такого насилия, о том отцу нашему блаженные памяти великому государю от них архимандрита на них было ль, и о том взять у них скаски за руками и о допросе их послать к преосвященному Иоасафу митрополиту Казанскому и Болгарскому нашу великих государей грамоту. И тое их скаску прислать в Свяжск к подлинному розыску.

А савинских крестьян Микишку да Марчка Яндовитков, да Гаранку Урущенка с товарищи всех деревенских⁷² медветковских крестьян в таком их воровском собрании и в выезде на те их сенные покосы, и в насилии, и в разорении их роспросить в Свяжску в приказной избе // (л. 417) порознь. Теми сенными покосы в тех лугах хто истари владел⁷³ и косил повся годы, помещики ль того села Бусурманские слободы, или они савин-

⁷⁰ В слове «иночискому» буква «н» исправлена по ранее написанному.

⁷¹ В слове «чинили» буква «н» исправлена по ранее написанному.

⁷² В слове «деревенских» буквы «ских» исправлены по ранее написанному.

⁷³ В слове «владел» буквы «ль» исправлены по ранее написанному.

ские крестьяня к той своей деревне⁷⁴ владели? И в одводе де на тех сенных покосах прежним помещиком и после их им они савинские и медветковские крестьяня были ль? И те сенные покосы поемные места или пашенные?

А после ево архимандритовы и⁷⁵ казначее выскаска и роспросных речеи, крестьянских речеи велели б про такое самовластие их и насилие, и про выезд их архимандритов и казначеев на те их сенные покосы со многим собранием с савинскими и медветковскими и иных деревень с крестьяны и про разорение их против сего их и прежняго челобитья и заручной челобитной про все розыскать в Свяжску тебе думному нашему дворянину и воеводе Поснику Григорьевичю тут очними и окольных⁷⁶ деревень всяких чинов людьми, которые живут около того села Бусурманской⁷⁷ слободы и сенных их покосов поблиску.

И поблиску против ево архимандритовы и казначеевы иноческие скаски и роспросных речеи по их⁷⁸ крестьян в таком их самовластном наглom насилие и во владении тех сенных покосов с ним архимандритом и казначеем, и в помесном поверсном⁷⁹ их и в грацьком лесу во владении тех деревень с крестьяны, и в таком их воровском выезде на те их сенные покосы велети бс ними наш великих государей указ учинить по нашему великих государей указу и по Соборному уложению, и по Новоуказным статьям, и нашей великих государей грамоты, что прислана в Свяжск о таких самовластелех и сильниках, чтоб они впредь такова насилья им и людем их и крестьяном таким своим выездом и собранием, и многолюдством с теми вотчинными крестьяны разорения никому не чинили⁸⁰ и такому нашему великих государей указу и грамотам были подобострастны и послушны.

А будет сверх того розыску и скаски архимандритовы и казначеевы и роспросных речеи тех савинских и медветковских крестьян доведетца очная ставка, и им дать очную ставку на тех их сенных покосах с теми савинскими и медветковскими крестьяны с Микишкою да с Марчкою Ендоветки, да з Гаранкою Урущенком с таварыщи со всеми их деревенскими людьми порознь, опричь архимандрита Гавриила и казначея и служек монастырских для того, // (л. 418) что тех деревень савинские и медветковские крестьяне старожилы и были в одводе на той их помесной земле и на тех их сенных покосах. А на очной де ставке такое их наглое насилие и разорение, и воровство они уличат.

---

⁷⁴ В слове «деревне» последняя буква «е» исправлена по ранее написанному.

⁷⁵ Союз «и» исправлен по ранее написанному.

⁷⁶ Слово «окольных» исправлено по первоначальному «окольными людьми».

⁷⁷ В слове «Бусурманской» буква «о» исправлена по ранее написанному.

⁷⁸ В ркп: «ех».

⁷⁹ В слове «поверсном» буква «с» исправлена по ранее написанному.

⁸⁰ В слове «чинили» буква «л» исправлена по ранее написанному.

И тое де их помесную землю в том селе против дач и с примерною и с росчисною землею, и те сенные покосы в том лугу помесных их дач, и леса помесные их и грацкои, и всякие их угодыя против писцовые книги писцов околничего⁸¹ Микиты Васильевича Борисова да Дмитрея // (л. 419) Кикина с товарищи 74-го и 75-го годов по прежним межам и урочищам и по отделным их и по отказным книгам отмежевать, и грани с признаки ж учинить от тех вотчинных савинских и медветковских крестьян и от помесных земель к лесу села Моркваш.

А которые де сенные покосы даны из них кому особ в поместье за четвертную пашню после их же братьи свияжен в тех же лугах, и владеют они по отделным же и по отказным книгам, и на тех де сенных покосах⁸² вновь грани поставить впредь для спору. А будет де в тои их поместной земле и в сенных покосах, и в поместном их и в грацком лесу учинитца у межеванья меж ими с теми вотчинными савинскими и медветковскими или с помещиковыми села Моркваш с крестьяны какой спор, а старожилов и сторонних знающих людей на тот поместной их и грацкои лес на те межи и на прежние грани никого не будет, и тот их поместной лес велети б измерять в версты. А поместную землю против дач и четвертеи с примерною и с росчисною землею, тако же измеряв десятинами, и сенные их покосы поместных дач и грацкои лес по тем старым писцовым⁸³ книгам по прежним урочищам по тому же отмежевать, грани вновь учинить, чтоб им и людем их и крестьяном и грацским и посацким жителем в тот их поместной и в грацкои лес для⁸⁴ дров и всяких своих домовых нужд повольно было посылать и ездить.

А те писцовые и межевые книги в Свяжску в приказной избе, и отдельные де и отказные их книги и против писцового перечневого списку Ивана Франзбекова с товарищи и их дач в Свяжску в приказной избе и доньне.

А как де о том против их челобитья розыску и роспрос крестьяном будет, и в то сыскное время архимариту Гавриилу и казначею Паисию, и слушкам монастырским Лучке Петрову, Микитке Московскому, Ивашку Захарову, Ивашку Якимову с товарищи // (л. 420) в Свяжску быть не велеть. А велети б им в то сыскное время быть, где мы великие государи укажем, покамест в Свяжску тот сыск вершитца, потому чтоб архимандрит и казначеи у того сыску чего тако же домовою манаытърскою мочью и дачею не учинил, тех своих домовых служек для скупы и наговору тех сторонних людей и для устрастия никого⁸⁵ по деревням тако же утайкою

⁸¹ Далее зачеркнуто: «Васильевича».

⁸² В слове «покосах» буква «а» исправлена по ранее написанному.

⁸³ В ркп: «писцовым».

⁸⁴ В ркп: «дря».

⁸⁵ В слове «никого» первая буква «о» исправлена по ранее написанному.

не посылали, видечи их такое разорение и безмочство. И тому дать им в Свяжску нашу великих государей межевую грамоту.

И те де их сенные покосы, что они, отняв у них насильством своим и наглостию⁸⁶, и косили те их вотчинные савинские и медветковские крестьяне и владели пять лет, велети б отписать их до нашего великих государей указу и до подлинного розыску и отводу, чтоб они впредь таким своим самовластным насилем и теми савинскими и медветковскими и иных деревень крестьяны тех их сенных покосов, тако же за указом, не косили и им бы разорения тем не чинили.

А что де преж того им и людем, и крестьяном их и кому имяны архимандрит и казначей с теми слушками и с вотчинными савинскими и медветковскими крестьяны такое разорение⁸⁷ в те пять лет учинили, и тому де они принесут в Свяжску к сыскному делу или к очной ставке имянную заручную роспись с ценою.

И как к вам ся наша великих государей грамота придет, и вы б в нашу отчину в Казань к боярину нашему и воеводам ко князю Володимеру Дмитриевичю Долгорукову с товарищи отписали, по грамоте брата нашего блаженные памяти великого государя против челобитья свияженина Ивана Бегичева с товарищи Свяжского Богородицкого монастыря архимандрит Гаврил и монастырские вотчинные савинские и медветковские крестьяны допрашиваны ль? И розыск какой был ли? И указ какой учинил ли? // (л. 421) А будет по Иванову челобитью Бегичева с товарищи в Казани розыску никакова не было и указу не учинено, и вы б против челобитья свияжен Ивана Гаврилова сына Бегичева с таварыщи о розыску и о розводе земель и сенных покосов и о лесах и о межеванье и о допросе наш великих государей указ учинили по нашему великих государей указу и по Соборному уложению и по Новоуказным статьям, и по писцовым и по⁸⁸ отказным и по отделным их книгам и по крепостям, и по наказу по их Иванову челобитью Бегичева с товарищи⁸⁹ по всем статьям. А что учинено будет, и вы б о том к нам великим государем писали. А отписку велели подать в приказе Казанского дворца кравчему нашему князю Борису Алексеевичю Голицыну с товарищи.

Писанана Москве, лета 7193-го сентября в 18 день.

А у подлинной грамоты припись дьяка Артемона Афонасьева⁹⁰.

Справа подьячего Данила Воинова.

Источник: *ГА РТ, ф. 191, оп. 1, д. 317 (ранее ф. 10, оп. 5, д. 1178, затем д. 1136), л. 400–421. Список XVII в., без начала, на 22 листах, 168 x 149, 398, 407,*

---

⁸⁶ В слове «наглостию» буква «ю» исправлена по ранее написанному.

⁸⁷ Далее зачеркнуто: «велеть».

⁸⁸ В предлоге «по» буква «о» исправлена по ранее написанному.

⁸⁹ В слове «товарыщи» буква «ы» исправлена по ранее написанному.

⁹⁰ В слове «Афонасьева» вторая буква «а» исправлена по ранее написанному.

411, 61, 412, 424, 418, 93, 394, 396, 415, 415, 415, 417, 409, 316, 402, 110, 410, 407, 416 мм. Сохранность плохая, начало истлело, чернила выцвели. Отреставрирован, первый лист укреплен бумагой XX в., края – калькой. Водяной знак – две разновидности «голова шута» с семью бубенцами на воротнике (схожие см.: Дианова, 1997, № 307, 1658 г. и № 461, 1662–1666 гг.).

Источники и литература

1. *Акты Московского государства*, изданные Императорской Академией наук. Т. 3. СПб.: Тип. имп. Акад. наук, 1901.

2. *ГА РТ*. Ф. 191. Оп. 1. Д. 307 (прежний: Ф. 10. Оп. 5. Д. 1179, док. 3; затем Д. 1137).

3. *ГА РТ*. Ф. 191. Оп. 1. Д. 317 (прежний: Ф. 10. Оп. 5. Д. 1178; затем Д. 1136).

4. *НА РТ*. Ф. 191. Оп. 1. Д. 317 (прежний: Ф. 10. Оп. 5. Д. 1178, затем Д. 1136). Л. 400–421.

5. *РГАДА*. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 6468.

6. *РГАДА*. Ф. 170. Оп. 1. Д. 12.

7. *РГАДА*. Ф. 281. ГКЭ по Казани. Оп. 12. Д. 23/6431.

8. *РГАДА*. Ф. 281. ГКЭ по Свяжску. Оп. 17. Д. 20/11478.

9. *РГАДА*. Ф. 281. ГКЭ по Свяжску. Оп. 17. Д. 22/11480.

10. *РГАДА*. Ф. 281. ГКЭ по Свяжску. Оп. 17. Д. 23/11481.

11. *РГАДА*. Ф. 281. ГКЭ по Свяжску. Оп. 17. Д. 27/11485.

12. *РГАДА*. Ф. 281. ГКЭ по Свяжску. Оп. 17. Д. 29/11487.

13. *РГАДА*. Ф. 281. ГКЭ по Свяжску. Оп. 17. Д. 8/11466.

14. *Габдуллин И.Р.* От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006.

15. *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700). Биографический справочник /отв. сост. Г.А. Иванова. М.: Памятники исторической мысли, 2011.

16. *Дианова Т.В.* Филигранные XVII–XVIII вв. «Голова шута». М., 1997.

17. *Ермолаев И.П.* Казанский край во второй половине XVI–XVII вв. Казань: Издательство Казан. ун-та, 1980.

18. *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI века. М.: Наука, 1988.

19. *Корсакова В.Д.* Список начальствующих лиц в городах теперешней Казанской губернии с 1553 г. до образования Казанской губернии в 1708 г., а также губернаторов, наместников, генерал-губернаторов, управлявших Казанской губернией с 1708 по 1908 год включительно // Известия Общества археологии, истории и этнографии. 1908. Т. 24. Вып. 5. С. 1–18.

20. *Лантева Т.А.* Провинциальное дворянство России в XVII веке. М.: Древлехранилище, 2010.

21. *Материалы исторические и юридические* района бывшего приказа Казанского дворца. Т. 4. Архив Александра Петровича Языкова. Симбирск, 1904; Т. 6. Архивы Сергея Александровича Пантусова и Александра Сергеевича Волкова. Симбирск, 1914.

22. *Научная библиотека* Казанского (Приволжского) федерального университета. Отдел рукописей и редких книг. Ед. хр. 1792/2 и 3.

23. *Научная библиотека* Казанского (Приволжского) федерального университета. Отдел рукописей и редких книг. Ед. хр. 2457/17.
24. *Правила издания исторических документов в СССР*. М, 1990.
25. *Полное собрание законов Российской империи с 1649 года*. Собрание первое. Т. 1. СПб., 1830.
26. *Полное собрание законов Российской империи с 1649 года*. Собрание первое. Т. 2. СПб., 1830.
27. *Прибавления к Казанскому вестнику*. 1829. № 35.
28. *Свод письменных источников по истории Свияжского края*. Вып. 1. Источники по истории Свияжского края второй половины XVI в. / сост. Д.А. Мустафина. Казань: Центр инновационных технологий, 2011.
29. *Соборное уложение 1649 года // Российское законодательство X–XX веков*. Т. 3. Акты Земских соборов. М.: Юридическая литература, 1985.
30. *Списки воевод и дьяков по Казани и Свияжску, составленные в XVII столетии / публ. и предисл. С.И. Порфирьева // Известия Общества археологии, истории и этнографии*. 1911. Т. 27. Вып. 1. С. 65–74.
31. *Халиков А.Х.* Булгар, Казань, татары Поволжья и Приуралья в истории России. Пятьсот русских фамилий булгаро-татарского происхождения. Россия тарихында Болгар, Казан, Идел һәм Урал буе татарлары. Болгар-татарларга бәйләнешле 500 рус фамилиясе. Казань, 1992.

Д.Г. Мостафина

1684 ел грамотасында Зөя Успенье-Богородицк монастыре крестьяннарының агрессив ижтимагый тәртипләренең чагылышы

Басма Идел-Урал төбәге белән идарә итү буенча үзек идарә – Казан сарае приказы грамотасының мәгълүмати потенциалын күрсәтүгә багышлана. Бу бер яктан жирле дворяннары вәкилләре һәм шәһәр дворяннары, бояр балалары белән, икенче яктан Зөя Успенье-Богородицк монастыре крестьяннары һәм бобыльләре белән ижтимагый конфликтның бер очрагының башын, эчтәлеген һәм үзенчәлекләрен тикшерү өчен кирәк.

Бу ижтимагый каршылыklarның тышка чыгуы очрагы шушы конкрет жир низагын күзаллар өчен генә түгел, ә ижтимагый катлауларның бер-берсенә тәэсир итү юлларын, аларның хакимият белән бәйләнешләрен, Чиркәү вәкилләренең дөньяви хакимияткә мөнәсәбәтләрен, XVII гасырда суд производствосы үзенчәлекләрен ачыклау өчен үрнәк булган дигән нәтижә ясала. Грамота тексты Татарстан Республикасы Дәүләт архивының 191 фондыннан алынды.

Ачык сүзләр: Зөя өязе, жир низагы, жирле дворянлык, Зөя Успенье-Богородицк монастыре, монастырь крестьяннары һәм бобыльләр.

D.A. Mustafina

Reflection of aggressive behaviour of SviyazhskUspenie-Bogoroditsky monastery peasants in the charter of 1684

The contribution is devoted to the informative potential coverage of charter from Kazan Palace prikaz, a department of Volga-Ural region management. The article attempts to analyse the origins, content and distinctive features of one of the cases of so-

cial conflict between members of province nobility, city nobility, small landowners (bo-yarskiedeti) for the one part and peasants and landless peasants (bobili) of Sviyazhsk-Bogoroditsky monastery for the other part. It is concluded that the case of social contradiction was prototypical not only for perception of protracted land lawsuit but for determination of the ways social strata influence to each other, their interaction with authorities, attitude of clergy to the secular authorities and for peculiarities of legal proceedings in the 17th century. The text of the charter was extracted from the 191 fund of State Archive of Republic of Tatarstan.

Keywords: Sviyazhsky County, land dispute, provincial nobility, peasants and landless peasants (bobili) of Sviyazhsk-Bogoroditsky monastery

Мустафина Дина Абдулбаровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана, археологии и этнологии Казанского (Приволжского) федерального университета (г.Казань); e-mail: maktub29@yandex.ru

Мостафина Динэ Габделбэр кызы – тарих фәннәре кандидаты, Казан (Идел буе) федераль университетының Татарстан тарихы, археология һәм этнология кафедрасы доценты (Казан шәһәре).

Dina Mustafina Abdulbarovna – Candidate of Historical Sciences, docent, Kazan (Volga region) Federal University.

НОВЫЕ КНИГИ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 29(4)+(5)(049.32)

И.К. Загидуллин

Рецензия на книгу: Логинов А.В. Евразия и ислам.
Евразийский вектор: мусульманская
религиозная и общественно-политическая мысль
о цивилизационном единстве России-Евразии.
М.: Большая Российская энциклопедия, 2017. 343 с.

В новой книге А.В. Логинова впервые в отечественной историографии предпринята попытка анализа мусульманской общественной мысли XIX – начала XXI века в контексте идей евразийства. В отзыве оцениваются подходы автора по раскрытию заявленной темы, отмечаются достоинства и некоторые недостатки, допущенные при анализе трудов мусульманских мыслителей имперского и советского периодов истории России.

Ключевые слова: евразийство, неоевразийство, А.В. Логинов, ислам, мусульманская религиозная и общественно-политическая мысль, исламо-христианское пограничье, И.Гаспринский, модернизация.

После распада СССР тема евразийства заиграла новыми перспективами и гранями. Исторические судьбы тюркских и славянских народов, многовековой опыт их соседского проживания приобрел, помимо культурно-цивилизационного, отчетливое международное звучание. Приметой времени стало, с одной стороны, стремление заинтересованных кругов максимально использовать этот бесценный политический капитал для выстраивания своей линии отношений в геополитике. После распада СССР, который произошел в результате сепаратистских действий «славянских» руководителей РСФСР, Украинской ССР и Белорусской ССР, Нурсултан Назарбаев первым выдвинул обновленные принципы евразийства в качестве новой основы взаимовыгодного сотрудничества республик бывшего Союза. Концепция Президента Казахстана является надежным барьером различным концепциям консолидации государств бывшего СССР по этническому или иному признаку. С другой стороны, активизировалось изучение евразийского феномена в истории российской общественной мысли и поиску истоков евразийских идей и евразийства в историческом прошлом многонациональной и поликонфессиональной России. Одним из активных и признанных специалистов в этой области исторических знаний является А.В. Логинов, автор нескольких монографий.

В своей новой книге А.В. Логинов¹ впервые в отечественной историографии предпринял попытку анализа мусульманской общественной мысли XIX – начала XXI в. в контексте идей евразийства. Свой выбор автор объясняет отсутствием практики рассмотрения джадидизма (за исключением наследия И. Гаспринского) как интеллектуального течения в исламе, повлиявшего на становление евразийской концепции. Другими вескими причинами своего обращения к теме он называет военно-политический кризис и трагические события в северокавказском регионе на рубеже столетий, желание рассмотреть данную тему в исторической ретроспективе (с. 8, 9).

Предметом своего исследования А.В. Логинов определяет «подлежащие анализу мысли, концепции и теории, сформированные в авторских текстах, их оценка исследователями и аналитиками» (с. 195). В действительности, содержание книги намного шире ее названия. Интересными дополнениями стали сюжеты о феномене иранской революции и идеях имама Хомейни о междоцивилизационных отношениях (гл. 5), о турецком неоевразийстве (Нурси, Гюлен и «новые левые») (гл. 9), суждения «колоритной фигуры» русской общественной мысли второй половины XIX в. Ростислава Фадеева об «исторической неизбежности» присоединения Северного Кавказа как важнейшего «геостратегического региона» для России (гл. 8).

Синергетический эффект издания обеспечили, с одной стороны, последовательное и комплексное рассмотрение исламской религиозной и общественно-политической мысли, с другой – огромные хронологические рамки, охватывающие три исторические эпохи: царскую Россию, СССР и Российскую Федерацию. Достоинством работы также является презентация точек зрения мусульман на евразийство, в том числе на его критику.

Книга состоит из введения, десяти глав, заключения, библиографии и указателя имен.

В своей рецензии мы сосредоточимся только на дореволюционном и советском периодах, главным образом, на территории Волго-Уральского региона и центральной России.

Принципиальное значение в понимании излагаемых событий, в том числе хронологических рамок исследования, имеет предшествующее сочинение автора «Россия и Евразия. Евразийский вектор: поиски российской цивилизационной идентичности в XX столетии» (М., 2013), в процессе написания которого появилась не только сама идея нового труда, но и выработалась методика изучения текстов, имеющих отношение к теории евразийства. Краеугольным камнем методики А.В. Логинова является освещение этой темы на основе первоисточников – сочинений самих авто-

---

¹ *Логинов А.В.* Евразия и ислам. Евразийский вектор: мусульманская религиозная и общественно-политическая мысль о цивилизационном единстве России-Евразии. М.: Большая Российская энциклопедия, 2017. 343 с.

ров и с широким привлечением публикаций специалистов, изучающих наследие или биографии этих личностей. Благодаря имеющемуся в обороте наследию русских авторов и основательной изученности творчества большинства мыслителей, в вышеназванной книге автору удалось выявить истоки и «русло евразийской интеллектуальной традиции, восходящей к воззрениям славянофилов» (с. 474) и комплексно осветить ключевые идеи самих разработчиков теории евразийства Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Г.В. Вернадского, ряда других российских интеллектуалов, и очень подробно и обстоятельно – научные изыскания «последнего евразийца» Л.Н. Гумилева.

При рассмотрении взглядов мусульманских мыслителей XIX – начала XX в. А.В. Логинов оказался в зависимости от степени изученности их наследия. Если учесть, что специалисты рассматривали их труды как религиозные или просветительские трактаты и в целом как памятники общественной мысли, автору пришлось серьезно потрудиться для выявления в них востребованных для книги дискурсов. В случае отсутствия опубликованных на русском языке первоисточников или статей о них, некоторые сюжеты остались вне поля зрения автора. К сожалению, в ряде случаев это препятствие в работе с текстами помешало представить все многообразие их суждений.

Правовая база восприятия России мусульманскими народами как «дар уль ислам» (территория ислама) была создана при императрице Екатерине II и обеспечила их лояльность к политическому режиму, хотя различие менталитета, языка, вероисповедания и социального статуса представителей различных цивилизаций всегда давали о себе знать. В связи с содержанием гл. 1 под названием «Российское государство и его мусульманские подданные в XVI – начале XIX вв.» выскажем два тезиса, которые могли бы обогатить содержание труда в евразийском контексте. Это: 1) расширение Московским государством своей территории в качестве одного из наследников Золотой Орды; 2) взаимодействие правителей Московского государства и Российской империи с местными элитами и духовенством по обеспечению политической лояльности, предоставляя взамен гарантию их особого статуса, а единоверцам – автономию религиозно-обрядовой жизни и этноконфессиональной системы образования (отклонения от этой политики происходили только при нескольких российских государях. – *И.З.*). Классическим проявлением последнего явления была административная практика правительства Османской империи по урегулированию религиозно-культурных потребностей нетитульных групп подданных, получившая в исторической литературе название система «миллет».

В 1897 г. в «евразийской империи» русские составляли менее половины российских подданных (44,31%). Численное большинство представляли так называемые этноконфессиональные меньшинства, обладавшие собственными культурными традициями и отличавшиеся разным уровнем

и разными темпами социально-экономического и общественного развития. Вслед за украинцами (17,8%) тюркские народы представляли 10,8% (13,6 млн чел.) населения. Мусульмане были второй по численности группой подданных (11,6%) после православных (72%)². В делопроизводительной документации властей мусульманские народы именовались «инородцами», а ислам – «иностранным вероисповеданием», которое занимало среди признаваемых в империи конфессий третью строчку вслед за православием, христианскими церквями. В этой связи именно мусульмане нуждались в защите своих религиозных, гражданских прав.

А.В. Логинов анализирует труды, главным образом, четырех групп мусульман, проживавших в традиционно-аграрном обществе. В книге представлены ключевые проблемы, волновавшие мусульманское духовенство. Автор повествует о поисках Аль-Курсави и Ш.Марджани путей адаптации исламской традиции к новым географическим и общественно-политическим условиям и оценивает их трактаты как «идейные предтечия» джадидизма (с. 50). По трудам «светских мусульман», интегрированных в русское культурно-образовательное пространство и российскую чиновничью иерархию (Мирза Фатали Ахундов, Чокан Валиханов, Хусаин Фаизханов, Абай Кунанбаев, Ибрай Алтынсарин), А.В. Логинов выявляет основные проблемы, волновавшие мусульманских общественных деятелей второй половины XIX – начала XX в. Через общественно-просветительскую деятельность Р.Фахретдина, Г.Баруди, К.Насыри автор характеризует джадидское направление мусульманской общественной мысли, одновременно уделяя внимание также кадимистам как оппозиции мусульманскому модернизму.

Из числа мусульманского приходского духовенства выросли первые татарские историки и энциклопедисты. В этой связи было бы уместно обратиться к историческим трудам Ш.Марджани, Хасангаты Габаши и других мыслителей, содержащим интересный материал об исторических судьбах народов Евразии и представляющим интерпретацию, альтернативную воззрениям представителей российской «государственной школы».

«Изюминкой» одного из самых сильных разделов книги под названием «Исмаил-бей Гаспринский: джадидизм и идея православно-мусульманского единства» (гл. 3) является квалифицированный анализ программных трудов крымско-татарского мыслителя «Русское мусульманство: Мысли, заметки и наблюдения мусульманина» (Симферополь) и «Русско-восточное соглашение» (1896), первый из которых транслирует принципы превращения мусульман в равноправных членов Общего дома – России, второй – намечает приоритеты для российского правительства в выборе своих союзников в геополитике. Однако вне поля зрения Логинова

---

² Кантелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. Пер. с немецкого С.Червонной. М., 1996. Табл. 3. С. 292–293.

остались публикации и общественно-политическая деятельность И. Гаспринского в период Первой российской революции 1905–1907 гг. и последующие годы. В новых общественно-политических условиях И. Гаспринский более открыто и без показной лояльности высказывался относительно проблем единоверцев, выставляя на первый план необходимость достижения подлинного равноправия тюркских народов в Российской империи.

Евразийское учение является общественно-политическим проектом. В этой связи нельзя не отметить отсутствие в монографии анализа как составной части джадидизма «мусульманского либерализма» – общественно-политического движения, лидеры которого видели будущее тюркских народов в обновленной и демократической многонациональной России. Вне поля зрения автора остались программа всероссийской партии «Иттифак аль-муслимин», деятельность мусульманских депутатов Государственной думы, сочинений идеологов «мусульманского либерализма» – известных татарских мыслителей и общественных деятелей периода модерна Юсуфа Акчуры, Гаяза Исхаки, Закира Кадыри, Мусы Бигиева и др.

А.В. Логинов делит джадидистов на тех, кто увлекался идеями реформаторского движения и просветительством, и на «младотатар», которые «не желали ограничиваться достижением сугубо просветительских целей... открыто ставили вопрос о политическом самоопределении мусульманских народов России, что уже почти совпало с декларированным большевиками лозунгом о «праве наций на самоопределение вплоть до отделения» (с. 88). Между тем, формирование общественных и политических организаций у поляков, армян, евреев, украинцев, белорусов, мусульманских народов было ответной реакцией на политику самодержавной власти по решению насущных нужд этнических меньшинств и проявлением этноконфессиональной консолидации. Вплоть до падения самодержавия основная масса мусульманских общественных деятелей симпатизировала программе кадетской партии и ставила задачу не более чем достижение национально-культурной автономии в составе России.

Резюмируя итоги своих изысканий, А.В. Логинов констатирует, что «проведенный поиск не увенчался открытием некой универсальной модели исламского евразийства» (с. 9). На наш взгляд, автору следовало более смело обобщать рассмотренный материал отдельно по каждому из изучаемых исторических периодов, особенно по периоду Российской империи (традиционного и современного общества).

В главе 4 «Судьба исламской общественно-политической мысли в послереволюционной России – Советском Союзе» автор, признавая саму преемственность между Российской империей и СССР, ограничился освещением трагической судьбы мусульманских интеллектуалов, ставших жертвами сталинских репрессий. В предыдущем своем исследовании автор констатировал признание одним из основоположников теории евразийства Трубецким в СССР цивилизационной основы Евразии (при

непритии коммунистической идеологии)³. В этой связи работа, несомненно, выиграла бы, если автор рассмотрел федеративное устройство Советского Союза как форму взаимовыгодного сотрудничества и взаимодействия славянских и тюркских народов в постимперский период истории России. Иначе, по книге получается, что концепция евразийства и федеративные отношения, которые закреплены в Конституции Российской Федерации, совсем не имеют общих черт.

Резюмируя, отметим, что новая монография Логинова является существенным вкладом в изучение новых аспектов евразийства как феномена в истории российской общественной мысли и, самое главное, – создает интеллектуальную площадку для конструктивного обсуждения научным сообществом теории евразийства с привлечением всех заинтересованных сторон. Продолжение изучения данной актуальной темы и пропаганда идей евразийства, как и сама книга, несомненно, будут способствовать укреплению гражданского мира и согласия в Российской Федерации, доверительных и партнерских отношений с тюркскими государствами, появившимися на политической карте мира после распада СССР.

И.К. Загидуллин

А.В. Логиновның «Евразия һәм ислам. Евразия векторы: Россия-Евразия цивилизацияләре берлеге хакында мөселман дини һәм ижтимагый-сәясәти фикер» (М.: Большая Российская энциклопедия, 2017. 343 б.) китабына рецензия

А.В. Логиновның яңа китабында Ватан историографиясендә беренче тапкыр евразиячелек идеяләре контекстында XIX – XXI гасыр башы мөселман ижтимагый фикерен анализлау омтылышы ясала. Отзывта бирелгән теманы ачу буенча авторның карашлары бәяләнгән, Россия тарихының империя һәм совет чорлары мөселман фикер ияләренә хезмәтләрен тикшергәндә ясалган яхшы һәм кайбер кимчелекле яктар күрсәтелә.

Ачкыч сүзләр: евразиячелек, неоевразиячелек, А.В. Логинов, ислам, мөселман дини һәм ижтимагый-сәясәти фикере, ислам-христиан чиктәшлеге, И. Гаспринский, модернизация.

---

³Логинов А.В. Россия и Евразия. Евразийский вектор: поиски российской цивилизационной идентичности в XX столетии. М.: Научное издательство «Большая советская энциклопедия», 2013. С. 157, 167–171.

I.K. Zagidullin

Book review: Loginov A.V. Eurasia and Islam. Eurasian vector: Muslim religious and socio-political thought about the civilizational unity of Russia-Eurasia. M.: Great Russian encyclopedia, 2017. 343 p.

In the new book by A.V. Loginov for the first time in Russian historiography was made an attempt of the analysis of Muslim public thought of the XIX – beginning of the XXI centuries in the context of the ideas of Eurasianism. The review assesses the author's approaches to the disclosure of the claimed topic, notes the advantages and some shortcomings made in the analysis of the works of Muslim thinkers of the Imperial and Soviet periods of the history of Russia.

Keywords: Eurasianism, Neoeurasianism, A.V. Loginov, Islam, Muslim religious and socio-political thought, Islamic-Christian Borderlands, I. Gasprinsky, Modernization.

Загидуллин Ильдус Котдусович – доктор исторических наук, заведующий отделом новой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Казань); e-mail: zagik63@mail.ru

Загидуллин Илдус Котдус улы – тарих фәннәре докторы, ТР ФА Ш.Мәржани исемендәге Тарих институты яңа тарих бүлегенең мөдире (Казан шәһәре).

Zagidullin Idus Kotdusovich – Doctor of History, Head of the Department of modern history; the Institute of History of the Academy of Sciences after Sh. Marjani of the Republic of Tatarstan (Kazan).

Рецензия на книгу: 100-летие образования Татарской АССР.
Сборник документов и материалов: в 3 т. Авт.-сост. З.С. Миннуллин.
Казань: Заман, 2017. Т. 1. 520 с.

В первом томе сборника представлены документы и материалы, имеющие отношение к эволюции татарской общественно-политической мысли и событиям национального движения в судьбоносный для народов России период с марта по декабрь 1917 г. В отзыве оцениваются подходы автора к подбору и публикации документов, отмечаются достоинства и недостатки, допущенные при подборе документов для раскрытия заявленной сложной и многоплановой темы и их размещения.

Ключевые слова: татарская общественно-политическая мысль, Временное правительство, мусульманские съезды 1917 г., татарское общественно-политическое движение, декларация прав народов России.

Тема развития татарской общественно-политической мысли и национального движения в судьбоносный для народов России 1917 год в исторических трудах и сборниках документов советской эпохи во многом игнорировалась, искажалась или подменялась акцентированием роли большевиков и советского правительства, своим декретом образовавшего Татарскую АССР. В рецензируемом сборнике впервые в отечественной историографии кандидат исторических наук З.С. Миннуллин представляет документы и материалы, имеющие отношение к общественно-политическим событиям в России с марта по декабрь 1917 г. в контексте национального самоопределения татарского народа и остававшиеся ранее – по политическим причинам и/или из-за сложности изучения текстов на арабской графике – вне поля зрения историков. Участники большинства совещаний и съездов того периода, а также татарские периодические издания стремились оперативно извещать единоверцев об их решениях, общественные организации практиковали публикацию уставных документов, протоколов собраний, совещаний, занимались изданием всевозможных прокламаций и листовок. Именно эти материалы, наряду с архивными источниками, легли в основу данного сборника.

Издание состоит из предисловия, основной части, где представлены 224 документа, именного и географического указателей, списка сокращений, перечня документов и материалов, а также вкладыша с фотографиями известных татарских общественно-политических деятелей, обложек изданий общественных организаций, совещаний и других иллюстраций, имеющих отношение к событиям 1917 г.

В «Предисловии» (с. 3–9) дается краткая характеристика представленных источников, принципов расположения материалов, экскурс в ис-

торию публикации документов и материалов, имеющих отношение к общественно-политическому движению в 1917–1920 гг. и созданию ТАССР. Делается вывод о «малоразработанности» той части источниковедения, которая имеет отношение к истории татарского общественно-политического движения начала XX в., в том числе и образованию Татарской республики (с. 9).

Представленные документы воссоздают широкую географию социальной активности различных слоев и профессиональных групп гражданского населения и военных с марта по май 1917 г., их чаяния и нужды на момент свержения царского самодержавия в стране. В этой связи большой интерес представляют составленные татарами предложения для обсуждения на Всероссийском мусульманском съезде в Москве (1–11 мая 1917 г.), и документы о самом мероприятии, где был отдан приоритет созданию институтов национально-культурной автономии.

Впервые на кириллице полностью публикуются материалы съезда казаков татар-мусульман (Оренбург, 24–30 мая 1917 г.), трех казанских съездов (2-ой Всероссийский мусульманский, съезд мусульманского духовенства, 1-й съезд воинов-мусульман, на объединенном заседании которых 31 июля 1917 г. были приняты основные положения национально-культурной автономии тюрко-татар Внутренней России и Сибири). Большой интерес представляют документы о 1-м сибирском областном мусульманском съезде (4–5 октября), об участии мусульман в Московском демократическом совещании (22 августа 1917 г.), резолюции различных совещаний и съездов военнотружущих-мусульман воинских формирований, свидетельствующих о превращении их в заметную политическую силу в общественной жизни страны и регионов. Достоинством сборника является публикация, наряду с документами совещаний, газетных материалов, освещающих их ход и содержащих оценку их работы, что способствует воссозданию атмосферы этих резонансных общественных мероприятий.

Эти и другие представленные документы наглядно свидетельствуют о высоких организаторских навыках, самоотверженности, ответственности и высокой квалификации татарских общественных деятелей, мыслителей и юристов, сумевших мобилизовать народные массы и разработать программные документы национально-государственного строительства. В этой связи издание сборника является значимым событием в отечественном источниковедении, его материалы носят прорывной характер и вводят в научный и общественный оборот целый пласт ранее остававшихся вне поля зрения специалистов документов. С одной стороны, они дополняют новыми сюжетами и фактами многоплановые драматические общественно-политические процессы в многонациональной стране, с другой – иллюстрируют высокую политическую организованность татар, находящихся в активном поиске оптимальных вариантов национального самоопределения в условиях быстро сменяющейся политической обстановки в стране.

Наряду с несомненными достоинствами сборника и новизной представленных материалов, имеется ряд недостатков, на которых хотелось бы остановиться более подробно с надеждой на то, что наши пожелания будут услышаны и учтены при подготовке и издании последующих двух томов.

С учетом новизны и новых принципов организации исследования, в предисловии, прежде всего, хотелось бы узнать: о концепции трехтомника; обосновании хронологических рамок 1-го тома; принципах отбора источников; информацию о включенных в первый том опубликованных и неопубликованных, в том числе впервые вводимых в научный оборот, документах; о сборниках в Марийской, Чувашской, Удмуртской, Башкирской республиках, имеющих отношение к Идель-Уральскому штату и отражающих отношение местных национальных элит к этим событиям. (Автор правомерно критикует сборник документов «Образование БАССР» (Уфа, 1959) (с. 6). Однако не упоминает академический четырехтомный сборник документов и материалов «Национально-государственное устройство Башкортостана», составленный Б.Х. Юлдашбаевым (Уфа: Китап, 2002–2009), в первом томе которого (с. 260) вышеуказанное упущение исправлено: «Основные положения о национальной автономии тюрко-татар внутренней России и Сибири» опубликованы полностью. – *И.3.*).

Также была бы уместна полноценная вводная научная статья к трехтомнику по историографии татарского национального движения 1917–1920-х гг., что позволило бы четко представить состояние изученности темы, вклад предшественников в ее разработку, их достижения и недостатки. Несколько общих и частных замечаний в «предисловии», к сожалению, не решили эту задачу. Поскольку в самом сборнике практически отсутствуют документы Временного правительства, в данной статье можно было бы перечислить ключевые общественно-политические события и законодательные инициативы Временного правительства, создавшие правовую основу и условия для нового этапа общественно-политического движения нерусских народов, а также представить краткий экскурс в тему самоопределения казахов, азербайджанцев, башкир, ногайцев, крымских татар.

В материалах сборника, имеющих отношение к событиям с марта по май 1917 г., слишком много внимания уделяется мусульманской общине Казани за счет ущемления роли других общин в общественно-политической жизни этноса. Как известно, в начале XX в. существовали три крупнейшие татарские общины, сосредоточенные в Казани, Уфе и Оренбурге, с примерно одинаковой численностью мусульманского населения, выступавшие в качестве координаторов культурно-общественного развития нации. Похвально, что автор приводит материалы из газет, издававшихся в тот период: «Тормыш», «Мохтарият» (Уфа), «Кояш», «Йолдыз», «Аваз», (Казань) и «Вақыт» (Оренбург), однако, он оставляет без внимания материалы аналитического журнала «Шура» (Оренбург). В этой

связи принципиальное значение имеет отсутствие материала о проходившем в г. Уфе под председательством Б. Ахтямова первого Уфимского мусульманского съезда (14–17 апреля 1917 г.), по итогам работы которого была принята резолюция национально-культурной автономии мусульманских народов и образовано губернское мусульманское бюро; об Оренбургском мусульманском бюро, создавшем перечень из 109 пунктов, составленный из предложений 27 местных организаций для обсуждения на 1-м Всероссийском мусульманском съезде, и выступавшем своеобразным аналитическим центром в подготовке данного общественно-политического мероприятия. (В сборнике размещена только информация о митинге и манифестации мусульман Оренбурга, которых в этот период в городах проходило немало (№ 47). Также отсутствуют материалы о социальном поведении крупной мусульманской общины г. Астрахани.

В целом создается впечатление о некоторой изолированности и односторонности общественно-политического движения татар в рассматриваемый период. Такое восприятие возникает, по нашему мнению, по причине отсутствия трех блоков документов: 1) материалов участия татар в деятельности российских партий, 2) мнений татарских общественных деятелей о путях национального самоопределения, 3) источников, характеризующих отношение татарских лидеров к башкирскому государственному строительству, а также общественно-политическим инициативам народов Поволжья.

В книге представлены также некоторые тексты из ранее изданных сборников. Однако не везде соблюдается научная этика – отсутствуют ссылки на ранее опубликованные документы. Например, в документе №1 представлены три источника (телеграммы № 1, 5, 9), ранее опубликованные Д.М. Усмановой из фонда РГИА (Усманова Д. Февраль 17 г. в телеграммах от мусульманского населения // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1997. № 1/2. С. 164–170), без примечания об этом.

Некоторые тексты свидетельствуют о некорректном подборе источников. Например, информация о созыве Первого всероссийского съезда мусульманских учителей, состоявшегося в г. Казани 23–27 апреля 1917 г., представлена из газет «Йолдыз» (№ 48) и «Аваз» (№ 49), при этом сообщение первой газеты наиболее полное. О ходе его заседаний сообщают публикации газет «Кояш» (№ 53) и «Йолдыз» (№ 58), из которых наиболее полную информацию содержит также первая из газет. Его решения и протоколы взяты из печатных «Требований всероссийского съезда мусульманских учителей, вносимые во всероссийский мусульманский съезд, созываемый в г. Москве» (№ 50) и материала, изложенного Г. Ильяси в публикации в журнале «Ан» (№ 54). На наш взгляд, в каждом из случаев следовало было публиковать только первый из документов, указав в примечании о наличии других публикаций на ту же тему и при необходимости привести какие-либо цитаты, содержащие дополнительную информацию.

Недоработкой составителя сборника является отсутствие каких-либо примечаний – научного аппарата, обязательного элемента подобного рода изданий. В результате составитель лишил себя возможности уточнить, прокомментировать, предоставить дополнительную информацию-справку, опровергнуть утверждаемые в документе факт или сообщение. Отсутствие примечаний существенно снижает уровень научной проработки документов. В первую очередь, востребована информация об авторах публикуемых газетных и других текстов – журналистах и общественных деятелях, о политических воззрениях редакций газет и журналов (уфимские «Тормыш», «Мохтарият», оренбургский «Вақыт», бакинский «Каспий», московский «Ил», казанские «Кояш», «Йолдыз», «Аваз», «Ил», «Безнең тавыш», «Корынтай», «Ирек», «Аң», «Сөембикә», гельсингфорсский «Гельсингфорс мөхбире»), а также об общественных организациях, документы которых приводятся в издании.

«Визитной карточкой» сборника документа являются структура и заглавия публикуемых источников.

Документы размещены по хронологическому принципу, который не всегда соблюдается (документы № 98 (21–31 июля 1917 г.) и № 99 и № 100 (17–25 июля 1917 г.).

Для облегчения восприятия нескольких (в ряде случаев около десяти) документов, посвященных одному и тому же событию, оптимальным является их объединение в тематически однородную группу с общим заголовком, характеризующим тему, общую для всех объединенных вместе текстов. В сборнике такая работа не проделала (исключение – документ №1), что порой приводит к разному восприятию одного и того же исторического события. Так, например, Первый съезд всероссийских мусульманских учителей в документах №№ 48, 53 и 58 назван «Первым съездом татарских учителей в г. Казани». Если эти материалы имели бы общее заглавие, то стало бы понятно: какое из названий составитель считает наиболее правильным.

Заглавия документов вызывают критику по целому ряду причин. Прежде всего, не все содержат полную информацию (автор, где опубликовано, если это газетный материал, дата). Среди многочисленных газетных публикаций, за редким исключением (№ 48), в заглавии не указывается периодическое издание, что свидетельствует о недостаточной редакторской работе. Приходится констатировать ряд случаев неверной датировки, которая произошла по двум причинам: а) по невнимательности и б) вследствие записи в заглавии документа не даты газетного сообщения, а времени, когда произошло это событие. Например, в газете «Йолдыз» от 28 апреля 1917 г. были опубликованы указы «Казанского общества улама», вносимые на рассмотрение Всероссийского мусульманского съезда в Москве. Согласно газетному сообщению, заседание общества состоялось 26 апреля, и по этой причине в заглавии запечатлена эта дата (№ 62). Еще одна претензия может быть предъявлена к неточности переводов заглавий

с татарского на русский язык, а точнее – в несоответствии заглавия на русском языке содержанию текста источника (№ 70, 82 и др.).

Указанные замечания не снижают научной значимости 1-го тома сборника документов и материалов по истории общественно-политического движения татар в 1917–1920 гг., они, главным образом, направлены на совершенствование подготовки остальных двух томов из этой серии в полном смысле академическими изданиями.

И.К. Заһидуллин

**«Татарстан АССР төзелүенең 100-еллыгы: документлар
һәм материаллар жыйнагы» (3 т. Авт.-төзүче Ж.С. Миннуллин.
Казан: Заман, 2017. Т. 1. 520 б.) китабына рецензия**

Жыйнакның беренче томында Россия халыклары язмышын билгеләүче 1917 елның мартыннан декабрәгә чорда татар иҗтимагый-сәясәти фикер үсешенә һәм милли хәрәкәт вакыйгаларына кагылышлы документлар һәм материаллар бирелгән. Баяләмәдә авторның документларны жыйнау һәм публикация юллары бәяләнгән, мондый катлаулы һәм күпъяклы теманы ачу һәм аларны жыйнакка кергү өчен документларны сайлауда жибәрелгән яхшы һәм кимчелекле яктар күрсәтелә.

Ачык сүзләр: татар иҗтимагый-сәясәти фикере, Вақытлы хөкүмәт, 1917 елгы мөселман съездлары, татар иҗтимагый-сәясәти хәрәкәте, Россия халыкларының хокуклары декларациясе.

I.K. Zagidullin

**Review of the book: 100th anniversary of the Tatar ASSR.
Collection of documents and materials: in 3 vol. Auth.-comp. Z.S. Minnullin.
Kazan: Zaman, 2017. Vol. 1. 520 p.**

The first volume of the collection presents documents and materials related to the evolution of tatar socio-political thought and the events of the national movement in the crucial period for the peoples of Russia from March to December 1917 year. In the review approaches of the author to the selection and publication of documents, are estimated, the advantages and some shortcomings allowed in the selection of documents for the disclosure of the of the announced difficult and multidimensional subject and their placement.

Keywords: tatar socio-political thought, Provisional government, muslim congresses of 1917 year, tatar socio-political movement, declaration of the rights of the people of Russia.

Загидуллин Ильдус Котдусович – доктор исторических наук, заведующий отделом новой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Казань); e-mail: zagik63@mail.ru

Загидуллин Илдус Котдус улы – тарих фәннәре докторы, ТР ФА Ш.Мәржани исемендәге Тарих институты яна тарих бүлегенең мөдире (Казан шәһәре).

Zagidullin Ildus Kotdusovich – Doctor of History, Head of the Department of modern history; the Institute of History of the Academy of Sciences after Sh. Marjani of the Republic of Tatarstan (Kazan).

ПАМЯТЬ

УДК 902/904(092)

Ф.Ш. Хузин

Основатель казанской школы археологии (к 130-летию со дня рождения Н.Ф. Калинина)

Статья посвящена 130-летию со дня рождения известного археолога, историка и музейного работника Н.Ф. Калинина, имя которого прочно связано с историей становления казанской школы археологии. Рассматриваются основные вехи жизни и творческой деятельности ученого, впервые создавшего научную концепцию древней и средневековой истории края на основании систематизации материалов из прежних сборов и методически безупречно проведенных раскопок памятников первобытности (Казанская стоянка, Карташихинские, Атабаевские, Займищенские поселения, Именьковское городище и др.) и болгаро-татарской эпохи (Болгарское, Чаллыное, Кабанское городища, «Иски Казань», Казанский кремль и др.). Н.Ф. Калинин был инициатором сплошного археологического обследования территории Татарстана и сопредельных областей и создания с учетом вновь выявленных объектов Археологической карты Татарстана, завершено лишь в конце 1980-х годов его учениками.

Ключевые слова: первобытная и средневековая археология, Волго-Уральский регион, Археологическая карта Татарстана, древняя Казань.

Н.Ф. Калинин родился 24 мая 1888 г. в Саратове в семье врача-ветеринара. В 1902 г. в связи с назначением отца преподавателем Ветеринарного института семья переехала в Казань. Николай Калинин поступил здесь учиться в Первую Казанскую гимназию, после ее окончания – на историко-филологический факультет Казанского университета. В 1910 г., получив диплом учителя истории, Н.Ф. Калинин преподавал в школах Царевококшайска, Симбирска, Тетюш, Мариуполя. Вернувшись в 1921 г. в Казань, преподавал историю и географию в школах №15 и №3, где организовал краеведческий кружок и начал собирать материалы по истории Казани. Эти материалы, связанные, в частности, с событиями восстания Е.И. Пугачева, пребыванием в Казани А.С. Пушкина, В.И. Ульянова-Ленина, А.М. Горького, нашли в дальнейшем отражение в различных публикациях ученого (Калинин, 1927б; 1928; 1929б; 1941; 1942).

В 1924 г. Н.Ф. Калинин стал активным членом и ученым секретарем секции археологии и искусства Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Центральному музею ТАССР, где он в 1924–1944 г. заведовал историческим отделом, Н.Ф. Калинин обязан своими первыми археологическими опытами. С членами краеведческого

кружка при школе №3 Николай Филиппович проводил систематические наблюдения и раскопки в Казанском кремле, на улицах исторического центра города, с разведывательной целью часто выезжал и в районы республики. С 1938 г. в качестве начальника отряда принимал участие в раскопках Болгарского городища, которыми руководил А.П. Смирнов. Алексей Петрович ценил его не только как высокообразованного и достаточно опытного историка-археолога, владеющего несколькими иностранными языками, но и как талантливого художника, способного реконструировать на основе археологически выявленных руин первоначальный облик древних архитектурных сооружений.

Имя Н.Ф. Калинина прочно связано с начальными этапами становления казанской школы археологии, впервые получившей организационную форму в 1878 г., когда при Казанском императорском университете по решению IV Российского археологического съезда было создано Общество археологии, истории и этнографии (ОАИЭ). Данное Общество практически до конца 1920-х годов являлось единственным научным учреждением, основной целью которого было «изучение прошедшего и настоящего русского и инородческого населения на территории бывших Болгаро-Хазарского и Казанско-Астраханского царств с прилежащими к ней местностями» (Сидорова, 2014, с. 88). Активными членами ОАИЭ были С.М. Шпилевский, А.Ф. Лихачев, А.А. Штукенберг, Н.Ф. Высоцкий, Н.А. Толмачев, В.К. Савельев, П.А. Пономарев, М.Г. Худяков, М. Заитов, Г. Ахмаров и др. Их труды, написанные на базе богатых коллекций вещевых материалов, добытых при раскопках, разведочных обследованиях отдельных памятников, путем покупок и сборов с населения, и опубликованные на страницах «Известий ОАИЭ», послужили прочным фундаментом, на котором сложилась археологическая наука в Татарстане. Полевые исследования А.А. Штукенберга и Н.Ф. Высоцкого на стоянках эпохи камня и бронзы в окрестностях Казани положили начало первобытной археологии края. Исследования М. Заитова на знаменитом Чаллыском городище эпохи Казанского ханства, Ш. Марджани и Г. Ахмарова по определению местонахождения Суvara, серия статей по топографии Кашана, Ошеля, Джукетау, Тубылгытау и других болгарских городов, публикации уникальных коллекций болгарских находок, осуществленные А.Ф. Лихачевым, Н.А. Толмачевым, Н.Ф. Высоцким и др., а также раскопки Болгарского и Билярского городищ способствовали становлению болгароведения как особой отрасли историко-археологической науки. Фундаментальный труд профессора Казанского университета С.М. Шпилевского «Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии» (Казань, 1877, 585 с.), переизданный репринтным способом в 2012 г., и сегодня является своеобразным путеводителем, настольной книгой археологов-булгароведов (более подробно о деятельности ОАИЭ см.: Сидорова, 2014, с. 146 и сл.).

В новых условиях, сложившихся после Октябрьского переворота 1917 г., произошли значительные изменения в системе организации науки. Были созданы Академический центр при Наркомпросе ТАССР (1921–1930), Научное общество татароведения (1923–1929), Татарское бюро краеведения (1925–1928), Общество изучения Татарстана (1928–1930), в научных изданиях которых периодически появлялись интересные статьи об изучении и охране археологических памятников республики. Среди них выделялись обобщающие исследования проф. В.Ф. Смолина «Археологический очерк Татарской республики» (1925) и «Памятники болгаро-татарской культуры на Волге» проф. А.С. Башкирова (1928).

Во второй половине 1920-х годов были организованы экспедиции по изучению болгаро-татарских городов. Наряду с раскопками на Билярском (А.С. Башкиров) и Джукетауском городищах (А.С. Башкиров, Н.Ф. Калинин) началось археологическое изучение Казанского кремля и «Иски Казани» (И.Н. Бороздин, Н.Ф. Калинин). Большое внимание к памятникам археологии, сбору новых и систематизации имеющихся коллекций вещественных находок проявил Центральный музей Татарской АССР, особенно после создания в нем историко-археологического отдела, где с 1924 г. вел активную деятельность член ОАИЭ Н.Ф. Калинин. Он участвовал и в работах комплексной антропологической экспедиции Московского университета под руководством Б.С. Жукова и А.В. Збруевой, проводившей в 1928–1931 гг. археологические исследования в прикамских районах Татарстана.

Начиная с середины 1920-х годов, в течение почти сорока лет, имя Николая Филипповича Калинина не сходит со страниц республиканских газет и музейных афиш, извещающих горожан о публичных лекциях и анонсирующих открытие очередных выставок. Огромной популярностью пользовался он и среди студентов-историков университета, которых восхищали его широкая эрудиция, интеллигентность и преданность своей любимой науке.

Н.Ф. Калинин никогда не порывал связи с образовательными учреждениями, постоянно сотрудничал со школьниками, учителями истории и студенчеством. В 1934–1940 гг. он работал в средней школе № 2 г. Казани, в 1933–1935 гг. – доцентом кафедры истории народов СССР Восточного педагогического института, в 1941–1957 гг. по совместительству вел занятия в Казанском государственном университете. Археологический кружок, созданный Н.Ф. Калининным на историческом факультете (и успешно работающий по сей день!), стал подлинным центром подготовки молодых кадров. Работа в университете предоставляла широкие возможности для привлечения молодежи к науке. Именно это направление его деятельности способствовало организации планомерных археологических изысканий в закамских, предкамских и предволжских районах республики.

Н.Ф. Калинин принадлежит к числу тех ученых, которые стояли у истоков создания Научно-исследовательского института языка, литературы

и истории (ИЯЛИ), ставшего впоследствии крупным академическим центром по изучению истории и культуры татарского народа. В штат ИЯЛИ Николай Филиппович был принят в 1942 г. Он пришел сюда вполне подготовленным специалистом, автором более трех десятков научных публикаций по археологии, краеведению и музейному делу, в том числе и таких, которые и сегодня не потеряли своей актуальности и охотно цитируются специалистами в своих трудах.

Свою работу в Институте Н.Ф. Калинин начал с создания Комиссии по болгаро-татарской эпиграфике и осуществил ряд выездов с целью сбора эпиграфических материалов на Болгарское городище, другие средневековые памятники, а также в районы Татарской и Чувашской АССР. На основе эпиграфических источников им был подготовлен доклад, прочитанный на конференции «Происхождение казанских татар», состоявшейся в 1946 г. в Москве (Калинин, 1948а). Собранный им материал был впоследствии строго классифицирован и тщательно изучен крупнейшим татарским эпиграфистом Г.В. Юсуповым (1960).

В годы Великой Отечественной войны Н.Ф. Калинин был занят в основном систематизацией данных предшествующих исследований по первобытной и раннесредневековой археологии края с целью создания общей концепции истории Средневожского региона в эпоху древности и Волжско-Камской Булгарии. Примечательно, что раздел о Волжской Булгарии он написал совместно с академиком АН СССР Б.Д. Грековым, эвакуированным в Казань. Эта работа, защищенная в 1946 г. в качестве кандидатской диссертации, увидела свет в 1948 г. в виде двух статей (Калинин, 1948б; Греков, Калинин, 1948), а позднее – разделов (с добавлением главы о Казанском ханстве) в первом томе «Истории Татарской АССР», изданной в 1950 (на правах рукописи), 1951 и 1955 гг. (Греков, Калинин, 1950; Калинин, 1950 а, б; Греков, Калинин, 1951; Калинин, 1951 а, б; Греков, Калинин, 1955; Калинин, 1955а,б).

Сразу после Великой Отечественной войны Н.Ф. Калинин выступил инициатором организации сплошных археологических разведок на всей территории республики и создания на основе их материалов «Археологической карты Татарстана» (заметим, что задача создания археологической карты Казанской губернии была поставлена еще членами ОАИЭ в 1907 г.!). За пять лет было обследовано и вновь открыто более 400 памятников (Калинин, 1952б; 1954а), однако поставленная цель так и не была достигнута, ибо реальная картина насыщенности территории республики археологическими объектами оказалась намного выше, чем это предполагалось. Заметим в связи с этим, что к середине 1980-х годов, когда, наконец, удалось А.Х. Халикову и его сотрудникам завершить начатое Н.Ф. Калининим дело, Археологическая карта Татарстана насчитывала уже более 4300 памятников.

1950-е годы являются периодом наибольшей активности в научной деятельности Николая Филипповича. Масштабные раскопки начались на

памятниках разных эпох, находящихся под угрозой затопления водохранилищем строящейся Куйбышевской ГЭС. Особо значимыми были исследования стоянок эпохи камня и бронзы, а также уникального Именьковского городища IV–VII вв. со своеобразной материальной культурой, которые проводились с участием А.Х. Халикова – весьма одаренного и перспективного ученика Калинина (Калинин, Халиков, 1954б; 1960). К середине 1960-х годов на территории Татарстана было обнаружено уже более 300 памятников именьковского типа, объединенных в самостоятельную археологическую культуру (Старостин, 1967). Памятники именьковской культуры предбулгарского времени вызвали в научном мире огромный интерес в связи со сложностями определения этноса оставившего эту культуру населения. Споры об этносе именьковцев (древние славяне? тюрки? сарматы?) продолжаются по сей день, при этом версия Н.Ф. Калинина об их тюркоязычности (буртасы?) отнюдь не отбрасывается, находя поддержку у части исследователей.

Огромной заслугой археологической экспедиции ИЯЛИ КФАН СССР, возглавляемой Н.Ф. Калининым, было открытие в 1950 г. первого раннебулгарского могильника на Средней Волге – Большетарханского могильника в Тетюшском районе Татарстана, подвергнутого впоследствии широким раскопкам его учениками, вскрывшими здесь 358 погребений (Генинг, Халиков, 1964). Не случайно поэтому, что 100-летний юбилей Николая Филипповича был отмечен в Казани проведением в 1988 г. Всесоюзной научной конференции «Ранние болгары в Восточной Европе», материалы которой увидели свет в двух сборниках (Ранние болгары, 1989; 1990).

Одновременно продолжались начатые еще в 1938 г. работы на Болгарском городище, результатом которых были статьи, опубликованные в центральных изданиях (Калинин, Смирнов, 1946; Ефимова, Калинин, Смирнов, 1947; Ефимова, Хованская, Калинин, Смирнов, 1947). Состоялись археологические выезды на Чаллы́нское городище и памятники Иски Казани (Камаевское городище и Русско-Урматское селище), на которых тоже были заложены раскопки, предоставившие богатый материал по археологии периода Золотой Орды и Казанского ханства. Часть этих материалов вошла в книгу «Итоги археологических работ за 1945–1952 гг.», написанную совместно с А.Х. Халиковым (Калинин, Халиков, 1954а), а отчетные сведения о раскопках Чаллы́нского городища увидели свет лишь в 2000 г. (Калинин, 2000).

На протяжении всей жизни особо почитаемым объектом исследований Н.Ф. Калинина была Казань – историческая часть города, особенно древний Кремль и его архитектурные памятники (Калинин, 1926; 1927; 1957б). Еще в 1925 г. он совместно с проф. В.Ф. Смолиным проводил наблюдения на водопроводной траншее, проложенной в Кремле южнее башни Сююмбике. Здесь были прослежены и впервые документально за-

фиксированы культурные напластования, нижний горизонт которых содержал красноглиняную болгаро-татарскую керамику.

В 1928–1929 гг. экспедицией по изучению болгаро-татарских городов к северу и востоку от Благовещенского собора была заложена серия шурфов, один из которых расширили до масштабов раскопа. Н.Ф. Калинин отмечал, что во всех шурфах прослеживалась четкая стратиграфия культурных отложений с остатками древних сооружений. Нижний слой «немалой толщины», содержащий красноглиняную керамику, исследователь датировал временем Казанского ханства. Кроме того, в одном из шурфов, заложенном на краю холма за Благовещенским собором, были вскрыты руины белокаменной крепостной стены, время строительства которой было определено нашими раскопками 2000 г. – XII – началом XIII в. (Ситдиков, Хузин, 2001, с. 13).

Интересные материалы были получены в шурфах 1929 г. у южной стены башни Сююмбеке. На глубине 140–150 см от современной поверхности был выявлен слой Казани ханского периода, стратиграфически разделенный на три горизонта. В основании древнейшего горизонта наряду с фрагментами болгарской керамики обнаружен железный топор, широко распространенный в средневековых памятниках XII–XIII в. (Халиков, 1983, с. 120; Хузин, 2001, рис. 86: 11). Шурфовка северо-западного угла Дворцовой церкви выявила в основном культурные отложения Казани после 1552 г. Однако здесь же под русским фундаментом Дворцовой церкви на глубине 110 см от современной поверхности удалось зафиксировать второй фундамент из тесаных камней, «резко отличающийся от русского и близкий к болгарским известняковым кладкам» (Калинин, 1955в, с. 119).

В 1935 г. Н.Ф. Калининым был заложен раскоп у северной стены Кремля. Нижние горизонты культурного слоя мощностью 4,5 м содержали вещи, характеризующие культуру татарского населения до эпохи московской колонизации. Обнаруженные в древнейшем слое фрагменты глиняной посуды имели яркие аналогии на золотоордынских и болгарских городищах. В числе датирующих находок Н.Ф. Калинин указывал также на железный наконечник стрелы, бытовавший преимущественно в домонгольское время, однако выделить соответствующие им слои исследователь не рискнул из-за малочисленности находок.

Археологические наблюдения на территории Кремля продолжались и в послевоенные годы. В 1947 г. Н.Ф. Калинин впервые зафиксировал в южной части Кремля остатки двух мусульманских кладбищ и следы оборонительного рва ханской Казани XV – первой половины XVI в.

В 1948–1951 гг. он проводил разведочное обследование еще двух археологических памятников в пределах города – Зилантовой горы и Кабанского городища. По его мнению, основанному на исторических преданиях и некоторых более объективных данных (напр., надгробия конца XIII–XIV вв. из Архиерейской дачи), эти памятники могли представлять собой места первоначальной Казани, существовавшей там до ее окончательного

переноса на Кремлевский холм. На Зилантовой горе Н.Ф. Калинин обнаружил несколько фрагментов позднеболгарской керамики и обломок белого изразцового кирпича с голубой поливой. Название горы, вслед за исследователями прошлого века, он связывал с татарскими легендами об обитании множества змей и крылатого змея-дракона Зиланта на месте будущей Казани.

Археологические разведки подтвердили вероятность существования небольшого городища со слабыми признаками оборонительных укреплений в северной части Архиерейской дачи. Кладбище XIII–XIV вв. с надгробиями на могилах Алтын-Бертек и Хасан-бека, следы которого так и не удалось обнаружить, могло располагаться, по мнению ученого, на южной, более низкой площадке. Был отмечен слабо насыщенный находками позднебулгарский культурный слой. Н.Ф. Калинин принял это городище за остатки укрепленного феодального замка XIII–XIV вв., служившего «резиденцией князя, которому принадлежало Кабанское княжество». Особый интерес к этому булгарскому городку, по мнению исследователя, заключается в том, что он «был одним из зародышей будущей Казани» (Калинин, Халиков, 1954а, с. 66).

Первые масштабные археологические исследования на территории Кремля проводились Н.Ф. Калининым в 1953–1954 гг. Тремя раскопами, заложенными около Тайницкой башни, он вскрыл довольно большую площадь – 280 кв. м и выявил мощные отложения древней Казани дорусского времени с богатыми находками. В первом раскопе обнаружили деревянные конструкции относительно хорошей сохранности, которые в интерпретации Н.Ф. Калинина представляли собой «части ограды ханского двора, стоявшего внутри Кремля, и части высокой дозорной башни, стоявшей у северо-западного угла этого двора... Ограда ханского двора рисуется, таким образом, крепостью в крепости, с прочными деревянными стенами и двумя высокими башнями» (Калинин, 1955в, с. 130). В других раскопах были изучены жилые и хозяйственные сооружения, ямы, выявлены следы не до конца определенных деревянных конструкций, стратиграфически связанных с нижним слоем культурных отложений. Более древних, чем середина XV в., слоев все же не удалось выделить. При раскопках были обнаружены отдельные находки домонгольского и золотоордынского времени, но Н.Ф. Калинин не придавал им особого значения, считая пережиточными.

С проблемами археологии древней Казани были тесно связаны широкие исследования Н.Ф. Калинина 1956–1957 гг. на Урматском селище и Камаевском городище, расположенных в 45 км к северо-востоку от Казани в Высокогорском районе республики. Указанные памятники, традиционно считавшиеся остатками легендарной «Иски Казани», неоднократно обследовались им, начиная с 1945 г. Результаты проведенных работ позволили локализовать «Иски Казань» на месте Русско-Урматского селища, возникшего, по заключению ученого, не раньше середины XIII в. и просущее-

ствовавшего до XV в., «когда соперницей ему окончательно стала Новая Казань» (Калинин, Халиков, 1954а, с. 103).

О разных периодах истории города Н.Ф. Калинин опубликовал десятки научных и научно-популярных статей, выпускал путеводители и буклеты, помещал статьи в энциклопедиях. Результатом многолетних исследований явилась солидная книга «Казань. Исторический очерк», которая выдержала два издания на русском и татарском языках (1952; 1955; 1957) и долгое время служила образцом при составлении новых путеводителей.

Н.Ф. Калинин в середине 1950-х годов была завершена и докторская диссертация по истории Казани с момента ее основания до XVIII в. включительно. В ней собран и научно систематизирован огромный материал из всевозможных источников. К сожалению, несмотря на неоднократные обращения, он так и не смог получить от Института археологии АН СССР разрешения на защиту – это были времена, когда существовал практический полный запрет на изучение истории Казанского ханства.

Однако Николай Филиппович Калинин – первый профессиональный археолог в Татарстане, воспитавший своих замечательных учеников, успел сделать основное, что было предопределено ему судьбой – создал казанскую школу археологии, яркими представителями которой стали доктора наук, профессора А.Х. Халиков, В.Ф. Генинг, кандидат исторических наук Т.А. Хлебникова, известные своими фундаментальными трудами в области первобытной и средневековой археологии, древней истории предков тюркских и финно-угорских народов Волго-Уральского региона. Они и их многочисленные ученики подняли казанскую археологию на новые высоты, о которых мог только мечтать Николай Филиппович Калинин.

Источники и литература

1. *Башкиров А.С.* Памятники булгаро-татарской культуры на Волге. Казань, 1928. 118 с.
2. *Генинг Ф.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге. (Больше-Тарханский могильник) / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. М.: Наука, 1964. 200 с., табл.
3. *Греков Б.Д., Калинин Н.Ф.* Булгарское государство до монгольского завоевания // Материалы по истории Татари. Вып. 1. Казань, 1948. С. 97–184.
4. *Греков Б.Д., Калинин Н.Ф.* Булгарское государство до монгольского завоевания // История Татарской АССР. Т. 1. Казань: Татгосиздат, 1950. С. 81–117.
5. *Греков Б.Д., Калинин Н.Ф.* Булгарское государство в период формирования феодальных отношений // История Татарской АССР. Т. 1 / Отв. ред. Х.Г. Гимади. Казань: Татгосиздат, 1951. С. 61–100.
6. *Греков Б.Д., Калинин Н.Ф.* Волжская Булгария IX–XIII веков // История Татарской АССР. Т. 1 / Отв. ред. Х.Г. Гимади. Казань: Татгосиздат, 1955. С. 42–74.
7. *Калинин Н.Ф.* Спасская башня. Историко-археологический очерк. Казань, 1926. 68 с., илл.
8. *Калинин Н.Ф.* Археологические наблюдения на улицах Казани // ИОАИЭ. 1927а. Т. XXXIII, вып. 4. С. 33–38.

9. Калинин Н.Ф. Где был дворец казанских ханов? // Вестник Научного общества татароведения. 1927б. № 6. С. 81–96. (Переиздано: Татарская археология. 2005. № 1–2. С. 6–23).

10. Калинин Н.Ф. Горький в Казани. Опыт литературно-биографической экскурсии. Казань, 1928. 43 с.

11. Калинин Н.Ф. Казань 18-го века: (По неизданным и иконографическим материалам) // ИОАИЭ. Казань, 1929а. Т. XXXIV. Вып. 3–4. С. 119–130.

12. Калинин Н.Ф. Прошлое крестьян нашего края. Казань, 1929б. 77 с.

13. Калинин Н.Ф. Горький // Жизнь замечательных людей в Казани. Кн. 1. Казань, 1941. С. 77–113.

14. Калинин Н.Ф. Пушкин в Казани. Казань, 1942. 74 с.

15. Калинин Н.Ф., Смирнов А.П. Реконструкция болгарской бани XIV века // КСИИМК. Вып. XIII. М., 1946. С. 26–32.

16. Ефимова А.М., Калинин Н.Ф., Смирнов А.П. Раскопки городища «Великие Болгары» в 1945 г. // КСИИМК. Вып. XVII. М., 1947а. С. 139–149.

17. Ефимова А.М., Хованская О.С., Калинин Н.Ф., Смирнов А.П. Раскопки развалин Великих Болгар в 1946 г. // КСИИМК. Вып. XXI. М., 1947б. С. 102–111.

18. Калинин Н.Ф. К вопросу о происхождении казанских татар // Происхождение казанских татар. Казань, 1948а. С. 90–107.

19. Калинин Н.Ф. Древнейшее население на территории Татарии // Материалы по истории Татарии. Вып. 1. Казань, 1948б. С. 23–96.

20. Калинин Н.Ф. Древнейшее население Татарии // История Татарской АССР. Т. 1. Казань: Татгосиздат, 1950а. С. 45–80.

21. Калинин Н.Ф. Казанское ханство (XV–XVI вв.) // История Татарской АССР. Т. 1. Казань: Татгосиздат, 1950б. С. 148–206.

22. Калинин Н.Ф. Древнейшее население Татарии // История Татарской АССР. Т. 1 / Отв. ред. Х.Г. Гимади. Казань: Татгосиздат, 1951а. С. 22–60.

23. Калинин Н.Ф. Казанское ханство // История Татарской АССР. Т. 1 / Отв. ред. Х.Г. Гимади. Казань: Татгосиздат, 1951б. С. 129–183.

24. Калинин Н.Ф. Казань. Исторический очерк / Под ред. Е.И. Устюжанина. Казань: Татгосиздат, 1952а. 322 с. (Изд. 2-е, испр. и доп. 1955. 415 с.).

25. Калинин Н.Ф. Экспедиция по западным районам Татарской АССР // КСИИМК. М., 1952б. Вып. XXIV. С. 52–66.

26. Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. / Тр. КФАН СССР. Серия исторических наук. Казань: Таткнигоиздат, 1954а. 128 с.

27. Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье по раскопкам 1951–1952 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 42. (Тр. Куйбышев. археол. эксп. Т. III) / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1954б. С. 157–246.

28. Калинин Н.Ф. Древнейшее население на территории Татарии // История Татарской АССР. Т. 1 / Отв. ред. Х.Г. Гимади. Казань, 1955а. С. 11–41.

29. Калинин Н.Ф. Казанское ханство (XV–XVI вв.) // История Татарской АССР. Т. 1 / Отв. ред. Х.Г. Гимади. Казань, 1955б. С. 99–147.

30. Калинин Н.Ф. Раскопки в Казанском кремле в 1953 году // Известия КФАН СССР. Серия гуманитар. наук. Вып. 1. Казань, 1955в. С. 117–138.

31. Калинин Н.Ф. Казан. Тарихи очерк. Казань, 1957а. 415 б.

32. Калинин Н.Ф. Постник Барма – строитель собора Василия Блаженного в Москве и Казанского кремля // Советская археология. М., 1957б. № 3. С. 261–264.

33. Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Именьковское городище // Материалы и исследования по археологии СССР. № 80. (Тр. Куйбышев. археол. эксп. Т. III) / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 226–250.

34. Калинин Н.Ф. Археологические раскопки на Чаллыском городище в 1955 году // Древние Чаллы. Борынгы Чаллы / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань, 2000. С. 40–65.

35. Ранние болгары в Восточной Европе / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1989. 134 с.

36. Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1990. 144 с.

37. Сидорова И.Б. Ученое братство: Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878–1931 годы) / Науч. ред. А.Г. Ситдинов, С.И. Валиуллина. Казань: Ин-т археологии АН РТ, К(П)ФУ, 2014. 304 с.

38. Ситдинов А.Г., Хузин Ф.Ш. Исследования белокаменной стены древней Казани по восточному склону Кремлевского холма // Археологические открытия в Татарстане: 2000 год / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань, 2001. С. 12–15.

39. Смолин В.Ф. Археологический очерк Татреспублики // Материалы по изучению Татарстана. Вып. 2. Казань, 1925. С. 5–70.

40. Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры. Свод археологических источников. Вып. Д1–32 / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1967. 48 с., табл.

41. Халиков А.Х. История археологического изучения г. Казани // Средневековые археологические памятники Татарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1983. С. 111–138.

42. Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X – начале XIII вв. / Отв. ред. А.М. Белавин. Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2001. 480 с.

43. Юсупов Г.В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику / Отв. ред. М.Х. Гайнуллин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 331 с., табл.

Ф.Ш. Хузин

Казан археология мәктәбен нигезләүче (Н.Ф. Калининның тууына 130 ел тулуга багышлап)

Мәкалә исеме Казан археология мәктәбенең үсеш тарихы белән нык бәйләнгән танылган археолог, тарихчы һәм музей хезмәткәре Н.Ф. Калининның тууына 130 ел тулуга багышлана. Элекке жыелган материалларны һәм борынгылык чоры (Казан стоянкасы, Карташиха, Атабай, Займище поселениеләре, Имәнкискә шәһәрлеге һ.б.), болгар-татар чоры (Болгар, Чаллы, Кабан шәһәрлекләре, «Иске Казан», Казан кремле һ.б.) һәйкәлләрен методик яктан тел тидермәслек итеп казып системалаштыру нигезендә төбәкнең борынгы һәм урта гасыр тарихының фәнни концепциясен беренче мәртәбә төзөгән галимнең тормыш һәм ижат эшчәнлегенең төп дөвәрләре карала. Н.Ф. Калинин Татарстан территориясендә һәм янәшә өлкәләрдә тулы археологик тикшерү үткәрүне, яңа ачылган объектларны исәпкә алып 1980 нче еллар ахырында гына аның укучыла-

ры тарафыннан эшләнеп беткән Татарстанның Археологик картасын төзүне башлап йөри.

Ачкыч сүзләр: борынгы һәм урта гасыр археологиясе, Идел-Урал төбәге, Татарстанның Археологик картасы, борынгы Казан.

F.Sh. Khuzin

**The founder of the Kazan school of archaeology
(to the 130th anniversary of the birth of N.F. Kalinin)**

The article is devoted to the 130th anniversary of the famous archaeologist, historian and museum worker N. F. Kalinin, whose name is firmly connected with the history of the Kazan school of archaeology. Here are discussed the major milestones of life and creative activity of the scientist, who first established a scientific concept of ancient and medieval history of the region on the basis of systematization of the data of the previous collections and methodically spotless excavations of monuments of primitiveness (Kazan camp, Kartashikhinsk, Atabaevsk, Zaymishe settlements, Imenkov hillfort, etc.) and of the Bulgar-Tatar era (Bulgar, Challinsk, Kaban settlements, «the Iski Kazan», Kazan Kremlin, etc.). N. F. Kalinin was the initiator of the total archaeological survey of the territory of the Republic of Tatarstan and neighboring regions and of the creation of an Archaeological map of Tatarstan in the light of newly revealed objects, completed only in the late 1980-ies by his disciples.

Keywords: primitive and medieval archeology, Volga-Ural region, Archaeological map of Tatarstan, ancient Kazan.

Хузин Фаяз Шарипович – доктор исторических наук, член-корреспондент АН РТ, главный научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань); e-mail: khuzinfayaz@mail.ru

Хужин Фаяз Шәрип улы – тарих фәннәре докторы, Татарстан Фәннәр академиясе мөхбир әгъзасы, ТФАның А.Х. Халиков ис. Археология институты баш гыйльми хезмәткәре.

Khuzin Fayaz Sharipovich – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Institute of Archaeology after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan).

Он родился историком и учителем:
к 95-летию со дня рождения Николая Петровича Мунькова
(1923–2002)

В статье характеризуется жизненный путь, научно-педагогическая, организаторская и общественная деятельность видного казанского историка и педагога, заведующего кафедрой истории СССР Казанского государственного педагогического института Николая Петровича Мунькова. Особое внимание уделяется его научным исследованиям, в первую очередь по вопросам изучения и преподавания истории отечественной исторической науки, а также долголетней, плодотворной административной и руководящей работе Н.П. Мунькова.

Ключевые слова: история, учитель, школа, институт, лектор, зав. кафедрой, историография истории СССР.

Вся жизнь и деятельность Николая Петровича Мунькова была связана с историей, ее изучением и преподаванием. Про него можно сказать словами Сергея Михайловича Соловьева, который о себе писал в мемуарных «Записках», что «он родился историком». В своих «Воспоминаниях...» и Николай Петрович писал: «Для меня особой проблемы выбора не существовало – я с детских лет был увлечен профессией учителя, нередко дома играл “в школу”, изображая преимущественно учителя истории» (Учитель учителей..., 2016, с. 10).

Муньков Николай Петрович родился в Казани 18 мая 1923 г. «С детства пристрастился к книжкам», чему «в немалой степени, – по его собственным оценкам, – способствовало и то обстоятельство, что его дедушка Иван Кузьмич имел у себя небольшую, но довольно хорошую библиотеку» и благодаря этому «со многими из этих книг он познакомился в детские годы, разумеется, далеко не все в них понял», но тем не менее в целом мог считать себя, в сравнении с его сверстниками и товарищами, довольно эрудированным «историком» (Там же). И второе важное обстоятельство увлечение историей и ее преподаванием – это учитель истории Константин Николаевич Ермолин, «замечательный педагог, горячо влюбленный в свой предмет и умевший передать любовь к нему своим ученикам» (Там же).

1 сентября 1940 г. Николай Муньков стал студентом 1 курса, восстановленного в 1939 г. исторического факультета Казанского университета. Но по завершении обучения на 1 курсе началась Великая Отечественная война. Так сложилась судьба, что Николай Муньков по состоянию здоровья не участвовал в боевых сражениях на фронтах Второй мировой войны, но работал с ноября 1942 г. учителем истории в школе № 24 им. В.П. Чкалова г. Казани и одновременно обучался на историческом отделении ист-

филфака Казанского университета. Труд учителя в суровые военные годы получил высокую оценку: в 1945 г. он был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Спустя 55 лет Николай Петрович Муньков чувственно вспоминал: «Для меня, не воевавшего с врагом на полях сражений, это была самая высокая награда Родины» (Там же, с. 20).

29 мая 1945 г. Н.П. Муньков окончил Казанский университет, заслужив диплом с отличием по специальности «Историк, преподаватель истории», и был приглашен читать курс лекций по истории СССР на истфаке Казанского государственного педагогического института, который был открыт в 1934 г. Так началась его 57-летняя многогранная жизнь и деятельность в КГПИ/КГПУ.

В первую очередь, Н.П. Муньков проявил себя как великолепный преподаватель, блестящий лектор, оратор-трибун, которого коллеги и сослуживцы, студенты и горожане не случайно называли «Казанский Цицерон». Он специализировался на преподавании истории СССР XIX – начала XX в., истории международных отношений и внешней политики России и СССР, с 1946 г. один из первых в стране стал читать курс по «Историографии истории СССР», став признанным авторитетом в изучении и преподавании этой дисциплины, автором научно и методически значимого учебного пособия для студентов «Историография истории СССР (краткое учебное пособие по русской и советской историографии)» (Муньков, 1973).

Масштабную учебно-методическую работу Н.П. Муньков неразрывно сочетал с интенсивной научно-исследовательской работой. Первая научная статья была опубликована Николаем Петровичем в 1949 г. под названием «Из истории студенческих волнений в Казанском университете в 1881–1882 гг.» (Муньков, 1949), последняя в 1999 г. – «Устюжанин Евгений Иванович (1902–1968)», опубликованная в сборнике статей к 60-летию исторического факультета Казанского государственного университета (Муньков, 1999, с.139–142). И уже после кончины в 2003 г. вышел из печати учебник для средней школы «История Татарстана. XIX век» в соавторстве с Г.М. Мустафиной и Л.М. Свердловой (История Татарстана. XIX век, 2003).

С 1950-х гг. основной темой научных исследований Н.П. Мунькова стала история дипломатии и внешней политики России. В 1958 г. Николай Петрович защитил кандидатскую диссертацию «Дипломатическая деятельность М.И. Кутузова (1792–1813)», а в 1962 г. в Москве была опубликована по ее материалам монография «М.И. Кутузов – дипломат» (Муньков, 1962), которая получила очень высокую оценку научной общественности и была серьезной заявкой на докторскую диссертацию.

В дальнейшем Н.П. Муньков успешно и плодотворно продолжал научные исследования по актуальным проблемам внешней политики России и СССР, опубликовав более 40 статей в журналах и сборниках статей,

выступлениях на научных конференциях Всесоюзного, республиканского и регионального уровней.

Другой темой научных разработок Н.П. Мунькова являлись многоплановые историографические проблемы отечественной истории, опыт и методика преподавания историографии истории СССР, анализ и обобщение научной, методической и учебно-воспитательной работы, руководимой им в течение 18 лет кафедрой истории СССР, и это еще более 20 научных публикаций.

Особо и отдельно следует выделить продолжение традиций, заложенных Е.И. Устюжаниным, и развитие их Н.П. Муньковым, по подготовке и изданию кафедрой истории СССР и кафедрой истории России КГПИ/КГПУ/ТГГПУ учебников, учебных пособий и программ по истории ТАССР и Татарстана для средних общеобразовательных школ. С 1960 по 2004 г. было разработано и опубликовано более 35 таких различных учебников и УМП для учащихся и учителей, в том числе 10 из них при непосредственном участии Николая Петровича (История Татарской АССР, 1970; Татарстан тарихы, 1980а; История Татарской АССР, 1973; Татарстан тарихы, 1974; История Татарской АССР, 1975; История Татарской АССР, 1980; Татарстан тарихы, 1980б; История Татарстана. XIX век; История Татарстана. XIX век, 2003). Все это позволяло очень продуктивно реализовывать важнейшую государственную задачу по обучению, воспитанию, переподготовке и повышению квалификации учителей истории для СССР, Российской Федерации и Республики Татарстан.

Широкой и активной была общественно-политическая деятельность Н.П. Мунькова. Почти два десятилетия он был депутатом и председателем постоянной комиссии по народному образованию Казанского городского совета народных депутатов, многие годы был активным членом Ученого совета Государственного музея ТАССР, лектором и одним из руководителей казанского общества «Знание» и Университета марксизма-ленинизма, до конца своей жизни был идейно и духовно преданным членом Коммунистической партии Советского Союза.

Н.П. Муньков проявил себя талантливым и умелым руководителем-администратором. С 1951 по 1960 г. он возглавлял в должности декана исторический и историко-филологический факультеты КГПИ, с 1960 по 1968 г. работал проректором института по учебной работе, а с 1968 по 1985 г. заведовал кафедрой истории СССР. Это в целом – 35 лет, и на каком бы посту он ни был, везде проявлялась его человечность и требовательное, но одновременно внимательное, товарищеское отношение к коллегам, умение дипломатично разрешать возникающие конфликты и простые недоразумения.

И все же самую большую память Николай Петрович Муньков оставил как заведующий кафедрой. Евгений Иванович Устюжанин создал эту кафедру и руководил ею более 20 лет. Став заведующим кафедрой в 1947/48 учебном году, Е.И. Устюжанин в первую очередь сосредоточил

свои усилия на кадровой и научно-педагогической работе, что позволило ему создать творческий работоспособный и высокоответственный коллектив преподавателей истории СССР. При этом, Е.И. Устюжанин сам показывал прекрасный пример плодотворного сочетания активной научной, большой учебно-методической и инициативной общественно-воспитательной деятельности, проявляя талант руководителя-организатора. В 1999 г. в своих воспоминаниях Н.П. Муньков отмечал: «Как заведующий кафедрой Устюжанин был мудрым наставником молодых членов кафедры, относился к ним с отеческим вниманием и заботой. Он никогда не командовал людьми, всегда ценил честных и добросовестных работников, ненавидел лицемерие, подлость, подхалимство и неискренность» (Муньков, 1999, с. 142). Все эти качества руководителя унаследовал от своего учителя и Николай Петрович. Он не был жестким администратором, но, ставя какую-либо цель перед собой и перед кафедрой, неизменно этого добивался, организационно так мобилизуя коллектив, что каждый качественно выполнял свою роль.

Когда в 1968 г. Н.П. Муньков возглавил кафедру истории СССР, на ней шел процесс смены поколений, и в 1970 г. он принял на кафедру двух новых преподавателей: Владимира Васильевича Иванова, который вскоре защитил докторскую диссертацию, и ученицу Е.И. Устюжанина – Клару Романовну Синецину, до этого работавшую в Государственном музее ТАССР заместителем директора по научной работе и защитившую к этому времени кандидатскую диссертацию. Впоследствии Н.П. Муньков принял на работу своих учеников, выпускников кафедральной аспирантуры, Гульшат Мударисовну Мустафину в 1975 г. и Олега Владимировича Синецину в 1983 г., научным руководителем которых был В.В. Иванов. Так в дополнение к уже старожилкам кафедры Резеде Маликовне Бикметовой, Ирек Мухамедовне Абдрашитовой, Алтеру Львовичу Литвину он сформировал тот кадровый состав кафедры, который успешно функционировал все годы его заведования, а также заложил основы дальнейшей плодотворной работы кафедры после 1985 г., когда он покинул пост заведующего.

Николай Петрович разумно и в то же время прагматично верно начал использовать свой принцип преемственности – он так распределял учебно-методическую нагрузку, чтобы сразу два преподавателя вели один предмет или один период, причем при сочетании опытный/молодой, например, самый классический: история СССР/ России XIX – начала XX в. (Н.П. Муньков – Г.М. Мустафина), историография (Н.П. Муньков – О.В. Синецин), методика преподавания истории (Р.М. Бикметова – Е.М. Шувалова). В дальнейшем этот принцип сохранялся его приемниками по заведованию кафедрой, и так сложилась современная действующая система: история России периода феодализма (Юрий Николаевич Иванов – Алексей Михайлович Столяров); История России XIX – начала XX в. (Гульшат Мударисовна Мустафина – Римма Габдархаковна Шамсутдинова); история России XX в. (Клара Романовна Синецина – Татьяна Петров-

на Крашенинникова); историография, вспомогательные исторические дисциплины (Олег Владимирович Сеницын – Альберт Наилевич Валиахметов); методика преподавания истории (Елена Михайловна Шувалова – Резида Ильгизовна Хораськина). Убежден, что именно этот принцип позволяет до сих пор сохранять традиции кафедры Устюжанина – Мунькова, сохраняться в условиях модернизации российского образования, перехода из Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета в Казанский федеральный университет, изменения формата специалитета по подготовке учителей истории на формат направления «Педагогическое образование» с историческими профилями и так далее.

Николай Петрович Муньков сыграл судьбоносную роль в моей жизни, преподавательской, научной и административной деятельности. В 1974 г. он принял меня в студенты 1 курса отделения истории историко-филологического факультета КГПИ и именно как преподаватель стал для меня любимым педагогом, авторитетом, а затем наставником и коллегой. Особенно меня привлекли его лекции по историографии истории СССР, отличавшиеся не только красноречием и ораторским искусством, но и предметным научным анализом. Имея в домашней библиотеке его учебное пособие, подаренное моей маме как научному редактору, я имел возможность штудировать достаточно сложный для студента 4 курса теоретический материал и поэтому не только втянулся, но и начал учиться овладевать знаниями по истории отечественной исторической науки.

По окончании института Николай Петрович рекомендовал меня для поступления в аспирантуру, и я стал последним аспирантом Владимира Васильевича Иванова на кафедре истории СССР КГПИ в 1979 г. Работая учителем истории в Чепчуговской средней школе Высокогорского района Татарстана, учился в заочной аспирантуре и в 1980 г. был переведен в очную аспирантуру и по окончании ее 1 января 1983 г. Н.П. Муньков решил принять меня на должность ассистента руководимой им кафедры. Через 4 месяца – 12 мая 1983 года – накануне юбилейного дня рождения Николая Петровича мной была защищена кандидатская диссертация по русской историографии конца XIX – начала XX века, и *Учитель* сказал, что это один из лучших подарков к его 60-летию!

В 1985 г. мы с Николаем Петровичем участвовали во Всероссийской научной конференции «Вопросы развития историографических исследований» в Днепропетровске, где собрались все ведущие отечественные специалисты по истории исторической науки. Н.П. Муньков выступил с докладом «О преподавании отечественной историографии на историческом отделении Казанского пединститута», а моя тема сообщения – ««Социоистория» как концепция теории современной буржуазной историографии». Я планировал сменить тему дальнейших исследований, используя знание английского языка, хотел переключиться на изучение новейших теоретико-методологических концепций зарубежной исторической науки. Тогда Николай Петрович посоветовал мне все-таки продолжать разработ-

ку темы кандидатской диссертации «неокантианство в русской исторической мысли» только на более широкой историографической и источниковедческой основе и там, в Днепропетровске, познакомил меня с известным специалистом по русской историографии XIX – начала XX в. доцентом кафедры источниковедения МГУ Аллой Ервандовной Шикло. Она также поддержала мнение Николая Петровича. Прислушавшись, в 1987 г. я прошел 4-х месячное повышение квалификации на кафедре источниковедения МГУ, которой тогда заведовал академик Иван Дмитриевич Ковальченко, и по итогам стажировки под руководством А.Е. Шикло подготовил план-проспект докторской диссертации и прошел серьезное его обсуждение на декабрьском заседании этой кафедры. Через 13 лет тема «Неокантианская методология истории и развитие исторической мысли в России в конце XIX – начале XX в.» была мной защищена на соискание ученой степени доктора исторических наук в Казанском университете, а ведущей организацией по ней стал Московский государственный университет, а одним из авторов отзыва – А.Е. Шикло. Поэтому во многом благодаря мудрому совету Николая Петровича в 1985 г. состоялась и моя докторская в 2000-м. Кроме этого, по дороге обратно в Казань Николай Петрович сказал, что хочет поручить мне вести с этого года семинарские занятия по историографии параллельно с его лекционным курсом. Так, с 1985 г., я стал преподавать вместе с Н.П. Муньковым эту учебную дисциплину студентам исторического отделения КГПИ. В 1987 г. мы опубликовали учебно-методическое пособие «Планы семинарских занятий по историографии истории СССР» (Планы семинарских занятий..., 1987), это была первая и, к сожалению, единственная наша совместная публикация с Николаем Петровичем Муньковым.

Через несколько лет, с 1990-х гг., я стал читать и лекционный курс по истории отечественной исторической науки и таким образом с «легкой руки» Н.П. Мунькова уже более 30 лет преподаю этот курс студентам-историкам. Продолжая традиции Николая Петровича, уже сам будучи зав. кафедрой истории России, я поручил вести часть курса историографии молодому преподавателю, нашему выпускнику, Альберту Наилевичу Валиахметову, защитившему к тому времени кандидатскую диссертацию по историографии, и теперь уже более 10 лет мы с ним параллельно преподаем этот курс.

В настоящее время уже нет того педагогического института/университета и кафедры истории СССР/России, где более 55 лет непрерывно трудился Николай Петрович Муньков. После вхождения ТГГПУ в состав Казанского (Приволжского) федерального университета в течение двух лет функционировала кафедра истории России и методики преподавания под руководством Гульшат Мударисовны Мустафиной и один год кафедра исторического образования под моим руководством, с 2014 г. из части этой кафедры была образована секция педагогического образования в составе кафедры отечественной истории Высшей школы исторических наук

и всемирного культурного наследия Института международных отношений истории и востоковедения под руководством Александра Алтеровича Литвина. Но традиции и «муньковский дух» продолжают жизнь в учениках и продолжателях его дела. Историографическая тематика остается ведущей и в научной работе преподавателей секции – О.В. Сеницына, Г.М. Мустафиной, Т.П. Крашенинниковой, А.М. Столярова, А.Н. Валиахметова, Р.Г. Шамсутдиновой, А.Х. Тухватулина, и руководимых ими студенческих курсовых, дипломных работ, проблематикой научно-практических конференций, становится темами магистерских и кандидатских диссертаций. Сохраняется и атмосфера преемственности в поколениях членов нашего профессорско-преподавательского состава, продолжающих успешную реализацию государственных задач по направлению «Педагогическое образование» по подготовке учителей истории и обществознания. Портрет Николая Петровича Мунькова занимает одно из центральных мест в галерее портретов всех преподавателей, работавших на кафедре, в кабинете 20 В, где располагается в настоящее время наш коллектив научно-педагогических работников секции педагогического образования.

Источники и литература

1. *История Татарской АССР*: учеб. пособие для сред. шк. / Е.И. Устюжанин, И.М. Абдрашитова, Н.П. Муньков. Казань: Татар. кн. изд-во, 1970. 175, [1] с.: ил.
2. *История Татарской АССР*: Учеб. пособие для сред. школы / Е.И. Устюжанин, И.М. Абдрашитова, В.В. Кузьмин, Н.П. Муньков. 4-е изд., перераб. Казань: Татар. кн. изд-во, 1980. 144 с.: ил.
3. *История Татарской АССР*: учебное пособие для средней школы / Е.И. Устюжанин, И.М. Абдрашитова, Н.П. Муньков; под ред. В.В. Кузьмина. Изд.2-е. Казань: Татарское кн. изд-во, 1973. 175, [1]с.: ил.
4. *История Татарской АССР*: учебное пособие для средней школы / Е.И. Устюжанин, И.М. Абдрашитова, Н.П. Муньков. Изд.3-е. Казань: Татар. кн. изд-во, 1975. 180 с.
5. *История Татарстана. XIX век*: учеб. пособие для сред. общеобразоват. шк., гимназий, лицеев и сред. спец. учеб. заведений / Г.М. Мустафина, Н.П. Муньков, Л.М. Свердлова. Казань: Магариф, 2003. 255 с.
6. *Муньков Н.П.* Из истории студенческих волнений в Казанском университете в 1881–1882 гг. // Ученые записки КГПИ. Вып. 7. Казань, 1949. С. 81–91.
7. *Муньков Н.П.* Историография истории СССР (краткое учебное пособие по русской и советской историографии). Часть I. Казань: КГПИ, 1973. 133 с.
8. *Муньков Н.П.* М.И. Кутузов – дипломат. (Серия «Выдающиеся дипломаты»). Монография. М.: Соцэкгиз, 1962. 141 с., 2 л.ил.
9. *Муньков Н.П.* Устюжанин Евгений Иванович (1902–1968) // Жить историей: 60 лет историческому факультету Казанского университета. Сб. статей. Казань: Кн. памяти, 1999. С.139–142.
10. *Планы семинарских занятий по историографии истории СССР и методические рекомендации к ним* / сост. Н.П. Муньков, О.В. Сеницын. Казань: КГПИ, 1987. 16 с.

11. *Татарстан тарихы*: урта мәкт. өчен уку ярдәмлеге / Е.И. Устюжанин, И.М. Абдрашитова, В.В. Кузьмин, Н.П. Муньков; тәрж. Н. Габитов. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1980а. 176 б.

12. *Татарстан тарихы*: урта мәкт. өчен уку ярдәмлеге / Е.И. Устюжанин, И.М. Абдрашитова, Н.П. Муньков; тәрж. Н. Габитов. 3 басма. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1974. 180 б.

13. *Татарстан тарихы*: урта мәкт. өчен уку ярдәмлеге / Е.И. Устюжанин, И.М. Абдрашитова, В.В. Кузьмин, Н.П. Муньков; тәрж. Н. Габитов. 4 басма. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1980б. 144 б.

14. *Учитель учителей*: сборник воспоминаний, документов и материалов памяти Николая Петровича Мунькова / Сост. и авт. предисл. Г.М. Мустафина; редкол.: Г. М. Мустафина (отв. ред.) и др. Казань: Астория, 2016. 139 с., [8] л.

О.В. Синицын

Ул тарихчы һәм укытучы булып туган:

Николай Петрович Муньковның (1923–2002) тууына 95 ел тулу унаеннан

Мәкаләдә танылган Казан тарихчысы һәм педагог, Казан дәүләт педагогика институтының СССР тарихы кафедрасы мөдире Николай Петрович Муньковның тормыш юлы, фәнни-педагогик, оештыру һәм ижтимагый эшчәнлеге тасвирлана. Аның фәнни-тикшерү эшчәнлегенә, беренче чиратта, Ватан тарихы фәне тарихын өйрәнү һәм укыту мәсьәләренә, шулай ук Н.П. Муньковның күпчелек нәтижәле административ һәм житейчелек эшчәнлегенә аерым игътибар бирелә.

Ачкыч сүзләр: тарих, укытучы, мәктәп, институт, лектор, кафедра мөдире, СССР тарихы историографиясе.

О.В. Sinitsyn

He was born historian and teacher:

to the 95th anniversary of the birth of Nikolai Petrovich Munkov (1923–2002)

In the article the life path, scientific-pedagogical, organizational and public activities of the prominent Kazan historian and teacher, the head of the history department of the Kazan State Pedagogical Institute Nikolai Petrovich Munkov is characterized. Particular attention is paid to his scientific research, primarily on the study and teaching of the history of national historical science, as well as the long, fruitful administrative and leadership work of N.P. Munkov.

Keywords: history, teacher, school, institute, lecturer, head. chair, historiography of the history of the USSR.

Синицын Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань); e-mail: olvsin@yandex.ru

Синицын Олег Владимир улы – тарих фәннәре докторы, Казан (Идел буе) федераль университетының Ватан тарихы кафедрасы профессоры (Казан шәһәре).

Sinitsyn Oleg Vladimirovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of National History of the Kazan (Privolzhskiy) Federal University (Kazan).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 061.3

Р.Р. АМИНОВ

Международная научно-практическая конференция «Девяты́е Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен»

1–2 марта 2018 г. в городе Оренбурге состоялась Международная научно-практическая конференция «Девяты́е Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен», приуроченная к 275-летию со дня основания города Оренбурга, 200-летию со дня рождения Оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского и 100-летию организации государственной архивной службы.

Отрадно, что к началу конференции организаторами был выпущен сборник материалов конференции¹.

Конференция открылась 1 марта в Центральной городской библиотеке им. Н.А. Некрасова (ул. Мира, д. 2/2). С приветственными словами к участникам и гостям конференции обратились ректор ОГПУ Светлана Алешина, глава Оренбурга Евгений Арапов, ректор Самарского государственного социально-педагогического университета Олег Мочалов. Далее началась работа пленарного заседания (9.30 – 13.00), в котором с докладом на тему «Генерал-губернатор Н.А. Крыжановский и мусульмане Оренбургского края» выступил Ильдус Загидуллин – д.и.н., заведующий отделом новой истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань). Затем свои научные изыскания представили: Светлана Ковальская – д.и.н., профессор кафедры истории Казахстана Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан) – «Военная повседневность как новое исследовательское направление в истории Казахстана: оренбургские страницы», Александр Репинецкий – д.и.н., профессор,

---

¹ *Девяты́е Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сборник статей международной научно-практической конференции / Оренбургский государственный педагогический университет; Поволжский филиал Института российской истории РАН; Комитет по делам архивов Оренбургской области; Оренбургское отделение Российского общества историков-архивистов; Актыобинский государственный региональный университет им. К. Жубанова; Актыобинский областной историко-краеведческий музей; Западно-Казахстанский инновационно-технологический университет; Администрация города Оренбурга; науч. ред. С.В. Любичанковский. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2018. 412 с.: ил.*

проректор по научно-исследовательской работе Самарского государственного социально-педагогического университета (Самара) – «Оренбургский край на страницах переписей населения первой половины XX века», Василий Христофоров – д.ю.н., профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва). В этот же день были подведены итоги Третьего Международного конкурса молодых ученых России и Казахстана «Историко-культурное наследие Оренбургского края и Приуралья», приуроченного к 100-летию архивной службы России и 130-летию Оренбургской областной библиотеки.

На второй день конференции (2 марта) были запланированы секционные заседания (9.30 – 13.00), прошедшие в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской (ул. Советская, д.20).

Секцию №1 модерировала Ирина Шевченко – главный библиотекарь отдела обслуживания социально-гуманитарной литературой научной библиотеки Оренбургского государственного университета (Оренбург), которая рассказала о библиотеке Леонида Наумовича Большакова («Шевченко И.Б. “Библиотека Л.Н. Большакова” раскрывает свои тайны»). Кроме того, отметим выступление Натальи Кореевой – к.и.н., н.с. Института Татарской энциклопедии Академии наук РТ на тему «Торгово-промышленная и благотворительная деятельность купцов Казанской губернии в Оренбургском крае в конце XVIII – первой половине XIX века». Проблему изучения армян Оренбуржья в своем докладе «“Армянский след” в истории Оренбургской области: итоги и перспективы исследования» поднял Степан Джунджужов – д.и.н., профессор Оренбургского государственного педагогического университета.

Секцию №2 вела Елена Бекасова – д.ф.н., профессор Оренбургского государственного университета, представившая доклад на тему «Лингвокраеведческий потенциал Оренбургской области». Роза Буканова – д.и.н., профессор Уфимского юридического института МВД РФ (Уфа) – поведала в своем сообщении «Вопросы исторической политической географии в изучении истории Оренбургского края» о проблемах исторической политической географии в процессе изучения истории Оренбуржья. Светлана Брежнева – д.и.н., профессор Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург) – рассказала о взаимоотношениях Н.А. Крыжановского и М.Г. Черняева (Непримиримые генералы – Н.А. Крыжановский и М.Г. Черняев: история конфликта»).

Секцией №3 руководил Рустем Аминов – к.и.н., с.н.с. Центра изучения истории и культуры татар-кряшен и нагайбаков, выступивший с докладом на тему «Татары-казаки Оренбургского казачьего войска в Крестьянском восстании 1773–1775 гг.». В работе секции приняла участие и Диляра Муфтахутдинова – к.и.н., доцент К(П)ФУ (Казань), с докладом «Проекты казанских миссионеров по совершенствованию национальной политики на мусульманском Востоке Российской империи (вторая поло-

вина XIX века)». Историю деятельности католических миссионеров в Оренбурге раскрыл в своем выступлении «Католическая миссия в Оренбурге в 1923 году» Григорий Циденков – к.социол.н., доцент Самарского государственного социально-гуманитарного университета (Самара).

Работу секции №4 вела Елена Годовова – к.и.н., доцент Оренбургского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Оренбург), сделавшая сообщение о повседневной жизни народов Оренбургского региона («Страницы повседневной жизни народов Оренбургского края в начале XIX века в контексте имперской политики аккультурации»). Большой интерес вызвал доклад Юлии Куренковой – к.и.н., доцент Оренбургского государственного педагогического университета (Оренбург), в котором она раскрыла особенности развития транспорта в Оренбурге («Транспортная проблема г. Оренбурга в 1920-е гг.»).

Руководство секцией №5 осуществляла Татьяна Тугай (к.и.н., доцент Оренбургского государственного педагогического университета (Оренбург), озвучившая доклад «Оренбургская русско-казахская учительская школа в формировании национальной интеллигенции», в котором показана роль оренбургской русско-казахской учительской школы в становлении национальной интеллигенции. Из других выступлений, сделанных в данной секции, стоит упомянуть сообщение Галины Матвиевской – д.ф.м.н., профессора, члена областного общества краеведов (Оренбург) по истории Оренбургского девичьего училища («К истории образования в Оренбургском крае: Оренбургское девичье училище»).

Параллельно с секциями в здании ОГПУ (ул. Советская, д.19) иногородними участниками были прочитаны лекции студентам истфака ОГПУ. Перед оренбуржцами выступили:

1. Роза Буканова – «Основание г. Оренбурга как попытка реализации морской идеи Петра I».

2. Роман Почакаев – к.ю.н., профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург) – «И.К. Кирилов и В.Н. Татищев как основатели Оренбургского края – PRO ET CONTRA».

3. Ильдус Загидуллин – «Татары в Оренбуржье (XVIII – начало XX в.): социокультурный портрет».

4. Светлана Ковальская – «Специфика кочевой культуры».

5. Светлана Брежнева – «Ташкентский лев» генерал М.Г. Черняев».

6. Юлия Гусева – д.и.н., заместитель директора по научной работе Самарского филиала Московского городского педагогического университета (Самара) – «Волго-Урал и Средняя Азия в фокусе интересов России и зарубежных держав: борьба разведок и идеологий в XX веке».

7. Василий Христофоров, Юлия Гусева – «К 100-летию российских спецслужб: история ВЧК между вымыслом и реальностью».

8. Григорий Циденков – «Женщины-волонтеры на борьбе с голодом в Советской России 1921–1923 гг.».

9. Александр Репинецкий – «Военнопленные вражеских армий второй мировой войны на территории СССР».

После обеда участники и гости мероприятия собрались в конференц-зале Оренбургской областной универсальной научной библиотеки им. Н.К. Крупской на заключительное пленарное заседание (15.00 – 17.00), в ходе которого прозвучали отчетные выступления руководителей секций, состоялось торжественное подписание договора о сотрудничестве Оренбургского государственного педагогического университета и Самарского государственного социально-педагогического университета, был официально представлен федеральный научно-образовательный проект «История России через историю регионов». В частности, Денис Фомин-Нилов – ректор Государственного академического университета гуманитарных наук – презентовал школьное учебное пособие «История Оренбургского края», прошла и презентация новых исследований по истории Оренбургского края:

1. *Садовников С.Д.* Кружева семейных уз дворянских родов междуречья Волги и Урала XVII–XIX вв. Генеалогические записки. Уфа, 2017.

2. *Почкаев Р.Ю.* Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М., 2017.

3. *Васильев Д.В.* Организация административного управления в Казахской степи: государственная политика и региональные практики (XVIII – первая половина XIX в.). М., 2017.

4. *Любичанковский С.В., Камзина А.Д.* Миссионерская деятельность Русской православной церкви как механизм имперской политики аккультурации (на материалах старообрядчества в Оренбургской епархии пореформенного периода). Оренбург, 2017.

В заключение, участниками Девятых Большаковских чтений была принята резолюция.

Аминов Рустем Равилевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения истории и культуры татар-кряшен и нагайбаков Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (г. Казань); e-mail: rustem_270988@mail.ru

Aminov Rustem Ravilevich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Center for the Study of History and Culture of Tatars-Kryashens and Nagaibaks of the Institute of History. Sh. Marjani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan)

Межрегиональная научно-практическая конференция
«История села – история России. Роль ислама в сохранении
духовности татарского народа»

18 апреля 2018 г. в городе Йошкар-Ола в Республиканском центре татарской культуры (ул. Мира, д. 28) прошла Межрегиональная научно-практическая конференция «История села – история России. Роль ислама в сохранении духовности татарского народа».

В работе конференции приняли участие краеведы, ученые из Казани, в том числе сотрудники Института истории им. Ш. Марджани АН РТ – Рустем Аминов (к.и.н., с.н.с. Центра изучения истории и культуры татар-кряшен и нагайбаков) и Марат Лотфуллин (к.ф.-м.н., с.н.с. центра истории и теории национального образования).

Конференция открылась музыкальным выступлением и продолжилась приветственными словами Михаила Васютина – первого заместителя Главы Правительства Республики Марий Эл, Юрия Минакова – председателя Государственного собрания Республики Марий Эл, Константина Иванова – министра культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, Фанус-хазрата Салимгареева – Муфтия Регионального Духовного управления мусульман Республики Марий Эл.

На протяжении всей конференции работали выставки:

1. «Подлинные архивные документы из истории татарского народа». Выставка архивных документов ГБУ «Государственный архив Республики Марий Эл».

2. «Национальная татарская кукла» (Мадина Махмутова, доцент кафедры дизайна и национальных искусств ИФМК КФУ).

3. «Живопись. Батик» (Раиля Мухаметханова, Мари-Турекский район Республики Марий Эл).

4. «Шамаили в технике точечной росписи...» (Раиля Низамутдинова, г. Йошкар-Ола).

5. Книжная выставка по тематике конференции.

Наиболее интересные доклады на пленарном заседании представили: Фирзия Сабирьянова (краевед, руководитель татарского литературного объединения «Шигъри дулкыннар») – «Краеведение как инструмент изучения и сохранения истории народа», Альберт Бурханов (к.и.н., заслуженный деятель науки РТ, Председатель Общества краеведов РТ) – «Объекты историко-культурного наследия как основа в изучении и написании истории татарских регионов и сел Волго-Уралья и евразийского пространства в пределах РФ», Марат Лотфуллин – «Нормативно-правовые основы образования Российской Федерации».

После перерыва на кофе-брейк (12.30 – 13.00) работа конференции продолжилась тремя секционными заседаниями (13.00–16.00). Руководителями первой секции выступили: Ильгис Гайсин (директор Республиканского центра татарской культуры (г. Йошкар-Ола)), Альберт Бурханов, Галина Рокина (д.и.н., профессор МарГУ, заведующая учебно-исследовательской лабораторией этногендерных исследований). В работе данной секции зрителей с некоторыми вопросами изучения татар, проживающих в Марий Эл, ознакомили Наиль Бариев (краевед д.Алашайка, Параньгинский район РМЭ) – «Алашайский феномен: из истории предпринимательства и меценатства среди татар Марийского края XVIII–XIX вв.», Фаниль Мусин (заведующий отделом по социальным вопросам, АУ «Редакция Параньгинской районной газеты «Наша жизнь») – «Маматовы – прошлое и настоящее». Рустем Аминов изложил в своем сообщении «Краеведение и изучение истории татар-казаков Южного Урала» основные изыскания краеведов, исследовавших населенные пункты татар-казаков, и обратился к проблеме создания в их среде краеведческих музеев.

Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ в секции №1 представляли: Лилия Аскарлова (н.с. отдела регионоведения и социокультурных исследований) – «Некоторые аспекты изучения истории населенных пунктов на примере Атнинского района Республики Татарстан», Наталья Корева (н.с. отдела регионоведения и социокультурных исследований) – «Торгово-промышленная деятельность населения Царевококшайского и Козьмодемьянского уездов Казанской губернии в первой половине XIX в.». Из К(П)ФУ отметим выступление Руслана Бушкова (к.и.н., доцент Высшей школы журналистики и медиакоммуникаций) – «Первый татарский персонаж звукового кино».

Секцию №2, посвященную проблемам изучения родного языка, истории и культуры народов Марий Эл, модерировали: Марат Лотфуллин, Эльмира Ахметгазизова (учитель татарского языка и литературы МБОУ «Параньгинская СОШ»), Равия Мусина (заместитель директора по основной деятельности ГАУК РМЭ «Республиканский центр татарской культуры»), последняя сделала сообщение на татарском языке: «Мари ягында яшәүче татарларның горейф-гадәтләре. Аларны өйрәнү, сәхнәләштерү үзгәчлекләре». Вопросы музыкального наследия татар Марий Эл были озвучены в докладе Гарая Магсумьянова (художественный руководитель ГАУК РМЭ «Республиканский центр татарской культуры») – «Татарские гусли Марийского края».

В секции №3 были заслушаны доклады о роли мечети в истории татарского народа. В частности, в докладе одного из руководителей данной секции – Файзулхака Ислаева (д.и.н., профессор кафедры гуманитарных дисциплин Российского исламского института) – «Судьба татарских мечетей: история и современность». Роль мечети на примере истории определенного населенного пункта показана в выступлении Рафика Салахиева (к.т.н., в.н.с. отдела научно-информационного обеспечения Института та-

тарской энциклопедии и регионоведения АН РТ) – «Яшел Үзән районы Бакырчы авылы мәчетенең дини, укыту-тәрбия жәмәгать эшчәнлеге». На более широкой платформе данная тема была освещена Юсупом Хузиным (директор МБОУ «Баландышская ООШ Тюлячинского района РТ», почетный работник общего образования РФ) – «Роль мечети в сохранении духовности татарского народа».

В общей сложности, в ходе конференции было заслушано около 50 докладов. В заключение работы конференции участниками были подведены ее итоги и принята резолюция.

Аминов Рустем Равилевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения истории и культуры татар-кряшен и нагайбаков Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (г. Казань); e-mail: rustem_270988@mail.ru

Aminov Rustem Ravilevich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Center for the Study of History and Culture of Tatars-Kryashens and Nagaibaks of the Institute of History. Sh. Marjani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan).

Всероссийская научная конференция с международным участием
«Проблемы просвещения, истории и культуры сквозь призму
этнического многообразия России (к 170-летию со дня рождения
чувашиского просветителя И.Я. Яковлева)»

14–15 мая 2018 г. в Чебоксарах была проведена Всероссийская научная конференция «Проблемы просвещения, истории и культуры сквозь призму этнического многообразия России», посвященная 170-летию со дня рождения выдающегося деятеля культуры и просвещения народов Поволжья, педагога-демократа, переводчика, общественного деятеля, создателя современной чувашской письменности и национальной школы нового типа И.Я. Яковлева (1848–1930). Организаторами научного форума выступили ЧГУ им. И.Н. Ульянова, ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, ЧГИГН и ГИА ЧР. Участники конференции – представители научного и образовательного сообщества России – рассказали о результатах своих теоретических и прикладных исследований в области просвещения, истории и культуры этносов.

К началу форума был издан сборник материалов конференции, индексируемый в РИНЦ¹. В нем представлено 127 публикаций докторов и кандидатов наук, профессоров и доцентов, преподавателей и учителей, научных сотрудников, работников культуры, аспирантов, магистрантов и студентов из свыше 70 городов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Уфы, Ижевска, Саранска, Йошкар-Олы, Чебоксар, Белгорода, Петрозаводска, Мурманска, Волгограда, Астрахани, Краснодара, Иркутска, Красноярска, Якутска, Благовещенска, Хабаровска и др.) и Казахстана (Алматы, Атырау и Караганды).

Перед открытием мероприятия в зале Ученого совета ЧГУ им. И.Н. Ульянова был продемонстрирован фильм о И.Я. Яковлеве «Дело его жизни», в котором были показаны редкие видео- и фотокадры просветителя в кругу семьи, с учениками, снимки населенных пунктов, улиц и зданий, связанных с его жизнью и творческой деятельностью.

Пленарное заседание открылось с приветствия Главы ЧР М.В. Игнатьева. В своем выступлении он отметил огромный вклад Ивана Яковлева в становление чувашского литературного языка, сохранение и развитие традиций, духовно-нравственных ценностей народа, подчеркнул актуальность его педагогического и духовного наследия, пожелал участникам

---

¹ *Проблемы просвещения, истории и культуры сквозь призму этнического многообразия России* (к 170-летию чувашского просветителя И.Я. Яковлева): материалы Всерос. науч. конф. (Чебоксары, 14–15 мая 2018 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ИД «Среда», 2018. 472 с.

конференции плодотворной работы, интересных дискуссий, новых идей и конструктивных решений. Приветствуя участников и гостей конференции, ректор ЧГУ им. И.Н. Ульянова, депутат Государственного Совета ЧР А.Ю. Александров акцентировал свое внимание на исследователях, занимавшихся анализом биографии и творческого наследия И.Я. Яковлева: Г.Н. Волкове, Н.Г. Краснове, Г.П. Плечове, Л.В. Куракове и др., ознакомил с основной литературой, посвященной чувашскому просветителю, прочитал ряд высказываний Ивана Яковлева, не потерявших своей значимости и в современные дни. С приветственными словами к участникам конференции также обратились председатель Совета Региональной общественной организации «Ассамблея представителей народов, проживающих на территории Чувашской Республики» Л.П. Кураков, ректор ЧГПУ им. И.Я. Яковлева В.Н. Иванов, директор ЧГИГН, депутат Государственного Совета ЧР П.С. Краснов, директор ГИА ЧР Г.В. Ертмакова. Л.П. Кураков отметил актуальность и значимость проводимой конференции, роль образования в создании теплой атмосферы межнациональных отношений, необходимость соблюдения заветов «патриарха» И.Я. Яковлева. В.Н. Иванов остановился на выдающихся деятелях, просветителях И.Н. Ульянове и И.Я. Яковлеве, которые внесли неоценимый вклад в развитие образования народов Поволжья, чьи имена носят название ведущих вузов Чувашии. П.Н. Краснов отметил важность продолжения научных изысканий в области яковлеведоведения, констатировал междисциплинарный характер исследований о просветителе, подключении к проблеме не только историков, этнологов, филологов, но и философов. Г.В. Ертмакова рассказала о текущей деятельности исторического архива как хранителя документального богатства, о личном фонде И.Я. Яковлева, в котором содержатся уникальные и ценнейшие документы о его жизни и деятельности.

На пленарном заседании было заслушано 4 доклада. Доктор исторических наук, профессор ЧГУ им. И.Н. Ульянова Л.А. Таймасов проанализировал миссионерскую деятельность И.Я. Яковлева. Кандидат философских наук, заслуженный работник культуры ЧР Г.Н. Плечов выступил с темой «Благо народа – ключ к познанию творчества И.Я. Яковлева». Свой доклад доктор искусствоведения, профессор, главный научный сотрудник искусствоведческого направления ЧГИГН М.Г. Кондратьев посвятил «новому искусству» XX века и художественной культуре Чувашии. Выступление К.К. Васильевой, доктора философских наук, профессора Московского финансово-юридического университета, ведущего научного сотрудника НИИ ФСИН России, посвященное этнической субъектности менталитета, вызвало дискуссию среди участников конференции.

Пленарное заседание завершилось презентацией электронного издания «Духовное наследие просветителя чувашского народа», подготовленного сотрудниками ГИА ЧР. В нем на основе архивных и опубликованных источников представлен жизненный путь Ивана Яковлева как учащегося,

учителя, инспектора чувашских школ Казанского учебного округа, чиновника высокого ранга и заботливого семьянина.

После перерыва на обед научная конференция продолжила свою работу в двух секциях: «Роль И.Я. Яковлева в истории развития культуры народов Поволжья» и «Наследие И.Я. Яковлева и современное социогуманитарное знание». Прозвучали доклады профессора ЧГПУ им. И.Я. Яковлева Т.С. Сергеева об инспекторской деятельности И.Н. Ульянова и И.Я. Яковлева в школах многонационального Среднего Поволжья, профессора ЧГУ им. И.Н. Ульянова В.И. Соколовой – о роли духовного наследия И.Я. Яковлева в формировании толерантных идей в межнациональных отношениях, доцента ЧГПУ им. И.Я. Яковлева – об отношении Ивана Яковлева к плагиату, доцента ЧГУ им. И.Н. Ульянова В.Б. Ласточкина – об Иване Яковлеве как основоположнике и корифее чувашской этнопедагогике, доцента ЧГУ им. И.Н. Ульянова А.Н. Павловой – о роли личности Н.И. Ильминского в деятельности И.Я. Яковлева, младшего научного сотрудника ЧГИГН А.В. Капранова – о политике реализации чувашского языка в 1920-х гг. по материалам уездных исполкомов Чувашии, студента Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого А.И. Иванова – об интернационализации и сохранении идентичности чувашского языка в развитии правосознания и правовой культуры.

15 мая 2018 г. секционные заседания продолжились в стенах ЧГУ им. И.Н. Ульянова и ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. Заявленные доклады третьей секции «Реконструкция педагогического наследия И.Я. Яковлева в современной системе образования» были посвящены профессиональной подготовке педагогов-женщин в Симбирской чувашской учительской школе (профессор ЧГПУ им. И.Я. Яковлева Л.А. Ефимов), дидактическим воззрениям чувашского просветителя (доценты ЧГПУ им. И.Я. Яковлева С.В. Павлова и Г.А. Никитин); реализации его духовных заповедей (доцент ЧГПУ им. И.Я. Яковлева С.В. Велиева, педагог-психолог Чебоксарского экономико-технологического колледжа Н.Ю. Ярабаева) и идей о поликультурном образовании в современной системе высшего образования (доцент ЧГПУ им. И.Я. Яковлева И.В. Кожанов), яковлевским рассказам как средству познавательного-речевого развития детей раннего и дошкольного возраста с недоразвитием речи (доцент ЧГПУ им. И.Я. Яковлева Т.Н. Семенова).

В рамках четвертой секции «Роль личности в истории просвещения» исследователи подняли актуальные проблемы образования и просвещения: доцент ЧГУ им. И.Н. Ульянова Н.Н. Агеева проанализировала преподавательскую деятельность С.Ф. Фортунатова в университете им. А.Л. Шанявского, профессор ЧГУ им. И.Н. Ульянова В.А. Васильев на примере Тарханской СОШ Батыревского района ЧР проследил историю развития образования в Чувашии, учитель истории Гимназии № 4 г. Чебоксары Т.В. Иждерова и профессор ЧГУ им. И.Н. Ульянова Т.Н. Ивано-

ва осуществили тематический обзор архивных документов ГИА ЧР о меценатской деятельности братьев Таланцевых, учитель начальных классов и культуры родного края СОШ № 20 г. Чебоксары Е.А. Мулюкова представила материал для проведения с учениками командно-ролевой игры «Детективное агентство», посвященной известным деятелям науки и культуры Н.Я. Бичурину и И.Я. Яковлеву.

На пятой секции «Межконфессиональные и межэтнические отношения: история и перспективы» были обсуждены выступления ведущего научного сотрудника НИИ ФСИН России К.К. Васильевой о пространственном архетипе российской ментальности и государственности, доцента ЧГУ им. И.Н. Ульянова А.Н. Евдокимовой – о законодательном регулировании деятельности епархиальных попечительств Российской империи во второй половине XIX в., заведующей археолого-этнографическим музеем им. П.В. Денисова И.В. Дмитриевой и доцента ЧГУ им. И.Н. Ульянова – о роли и месте женщин в досуговой культуре чувашского народа, доцента ЧГУ им. И.Н. Ульянова А.В. Карпова и старшего преподавателя ЧГУ им. И.Н. Ульянова О.В. Карповой – о становлении научного направления, связанного с исследованием этнокультурных процессов и межнациональных отношений в Чувашии, аспиранта ЧГУ им. И.Н. Ульянова Н.Ю. Алексеевой – о мордовской топонимии на территории ЧР. В шестой секции, посвященной актуальным проблемам совершенствования исторического образования, наибольший интерес вызвали доклады преподавателей ЧГУ им. И.Н. Ульянова: о системе народного образования в Тургайской области в начале XX в. (доцент Р.А. Идрисов, профессор О.Н. Широков), роли Чувашского отдела при Наркомнаце в развитии школьного образования (профессор Е.К. Минеева), подготовке молодых рабочих в системе начального профессионального образования в Чувашской АССР в 1940–1960-е гг. (старший преподаватель Е.В. Плотнокова), вкладе исследователей ЧГУ им. И.Н. Ульянова в изучение истории высших учебных заведений (доцент О.В. Андреев), социальных последствиях современных тенденций развития высшего образования (доценты Р.А. Идрисов и И.А. Липатова), университетах-симулякрах (доценты Р.А. Идрисов, М.Н. Краснова) и др.

В седьмой секции «Актуальные проблемы совершенствования географического и экологического образования» были представлены работы доцентов Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева М.А. Жулиной и В.М. Кициса о возможностях развития этнического туризма в Республике Мордовия, доцента ЧГУ им. И.Н. Ульянова М.П. Красновой – о месте исследований топонимии в региональной географии, доцентов ЧГУ им. И.Н. Ульянова О.Г. Сорокиной и А.Н. Самсоновой – о физкультурном образовании в системе педагогического образования Чувашии и др. Особый интерес вызвало исследование профессора Казанского (Приволжского) федерального университета Г.П. Мягкова и доцента Российского государственного гу-

манитарного университета Н.И. Недашковской, посвященное «повороту» от географического детерминизма к парадигме экологической истории, синтезу гуманитарного и общественного знания с естественно-научным.

По итогам научной конференции были приняты резолюции:

– подготовить к переизданию книгу с известными высказываниями И.Я. Яковлева: «И.Я. Яковлев. Верьте в Россию и любите ее / сост. Л.П. Кураков, Н.Г. Краснов. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. 308 с.»;

– объединить усилия научно-образовательных и архивных учреждений Чувашской Республики по введению в научный оборот неисследованных архивных документов о семье Яковлевых;

– активизировать работу по пропаганде педагогического наследия И.Я. Яковлева в образовательном процессе в средней и высшей школе.

Егоров Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник исторического направления БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» Министерства образования и молодежной политики ЧР (г. Чебоксары); e-mail: egorov2202@mail.ru

Egorov Dmitry Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the historical direction, the Chuvash State Institute of the Humanitarian Sciences of the Ministry of Education and Youth Policy of the Chuvash Republic (Cheboksary).

Международная конференция
«Болгарские чтения: Богословское наследие
мусульманских народов России»

2017–2018 учебный год стал первым годом работы уникального образовательного учреждения Болгарской исламской академии, возведенной в древнем городе Болгар (Республика Татарстан). Учреждение нацелено на выпуск мусульманских богословов, получивших в нем классическое исламское образование высшего уровня по мировым исламским стандартам без выезда в другие страны и возрождение традиционной российской школы мусульманского богословия. В текущем учебном году академия готовит специалистов по следующим направлениям: Исламское право; Исламская мысль и вероучение; Коранические науки; Исламская экономика.

В рамках развития научной деятельности 11–13 февраля 2018 года Болгарская исламская академия провела в своих стенах первый крупный научный форум «Международная конференция “Болгарские чтения: Богословское наследие мусульманских народов России”». В конференции приняли участие более сотни ученых и богословов, представляющих регионы России и зарубежные страны. В качестве рабочих языков конференции были заявлены русский, татарский, английский, турецкий и арабский языки.

Гости конференции начали прибывать в Татарстан 11 февраля. Сам форум начал работу 12 февраля в здании БИА в г. Болгар. В торжественной части пленарного заседания конференции, проходившем в великолепном многофункциональном зале академии, с приветственными выступлениями выступили советник Первого заместителя Руководителя Администрации Президента РФ, Помощник Президента Республики Татарстан, Президент Болгарской исламской академии *Камиль Шамильевич Исхаков*, ректор Болгарской исламской академии, ректор Российского исламского института доктор политических наук *Рафик Мухаметшиевич Мухаметшин*, глава Спасского района РТ *Камиль Нугаев*, муфтий Республики Татарстан *Камиль-хазрат Самигуллин*, представитель Федерального агентства по делам национальностей *Валентина Лаза*, заместитель председателя ДУМ РФ, ректор Московского исламского института, член Общественной палаты Российской Федерации *Дамир-хазрат Мухетдинов*, представитель Министерства образования Иорданского Хашимитского королевства *Люай аль-Халиль* и другие гости.

В выступлении президента Академии *Камиля Исхакова* было отмечено, что российское исламское богословское наследие является гордостью не только России, но и значимым составляющим мировой исламской ци-

визации. *К. Исхаков* привлек внимание к тому, что Академия распахнула свои двери именно в городе Болгар, которому в свое время было суждено стать одним из первых на территории современной России центров мусульманской культуры, образования и государственности. *К. Исхаков* выразил надежду, что возрождение духовного наследия российских мусульман будет осуществляться за счет возрождения классических религиозных трудов с поправкой на местную специфику и традиционных ценностей российского ислама. Президент БИА заверил также, что конференция «Болгарские чтения» будет ежегодной, и одним из ведущих направлений ее деятельности станет объединение возможностей всех заинтересованных сторон в деле изучения богатого религиозного наследия мусульманских народов России.

Председатель Духовного управления мусульман РТ муфтий *Камиль-хазрат Самигуллин* в своем выступлении подчеркнул, что татарское богословское наследие представлено огромным количеством трудов. Задачу БИА *К. Самигуллин* видит в том, чтобы в ее стенах происходило становление новых гигантов, подобных *Шигабутдину Марджани*.

Первый заместитель председателя Духовного управления мусульман Российской Федерации *Дамир Мухетдинов* в своем выступлении напомнил слова муфтия шейха *Рафиля Гайнутдина*, который предостерег, что сознательный отказ современных мусульманских деятелей от религиозного обновления подталкивает мусульманскую молодежь к поиску иных, часто, чуждых духу ислама псевдоценностей. *Д. Мухетдинов* также рассказал об издательской деятельности Издательского Дома «Медина».

Важную рекомендацию озвучил в своем выступлении директор Института международных отношений, истории и востоковедения КФУ *Рамиль Хайрутдинов*, предложив создать объединенный диссертационный совет Болгарской исламской академии, Казанского федерального университета, университетов Москвы и Санкт-Петербурга.

Пленарная часть первого дня работы конференции была продолжена в том же многофункциональном зале БИА. Своим видением концептуальных основ дальнейшего развития деятельности БИА поделился ее ректор *Р.М. Мухаметшин*. По словам ректора, концептуальные основы развития БИА строятся вокруг реализации следующих целей, среди которых были названы: создание в России системы мусульманского образования; возрождение и развитие отечественной богословской школы; интеграция мусульманских религиозных деятелей в российские реалии; создание конкурентоспособного исламского научно-образовательного центра; системное противодействие идеологии религиозного экстремизма и радикализма.

Интересно прозвучал доклад *Д.В. Мухетдинова*, посвященный перспективам развития исламского обновленческого движения в России; доклад *Б.М. Бабаджанова* о дискуссии между богословами Средней Азии и Поволжья в начале XX в.; доклад *Р.Р. Сафиуллиной-Аль-Анси* о проблемах и перспективах внутриконфессионального диалога в российском исламе.

Доклады других участников, выступавших в рамках рабочей части пленарного заседания, затрагивали различные тематические направления конференции, а именно: обзор пособий имама Мухаммада ал-Газали для студентов (*А.А. Хисматуллин*); анализ влияния татарских богословов на бухарских просветителей (на примере А. Курсави и Ш. Марджани) (*Ра-джабов К.К.*); роль Габдерашита Ибрагимова и татарских религиозных деятелей в сохранении ислама в России (*И. Тюркоглу*); дилемма «возрождение или реформирование шариата» на примере дискуссии между богословами Средней Азии и Поволжья в начале XX века (*Б.М. Бабаджанов*); изучение и академическое издание письменного наследия Ризаэдина бин Фахреддина (*М.Н. Фархшатов*); сообщение об опыте создания цифрового архива и электронного каталога восточных рукописей Дагестана (*Ш.Ш. Шихалиев*); обзор практических подходов к проблеме сохранения «татарской» исламской идентичности в условиях российских мегаполисов с учетом возможностей ханафитской богословско-правовой школы (*И.Ф. Сафаргалеев*); обзор состояния исламского образования в Республике Башкортостан: на пути воссоздания отечественного богословия и борьбы с новыми рисками (*Д.М. Абдрахманов*).

Второй день конференции «Болгарские чтения» был посвящен работе участников в следующих тематических секциях: секция 1. Концептуальные основы изучения интеллектуальной традиции ислама в России; секция 2. Внутриконфессиональный диалог в мусульманском сообществе и исламское образование; секция 3. Мусульманские богословы России: жизнь и наследие; секция 4. Проблемы выявления, сбора, хранения, описания и изучения образцов письменного наследия мусульманских народов России и текстология ислама.

В рамках секции «Концептуальные основы изучения интеллектуальной традиции ислама в России» выступили *Р.К. Адыгамов* с докладом «Ханафитско-матуридитское вероучение между богословием и исламоведением», *Р.Ф. Патеев*: «Формирование кадрового потенциала мусульманского духовенства в контексте развития системы исламского образования России»; *Ф.А. Хайдаров*: «Перспективы возвращения татарского богословского наследия»; *Г.Н. Сеидова*: «Роль исламских богословских традиций и достижений научного исламоведения для воссоздания отечественной богословской школы»; *Е.А. Досмагамбетов*: «Новый взгляд к изучению учения Шами Дамулла ат-Тараблуси: постановка проблемы»; *Д.Р. Гильмутдинов*: «Внешние влияния на татарское богословие Нового времени (1788–1917 гг.)»; *П.Ф. Сироткин*: «Современные практики сохранения духовного наследия мусульманских народов»; *Д.Р. Тумалаев*: «Богословское наследие шейха Саида афанди аль Чиркави как источник профилактики экстремизма и духовно-нравственного роста современной молодежи Дагестана»; *Л.И. Алмазова*: «Интеллектуальные споры и дискуссии вокруг открытия Болгарской исламской академии»; *Ш.Р. Кашаф*: «Между Хиршем, Вебометрикс и Марджани: повысят ли наукометрические базы и рейтинги

конкурентоспособность субъектов исламского образования»; *Ф.Г. Ваганова*: «Коммуникативные практики взаимодействия вузов и религиозных организаций: парадигмальные подходы»; *Л.В. Сагитова*: «Социология ислама в Татарстане: проблемы методологии изучения богословской традиции в контексте постсоветской ре-исламизации в РТ»; *А.Ф. Садриев*: «Основы национальной самобытности мусульманской культуры татар»; *Р.Г. Батров*: «К вопросу о понятии традиционного ислама в России»; *Г.Я. Гузельбаева*: «Радикализация веры: личный выбор, давление группы, непримиримость с внешним миром»; *Г.Ф. Габдрахманова*: «“Изге бит!”: этнография мусульманского культа святых у татар».

Участники секции «Внутриконфессиональный диалог в мусульманском сообществе и исламское образование» заслушали следующие выступления: «Реформа современного среднего специального Исламского образования на примере медресе Крыма» (*А.(Р.)Т. Баиров*); «Полемика вокруг ‘ибадат между Шигабутдином Марджани и его оппонентами» (*Д.З. Марданова*); «Дискуссии в вопросах фикха между редакцией и читателями на страницах журнала «Дин ва магишат» (1906–1918)» (*Р.А. Назмутдинов*); «Татарская соборная мечеть татар Ташкента сквозь призму деятельности имам-хатибов (вторая пол. XIX – первая треть XX в.)» (*Р.Н. Шигабдинов*); «Учебные пособия традиционных татарских медресе: проблемы и перспективы их применения в современных исламских образовательных организациях» (*Р.Р. Миниахметов*); «Обучение мусульман в школе и светский идеал: есть ли решение?» (*К.И. Насибуллов*); «Особенности преподавания дисциплин профессиональной подготовки в государственной образовательной организации» (*И.Д. Ибрагимов*); «Современное положение исламского образования в Татарстане» (*А.А. Карибуллин*); «Эстәрлебаш мэдрэсэе һәм татар зыялылары» (*Н.Ш. Насибуллина*); «Тенденции в развитии исламского образования в Крыму в конце XIX – начале XX века» (*Ф.(Э.)Х. Абдураманова*); «XX гасыр башында балаларда рухи һәм дини кыйммәтләрне үстерүдә бэйрэм чараларын куллану» (*В.М. Муратов*); «Учебные пособия традиционных татарских медресе: проблемы и перспективы их применения в современных исламских образовательных организациях» (*Р.Р. Миниахметов*); «Краткий обзор истории суфизма в Республике Татарстан и его перспективы» (*Р.И. Маликов*); «Опыт взаимодействия органов государственной власти с религиозными организациями в Республике Дагестан» (*М.Ю. Магомедов*); «Особенности преподавания дисциплин профессиональной подготовки в государственной образовательной организации» (*И.Д. Ибрагимов*).

Специалисты, участвовавшие в работе секции «Мусульманские богословы России: жизнь и наследие», выступили с докладами по следующим темам: «Формирование крымско-татарского “наследственного” духовенства в конце XVIII – первой трети XIX в.» (*И.К. Загидуллин*); «Документы по истории токийской исламской общины 1930–1940-х гг. в архиве университета Васэда (Токио, Япония)» (*Д.М. Усманова*); «“Истэлеклэр”

(“Воспоминания”) Ахмад-Заки Алиева как источник по развитию мусульманского образования на территории северо-востока современного Татарстана в конце XIX-начале XX века» (*А.Ю. Хабутдинов*); «Абу Бакр Каландар Руми: суфийский шейх XIV века в Крыму» (*И.Р. Гибадуллин*); «Вклад Шихаб ад-дина аль-Марджани в ханафитский мазхаб» (*Д.А. Шагавиев*); «Общественная и религиозная деятельность ученика Ш.Марджани имама и мударриса Астраханской губернии Абдурахмана Умерова (1867–1933)» (*С.Т. Рахимов*); «Письменное наследие шейха Зайнуллы Расулева» (*Е.Н. Хамидов*); «Муса Джаруллах Бигиев о суфизме» (*И.Ф. Гимадеев*); «Богословское наследие Мусы Джаруллаха Бигиева: обнаруженное, искомое и перспективы» (*А.Г. Хайрутдинов*); «“Коран Бигиева”: татарский или османский?» (*И.Г. Саетов*); «Пособие Ризаэтдина Фахрутдина по хадисоведению» (*А.М. Гайнутдинов*); «“Ислам китабы” (Книга об исламе) один из главных источников о богословских взглядах Г. Баязитова» (*Р.Р. Шангареев*); «Национальный фактор в татаро-мусульманской системе образования: из богословско-педагогического опыта Каюма Насыри» (*Р.Ф. Шафигуллина*); «Труды Г. Баруди в системе татарской учебной книги» (*Г.Р. Мирдиянова*); «Татар мэгърифэтчелэренен мөселман дөнъясына керткэн өлешлэре» (*Р.Ш. Шайхевалиев*); «Решение проблемы антропоморфизма у Курсави и Марджани в свете толкования аятов и сыфатов муташабихат» (*Р.М. Сибгатуллин*); «Анализ татарских частных религиозных журналов начала XX века» (*З.З. Гиляев*); «Издания религиозной тематики в личном книжном собрании И. Гаспринского» (*С.А. Сеитмететова*); «Труд Мурада Рамзи “Талфикуль ахбар ва талфихуль асар фи вакаигыйль Казан ва Булгар”» (*А.А. Калимуллин*); «Ученик Шигабутдина Марджани Габдулла Апанаев» (*Ф.К. Даминова*); «Учебно-методическая литература для мектебов и медресе, разработанная Хади Максудовым» (*Э. Шендере*); «Труды Г. Баруди в системе татарской учебной книги = Татар уку китаплары системасында Г. Баруди хезмэтлэре» (*Г.Р. Мирдиянова*); «Роль татарских просветителей в открытии новометодных школ в Бухаре» (*Д.Ш. Назаров*); «Методы классической экзегетики в суннитском исламе и в татарских тафсирах» (*А.Г. Сафин*); «Поэт-просветитель Габдельжаббар Кандаый и его потомки» (*И.Ф. Латыпова*); «Богословское наследие Такиюддина Ибн Таймийа: переосмысление традиции» (*И.И. Течиев*).

В секции «Проблемы выявления, сбора, хранения, описания и изучения образцов письменного наследия мусульманских народов России и текстология ислама» были заслушаны доклады по следующим темам: «Персоязычные рукописи религиозного содержания из коллекции Г. Баруди в собрании Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета» (*А.А. Арсланова*); «Выявление и хранение книг с дарственными надписями известных деятелей, богословов XIX – начала XX в. в фондах Бахчисарайского историко-культурного и археологического заповедника» (*Э.Э. Абибуллаева*); «Арабские рукописи, хранящиеся в 10 фонде Государственного архива Респуб-

лики Татарстан» (Р.Б. Бикбаев); «Арабографическое письменное наследие татарского народа: история собирания, задачи изучения, современные требования» (Н.А. Гараева); «Музей Корана в Татарстане: опыт создания и актуализации культурного наследия» (Г.Р. Назипова, С.Ю. Васильева); «Восточные рукописи в фондах Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета» (Р.Г. Шарафеева).

Таким образом, в ходе работы конференции произошел плодотворный обмен мнениями, участники обсудили проблемы, связанные с поиском, сбором, хранением, исследованием и введением в научный оборот образцов письменного наследия религиозного содержания; рассмотрели проблемы определения методических основ изучения местной интеллектуальной традиции российского ислама и вопросы их корреляции с зарубежным исламом и религиозными практиками с учетом современных вызовов и тенденций, влияния и развития процессов глобализации. Также были подробно рассмотрены проблемы реновации и адаптации образцов классических исламских текстов для учебно-методического обеспечения современных исламских духовных образовательных организаций; проблемы информационно-библиотечного обеспечения востоковедческих исследований, учета и каталогизации арабоязычных, персоязычных и татарских арабографичных рукописных источников, находящихся на территории России и за ее пределами с учетом современных информационных технологий. Обсуждались также и вопросы влияния богословского наследия мусульманских народов России на научную и общественную жизнь мировой мусульманской уммы.

Работа конференции завершилась подведением итогов и принятием резолюции.

Хайрутдинов Айдар Гарифутдинович – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Hayrutdinov Aydar Garifutdinovich – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Senior Researcher of the Institute of History. Sh. Mardzhani Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.

Научный семинар
«Новые источники по истории татар Нового времени»

1 июня 2018 года в Институте истории им. Ш.Марджани АН РТ состоялся научный семинар, организованный отделом новой истории по теме «Новые источники по истории татар Нового времени».

Участники научного мероприятия поделились своими новыми научными открытиями.

М.М. Имашева, доцент К(П)ФУ, доктор исторических наук, ознакомила своих коллег новыми архивными документами из Государственного архива Астраханской области, имеющими отношение к деятельности Астраханской Татарской управы (1800–1879 гг.) – сословного торгового суда для Астраханского городского общества татар Трех дворов.

Н.А. Кореева, научный сотрудник Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, кандидат исторических наук, проанализировала по архивным материалам особенности регулирования производственно-договорных отношений татарских приказчиков со своими работодателями (купцами Казанской губернии) в первой половине XIX в.

Сообщение И.К. Загидуллина, зав. отделом новой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, доктора исторических наук, было посвящено анализу «докладной записки» «светских мусульман», прибывших в город Уфа в дни работы курултая мусульманского духовенства (10–15 апреля 1905 г.), которая наряду с разработанным на этом мероприятии проектом устава Духовного собрания была представлена оренбургским муфтием в Комитет министров. По мнению докладчика, среди более 500 петиций мусульман округа ОмДС, в ней наиболее подробно и комплексно проанализированы издержки действующего устава Духовного собрания и юридически грамотно сделаны конструктивные рекомендации по его совершенствованию.

И.З. Файзрахманов, старший научный сотрудник Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, кандидат исторических наук, ознакомил коллег с новыми документами из фондов РГАВМФ и РГАДА, иллюстрирующими различные аспекты организации заготовки лашманами корабельных лесов в Среднем Поволжье в 1830–1840-е гг.

В рамках теории рационализации всемирно-исторического процесса немецкого мыслителя М.Вебера А.А. Закиров, научный сотрудник Центра исламоведческих исследований АН РТ, рассмотрел взгляды татарского просветителя и богослова Габдуллы Буби (1871–1922) относительно рационализаторских начал в его религиозно-философском наследии и идей практицизма.

Н.И. Таиров, профессор Казанского государственного института культуры, доктор исторических наук, представил вниманию участников семинара новый документ, отложившийся в фонде жандармского управления и свидетельствующий о сборе средств летом 1907 г. татарами одного из городов Средней Азии в пользу находившемуся в тюрьме писателю и общественному деятелю Гаязу Исхаки.

Выступление Д.Р.Гильмутдинова, зав. отделом социально-политических исследований Центра исламоведческих исследований АН РТ, кандидата исторических наук, было посвящено анализу общественных взглядов известного татарского переводчика, богослова, историка и социолога Закира Кадыйри по опубликованным в газете «Тормыш» (Жизнь) материалам.

Эта тема была продолжена А.В. Ахтямовой, старшим научным сотрудником Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, кандидатом исторических наук. Она ознакомила присутствующих с основными положениями выступления известного татарского общественно-политического деятеля Г.Х. Еникеева на Всероссийском съезде по вопросам народного образования, проходившем в Санкт-Петербурге (декабрь 1913 г. – январь 1914 г.), которое также было опубликовано в газете и вызвало широкий общественный резонанс.

Некоторые материалы семинара, в частности переделанные в статьи доклады М.М. Имашевой, Н.А. Кореевой, А.А. Закирова, Д.Р. Гильмутдинова и А.В. Ахтямовой, публикуются в этом номере журнала «Из истории и культуры народов Среднего Поволжья».

Загидуллин Ильдус Котдусович – доктор исторических наук, заведующий отделом новой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Казань); e-mail: zagik63@mail.ru

Zagidullin Ildus Kotdusovich – Doctor of History, Head of the Department of modern history; the Institute of History of the Academy of Sciences after Sh. Marjani of the Republic of Tatarstan (Kazan).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГВ – Астраханские губернские ведомости
АТУ – Астраханская Татарская управа
БИА – Болгарская исламская академия
ГААО – Государственный архив Астраханской области
ГАОО – Государственный архив Оренбургской области
ГАУО – Государственный архив Ульяновской области
ГИА ЧР – Государственный исторический архив Чувашской Республики
г.р. – год рождения
КГПИ – Казанский государственный педагогический институт
КГПУ – Казанский государственный педагогический университет
коп. – копеек
МВД – Министерство внутренних дел
МГУ – Московский государственный университет
МНП – Министерство народного просвещения
НА РБ – Национальный архив Республики Башкортостан
НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан
НИИ ФСИН – Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний
ОМДС – Оренбургское магометанское духовное собрание
ПСЗ-1 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1
ПСЗ-2 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2
ПСЗ-3 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РИНЦ – Российский индекс научного цитирования
руб. – рублей
ТГГПУ – Татарский Государственный Гуманитарно-Педагогический университет
ЦАНО – Центральный архив Нижегородской области
ЧГИГН – Чувашский государственный институт гуманитарных наук
ЧГПУ им. И.Я. Яковлева – Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева
ЧГУ им. И.Н. Ульянова – Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова
ЧР – Чувашская Республика

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.

Любое использование материала данного издания (размещение
в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или
частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Sh.Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
is a holder of exclusive property rights of its own publications.
Any use of the material of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.),
in whole or in part, without permission of the rights holder is prohibited.

**Из истории и культуры народов Среднего Поволжья
From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region
2018. № 8. Т. 1**

Компьютерная верстка – *А.Р. Тухватуллина*

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ
420111, г. Казань, ул. Батурина, 7

Подписано в печать 26.06.2018 г. Формат 70×100 ¹/₁₆

Усл. печ. л. 15,0 Тираж 100 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а
Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71, 231-04-19

E-mail: citlogos@mail.ru

www.logos-press.ru

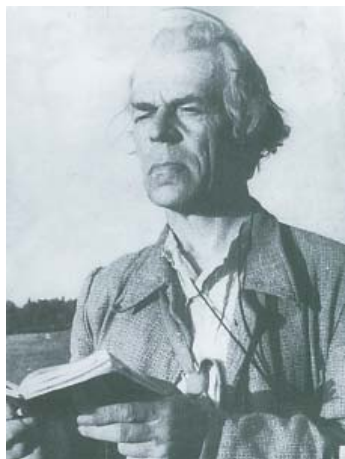

Сайт
Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф

К статьям Ф.Ш. Хузина, О.В. Сеницына и Р.К. Вильдановой

Н.Ф. Калинин

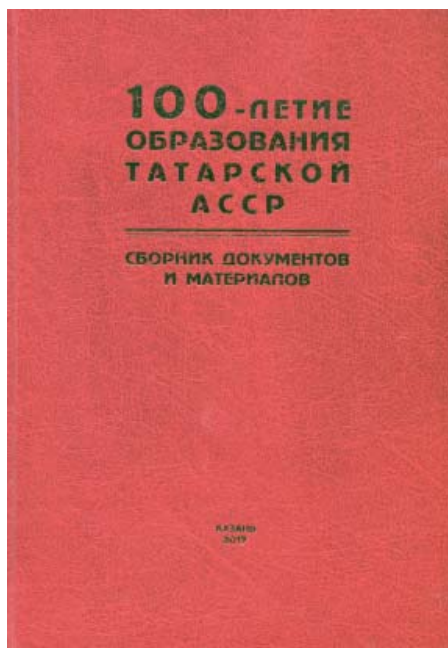

Н.П. Муньков

З.Х. Кадыри

К разделу журнала «Новые книги. Рецензии»

100-летие
образования Татарской АССР.
Сборник документов и материалов:
в 3 т. Авт.-сост. З.С. Миннуллин.
Казань: Заман, 2017. Т. 1. 520 с.

Логинов А.В.
Евразия и ислам. Евразийский вектор:
мусульманская религиозная
и общественно-политическая мысль
о цивилизационном единстве
России-Евразии. М.: Большая
Российская энциклопедия, 2017. 343 с.

Участники круглого стола
«Социально-экономическая история татар Нового времени»
(6 июня 2018 г., г.Казань, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ)

